

300 ЛЕТ
СПбГУ

**ДНИ ФИЛОСОФИИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

ФИЛОСОФИЯ ПОБЕДЫ

Сборник статей

Санкт-Петербург
2025

Международная конференция

***ФИЛОСОФИЯ ПОБЕДЫ (к 80-летию Победы в
Великой отечественной войне).***

*Санкт-Петербургский государственный университет
Институт философии*

Сборник статей
20–21 ноября 2025 г.
Санкт-Петербург, Россия

International Conference

PHILOSOPHY OF VICTORY
***(on the 80th Anniversary of the The Great Patriotic
War Victory).***

*Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy*

Conference papers
St. Petersburg, Russia
November 20–21, 2025

УДК 101.9
ББК 87
Ф56

Ответственные редакторы: д.филос.н., проф. Н.В.Кузнецов, к.полит. н., доц. А.Н. Сунами
Редакторы: д.филос.н., проф. А.В. Алейников, д.филос.н., проф. И.И. Докучаев, д.филос.н.,
проф. А.А. Львов, д.филос.н., проф. А.Е. Радеев, д.филос.н., проф. А.М. Соколов, д.филос.н.,
проф. Е.Г. Соколов, к.ист. н., доц. О.А. Любезников, к.филос. н., доц. Е.Э. Чеботарева, М.С.
Жарова

Ф56 **Международная конференция «Философия Победы (к 80-летию Победы в Великой отечественной войне)».** Санкт-Петербургский государственный университет, 20-21 ноября 2025 г. Сборник статей/ Отв.ред. Н.В. Кузнецов, А.Н. Сунами – СПб.: АНО ДПО «Институт мира и исследование конфликтов», 2025. – 567 с.

Международная научная конференция «Философия Победы» состоялась в рамках празднования Дней философии в Санкт-Петербурге и была приурочена к 80-летней годовщине Победы в Великой отечественной войне. В рамках мероприятия участники обратились к широкому кругу вопросов, связанных с философской рефлексии победы и репрезентации этого события в современном российском дискурсе.

В 2025 г. мы продолжаем сложившуюся традицию всестороннего и компетентного обсуждения важнейших проблем и вопросов современности, проводимого в Санкт-Петербургском университете с 2001 года. Форум «Дни философии в Санкт-Петербурге» регулярно привлекает широкое внимание деятелей науки и культуры со всей России и из-за рубежа.

Адресовано специалистам в области философии, культурологии, конфликтологии, музеологии, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ББК 87
УДК 101.9

© Коллектив авторов, 2025
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

Оглавление:

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....	5
СЕКЦИЯ «ЭСТЕТИКА И ПАМЯТЬ: ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСКУССТВЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ»	36
СЕКЦИЯ «ТРАДИЦИИ ПОБЕДЫ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА».....	113
СЕКЦИЯ «ВОЙНА И МИР КАК ПРОБЛЕМА КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ».....	188
СЕКЦИЯ «ИСТОРИОСОФИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»	264
СЕКЦИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ВОЙНЫ В ПОЭТИКЕ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ»	326
СЕКЦИЯ «ПОБЕДА: АНАЛИТИКА СЕТЕВОГО ОБРАЗА»	431
СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФЫ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ: СОТРУДНИКИ И СТУДЕНТЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ».....	466
МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОСТИ»	494
КРУГЛЫЙ СТОЛ «КОННОТАЦИИ ПОБЕДЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ».....	510

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель Программного комитета:

Кузнецов Никита Всеволодович – директор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета

Заместитель Председателя Программного комитета:

Сунами Артем Николаевич – доцент Кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета

Члены Программного комитета:

Ганус Ирина Юрьевна – первый заместитель председателя Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга

Данилов Александр Николаевич – профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, Республика Беларусь

Даудов Абдула Хамидович – директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Еремеев Станислав Германович – Председатель Постоянной комиссии по государственному устройству, международным, межпарламентским и общественным связям Законодательного собрания Ленинградской области

Козырев Алексей Павлович – декан философского факультета МГУ

Курочкин Александр Вячеславович – декан факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Ларионов Игорь Юрьевич – доцент Кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета

Львов Александр Александрович – доцент Кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета

Скворцов Николай Генрихович – декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Соколов Алексей Михайлович – профессор Кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета

Соколов Евгений Георгиевич – профессор Кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета

Стребков Александр Иванович – профессор Кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 101.9

Ермичев А.А.,

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии, религиоведения и педагоги-
ки РХГА им. Ф.М. Достоевского,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: 7723516@gmail.com*

**Философский факультет Ленинградского государствен-
ного университета им. А.А. Жданова
в послевоенные годы**

Ermichev A.A.,

*Dr. Sc in Philosophy, Professor,
RCAH, Russia
E-mail: 7723516@gmail.com*

**Faculty of Philosophy of Leningrad State University in the
post-war years**

Аннотация. Статья повествует об истории философского факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова в послевоенные годы. Вспоминаются основные научные школы и выдающиеся преподаватели того времени.

Ключевые слова: Великая отечественная война, советская философия, Ленинградский университет

Abstract. The article subscribes the history of the Philosophy faculty of Leningrad State University named after A.A. Zhdanov in the post-war years. It recalls the main scientific schools and outstanding teachers of that time.

Keywords: The Great Patriotic War, Soviet philosophy, Leningrad university

В наборе на философский факультет 1954 г. был какой-то сбой. Набирали студентов в октябре и, притом, из тех, кто уже поступил в августе на другие факультеты. Кинули клич – кто хочет на философский? Из желающих отобрали тридцать человек. Сразу, 20 на специальность «философия», а в ноябре добрали 10 человек на «психологию». Нас осталось трое: это Ваш покорный слуга, далее преподаватель в Финэке Ушакова (а в студенчестве – Морашко) Нина Ивановна. Третий – один из зачинателей социологической дисциплины в СССР, а ныне гражданин США Беляев Эдуард Викторович, он живет в Нью-Йорке. Свое выступление я посвящаю памяти своих товарищей по курсу. Выпуск наш состоялся в июне 1959 года. Оттого и выступление мое называется «Философский факультет Ленинградского Государственного университета им. А.А. Жданова в пятидесятые годы».

История нашего факультета вполне легитимно начинается только с 1940 года. Называют фамилии первых деканов – Б.А. Чагин, (с первых дней войны ушел в народное ополчение) М.В Серебряков (был деканом в 1941-1948 гг.) и, наконец, некий Д.М. Михайлин (1949-1951), о котором ходило множество увлекательных анекдотов.

По-настоящему факультет заработал, то есть стал полноценным научно- учебным комплексом, только с 1951 г., когда деканом (после защиты докторской в Институте философии АН СССР) стал призванный из Калинина Василий Петрович Тугаринов (1951-1958). Очень даже возможно, что Василий Петрович был приписан к нашему Университету в связи с «ленинградским делом», раскрученным «маленковцами» против «ждановцев», руководивших Ленинградом. А.В. Вербицкая упоминает, что в

связи с этим делом из Ленинградского Университета был уволен каждый седьмой преподаватель. Такое могло быть. Но нам с Василием Петровичем повезло. Как о нем пишут в одном из справочников, он» хотя и был сыном своего времени (советского 20-х-30-х годов – А.Е.), но ему был чужд шаблонно-ортодоксальный подход, к марксизму он пролагал новые пути, разрабатывал направления...». Он сам, слегка попав под репрессивный поток, пригласил вновь на работу А.В. Ярмоленко, уволенную Д.М. Михайлиным за космополитизм, и вышедших из лагерей Л.О. Резникова и М.Ф. Воробьева. При нем заработал ученый совет, начались защиты.

Другим нашим деканом, правда уже в последний год нашего обучения на факультете, стал Василий Павлович Рожин (1959-1970). У Василия Павловича была заветная мысль: принимать на философский факультет людей с высшим образованием и за пять лет вынудить их к защита кандидатских диссертаций. Известно о нем другое, о чем рассказывает И.С. Кон. Он хлопотал об одном юноше, который никак не мог поступить на философский факультет. И.С. Кон обращается к В.П. Родину: «Понимаете, Василий Павлович, он – настоящий вундеркинд» и услышал в ответ: «У нас идеологический факультет. Вундеркинды нам не нужны».

Внешне Василий Павлович не имел интеллигентного вида, а скорее имел вид неприятного советского бюрократа среднего уровня, но, по существу, он был человеком принципов, склонный к прогрессивным новациям. Он заявил о себе как преобразователе факультета. Кафедры онтологии и теории познания, этики и эстетики, религии и религиоведения, социальной философии и философии истории – все они возникают при умелом деканстве В.П. Рождина. Ему принадлежит первая в стране книга по социологии – «Введение в марксистскую социологию». Упреждая столичных

философов, исключительно по его инициативе в 1960 г. была создана первая в стране, лаборатория социологических исследований с проектом «Человек и его работа». Ею руководил Владимир Александрович Ядов. С ним работал один из моих сокурсников – Беляев Эдуард Викторович. По инициативе В.П. Рожина при психологическом отделении в 1962 г. была создана лаборатория социальной психологии. Ею руководил доцент Кузьмин Евгений Сергеевич, и его первым сотрудником стал мой однокурсник Анатолий Леонидович Свенцицкий. В 1965 г. обе лаборатории вошли в НИИКСИ. Но и названное – не все его начинания! На его совести создание на философском факультете отделения научного коммунизма.

В 1970 г. В.П. Рожин передал свой пост декана Владимиру Григорьевичу Марахову, оставив ему семь кафедр, на которых работали 13 докторов наук, 43 кандидата и 42 ассистента, которые рвались в кандидаты. Студентов на 1969 г. было более тысячи человек (1074 человека и среди них – 472 студента очного отделения, 381 – заочного и 242 – вечернего отделения. Если, сопоставляя время Тугаринова и Рожина можно было бы назвать первое – детством и отрочеством ленинградской философии, то второе время, смело можно именовать переходом к цветущей юности и уже цветущей юностью,

Однажды, это было, скорее всего, осенью 1958 г., я по дороге на факультет, у Военно-морского музея встретил идущего мне навстречу В.П. Тугаринова. Я только что возвратился после студенческого лета на целине, купил на заработанные деньги фотоаппарат и попросил разрешения у бывшего декана сфотографировать его. «А Вы кто?», - отвечаю. «А зачем?» Ответствую: «Так просто. На память». Фотографировать он не разрешил, сказав: «А Вы меня и так помнить будете!». Так оно и есть – и забыть не можем. Завершить рассказ о двух деканах надо словами автори-

тетного И.С. Кона: «Философский факультет ЛГУ конца 50-х и начала 60-х годов был одним из лучших философских учреждениях страны».

Если говорить о научной работе факультета тех лет, то мы, студенты, знали, что факультет – это ленинградская «онтологическая школа» и воочию видели ее живых представителей – в первую очередь, В.И. Свидерского и, разумеется, связывали школу с работами наших деканов о законе и закономерности ((В.П. Тугаринов) и диалектике как науке (В.П. Рожин). Мы, однако, ценили, что у нас работает нелюдимый Л.О. Резников, приехавший к нам из Ростова – на Дону, который занят пока бывшей нам незнакомой семиотикой. Для себя я отмечал, что А.А. Галактионов (а он и не скрывал этого) не раз осуждающе говорил о каком-то московском Щипанове и понимал, что все, что в «истории русской философии» делается хорошо, то это делается в Ленинграде, а не в Московском университете. Мы сочувствовали усилиям факультета выйти на социологию, а лучше на конкретные социологические исследования. Мы восхищались лекциями М.И. Шахновича и знали, что религиоведение и атеизм делаются в Музее религии и атеизма, то есть в Казанском соборе.

О научной продукции факультета 50-х и даже 60-х годов как-то раз хорошо сказал Ю.Н. Солонин: «В том что было тогда сделано было много несовершенного и даже наивного; кто сегодня изучает семиотику, едва ли будет читать Л.О. Резникова «Гносеологические вопросы семиотики»; определенно, едва ли есть читатель книжек В.П. Рожина, где доказывалось, что исторический материализм это и философия истории марксизма и тогда же – социология». Но то было началом и в этом начале было будущее. Я поясню реплику Ю.Н. Солонина следующим образом: что бы ни говорили о непрерывности в развитии советского марксизма, перерыв все же был. Перерыв – это

репрессии 30-х годов и шестая глава «Истории ВКП(Б)». А поскольку философии в СССР никто не отменял (что и показала дискуссия по книге Г.Ф. Александрова), то, ободренные в 1947 г. вниманием партии, философы стали заполнять лакуны философского пространства, которые были свободны от четырех черт сталинской диалектики. Отсюда и интерес к «закону», «закономерности», к «категории» и «системе категории». Но и онтология без гносеологии – абсурд, нелепость. И вот у нас появляются Л.О. Резников и позже уже в цветущей юности, в шестидесятые годы – В.А. Штофф. Но была еще и другая главная причина немоции философских попыток пятидесятишестидесятых, на что указывал еще Н.А. Бердяев: «Философская мысль уже не может развиваться в России потому, что допускается лишь официальная философия диалектического материализма».

Жизнь факультета тех лет состояла не только из учебы, науки или студенческих отрядов. Пятидесятые годы – это начало того, что завершилось концом русского коммунизма в 1989-1991 гг. Нас, бойцов идеологического фронта, беспокоили тревожные вести из Москвы (весной 1956 г. в 150 аудитории нам зачитывали закрытое письмо «О культе личности») и – еще больше – из стран народной демократии – ГДР, Польша, особенно Венгрия.

Языки у нас «развязывались», и замелькали слова «ревизионизм», «ревизионист». Как-то на одном из комсомольских собраний, посвященных избирательной кампании – наверное, в Верховный Совет СССР, я, живший тогда с родителями и сестрой в 12-ти метровой комнате в общежитии Резвоостровской ткацкой фабрики, высказался в том смысле, что – де выбор сделать невозможно, если нам предлагают проголосовать за одного-единственного кандидата. Сразу же я был приглашен в партбюро философского факультета, где проф. Казаков Анатолий Павло-

вич и доцент Кузьмин Евгений Сергеевич, пригрозив мне телефонным звонком «куда надо», и, тут же приподняв и опустив трубку, обстоятельно объяснили мне мою ошибку.

Но главного-то я тогда не знал, а именно того, что на IV –V курсах уже сгруппировались студенты, намеренные возвратить страну к ленинскому демократическому социализму. Все они были убежденно советскими людьми, пожелавшими улучшить коммунизм. Мне они были знакомы – с Леонтием Гараниным и Евгением Козловым одно лето я провел на стройке; Молоствовым я восхищался, видя в нем будущее светило философии, который сдавал «тысячи» по немецкой книге Г. Лукача о молодом Марксе. Он еще удивил тем, что в день столетия Г.В. Плеханова организовал возложение венка на его могилу от имени студентов нашего факультета. И ведь затащил на это мероприятие почтенного профессоров В.П. Федотова. В октябре и декабре, того же 1956 г., сначала «засветился» на университетской комсомольской конференции, а потом на комсомольском собрании факультета. Он хотел, чтобы события в ГДР, Польше, Венгрии освещались по правде, а его обвинили в ревизионизме. Тогда свои соображения изложил письменно. где все думал и думал над проблемами демократии и социализма. Обсуждение этих проблем привлекло к М.М. Молостнову других - Евгения Козлова, Леонтия Гаранина и студента-журналиста Солохина Николая... Закончилась эта «ревизионистская» работа арестом в июле 1958 г.; первым судом в октябре и вторичным судом в декабре того же года, который за мягкость приговоров отменил решение октябрьского суда. (Молоствов – 5 лет, Гаранин - % лет, Солохин и Козлов по 4 года) и назначил новые сроки – 10 лет – Молостнову, 10 лет Солохину, Гаранину – 5, Козлову - 4 года).

Другое дело – тоже громкое, прогремевшее по всему миру в 1967 г. Но начало ему было положено учившимся

на нашем факультете (почему-то один или полтора, или два учебных года) Игорем Огурцовым. Он, Игорь Огурцов, стал основателем и автором программных документов первой после гражданской войны антикоммунистической организации, которая поставила себе целью свержение власти КПСС. Игорь Огурцов додумался, что улучшение социализма, который имеется в СССР – невозможно. Улучшать его – значит, его уничтожать. Так лучше сразу – свержение. Но работа его ВСХСОНа известного также под именем «бердяевского кружка, (в котором, кстати, не было ни одного философа), выпала на 1964-1967 годы. Тюрьмой и лагерями на двадцать лет (1967-1987) обернулась Игорю Огурцову его свобода. В то время он запомнился какой-то замкнутостью, которую могли принять за высокомерие. Ходил всегда в строгом морском кителе.

В заключение несколько слов о своем курсе. Из наших 20 человек, принятых в 1954 г. не все доучились до 1959 г. Из тех, кто доучились, 6 человек защитили докторские (а один из них Альберт Касьяненко, воспитанник Р.Л. Берг, стал доктором биологических наук) и 8 – кандидатские. Из докторов определенную известность приобрели Клушин В.И., возможно, соавтор знаменитого антиперестроечного манифеста Нины Андреевой «Не хочу поступаться принципами» и профессор нашего факультета Г.Ф. Сунягин.

В студенческие годы были заметны постоянные участники студенческих стройотрядов – В.М. Лукин и Игорь Минеев, старательные в учебе Б.Д. Яковлев и Г.Г. Филиппов, которые по окончании университета были одними из победителей всесоюзного конкурса на лучший учебник по марксистско-ленинской этике. Из психологов назову известного специалиста по социальной психологии Анатолия Свенцицкого и другого выпускника – Валентина Водлозерова, который свою дипломную работу через год

по окончании университета защитил как кандидатскую. В просмотренных мною подшивках многотиражки «Ленинградский университет» имеется какое-то количество замечаний заместителя декана Купченко Ирины Петровны на наше самомнение, нашу неорганизованность и нашу расхлябанность.

У нас был превосходный преподавательский корпус. Были неудачные преподаватели, но имена их выветрились из памяти, а вот других, превосходных – помню всех. О них великолепно написал Г.Г. Филиппов – написал по моей настоятельной просьбе – я-то знал, что у него сохранились записи лекций студенческих лет. Я очень советую прочитать его статью «Как учили философии полвека назад». Сначала она была напечатана в «Вестнике Русской христианской гуманитарной академии» в 2012 г., а потом перепечатана в сборник «Вспоминая философский факультет». Соглашусь с Германом, что шкалу оценок преподавателей задал нам еще на первом курсе почасовик, приглашаемый из какого-то военного училища Квасов Аркадий Аркадьевич – по мощи речи, по эрудиции, по глубине понимания проблемы. Другими – по близости к моим собственным интересам – я назову наших историков философии, начиная, разумеется, с Анатолия Андриановича Галактионова и потом других – других: З.Н. Мелешенко, З.Н. Протасенко Е.И. Водзинского, М.В. Эмдина, В.П. Федотова.

Еще раз скажу – хотел бы поименно назвать всех, но еще раз адресую Ваше внимание к статье Г.Г. Филиппова

УДК 1(091)

Вахитов Р.Р.,

*кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии
Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия
E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru*

**Советская философия Победы
(трансформация советского официального марксизма в
годы ВОВ)**

Vakhitov R.R.,

*Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of
Philosophy and Cultural Studies
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia
E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru*

**Soviet Philosophy of Victory
(transformation of Soviet official Marxism during the Great
Patriotic War)**

Аннотация. Статья анализирует трансформацию советского официального марксизма в годы Великой Отечественной войны. Рассматривается критика фашизма, отстаивание идей Просвещения, гуманизма, «славянофильский поворот» советской философии. Выдвигается предположение, что именно в этот период были поколеблены позиции вульгарно-марксистского догматизма и подготовлен расцвет творческого марксизма и советской общественной мысли в 1960-х

Ключевые слова: Великая отечественная война, советская философия, М.Б. Митин, Б.Э. Быховский, П.ЫФ. Юдин, Э.В. Ильенков, М.А. Лифшиц, Г. Лукач, вторая мировая война, фашизм, философия, рационализм, просвещение, славянство, германство

Abstract. The article analyzes the transformation of Soviet official Marxism during the Great Patriotic War. It examines the criticism of fascism, the defense of the ideas of the Enlightenment and humanism, and the "Slavophile turn" of Soviet philosophy. The article suggests that it was during this period that the positions of vulgar Marxist dogmatism were shaken and the flourishing of creative Marxism and Soviet social thought in the 1960s was prepared.

Keywords: The Great Patriotic War, Soviet philosophy, M.B. Mitin, B.E. Bykhovsky, P.F. Yudin, E.V. Ilyenkov, M.A. Lifshits, G. Lukács, World War II, fascism, philosophy, rationalism, enlightenment, Slavdom, Germanism

Введение. Нападение гитлеровской Германии и ее сателлитов на Советский Союз в 1941 г. заставило мобилизоваться весь советский народ. Разумеется, это требование распространялось не только на рабочих, колхозников, представителей технической интеллигенции, служащих и партийных работников, но на представителей гуманитарной интеллигенции. Литераторы выступали с новыми произведениями, в которых осуждалась нацистская агрессия, воспевался подвиг советского народа, вставшего на защиту Родины, приводились примеры героев-патриотов из исторического прошлого России. Деятели театра и кино несли те же идеи, но в специфической форме их видов искусства. Ученые приближали Победу своим научно-исследовательскими разработками. Не остались в стороне и советские философы.

фы. В годы войны на страницах главного органа философского сообщества СССР – журнала «Под знаменем марксизма» (название «Вопросы философии» журнал получил лишь в 1947 году) выходили статьи, где теоретически обосновывалась борьба советских людей за свободу и независимость, критиковался фашизм и расизм, осмыслялись другие эпохи борьбы с западными агрессорами: период войны 1812-1814 годов, Смутное время и т.д. Продолжал действовать Институт Философии АН СССР (разделенный на московское и алма-атинское отделения). Многие сотрудники ИФ АН СССР ушли на фронт, участвовали в добровольном ополчении, оставшиеся в Москве выступали с лекциями в бомбоубежищах (включая самого директора П.Ф. Юдина) [3].

В эвакуации был создан философский факультет МГУ, выходили книги, методические материалы, преподавалась философия в вузах. Во время войны советскими философами был подготовлен и выпущен фундаментальный трехтомный учебник по истории философии, за который его авторы получили Сталинскую премию. Был подготовлен учебник по логике (Кольского), была защищена диссертация Г.Лукача о молодом Гегеле и т.д.

Мы говорим сегодня о военной прозе, поэзии, военной науке. Какова же была философия военной поры или, правильнее сказать, философия Победы? К ней редко обращаются, когда рассуждают о советской философии 1940-х. Исследователей больше привлекают печальные эксцессы второй половины этого десятилетия: разгром учебника по истории философии, ждановская критика философии, пресловутая «борьба с космополитизмом», борьба с кибернетикой...

Между тем советская философия первой половины 1940-х была совсем не похожа на ставшей притчей во языцах официальный советский догматизм. Военное лихо-

летье, необходимость борьбы с вызовом фашистского иррационализма, рост патриотического чувства заставили философов, да и их партийных кураторов, вплоть до руководителя государства и партии И.В. Сталина на время стряхнуть догматическую шелуху.

Начало освобождения от догматизма: славяно-фильский поворот и апология Просвещения. Советский догматический марксизм - так называемый «диамат» сформировался и утвердился в начале 1930-х гг. В 1930 г. группа молодых философов (М.Б. Митин и его сторонники) начала обвинять господствовавшую тогда школу А.М. Деборина в том, что они не понимают роль Ленина как философа и недооценивают вклад в диалектику И.В. Сталина. Они были поддержаны партийным руководством. В 1931 году вышло постановление ЦК ВКП (б) «О журнале «Под знаменем марксизма», в котором взгляды дебординцев были объявлены «меньшевистствующим идеализмом». Философское сообщество возглавили догматики-митинцы, которые не допускали уже никаких дискуссий и оппозиционных точек зрения. Представители «марксистского свободомыслия» были уволены со своих постов, а затем и подвергнуты репрессиям. В 1938 г. вышла «философская глава» «Краткого курса истории ВКП (б)», где был изложен сталинский вариант марксизма, который и был объявлен высшей истиной. Все другие философские направления (даже марксистские) и даже все другие учебники по философии были запрещены. Современные специалисты характеризуют сталинский «диамат» и «истмат» как упрощенный, вульгаризованный марксизм, в области теоретической философии похожий больше на метафизический материализм XVIII века (при всех его прославлениях диалектики [6, с. 134]), чем на учение Макса, а в области философии социальной сводящий историю к абстрактно понятым «формациям» и классовой борьбе.

Начавшаяся в 1941 году война сразу же показала «нищету» этой псевдофилософии. Это очень хорошо выражено в стихотворении Б.А. Слуцкого «Баллада о догматизме», герой которой, слепо веря в классовую трактовку войны, пытается проповедовать немецким солдатам вульгарно понятый ленинизм и находит закономерную гибель. То же самое было и в реальности. В самом начале войны В.М. Молотов в своем обращении к народу говорил о страданиях германских рабочих и крестьян, обманутых Гитлером, предрекал их солидарность, но 6 ноября 1941 году, в речи, посвященной празднику Великого Октября, Сталин уже фактически отказывается от классового подхода и рассуждает в терминах столкновения народов и цивилизаций. «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных – говорит он о немецких агрессорах – имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского. Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова» [7, с. 165]. Произошел своеобразный народнический, славянофильский поворот в официальной идеологии, и он получил отражение в философии. П.Ф. Юдин писал в начале войны на страницах «Под знаменем марксизма»: «Уже не в первый раз немецкие бароны и князья пытаются поработить русский народ...». Он перечисляет русско-германские конфликты, начиная с эпохи Александра Невского, и заключает: «И каждый раз на протяжении всей истории русские войска били немцев...» [8, с. 25]. Советский философ, конечно, не отрицает, что война – столкновение социализма и капитализма. Но при этом социализм у него теперь – порождение гения русского народа: «русский народ, принадлежа к славянам, является древнейшим народом в истории человечества.... В настоящее время русский народ стоит во главе всего передового, прогрессивного че-

ловечества... Он первый среди народов мира завоевал подлинную человеческую свободу, он построил государство истинно демократическое, создал подлинно народную власть» [8. С. 26]. Трактовка социализма как народной демократии не была еретической в рамках советского дискурса, но в контексте темы столкновения народов она приводила к сдвигу в прежнем понимании истории.

Безусловно, это было продолжением того «патриотического сталинского поворота», который произошел в идеологии, в искусстве, в пропаганде еще перед войной, в конце 1930-х. Но теперь этот поворот коснулся самого сердца советского марксизма – философии истории.

Другой аспект трансформации советского марксизма в годы войны – активизация в нем гуманистического, просвещенческого потенциала. Философы с особой силой обличают философскую подкладку фашизма, каковой является западный иррационализм – от Ницше до его последователей в XX веке. В этом плане привлекают внимание статьи Б.Э. Быховского в журнале «Под знаменем марксизма». Так, он пишет: «Слово «философия» ... состоит из двух греческих слов, означающих «любовь» и «мудрость». Фашизм означает ненависть и безумие... Разыскание истины, стремление к познанию мира таким, каким он есть на самом деле – таково назначение, таков смысл существования философии. Дипломированные холопы фашизма ... отвергают философию как постижение истины, они стремятся вернуть человечество к дофилософскому, мифологическому мировоззрению» [1, с. 91]. Выдающийся немецко-венгерский философ-марксист Георг Лукач (который тогда жил и работал в СССР и был по документам советским гражданином Георгием Осиповичем Лукачем) в 1943 году высказывал схожие мысли в своей брошюре «Борьба гуманизма и варварства»: «Нельзя ограничиваться одной лишь критикой и разоблачением фашистской идеологии: нужно каждому

проявлению варварства противопоставлять положительные гуманистические ценности. Только такая критика фашизма способна действительно мобилизовать силы на борьбу с ним. Не случайно, что решающие удары наносит Гитлеру именно советский народ, чья жизнь и мышление, чьи поступки и чувства в такой же мере являются универсальным воплощением воинствующего гуманизма, в какой фашизм - универсальное воплощение варварства!» [5, с. 1]. Впоследствии, уже вернувшись в Венгрию после войны, он разовьет эти идеи в своей фундаментальной работе «Разрушение разума», которая произвела на западных интеллектуалов не меньший эффект, чем работы неомарксистов-франкфуртцев (но, увы, в отличие от них она до сих пор не переведена на русский и мало известна у нас). В противоположность франкфуртцам Лукач противопоставлял линии Просвещения, которая привела к Марксу и Ленину и Контр-Просвещения, которая привела к Ницше и Гитлеру. Позднее, уже в эпоху «оттепели», эту линию гуманистического марксизма, противостоящего иррационализму и варварству, будет развивать Э.В. Ильенков (на которого Лукач повлиял – молодой Ильенков переводил с немецкого его работы). Ильенков будет критиковать искусство поп—арта, философию иррационализма и противопоставлять им марксистскую апологию истины и красоты [2]. На той же позиции будет стоять и друг Лукача, ниспровергатель модернизма, марксистский философ-эстетик М.А. Лифшиц [4], который, как и Ильенков в годы войны боролся фашизмом с оружием в руках.

Закключение. Как известно, начало освобождения от догматизма в 1940-х не имело своевременного логического завершения. Наоборот, в конце десятилетия мы видим ждановскую атаку на философию, трагедию «борьбы с космополитизмом» и т.п. Однако показательно, что в эпоху «оттепели» звучат те же темы, что появились в философии в

начале войны (только в 60-е их разделили по лагерям: одна досталась гуманистическим марксистам, а другая – сторонникам «русско-патриотической партии»).

Эта философия Великой Победы не потеряла актуальность и сегодня. С одной стороны, мы сейчас снова оказались в условиях противостояния с Западом. С другой, к сожалению, у нас теперь сейчас под видом патриотизма предлагается проповедь Контр-Просвещения, оккультизма, отрицания науки и рациональной философии (вспомним, заявления известных медиа-персонажей, именуемых философами о том, что от техники надо отказаться а гравитацию «придумали англосаксы»). На фоне всего этого мы должны помнить о том сплав аполлогии разума и патриотизма, который продемонстрировала нам философия Великой Победы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130.

Список литературы:

1. Быховский Б.Э. Дипломированные лаке фашизма (фашизм и философия)// Под знаменем марксизма № 9-10 1941 с. 90-97
2. Ильенков Э.В. Что там, в Зазеркалье//Ильенков Э.В. Собрание сочинений Том 3 «Идеал» М., «Канон+». 2020. С.249-273
3. Корсаков С.Н. Институт философии в годы Великой Отечественной войны https://iphras.ru/iph_vov.htm
4. Лифшиц М.А. Фашизм и современное искусство//Лифшиц М.А. Почему я не модернист М., «Искусство -XXI», 2009 С. 156-163
5. Лукач Г. Борьба гуманизма и варварства Ташкент 1941 47 с.

6. Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильеков М. «Культурная революция», 2008. 448 с. 161-166
7. Савушкин Л.М., Остапенко В.С., Первушина В.Н. Трансформация идеологического дискурса в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг .) (на примерах регионов России) Регион: системы, экономика, управление № 4 (67), 2024
8. Юдин П.Ф. Коварная цель Гитлера – превратить русский народ в рабов//Под знаменем марксизма 1941 36-7 1941 с. 22-28

УДК: 130.2, 321.01

Соколов А.М.

*доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный универси-
тет
г. Санкт-Петербург, Россия*

Историософия русской цивилизации или слава народа-победителя

Sokolov A.M.

*Dr.Sc in Philosophy, Professor,
Saint Petersburg State University, Russia
E-mail: a.m.sokolov@spbu.ru*

Historiosophy of Russian civilization or the Glory of the Victorious People

Аннотация. Историософия в отличие от классической философии истории открывает и задает перспективное видение развитие общества. В историософском развёртке мира как упорядоченного бытия настоящее является не столько завершением, или свершением, прошлого в его тотальности, сколько истоком и основанием будущего. Именно оно выступает залогом потенциального его осуществления в будущем. Победа советского народа в Великой Отечественной войне в контексте русско-российского самосознания предстает как ключевое со-бытие мировой истории, проясняющий ее смысловое содержание на ближайшую цивилизационную перспективу.

Abstract. Historiosophy, unlike the classical philosophy of history, opens and sets a long-term vision of the development of society. In the historiosophical unfolding of the world as an

ordered being, the present is not so much the completion or fulfillment of the past in its totality, as the source and foundation of the future. It is the key to its potential implementation in the future. The victory of the Soviet people in the Great Patriotic War in the context of the Russian-Russian identity appears as a key event of world history, clarifying its semantic content for the near-term civilizational perspective.

Ключевые слова: историософия, цивилизационная инициатива, Н.Я. Данилевский, глобальная цивилизация, мировая война, народ-победитель, Великая Отечественная война, антибуржуазная стратегия

Keywords: historiosophy, civilizational initiative, N.Y. Danilevsky, global civilization, world War, victorious people, Great Patriotic War, anti-bourgeois strategy.

Историософия в отличие от классической философии истории открывает и задает перспективное видение развитие общества. В историософском развертке мира как упорядоченного бытия настоящее является не столько завершением, или свершением, прошлого в его тотальности, сколько истоком и основанием будущего. Другими словами, в историософии проблематизируется не прошлое, а – будущее. Для историософского понимания жизни общества важно не только истолкование прошлого по отношению к настоящему, но – теоретическое усмотрение-обоснование целостного образа, идеи будущего, примиряющего очевидные противоречия неопределенного, несовершенного настоящего.

В.В. Зеньковский, отмечая историософическую направленность русской философии, имел в виду, конечно же, ее изначально эсхатологический настрой. Эту особенность русской философии, как известно, подмечал и Н.А.

Бердяев, констатируя ее религиозный настрой. Но историософия настолько философична, насколько она устраняет мистический элемент из предмета своего интереса. Философия же в России начинается, а по сути и разворачивается, в первую очередь и по преимуществу как историософия. И связано это с тем местом, которое Россия определяет себе в развитии мирового сообщества. И, если в начале своего исторического пути в «Слове о Законе и Благодати» Илариона Киевского, а позже в период духовного и политического возрождения на рубеже XV-XVI веков в повествовании старца Филофея о «Москве – третьем Риме» мистический элемент не мог не превалировать, то во второй половине девятнадцатого столетия и позже его присутствие могло быть оправдано только спецификой мировоззренческой интуиции, лежащей в основании национального самосознания народа России. При том, что сама эта интуиция должна была быть рационально истолкована в контексте оформления нового цивилизационного статуса России

Россия в полной мере вступила в историю человечества как раз в тот «период-момент», когда эта история фактически стала всемирной. В середине XIX столетия сложилась глобальная капиталистическая система, что позитивно предвосхитил в своей классической «Философии истории» Г.В.Ф. Гегель, а критически продекларировали в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс. А чуть позже в знаменитом многотомном исследовании они же, по сути, изложили онтологию мира как систему капитала. Тем самым они одновременно зафиксировали «чудо» всемирно-исторической состоятельности буржуазной цивилизации и закономерность ее гибели. В 1867 году вышел первый том «Капитала».

В 1869 году вышла книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа».

На первый взгляд, кажется, что эти собой между собой не имеют ничего общего. Тем не менее, общее есть и весьма существенное. Оба исследования касаются начала кризиса современности. У Маркса – кризиса капиталистической, буржуазной системы. У Данилевского – кризиса, а точнее упадка, западной цивилизации в буржуазном ее завершении. Причем для Данилевского проблема носит не отвлеченно-объективистский, преимущественно теоретический характер. Мысль русского философа проникнута глубочайшим экзистенциально-душевным переживанием. Или иначе: мысль Данилевского захвачена не просто объективной исторической реальностью; оно захвачена отечеством, которое впервые вводится в круг проблем мировой философии.

Можно сказать, что глубоко личное переживание о судьбе родины разворачивается в систематическое учение о России, философию Русского мира. Более того, «Россию и Европу» Н.Я. Данилевского без преувеличения можно назвать первой философской системой в России, которую после него только развивали, дополняли, уточняли, но в каждом случае имея в виду самостоятельную цивилизационную перспективу России.

Как мы знаем, событием, которое непосредственно подвигло Данилевского к написанию своего сочинения, была Крымская война, давшая практический и недвусмысленный, но не для всех очевидный ответ на вопрос, разделивший русскую интеллектуальную элиту на славянофилов и западников: Европа ли Россия? И не для того ли чтобы прояснить очевидность «неевропейскости» России Данилевский предпринял свое фундаментальное исследование? Крымская же война в широком историческом контексте проявила не только антагонистическую враждебность Европы к России, но и – начало цивилизационного надлома Запада.

Первая по-настоящему мировая война, которую сегодня некоторые историки вполне резонно называют «нулевой мировой» была развязана против России европейскими державами, или Россия была втянута в нее Западом, не только уже вступившим на магистральный путь капиталистического доминирования, но и узнавшим о своей печальной, хоть еще отделенной перспективе. Мир капитала, метафизические основания которого прекрасно были предугаданы еще Т. Гоббсом – «война всех против всех», или «война каждого против каждого» – к середине XIX века ожидаемо достиг предела своего внутреннего развития и неожиданно – предела развития внешнего. Этим пределом стал необъятный край России с его неисчислимыми богатствами и народом, великодушие которого тоже не знало предела. Им и была объявлена война – мировая война мирового капитала. Ответ на вопрос – почему так произошло – не входит в план данной статьи. Но между прочим следует отметить, что причина в кардинальных различиях принципов, на которых выстроен мир буржуазного Запада и выстраивается русский мир.

Так же как Эллада некогда рождалась в сражениях с восточной деспотией, как Римская Империя – в борьбе с мощью Карфагена, Россия вступила в мировую историю смертельным противостоянием с постхристианским, буржуазным, Западом. И сегодня можно сказать, что этот процесс находится в самом разгаре. Таким образом вхождение России в мировую историю длится уже более 170 лет. Начиная с Крымской войны, она является непреодолимым препятствием на пути западного империализма к мировому господству. Поражение в первых двух войнах (Крымской и той, которую в Европе и Америке называют Великой войной) ставили наше отечество на грань колониальной зависимости от Запада. И только Октябрьская революция стала шансом для России выйти на путь независимого

от Запада цивилизационного развития, осуществления собственной цивилизационной стратегии. Не будет преувеличением даже утверждать, что впервые более чем за тысячелетие история России перешла от реактивной фазы ответов на вызовы норманнов, Византии, Орды и собственно буржуазного Запада в активную фазу цивилизационной инициативы.

Собственно буржуазный вызов представлял собой и до сих пор для нас представляет перманентное сражение, а лучше сказать – «вечный бой» – за мир, в третьем раунде которого Россия впервые перехватила инициативу, выйдя победителем в Великой Отечественной войне. Следствиями этой победы стали стремительный экономический рост, технологический рывок, развитие социальной сферы (особенно образования и здравоохранения), огромный международный авторитет Советского Союза. Но предпосылкой всех достижений было народное единство, преодолевшее враждебную разобщенность людей, вызванную не только потрясениями революции и гражданской войны, но и – произволом прежних властителей.

Учитывая обширность территории, вошедшей в состав нашей страны, малую пригодность ее для благополучного проживания и быстрого освоения, разнообразие народов на ней проживающих и регулярные нашествия со стороны не только со стороны варваров, но и со стороны «носителей цивилизации», трудно представить каким образом оказалось возможным добиться здесь устойчивости и продуктивного взаимодействия. Историософия России – это опыт постижения смысла многовекового опыта не спланированного, а самобытного сплочения разрозненных земель и разобщенных народов в целостность цивилизационного разнообразия, главной предпосылкой которого, согласно Н. Я. Данилевскому, является политическая независимость, или государственность.

Государство – это внутреннее, регулярное самоопределение единства земли и народа. В первое тысячелетие своей истории Россия не только создавала собственное государство. В определенном смысле она защитило государственность Грузии, Армении, и даже Польши. Никто как Россия способствовала восстановлению греческой, сербской, болгарской независимости. В девятнадцатом веке никто иной, как Россия построила с нуля государственность Финляндии. И в советский период истории России, пожалуй, впервые, был осуществлен опыт интернациональной политической самодеятельности русских, татар, грузин, казахов, осетин, бурят, калмыков, узбеков и других невероятным образом сплотившихся народов в ответ на изощренно планируемую интервенцию буржуазного империализма с целью окончательного подчинения и включения их в капиталистическую систему.

Драматизм истории современного, буржуазного мира связана с тем, что его видимая целостность и универсальность находятся в неразрешимом противоречии с его же внутренним расколом и раздробленностью. Расколом на метрополию и периферию; и – раздробленностью колониальной периферии. Ведь цивилизационная политика буржуазии в продолжение почти всего ее доминирования выражалась и выражается до настоящего времени в искусно-искусственном разделении территорий и столкновении народов. И то, что делала Россия, у нее всегда вызывало неприязненное отторжение, «обосновываемое» в логике близкого ей колониального нарратива: Россия – тюрьма народов.

Революционные же преобразования в России, начавшиеся после октябрьских событий 1917 года, были страшны буржуазному цивилизованному сознанию не только непредсказуемостью, но и тем, что они вызвали цепную реакцию планетарного масштаба: Китай, Цен-

тральная Европа, Индия, Центральная Азия, Латинская Америка. Внутрirosсийская борьба с псевдонациональной буржуазией была близка к тому, чтобы перерасти в единый международный фронт против мирового капитала. Социальные и экономические достижения, совершенные благодаря именно интеграционной политике, с несомненной очевидностью свидетельствовали в пользу преимущества новой цивилизационной стратегии. И казалось, что остановить ее может только война – проверенный метод «цивилизационного» регулирования. Война была развязана с целью все того же расчленения России, а вместе с тем расчленения организующегося вокруг нее сопротивления. Но случилось так, что войну начали одни, а закончили – другие. А ее ход и ее результаты оказались совсем не такими, какими они виделись в ее начале.

Первым и, наверное, главным для нас результатом победы в Великой Отечественной войне было достижение и удержание национального единства, несмотря на необозримую бескрайность земли и разнообразие (национально-этническое, конфессиональное, языковое, классовое, идейное) народа. Было впервые достигнуто подлинное национальное единство народов, осознавших свое братство в «общем деле» борьбы со смертельной угрозой.

Фактически нашей победой буржуазный Запад был принужден к признанию не только новой модели глобальной политической системы, но и – к признанию такого типа государства, сущность которого для него была не постижима и потому – страшна. Союз Советских Социалистических Республик был непостижим и страшен не потому, что он был социалистическим. В конце концов, социализм – идея, рожденная западным сознанием. СССР был непостижим союзностью национальных республик, союзом народов, которые Западом не относились к разряду бе-

лых людей, «белокурых бестий», а относились в лучшем случае к периферии мировой культуры.

Но не менее важным результатом в общемировом масштабе было распространение альтернативной буржуазной не просто политической, но – именно цивилизационной стратегии. Ее центром стал выстоявший и победивший в мировой войне Советский Союз – исторический наследник тысячелетней России.

Война, во-первых, это – всегда подведение итогов. В определенном смысле 1945 год можно считать фактическим началом завершения цивилизационно-исторического сосредоточения русско-российского мира. Не случайно, целевой установкой борьбы советского народа в Великой Отечественной войне было уничтожение фашизма как цивилизационного феномена в целом и разгром фашистской, гитлеровской Германии в частности. Ведь в феномене фашизма сконцентрирована идейная эссенция буржуазного господства, исповедующего принцип «разделяй и властвуй».

Война, во вторых, в случае победы – это еще и наметка исторической перспективы, подтвержденная нравственным превосходством над противником – превосходством, подтвержденным, прежде всего, в организации, что невозможно без внятной артикуляции ценностных императивов и указании целевых ориентиров. Наш идейно-ценностный императив определялся стремлением народа реализовывать собственную цивилизационную стратегию, соответствующую нравственным принципам, оформившимся в течение тысячелетней истории страны.

И в связи с этим, возвращаясь к историософскому сюжету данного исследования и специфике историософской исследовательской позиции, хочется привести суждение, заостряющее внимание на этом важном мировоззренческом и методологическом обстоятельстве: «Исто-

риософия все более предстает как такой вид философской рефлексии над историей, для которого характерно заострение внимания на проблемах своеобразия национально-исторической судьбы страны, народа. Акценты в этих концепциях смещаются от общемировых, общечеловеческих тенденций, к – национальным» [1, 125]. С этим можно согласиться лишь в той части, которая относится к возрастанию национальной истории. Что касается «общемировых тенденций», то здесь хотелось бы подчеркнуть, во все времена смысл истории улавливался и транслировался совершенно определенной, так или иначе организованным народом, т.е. нацией, содержание которой почти никогда не сводилось к моноэтничности, тем более – «к расовой чистоте». Национал-фашизм можно считать радикальным рецидивом буржуазно-империалистической (германской, романской, саксонской) сегрегации, знаменующей ее закат. Отсюда с неизбежностью встает вопрос о дальнейшем ходе истории.

Историософичность России предпослана, с одной стороны, непрерывностью истории как таковой. С другой стороны, Россия уже более полутора века активно включена в противостояние с уходящей в прошлое эпохой. И так случилось, что нас национальный интерес здесь совпадает с интересом всего мирового сообщества. И хотя с начала девяностых годов прошлого века и до самого недавнего времени у нас не было принято вспоминать о том, что в лице фашистской Германии наша страна имела дело не с каким-то политическим режимом, случившимся по какому-то историческому недоразумению, или вследствие недальновидности руководителей мировых держав, не стоит забывать, что в лице гитлеровской Германии мы имели дело с капиталистическим империализмом и ни с чем более. Мы имели дело с западной цивилизацией в ее кристаллическом, правда, еще не тотальном проявлении. Именно

поэтому разгром гитлеровской Германии был обязательным, но не достаточным успехом в борьбе с фашизмом – капиталистическим империализмом.

События, захватывающие мир с конца 90-х годов прошлого века – наглядное тому подтверждение. Когда-то идеологически маскируемый романо-германский этнорацизм переродился в тотальной антропонигилизм, в систематическую криминализацию человека, вытеснение его на периферию жизненного пространства. Захват и эксплуатация природных и трудовых ресурсов под видом цивилизационного патронажа («бремя белого человека») над колониальными странами сегодня в перерос захват интеллектуального, экзистенциального уровня бытия самого «белого человека».

В связи со всем сказанным на память приходит песня на слова Михаила Матусовского, сегодня воспринимающиеся пророческими:

«Было много трудных дней
Будет много трудных дней
Значит рано подводить итоги
Вот встретились мы с ней.
Вот и свиделись мы с ней
Где-то на проселочной дороге».

Как известно, проселочная дорога начинается с тропы, тропинки, выводящей из чаши с потаенными местами, где «на неведомых дорожках, следы невиданных зверей». И многие проселочные дороги уводят, к вечным распустьям, на которых прекрасные витязи превращаются в банальных распутников. Иногда проселочные дороги, конечно, выводят на магистральные пути, но они – почти всегда чужие. Свой путь есть продолжение и преображение своего проселка. В нашем случае этот проселок настолько ве-

лик, что мало кто в мире мог принять его таким, каков он есть в его величии и посметь, отважиться, попытаться превратить его в магистраль, соответствующую его масштабу. И капиталистическому Западу он оказался не по зубам ни в середине XIX века, ни в середине века XX, ни, смею надеяться, сегодня.

«Только несколько минут,
Только несколько минут
Между нами длилась та беседа
Как скажи, тебя зовут? Как скажи, тебя зовут?
И она ответила – Победа!»

И нам важно помнить, что встреча и начавшаяся «беседа» с Победой в 1945 году, в самом деле, по историческим меркам «длилась» всего лишь «несколько минут». И причина, очевидно, в том, что, начиная с середины 60-х годов, т.е. всего через двадцать лет после окончания войны путь победителей стал казаться нам ошибочным, только потому, что нам было гораздо труднее его осваивать, чем тем, кого мы победили, на их уже давно сработанной еще «рамами Рима» магистрали.

Мы посчитали, что правильнее, потому что проще, свернуть со своего пути, полагая, что нас примут в ряды чуждого нам марша. Нас приняли. И только к 2014 году, кажется, наконец-то, мы осознали, куда нас этот марш привел. Но осознали ли мы, каковы истинные причины нашего очередного разрыва с Европой.

Как не вспомнить здесь слова мудрейшего и проницательнейшего Н.Я. Данилевского: «Европа не признает нас своими. Она видит в России... нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей ча-

сти Америки и т. д., материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему. Европа видит поэтому в Руси... не только чуждое только, но и враждебное начало» [1, 65-66].

Нас отвергает не Европа, а – ее буржуазный извод. И за 1418 дней войны наш народ это прочувствовал всем своим нутром. Память об этом, является строжайшим нашим национальным самосознанием. Нам не надо никого уничтожать, нам надо оберегать себя и защищаться так же, как когда-то Эллада защищала себя от Персии, Рим – от Карфагена, а Вена – от турок-османов.

И в конце еще раз повторим: историософия в отличие от классической философии истории открывает и задает перспективное видение развитие общества. В историософском развертке мира как упорядоченного бытия настоящее является не столько завершением, или свершением, прошлого в его тотальности, сколько исток и основание будущего. Другими словами, в историософии проблематизируется не прошлое, а – будущее. Философия истории исходит из понимания совершенства и завершенности существования человека. Историософская же точка зрения исходит из острого осознания собственного несовершенства. Именно оно выступает залогом потенциального его длящегося осуществления (но не существования) в будущем, начало которого положено поражением в Крымской войне, а подтверждено победой в Великой Отечественной войне.

Список литературы.

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., "Институт русской цивилизации", 2008. 814 с.

**СЕКЦИЯ «ЭСТЕТИКА И ПАМЯТЬ: ОБРАЗЫ И
СИМВОЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ИСКУССТВЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ»**

УДК 371.65

Бушмакина И.А.,

магистрант

РГПУ им А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ibush@list.ru

**Систематизация образов блокадного Ленинграда
для экспозиций школьных музеев**

Bushmakina I.A. I.A.,

магистрант

Herzen University, St.Petersburg, Russia.

E-mail: ibush@list.ru

**Systematization of images of besieged Leningrad for
the expositions of school museums.**

Аннотация: исследование посвящено систематизации образов блокадного Ленинграда представленных в музейных экспозициях и выставках, включая школьные музеи. Данный подход позволяет объединить разрозненные образы в единую стройную систему и показать как посредством работы с визуальными образами происходит трансляция и интерпретация культурной памяти.

Ключевые слова: музей блокады Ленинграда, школьный музей, история города, образ города, военная выставка

Abstract: the study is devoted to the systematization of images of besieged Leningrad presented in the expositions of school museums. This approach allows you to combine disparate images into a single harmonious system and show how cultural memory is translated and interpreted through work with visual images.

Keywords: museum of besieged Leningrad, school museum, city history, city image, military exhibition

Музей в школе — это инструмент воспитания, помогающий ребенку мыслить и чувствовать, видеть и сопереживать: он предлагает не сухие факты, но живые эмоционально-насыщенные образы, что важно для формирования целостного образа мира у ученика [4]. Для последнего экскурсия по музею — это живой урок истории, для учителя — это качественный и разнообразный образовательный процесс, где дети учатся анализировать, рассуждать, сопоставлять. К сожалению, многие школьные музеи были расформированы и закрыты в 90-х и 2000-х годах. На то были разные причины: нехватка кабинетов, недоукомплектованность штата и, как казалось, потеря актуальности самих музеев. Сегодня идет процесс их возрождения: школьные музеи — важная составная часть регионального компонента учебного плана образовательных учреждений, их открывают в новых зданиях, воссоздают в школах с уже сложившейся историей. Школьные музеи — хранители истории школы, родного края, памяти о выдающихся учениках и педагогах. Историю школы, края, района, страны невозможно рассматривать вне истории Великой Отечественной Войны. Ее изучение — это способ сделать историю личной, и здесь школьный музей становится центром памяти [2]. От частного — к общему, от истории одного человека, одного здания, одной школы, одного района, одного завода

или фабрики ученики приходят к пониманию вклада всего народа в общую Победу, и каждый музейный экспонат говорит ученику: «Это и твоя история. Это твоя Победа» [1].

Тема блокадного Ленинграда в экспозициях школьных музеев Санкт-Петербурга и Ленобласти — это не отдельный сюжет, а главная тема всей войны, показанная через призму одного города. Это история о том, против чего (против тотального уничтожения) сражалась вся страна, как сражалась вся страна (тотальным единением фронта и тыла), за что сражалась вся страна (за право на жизнь, культуру и человеческое достоинство). Это история о том, какую цену заплатила страна за свою Победу. Поэтому блокадный Ленинград — это нравственный ориентир, который позволяет осмыслить весь путь страны в те трагические и героические годы. Он делает огромную и порой трудную тему войны личной, конкретной и пронзительной для каждого школьника. Переживаниям военных и послевоенных лет посвящены многие кинофильмы, рассказы, стихи, картины [3] — они помогают оживить историю, но обрастают при этом художественным вымыслом. Документальные же свидетельства куда более жестоки, но именно они берут на себя смелость показать, как все было на самом деле.

В ходе исследования были выделены ключевые образы блокадного Ленинграда и составлена таблица, на основе которой можно создать целое выставочное решение, где каждая часть экспозиции выстраивает не просто хронологию событий, а погружает наблюдателя в личный опыт жителя осажденного города.

<i>Образы</i>	<i>Экспонаты и документальные свидетельства</i>	<i>Аудиовизуальные материалы</i>

Осажденный город, голод и холод	125-граммовый блокадный паек, самодельная печка-буржуйка, пропуск на проход по улице, осколок снаряда, детская игрушка, хлебная карточка, дневники (как Тани Савичевой), письма, фотографии, газеты	Звуки метронома, сирен, записи голоса Ольги Берггольц, радиосводки
Блокадное кольцо	Карты и схемы, где линия фронта наглядно показана как плотное кольцо, смыкающееся вокруг Ленинграда, Фотографии с высоты: Аэрофотосъемка, демонстрирующая город, отрезанный от «Большой земли», диаграммы, показывающие сужение кольца, изменение линии фронта,осколки снарядов, гильзы, элементы вражеской техники,фрагменты колючей проволоки, противотанковые ежи	Звук метронома, звуки сирен, артобстрела, гул самолетов,приглушенный свет, внезапные вспышки (имитация взрывов), луч, выхватывающий из тьмы лица на фотографиях
Интеллектуальная стойкость	Противотанковые «ежи» из книг, мешки с песком у окон, инструменты пожарного дежурства (ведро, лопата, каска), портреты библиотекарей, многие из которых умерли в блокаду. Подлинные книги из блокадных библиотек с штампом	Воссозданный уголок читального зала с коптилкой или тусклой лампой, с читательскими формулярами времени, афиши лекций

Творчество как прямое сопротивление	Афиши, партитура, фотографии репетиций	Симфония №7 Дмитрия Шостаковича («Ленинградская»)
	Радиовыступления, стихи, напечатанные на стендах строчки ее стихов	Голос Ольги Берггольц, «голос самого Ленинграда»
Культура и дух (образ	Театральные костюмы, афиши, реквизит (бутафорские украшения, предметы) и	Фрагмент из довоенной или блокадной
духовного фронта)	противогаз, который был обязательной частью экипировки каждого артиста, фотография или макет уличной тумбы с афишами	оперетты, а поверх него — нарастающий вой сирены и грохот взрыва, который затем стихает, и музыка продолжает играть
Нравственный выбор	Спасение культурных ценностей: маскировка шпиля Петропавловского собора, укрытие памятников в земле или мешках с песком, выдержки из дневников и писем	Фото памятников сегодня и пустоты на их месте в годы блокады
Непобежденное детство, подвиг Учителя и Ученика	Очки, указка, учебник, дневник, тетрадь, фотографии детей за станком, дети с медалями «За оборону Ленинграда», новогодняя игрушка, сделанная из оберточной бумаги, школьная стенгазета, перо, чернила	Реконструкция блокадного класса (фрагмента)

«Дорога жизни»	Макет или крупная фотография грузовика — главного символа Дороги жизни, схема-линия, символизирующую трассу через Ладогу, фотографии эшелонов с продовольствием	Звук работающего мотора «полуторки», свист ветра, треск ломающегося льда, приглушенные взрывы
Память и наследие	Фото, макет Пискаревского мемориального кладбища, последнее письмо с фронта, похоронка, фотографии, дневник Тани Савичевой	Символический «Вечный огонь» инсталляция (световая проекция, окруженная каменной кладкой)

Данная типология разработана на основе результатов анализа нескольких музеев, в т.ч. школьных, временных выставок, уголков памяти. Материалом исследования послужили экспозиции в т.ч. Музея обороны и блокады Ленинграда, народного музея «А музы не молчали...» и др. Типология помогает понять общую систему образов, необходимую для раскрытия темы «блокадный Ленинград», описывает подробности конкретных экспозиций и показывает как именно конкретные образы помогают трансформировать историческое знание из набора фактов в эмоциональный опыт через знакомство с реальными предметами, звуками, особую организацию экспозиционного пространства. Представленное исследование может служить готовым планом для разработки экспозиции о блокадном городе в музее любой региональной школы.

Список литературы

1. Аникин, Д. А. Военные коммеморации в образовательном пространстве современной России: советское наследие и новые практики / Д. А. Аникин // Вестник Московского

университета. Серия 12: Политические науки. – 2024. – № 1. – С. 27-42. – DOI 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-1-27-42. – EDN HNFNNS.

2. Воронова, Н. И. История как «история памяти» и проблема сохранения нематериального культурного наследия / Н. И. Воронова // Философия и методология истории : Сборник научных статей X Всероссийской научной конференции, Коломна, 21 апреля 2023 года. – Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", 2023. – С. 75-82. – EDN AFPVAQ.

3. Никифорова, А. А. «Ровесники победы»: образы детства в творчестве Александра Кондурова / А. А. Никифорова, А. В. Телькунова // Россия как самобытная цивилизация и открытое культурное пространство : Сборник научных трудов XXXI Международной конференции, Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2025. – С. 458-460. – EDN NLXDRF.

4. Эстетика и этика : глоссарий / А. П. Валицкая, П. А. Васинева, П. В. Дидов [и др.]. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2015. – 189 с. – ISBN 978-5-00045-118-2. – EDN WYZMVZ.

УДК 331.08

Васильева М.А.,

кандидат философских наук, доцент,

СПбПУ Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

**Эстетическая целостность образа ВОВ: граница
между изменением и искажением образа в культурной
памяти**

Vasilyeva M.A.,

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor

SPbPU, St. Petersburg, Russia

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

**The aesthetic integrity of the Great Patriotic War im-
age: the boundary between change and distortion of the
image in cultural memory**

Аннотация: В статье исследуется динамическая природа культурной памяти. Центральной проблемой, которую поднимает автор, является поиск границы между естественной эволюцией культурного образа и его разрушительным искажением. На примере образа ВОВ текст анализирует, почему одни исторические неточности могут восприниматься терпимо, а другие вызывают резкое отторжение. Ключевым критерием для такого разграничения предлагается «эстетическая целостность» — не буквальная историческая достоверность, а внутренняя непротиворечивость и убедительность художественного высказывания, создающего у зрителя ощущение подлинности.

Abstract. The article explores the dynamic nature of cultural memory. The central problem raised by the author is the search for a boundary between the natural evolution of a cultural im-

age and its destructive distortion. Using the image of the Great Patriotic War as an example, the text analyzes why some historical inaccuracies may be perceived tolerably, while others provoke sharp rejection. The key criterion for this distinction is proposed to be "aesthetic integrity" — not literal historical accuracy, but the internal consistency and persuasiveness of an artistic statement that creates in the viewer a sense of authenticity.

Ключевые слова: культурная память, образ прошлого в культуре, изменения образа прошлого, искажение образа прошлого, образ Великой отечественной войны.

Keywords: cultural memory, the image of the past in culture, changes in the image of the past, distortion of the image of the past, the image of the Great Patriotic War.

Нейрофизиологи говорят, что воспоминания человека каждый раз перезаписываются при обращении к ним [1]. Получается, что современный научный подход к сознанию проблематизирует понятие «прошлое», показывая, что это всегда актуальное переживание, окрашенное эмоциональными оттенками текущего момента, в который происходит обращение к воспоминаниям о минувших событиях. Т.е. образ, хранящийся в индивидуальной памяти органично изменяется с течением времени, в соответствии с изменениями в нашей жизни и в нас самих. То же можно сказать и о культуре. Культурная память не консервирует события прошлого, но создает образ, способный, с одной стороны, хранить важную для общества информацию и быть связанным с другими образами и нарративами, а с другой — быть актуальным и нужным для нескольких поколений, адаптироваться под новые культурные реалии, оставаясь их частью. Так же как люди меняют свое отношение к событиям

их личной жизни двадцатилетней давности, так и культура изменяет образ событий, которые произошли два, три, десять поколений назад. Но тут возникает вопрос, всегда ли изменение образа остается органичным и естественным, не вредящим ему? Где граница между изменением образа, обусловленным естественным ходом культурных событий, и искажением, которое не обязательно происходит умышленно, но так нарушает образ, что он уже?

Этот сложный вопрос, связан с проблемой баланса производства и воспроизводства в культуре. Для целостности культуры необходима преемственность, представление о традиции, и в то же время застывание на одном месте, в состоянии постоянного «сберегания» оказывается для нее губительным, поскольку теряется связь с актуальной действительностью. Сегодня этот сюжет особенно важен в связи с довольно стремительными изменениями публичного пространства и трудностью адаптации к ним. При этом есть темы, которые наиболее ярко иллюстрируют эти трудности.

Говорить об образах, связанных с Великой Отечественной Войны, довольно сложно, поскольку это очень эмоциональная тема. Учитывая масштаб события, не стоит удивляться тому, что некоторые сюжеты, часто наиболее травматичные, стали осмысляться и получать видимость только спустя поколения. Это вполне можно назвать примером органичного изменения культурной памяти. Последующие поколения не помнят ВОВ также, как ветераны, поскольку это невозможно, но создают свой образ, с новыми интонациями. Иногда это вызывает конфликты, поскольку сегодня ощутим страх забвения или искажения образа ВОВ, что отсылает нас к первому заданному вопросу: как определить, что является искажением образа, а что его изменением и адаптацией к культурной реальности?

Например, фильмы иногда упрекают в исторической недостоверности, ошибках в деталях костюмов, оружия и техники. Причем, это касается не только современного кино, но и признанной советской классики [2]. Или выясняется, что на каком-то материале в честь празднования Дня Победы размещает изображение не советского солдата, а американского, или даже немецкого. Такие ситуации обычно вызывают широкий резонанс, возмущение, хотя очевидно, что далеко не все из тех, кто возмущается, заметили бы ошибку самостоятельно, без подсказки. Можно также привести и другие примеры, когда зрители ругали кино за недостоверность в связи с какими-то анахронизмами, например, явными следами современных косметических процедур на лицах актеров и актрисах. Порой, негативная реакция на такие детали затмевает даже довольно хороший сценарий и воспринимается значительно хуже, чем ошибки в деталях формы, или даже рассказываемых событиях.

Возможно, ключевым аспектом здесь является эстетическая целостность образа. Она позволяет ему быть валидным для воспринимающего человека даже при отдельных исторических допущениях. Эстетическая целостность образа события прошлого – это не про гармоничную или красивую картинку в кино или на плакате, а про ощущение подлинности, внутренней непротиворечивости и достоверности художественного высказывания, основанного на прошлом; когда все детали складываются в единую, убедительную систему, элементы которой связаны как с прошлым, так и с настоящим. Для ревнителей строгой исторической правды, проблема в том, что это убедительность завязана скорее на художественных основаниях.

Исходя из этой позиции, можно провести пусть нестрогую, но концептуальную грань между изменением и искажением образа события прошлого. В любом случае приходится признать невозможность поддержания истори-

ческой достоверности в современной массовой культуре: мы смотрим на события из другого времени и не можем с первого взгляда оценить историческую достоверность материала, образ становится очень усредненным и, конечно, упрощенным, поскольку он должен, как деталь конструктора, совпадать с другими историческими образами в современном контенте. Невозможность исторической достоверности распространяется и на смыслы, т.к. наше восприятие опосредовано нашими ценностями, знаниями, страхами: мы проецируем на прошлое современные взгляды, а также не можем отвлечься от своего знания о дальнейшем развитии событий, что окрашивает любую попытку реконструкции в трагические или, наоборот, тона надежды, которых у современников тех событий не было. И все же это все можно отнести к изменению образа, т.к. это условия для адекватного существования и «считываемости» образа в текущий момент. К искажениям следует отнести то, что создает явный «разрыв» традиции репрезентации события, даже если понятно, что традиция несовершенна. Это объясняет, почему следы косметических процедур на лицах актеров и актрис (виниры, филеры и т.д.) портят современные фильмы о ВОВ больше, чем ошибки в технике. Зритель думает не о том, что люди не выглядели так во время войны, но скорее о том, что они совсем по-другому выглядели в более ранних фильмах о войне, которые он видел.

Пожалуй, наиболее адекватным представляется подход к изображению войны, при котором акцент смещается с бытовых деталей на экзистенциальный опыт участников. Мотивация создания произведения (литературного, живописного, кино – неважно) в таком случае состоит в рассказе людям прошлого так, чтобы это было понятно людям современным. Эстетическая целостность достигается не через достоверность каждой пуговицы, а через целостность переживания. Это, пожалуй, один из самых сильных под-

ходов, потому что он не притворяется объективным, а признает свою субъективную и эмоциональную позицию по отношению к прошлому. Целостность сместилась из плоскости исторической достоверности в плоскость художественного высказывания. Зрителя больше будет раздражать несостыковка деталей на уровне собственных представлений, сформированных другими произведениями, чем действительно исторические ошибки. Целостности образа прошлого в ее классическом, музейном понимании в актуальной культуре не существует и не может существовать, так как нет «невинности» взгляда, но есть его дискурсивная «натренированность». Соблюдение эстетической целостности – это не искажение образа прошлого, а проблема честности художественного жеста. Не стоит стремиться к невозможной консервации памяти, потому что ее сохранность вполне возможна и без этого.

Список литературы

1. Donald J. Lewis (1979) Psychobiology of active and inactive memory, *Psychological Bulletin*, V. 86, issue 5, p. 1054–1083. doi:10.1037/0033-2909.86.5.1054.
2. Воронов А.М. (2010) Проблема правдоподобия и правды в советских и российских художественных фильмах, посвящённых Великой Отечественной войне, *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*, №2, с. 222-231.

УДК 791.43.01

Лысенко К.В.,

магистрант.

Санкт-Петербургский государственный универси-
тет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kostya.lysenko.2004@mail.ru

**"Блокада" С.Лозницы как пример современного
подхода к работе с хроникой в неигровом кино.**

Lysenko K.V.,

Master's degree student

St.-Petersburg State University,

St.-Petersburg, Russia

E-mail: kostya.lysenko.2004@mail.ru

**S. Loznitsa's "Blockade" as an example of modern
approach to usage of archival newsreel in documentary film**

Аннотация. В исследованиях эволюции неигрового кино отмечается, что в современности оно сталкивается с кризисом доверия к визуальному образу. В статье рассматриваются отдельные художественные приемы, позволяющие фильму С.Лозницы «Блокада» преодолеть этот кризис.

Abstract. In studies of the evolution of documentary film, it is noted that in modern times it is facing a crisis of confidence in the visual image. This article examines the specific artistic techniques that allow S.Loznitsa's film "Blockade" to overcome this crisis.

Ключевые слова: Лозница, блокада, документальное кино.

Keywords: Loznitsa, blockade, documentary film.

Одна из центральных тем, возникающих при исследовании документального кино и его эволюции – это вопрос об объективности, о попытках кинематографистов достичь ее, а в дальнейшем преодолеть невозможность ее достижения. «Эволюция неигрового кино представляется достаточно последовательным, пусть и не лишенным поворотов и петель, движением от складывания строгой политики репрезентации, связанной с объективностью «документа», через преодоление этой самой конвенциональности к опыту документальности и одновременно отказу от документальности самой по себе.» [1, с. 268] Сергей Лозница, как относительно современный режиссер неигрового кино, признает невозможность объективной документалистики [2], и потому полезно изучить предлагаемые им способы работы с хроникальным материалом в «эпоху кардинального кризиса доверия к визуальному образу» [1, с. 281] на примере фильма «Блокада», снятого в 2005 г. при поддержке российского Федерального агентства по культуре и кинематографии.

В основе конвенции документального кино лежало понимание «документа» как свидетельства и подтверждения факта. В связи с этим неигровое кино было крайне идеологизированным, а основным идеологическим инструментом выступал закадровый голос, наделявший изображение определенным смыслом и использовавший его как подтверждение озвучиваемым фактам. Радикальный отказ Лозницы не только от закадрового голоса, но и от практически любых вербальных элементов, будь то прямая речь героев или интертитры, можно воспринять как стремление к избавлению от любого идеологического влияния. Однако, как мы упомянули выше, Лозница отказывает фильму в объективности. В итоге из избегания какого бы то ни было

вербализованного посыла и из осознания неизбежности субъективного подхода рождается фильм, который предлагает зрителю не столько рассказ о событии, сколько возможность переживания опыта. Для этого режиссер использует множество приемов создающих мощное аффективное воздействие на зрителя.

Отбирая материал для фильма, Лозница старался использовать максимальную длину планов [3], что, в целом, характерно для творчества режиссера – О.Давыдова пишет о длительности в его ранних фильмах: «Это время, которое существует в опыте восприятия – время телесно проживаемое мной (зрителем) как невыносимо долгое; эта невыносимость не подлежит сомнению, и так мой кинематографический опыт становится подлинным, основываясь на моем же собственном аффекте.» [4, с.201]. Эффект, создаваемый длинными и статичными планами, выражен в «Блокаде» не столь явно в силу того, что хроникальные кадры сами по себе не обладали достаточной для этого длительностью, будучи при этом весьма насыщены действием. Однако относительная динамичность кадров компенсируется монотонностью звуковой дорожки, которая усиливает ощущение длительности отдельных планов. Более того, переходы между сценами, даже различными по звуковому содержанию, происходят плавно – звуковая дорожка непрерывна и лишена «монтажных стыков». Эта плавность звукового сопровождения сглаживает и делает незаметными переходы между соседними планами, как бы объединяя их в зрительском восприятии в один долгий план.

Роль звукового сопровождения не сводится только вышеупомянутому эффекту. «Взросшая в последнее время значимость звука помогает изображению восстановить так называемую утраченную индексальность, поскольку звук находится в прямом контакте с телом и тем самым со-

здает физическую связь между кино и материальной реальностью.» [5, с. 291] Звуковая дорожка «Блокады», хоть и создана искусственно, лишена любых недиегетических элементов, способных помешать погружению зрителя в экранную реальность. Отсутствие реплик или других звуковых акцентов выводит на передний план звуки, зачастую лишенные временной, либо символической характеристики, такие как шум проезжающих автомобилей или невнятные разговоры в толпе – и эта обыденность звуков также способствует сокращению дистанции между зрителем и фильмом.

Вышеупомянутая способность звука быть в прямом контакте с телом дополняется еще и той его особенностью, что аудиальная составляющая кино, в отличие от визуальной, не ограничена рамками кадра. С этим связано то, что М.Шион называет эффектом расширения. «Расширение – один из эффектов построения пространства при помощи сочетания звука и изображения. Мы понимаем под этим конкретное пространство, более или менее широкое и открытое, которое звуки среды и декора создают вокруг поля зрения, как бы образуя географическую, человеческую, природную пространственную рамку, из которой выделяется это поле.» [6, с. 207] В «Блокаде» прием расширения используется часто – даже при отсутствии в кадре источников звука, в звуковой дорожке элементы конструируемого фильмом мира присутствуют, причем одновременно в большом количестве и разнообразии: можно различить совершенно разные по характеру шаги, голоса и иные звуки окружающего мира. Если длинные планы, как мы отметили ранее, погружают зрителя в кинематографическое время и заставляют более интенсивно его переживать, то столь насыщенный звуковой ландшафт подобным образом погружает зрителя в пространство.

Мы рассмотрели аффективное воздействие фильма на уровне отдельных монтажных и звуковых приемов, но и на уровне драматургии фильм выстроен таким образом, что создается иллюзия последовательности и непротиворечивости повествования. Н.Арлаускайте выделяет 4 доминирующих в фильме формы когерентности [7, с. 163-164]:

1. Природный код. События фильма начинаются летом, продолжаются осенью, а завершается фильм кадрами, снятыми в зимний период. Так, блокада, длившаяся более двух лет, уместается в фильме в годичный цикл. Нарушение хронологии вызвано необходимостью соблюдения связности повествования, последовательно раскрывающего особенности жизни города в разные времена года, при постепенном усугублении масштабов бедствия.

2. Код урбанистической связности. Все кадры из которых составлен фильм, сняты в публичных пространствах, вне помещений. На протяжении всего фильма повторяются и развиваются одинаковые образы: провода, общественный транспорт, фасады домов.

3. Туристический код. В кадрах фильма регулярно возникают основные достопримечательности города. Можно предположить, что благодаря им становится возможным вовлечение зрителя через узнавание этих туристических символов. Образы достопримечательностей дополнительно конкретизируют место действия, устанавливая и укрепляя таким образом в сознании зрителя связь хроники и реальных, существующих в современности локаций. О.Давыдова пишет о том, как в фильме «Ночь и туман» (реж. Ален Рене, 1955) сопоставление архивных кадров, снятых в концлагере, и современных съемок тех же мест создает «время, в котором прошлое не дистанцировано от меня и может быть пережито вновь» [1, с. 278]. В «Блокаде» нет современных кадров, но узнаваемые туристические объекты, существующие вне времени как своего

рода вечные символы города, могут производить на зрителя похожий эффект.

4. Синхронный звук. Мы уже обозначили выше принципы работы звукового сопровождения в фильме, однако если до этого мы говорили, например, о связывании лишь соседних кадров благодаря непрерывной звуковой дорожке, то теперь можно отметить, что и на макроуровне эта непрерывность и последовательность в применении определенных приемов работы со звуком скрепляет повествование.

Рассмотрев 4 формы когерентности, мы видим, что на уровне драматургии фильм выстроен таким образом, что, во-первых, продолжает отмеченные ранее тенденции к включению зрителя внутрь кинематографического времени, а во-вторых, создает связное повествование, которое также способствует интенсивному переживанию зрителем погружения в запечатленный на хроникальных кадрах мир.

При поверхностном взгляде на фильм может показаться, что он претендует на объективность – об этом свидетельствует отсутствие ярко выраженного идеологического посыла, авторского комментария. Однако материал фильма выстроен в достаточно строгом соответствии с формируемой системой образов и в некоторых случаях очень свободно манипулирует исторической реальностью (например, в том, что касается сокращения всего периода блокады до лишь одного года). С художественной точки зрения это оказывается вполне оправданным подходом, так как даёт зрителю возможность максимально приблизиться к переживанию запечатленных в хронике событий. Возможно, в современном мире, в условиях «кризиса доверия к визуальному образу» такая стратегия оказывается более эффективным способом сохранения эмоционально наполненной исторической памяти, чем использование хроники

как объективного документа или идеологического инструмента.

Список литературы:

1. Давыдова О. (2020), Неигровое кино: от документа к свидетельству, *Кинематографический опыт: история, теория, практика*, под ред. А.Е. Радеева, Н.М. Савченковой, СПб: Порядок слов, с. 267-281.
2. Лозница С. (2005), Конец «документального» кино. *Искусство кино*, №6. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2005/06/n6-article9> (Дата обращения: 27.09.2025).
3. Шавловский К. (2006), Провинция Апокалипсис. Интервью с режиссером-документалистом Сергеем Лозницей. *lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/articles/2006/04/27/loznitsa/> (Дата обращения: 27.09.2025).
3. Давыдова О. (2020), Проблема аффективности в теории кино, *Кинематографический опыт: история, теория, практика*, под ред. А.Е. Радеева, Н.М. Савченковой, СПб: Порядок слов, с. 182-202.
4. Эльзессер Т., Хагенер М. (2016) *Теория кино. Глаз, эмоции, тело*, СПб: Сеанс.
4. Шион М. (2023) *Звук: слушать, слышать, наблюдать*, Москва: Новое литературное обозрение.
5. Арлаускайте Н. (2015) Пределы архива: Блокада Сергея Лозницы, *Гетеротопии: Миры, границы, повествование*, Вильнюс: Вильнюсский ун-т, с. 157-171.

УДК 93

Мороз И.А.,
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории, истории государства и
права
и гуманитарных дисциплин
Брянский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Брянск, Россия
E-mail: zima.morozz@yandex.ru*

**Роль памятников, посвященных Великой Отече-
ственной войне, в сохранении исторической памяти**

Moroz I.A.,
*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory, History
of State
and Law and Humanities
Plekhanov Russian University of Economics,
Bryansk, Russian Federation
E-mail: zima.morozz@yandex.ru*

**The Role of Monuments Dedicated to the Great Pat-
riot War in Preserving Historical Memory**

Аннотация. В данной статье автор анализирует роль памятников, посвященных героям и событиям Великой Отечественной войны. Особое внимание обращено на символизм мемориальных комплексов и их роль в воспитании молодежи. Автор анализирует памятники России и Брянска, выделяя их значение для сохранения исторической памяти.

Abstract. In this article, the author analyzes the role of monuments dedicated to the heroes and events of the Great Patriotic War. Special attention is paid to the symbolism of memorial complexes and their role in educating young people. The author analyzes the monuments of Russia and Bryansk, highlighting their significance for preserving historical memory.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, символ, памятник, мемориальный комплекс, героизм, историческая память.

Keywords: The Great Patriotic War, symbol, monument, memorial complex, heroism, and historical memory.

В год 80-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне в российской научной и образовательной сфере всё чаще поднимается вопрос о сохранении исторической памяти. К сожалению, уходят из жизни участники войны 1941 – 1945 гг., поэтому всё меньше остается живых свидетелей тех событий. В связи с этим сегодня особую роль играют исторические памятники и мемориалы, которые напоминают нам о тяжелых испытаниях, которые пришлось преодолеть советскому народу.

Ключевую роль в сохранении исторического наследия играет коммеморация, или коллективное увековечение памяти. По отношению к событиям Великой Отечественной войны она выражается через памятники, мемориалы и другие формы чествования героев. Поэтому важно обратить внимание, что памятник, бюст, мемориальный комплекс имеет в них особое смысловое значение. Главное же состоит в том, что эти объекты не просто посвящены определенным событиям или героям, но и формируют общественное сознание, подчеркивая их стойкость и героизм.

Безусловно, каждому в нашей стране известна скульптура «Родина-мать зовёт!», расположенная на Мамаевом кургане в Волгограде. Этот символ имеет большую смысловую нагрузку, так как олицетворение Родины с женщиной, которая дала тебе жизнь, помогало защитникам нашей страны мужественно сражаться, защищая Родину, свой город, дом и семью. Важность данного образа, понятного каждому жителю нашей страны, стала основанием для выбора его символом празднования 80-летия Победы в России.

В процессе увековечения памяти особую роль играет Могила Неизвестного Солдата в Москве. Его символизм состоит в том, что, как в годы войны, так и после неё, в результате деятельности поисковых отрядов найдено большое количество останков воинов, которых невозможно было опознать. Поэтому руководством страны было принято решение о создании мемориального места, где могли бы вспомнить своих родственников все люди, которые не знают, где погибли и похоронены их близкие. Надолго запоминаются слова С.В. Михалкова: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен», а зажженный возле могилы Вечный огонь является доказательством, как и он, вечной памяти людей о многомиллионных жертвах тяжелейшей войны.

Брянский край называют краем партизанским. Помимо большого количества брянцев, ушедших на фронты Великой Отечественной войны, огромную роль в достижении победы сыграло именно партизанское движение. На Брянщине уделяют большое внимание патриотическому и гражданскому воспитанию подрастающего поколения. А помогают в этом памятники и мемориальные комплексы, воздвигнутые после окончания войны [1, с.21].

Всем жителям Брянска известны памятники летчикам, артиллеристам, танкистам, медикам, не вернувшимся

с войны. Особое внимание привлекает памятник учителям, погибшим в годы Великой Отечественной войны, и расположен он перед зданием бывшего педагогического университета. Это – не конкретный человек, а символ, обобщающий образ учителя, своей жизнью защитивший мир от фашизма. Он склоняется к земле, но в нем есть ещё силы, а рука прикрывает простреленную книгу. Данный памятник – это напоминание о миссии учителя в мирной и военной жизни, так как он всегда учит не только в здании школы, но и своим примером [2, с.10].

Всегда много людей на памятном месте – стоянке городского партизанского отряда имени Д.Е. Кравцова, организованного в сентябре 1941 года. Сегодня – это мемориальный комплекс «Партизанская поляна». Склонив головы, стоят жители нашего города и его гости перед мраморной «Стеной скорби», где перечислены фамилии тысячи людей, целых семей, погибших в глубоком тылу. Здесь много конкретики и символизма: перечисленные операции партизанских соединений, тот ущерб, который нанесли фашистам народные мстители, и костер, возле которого когда-то обсуждали свои планы партизаны и откуда шли на выполнение заданий. Большой интерес посетителей памятного места вызывает партизанская землянка, показывающая быт людей, сражавшихся против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Нитью, связывающей прошлое и настоящее, является расположенная здесь выставка современной боевой техники. Она подчеркивает, что подобные события никогда не должны повториться [3, с.36].

Важное место в жизни Брянска занимает Памятник воинской и партизанской славы. Этот монумент сооружен на одной из центральных площадей города и любим и молодежью, и людьми преклонного возраста. Для первых – это одна из страниц исторического прошлого нашего древ-

него города, а для вторых – это напоминание о трагической странице, которую пережили наши земляки и символ сопротивления фашистским захватчикам. Данный памятник показывает неразрывную связь в действиях частей регулярной армии и партизанских соединений. Здесь горит Вечный огонь – символ бессмертного подвига народа в годы Великой Отечественной войны. По праздникам здесь несут почетный караул школьники-юнармейцы. Много людей приходят сюда и День Победы, и в День освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Сюда приезжают молодожены, чтобы возложить цветы и поблагодарить воинов-освободителей за нашу мирную жизнь [4, с.128].

Печальным и торжественным является особое место в Брянске – Курган Бессмертия. В праздничные и будние дни сюда всегда приходит много горожан. Расположенный в живописном парке «Соловьи», он является памятником тем, кто с оружием в руках отстоял наше Отечество от немецко-фашистских захватчиков. Символично, что в основание Кургана легла земля Сталинграда и Брестской крепости, Одессы и Ленинграда, Севастополя и болгарской Шипки и других легендарных мест. Священную землю из многих уголков области по горсти принесли матери, чьи сыновья и дочери не вернулись с войны, ветераны войны и труда, Герои Советского Союза, партизаны и подпольщики, комсомольцы и пионеры.

Оригинальной была идея о закладке капсулы с письмом потомкам, в котором говорилось о том, чтобы будущие поколения не забывали героического прошлого нашего партизанского края. Возведение Кургана превратилось поистине в народную стройку, на которой в свободное от работы время трудились тысячи юношей и девушек. Венчает Курган огромная пятиконечная звезда, которая хорошо видна из всех районов города.

Создатели данного мемориального комплекса продумали все, начиная от длинной аллеи, по которой нужно идти к Кургану, и высадили особый сорт рябин, которые низко склоняются к земле, оставляя красные ягоды, как олицетворение крови погибших воинов и партизан за нашу мирную жизнь.

Тем, кто в битвах прославили
Землю-мать, как могли,
Мы, живые, оставили
В нем по горсти земли.
И на все жизнелетия
Дан ему высший сан:
Удостоен Бессмертия

Русский воин – Курган, - писал в стихотворении «Курган Бессмертия» брянский поэт Николай Денисов. Курган Бессмертия – это вечная память тем, кто вписал золотые страницы в славную летопись края [5, с.14].

80 лет прошло с даты окончания Великой Отечественной войны. Памятники и мемориальные комплексы, посвященные событиям тех прошлых лет, помогают сохранению исторической памяти и особенно важны для подрастающего поколения, чтобы молодежь знала о событиях прошлого страны и своей семьи.

Таким образом, подчеркивая значение памятников, посвященных событиям и участникам войны, следует обратить внимание на тот факт, что они являются связующим звеном между прошлым и настоящим. Они очень важны, так как служат важным источником информации для генеалогического исследования. Кроме того, они становятся местами проведения торжеств и мероприятий, посвящённых значимым событиям регионов. Велика их роль и в сохранении исторической памяти, так как они часто являются отправной точкой для поиска информации о родственниках, которые воевали или трудились в тылу. Поэтому

каждый монумент – это не просто камень или бронзовая фигура, а символ человеческого подвига и важный элемент в наследии нашей страны.

Список литературы:

1. Дандыкин, Т.К. (2000), Во имя павших и живых. Брянск: Придесенье.
2. Сысоев С. (1970), Очерки культурного строительства на Брянщине. Тула: Приокское издательство.
3. Городков, В.Н. (1990), Архитектурные образы Брянщины. Тула: Приокское издательство.
4. Русанов Р., Соколов Я. (1985), Памятники земли брянской. Тула: Приокское издательство.
5. Мизерова, Н.А. (2003), Культура Брянска. Брянск.

УДК: 791.228

Оганян Э.Б.,

Студент 4 курса,

Подмосковный институт (филиал) ФГБОУ ВО Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Бронницы, Россия

E-mail: edgarek21@mail.ru

Культурная память и визуальный образ Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на примере анимации СССР/России и США)

Oganyan E. B.,

Student,

Podmoskovny Institute ((branch) of the Moscow Automobile and Road

*Engineering State Technical University (MADI),
Bronnitsy, Russia,*

E-mail: edgarek21@mail.ru

Cultural memory and visual image of the Great Patriotic War of 1941-1945 (using the example of animation of the USSR/Russia and the USA)

Аннотация. Визуальный образ Великой Отечественной войны транслируется и формируется и с помощью анимации. Мультфильмы делают сложные идеи и образы доступными для широкой аудитории. К их просмотру необходимо подходить критически, учитывая исторический контекст.

Abstract. The visual image of the Great Patriotic War is broadcast and formed with the help of animation. Cartoons

make complex ideas and images accessible to a wide audience. They should be viewed critically, taking into account the historical context.

Ключевые слова: анимация, антифашизм, политика памяти, СССР, США

Keywords: animation, anti-fascism, politics of memory, USSR, USA

Память о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. является неотъемлемой частью истории России и её народа. Визуальный образ войны транслируется и формируется через документальные хроники, фотографии, кинофильмы и анимацию. В рамках нашей работы мы попытались сравнить визуальный образ войны, представленный в мультфильмах СССР / России и мультфильмах и комиксах США военного и послевоенного времени и проанализировать, как он влияет на формирование культурной памяти.

Культурная память — это «ритуально оформленное воспоминание», представления о прошлом, закреплённые в культуре и оказывающие большое влияние на общество в течение долгого времени. Она заключена внутри самой культуры и говорит на языке символов: в литературе, архитектуре, музыке, живописи, скульптуре, кинематографе, ритуалах и памятных датах. С течением времени память может «остывать», если она хранится в виде воспоминаний отдельных людей, предметов и документов в архивах, но «не выходит на поверхность, в поле культурной памяти». Для обеспечения преемственности памяти необходимы постоянные усилия [2, с. 9 -13].

Массовая культура играла важную роль в формировании образа Великой Отечественной войны и поддержании патриотических чувств советского народа. В годы вой-

ны кинематограф и анимация были востребованы, использовались как средство мобилизации людей на героический труд и военный подвиг, вызывали эмоциональную сопричастность к важным событиям войны, искренние патриотические чувства. Активно работали стационарные и передвижные пункты кинопоказов. Киносеанс военного времени состоял из двух – трех частей. Сначала показывали военную кинохронику, часто мультфильм, а потом художественный фильм [5].

В современной массовой культуре мультипликация, в том числе полнометражные анимационные фильмы обращены не только к детям, но и к взрослой публике и играют значимую роль в формировании культурной памяти [1, 2]. Именно во время Второй мировой войны мультфильмы начинают активно использовать для просвещения взрослых [6].

Анимация активно использовалась во время войны в информационных целях (карты военных действий) в документальной хронике и в СССР и в США. Но и мультфильмы, которые на первый взгляд, обращены, прежде всего, к детской аудитории, в военное время создавались для взрослых [3].

В советском мультфильме «Не топтать фашистскому сапогу нашей Родины» 1941 г. в качестве визуального образа врага авторы использовали персонажей в рогатом шлеме, олицетворяющие фашизм как таковой [3, с. 46-47].

В американском короткометражном мультфильме 1942 года «Der Fuehrer's Face» («Лицо фюрера») главным героем которого является знаменитый утенок Дональд Дак, напротив, использованы карикатурные изображения реальных нацистских лидеров [6, 9].

Сравнив мультфильмы СССР и США военного времени, можно сделать вывод: и наши мультфильмы и мультфильмы США решали задачи военной пропаганды, в са-

тирическом и карикатурном виде изображался образ фашиста.

Снимались и обучающие мультфильмы, например, советский про экономию в быту («Одна из многих») (1943) [4, 10]. А в США в мультфильмах давался конкретный инструктаж по использованию военной техники для солдат (мультфильм Disney «Stop That Tank!») (1942) [6, 11].

Визуальный образ Великой Отечественной войны изменяется в послевоенное время. В российском мультфильме «Жить» (2016) главный герой, молодой солдат в своем первом бою преодолевает страх смерти и чувство самосохранения. Визуальный ряд искусно переплетает сцены войны и мирной жизни, показывая, ради чего солдаты борются - ради мира и будущего своих детей [8]. Мультфильм «Сильные духом крепче стены» (2010) говорит о том, что Родина будет под надёжной защитой тогда, когда люди будут готовы отдавать за неё свои жизни [12].

Визуальный образ войны изменяется и в анимации и комиксах США. К примеру, «Бэтмен: The War Years 1939-1945» — это комикс, который исследует приключения Бэтмена и его союзников во время Второй мировой войны. В послевоенных американских комиксах, которые часто становятся основой для мультфильмов, появляется образ уродливого «злодея» – советского ученого (Гаргуля) или шпиона (Блонски). Персонажи из России становятся злодеями, один из которых (KGBeast) даже должен убить президента США» [1, 7].

Сравнивая мультфильмы России и комиксы США послевоенного времени можно сделать вывод: в российских мультфильмах в отличие от американских нет никаких супергероев, героем становится каждый солдат. Наши мультфильмы послевоенного сохраняют память о прошлом, показывают связь национальной истории с историей каждой семьи. Они формируют культурную идентичность, под-

держивают эмоциональные связи между поколениями и способствуют сохранению народных традиций и сказок.

Визуальный образ войны в анимации и комиксах послевоенного времени США, напротив, конструирует искаженное представление о войне, в которой действуют на стороне США – «главного победителя» во II Мировой войне – прекрасные одиночки – «супергерои».

Список литературы

1. Атаманенко А. (2022), «Красная угроза»: Россия и русские сверхлюди в иностранных комиксах // Vatnikstan. Познавательный проект о русскоязычной цивилизации 15.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vatnikstan.ru/culture/krasnaya-ugroza/> (дата обращения 15.09.2025).
2. Васильева В.О.(2020), Великая Отечественная война 1941-1945 в нарративах популярной культуры: дрейф означаемого, Международный журнал исследований культуры. № 4 (41). С. 6-25.
3. Зыков Н. П. (2022), Образ врага в советских пропагандистских мультфильмах во время Великой Отечественной войны, Международный научный журнал «Вестник науки», № 7 (52), Т.4. С. 46-50. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vraga-v-sovetskih-propagandistskih-multfilmah-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата обращения 15.09.2025).
4. Зыков Н.П. (2022), Советские агитационные мультфильмы во время Великой Отечественной войны, Международный научный журнал «Вестник науки», № 7 (52), Т.4. С. 60-63. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-agitatsionnye-multfilmy-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата обращения 15.09.2025).
5. Клименко Н. (2021), Новости с фронта, комедии и сказки: что смотрели в кинотеатрах Москвы во время войны,

mos.ru. Новости. 8.09.2021. Режим доступа: mos.ru/news/item/90423073 (дата обращения 15.03.2025).

6. Gavin M., Andersson C. (2017), *Influencing America through Animation – WWII Propaganda Cartoons* // *Animation Throug WWII*. 8.11.2017/ URL:

<https://abriefhistoryofanimationinfilm.wordpress.com/2017/11/08/animation-through-wwii> (дата обращения 15.09.2025).

7. Roy T. (2015), *Batman: The War Years, 1939-1945: Presenting over 20 classic full length Batman tales from the DC comics vault! (Vol.1)* New York: Chartwell Books. URL: <https://archive.org/details/batmanwaryears190000royt> (дата обращения 15.09.2025).

УДК 130.2

Петинова М.А.

кандидат философских наук, доцент.

*Самарский государственный экономический университет,
г. Самара, Россия*

*Самарский государственный медицинский университет,
г. Самара, Россия*

E-mail: shloss@yandex.ru

Memory music в русской культуре как опыт эпитафийной тематики: камерная симфония «Памяти жертв фашизма и войны» Д. Шостаковича

Petinova M.A.

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor.

Samara State Economic University, Samara, Russia

Samara State Medical University, Samara, Russia

E-mail: shloss@yandex.ru

Memory music in Russian culture as an experience of epitaphic themes: chamber symphony "In Memory of the Victims of Fascism and War" by D. Shostakovich

Аннотация. Поднимается проблема музыкального искусства как инструмента сохранения и трансляции исторической памяти, как ресурса способного обнаруживать невербальные смыслы культуры на примере камерной симфонии «Памяти жертв фашизма и войны» Д. Шостаковича.

Abstract. The issue of musical art as a tool for preserving and conveying historical memory is raised, as a resource capable of uncovering the non-verbal meanings of culture, exemplified by the chamber symphony «In Memory of the Victims of Fascism and War» by D. Shostakovich.

Ключевые слова: Д. Шостакович, музыка, война, эпитафия, память.

Keywords: D. Shostakovich, music, war, epitaph, memory.

25 сентября 2025 года, в день рождения Дмитрия Шостаковича, в Самаре в рамках VI Международного фестиваля искусств «Шостакович над временем» под управлением Владимира Спивакова Государственным камерным оркестром «Виртуозы Москвы» в зале Самарской филармонии была исполнена камерная симфония «Памяти жертв фашизма и войны» Д.Д. Шостаковича. Произведение, которое аккумулирует в себе личное и историческое, интимное и объективное. Все вместе образует невербальное высказывание – музыку, способную быть нечто большим, чем языковая структура или научная формула; в ней, словно в переливчатой живой субстанции, трепещут и оживают ощущения и образы времени, проносятся перед внутренним взором течения внутренней сознательной жизни, наполненные дыханием, паузами, размышлениями о бытии, как «намек на невысказанную тайну» [1, с. 45]. В этом пересечении образов и смыслов, в живой, подвижной и тончайше организованной звуковой ткани, и раскрывается своеобразие искусства: быть истиной не столько отдельного факта, а ритмом и пульсом многозначного целого, текущего, переливчатого внутреннего переживания и сознания.

Музыка, не владея предметной схематичностью науки, всегда (особенно в рамках академической традиции) сохраняла свой статус «серьезного» искусства, без которого в античности не мыслилось и воспитание человека по принципу пайдеи. Абстрактные формы звуковых комплексов, образующих течение музыкальной ткани, оформленные по замыслу композитора и разворачивающиеся в ис-

полнении, представляют человеку возможность вступить в сферу непосредственных процессов длительности, временности, осознанности, организованных не логикой и рациональными вербальными категориями мышления, но сложнее и тоньше – оттенками звуковых потоков, тяготениями и энергиями, ритмической пульсацией и колористической нагруженностью музыкальных тонов, их сгущениями и разряжениями, волновыми последовательностями, которые, соединяясь вместе и переливаясь друг в друга, составляют неразрывное единство и, одновременно, разнообразие – приметы подлинного бытия.

Рассматривая искусство как элемент и способ постижения мира, как опыт художественного высказывания, мы должны обратить внимание на двойственность его связи с миром. Будучи представленным в живом исполнении, оно всегда требует «собрания» в целое, тем самым демонстрируя отсутствие единого целого в самом начале своего проступания, говоря словами М. Хайдеггера, «в просвете бытия». Данное свойство искусства, в повторяющейся ситуации быть вновь и вновь исполненным, каждым своим явлением заявляет о себе как уникальное и индивидуальное событие, как особое состояние сознания – присутствия («при-сути», *Dasein*) в процессе постижения, развертывания, созидания действительного, живого со-бытия.

Размышляя о роли искусства в жизни человека и шире – о его роли в сохранении исторической памяти, а также подмечая (в строках выше) специфические свойства музыки в передаче знания и истины посредством «повторения подобного, но не одинакового» [1, с. 48], на наш взгляд, открываются значимые преимущества творчества как технологии возвращения к началу без повторения и однообразия, но к подлинному переживанию единства многообразия жизни, которое никогда не устанешь созерцать. В этом фундаментальном основании музыка, фиксируя менталь-

ные свойства и переживания человека, вырабатывая свой определенный «интонационный словарь» эпохи (Б. Асафьев), реализует значимую функцию сохранения и закрепления музыкальных кодов в культуре. А по существу, – осуществляет мемориальную практику (*in memoriam*) в жизни общества, воссоздавая в памяти яркие музыкальные образы, заполняя пространство встречи звуковыми впечатлениями, донося до сознания что-то сокровенное и трепещущее, приводя в движение мир ценностных констант, открывая неожиданное в себе: смутно угадываемые предчувствия будят воображение, в котором проступает ощущение себя в смысловом пространстве символической культуры, дарующее волшебное чувство бытия, как «дыхание целого» [1, с. 53].

История музыки в аспекте *In memoriam* прошла большую традицию от народной обрядовой и церковной практик поминальной службы до эпитафиальных форм – посвящений, представленных на концертных пространствах академического исполнительства. Программное содержание жанра *memory music* на всем протяжении своего развития сохраняет принцип: быть выразителем глубочайших трагических переживаний и философских размышлений о временности и конечности сущего. Что касается русской традиции мемориальной музыки, то её становление совпадает по времени с серебряным веком русской культуры – концом XIX в. и достигает своего апогея во второй половине XX в. Формы и исполнительские группы отличались количественным и содержательным составом музыкантов, могли насчитывать крупные единицы оркестра и хора для реализации как масштабного замысла *memory music*, так и сокращаться до камерного состава струнных инструментов.

Драматические и преисполненные скорбью исторические события Великой Отечественной войны XX века в

Советской России привели к десяткам миллионов жертв и нашли свое отражение в музыке *In memoriam*. Так, камерная симфония Д.Д. Шостаковича «Памяти жертв фашизма и войны» (1960) наполнена глубокими размышлениями о фундаментальных темах смысла жизни, тяжести судьбы и бренности существования. Она задумана композитором как субъективная летопись, персональная страница жизни. Глубоко личное и трагическое произведение стало настоящей эпитафией композитора самому себе. Музыка отражает субъективный уровень чувств, который приобретает масштабный характер – становится выразителем дум всего поколения, находя отклик и живое переживание у слушателя. Глубина трагического опыта, закодированная в сложных знако-символических музыкальных символах, – монограмма D-Es-C-H как основной лейтмотив – проходит через все пять частей, переплетаясь с самоцитатами из оперы «Леди Макбет Мценского уезда», фортепианного трио, виолончельного концерта, темами из Первой, Восьмой и Десятой симфоний. А также символически звучит тема из Траурного марша Вагнера, Шестой симфонии П. Чайковского и революционной песни «Замучен тяжелой неволей».

Переживая свою судьбу в контексте истории России, Д. Шостакович задумывает и пишет квартет, но уровень, сила и глобальность его содержания смогли трансформироваться и в исполнении воплотились в камерную симфонию – камерно-инструментальный реквием памяти жертв фашизма и войны. Таким образом, искусство является и хранителем, и, если говорить о музыке, и живым опытом со-бытия, присутствия всех участников художественного события, в ситуации «педагогики перцепции» (Ж. Делёз) [2], где со всей пронзительностью переживания мы живем, чувствуем, думаем и учимся.

Список литературы:

1. Померанц, Г. (1995), *Выход из транса*. М.: Юрист. 575 с.

2. Петинова, М.А. (2020), Социальные контексты музыкальной культуры в эпоху «текущей современности»: от алеаторики до переосмысливания Шостаковича // *Аспирантский вестник Поволжья*. - 2020. - Т. 20. - №3-4. - С. 23-28.

УДК 7.01

Радеев А.Е.,
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный универси-
тет, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.radeev@spbu.ru

**Память и эстетический опыт: к аналитике образа
руин ВОВ**

Radeev A.E.,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: a.radeev@spbu.ru

**Memory and aesthetic experience: to an analytics of
images of ruins**

Аннотация. Одной из функций памяти является забвение. Эстетический опыт позволяет выполнять функцию удержателя памяти. Определяются черты руины и на материале анализа мемориала ВОВ Большого Заречья и руины в усадьбе Пятая Гора делается вывод о возможности эстетического анализа сложных феноменов.

Abstract. One of the functions of memory is oblivion. Ruins are the rich objects associated with the activity of retaining an image in memory. Based on the analysis of the Bolshoye Zarechye Memorial and the ruin in the Pyataya Gora estate, the possibility of aesthetic analysis of complex phenomena is concluded.

Ключевые слова: руина, эстетический опыт, память, Большое Заречье, усадьба Пятая гора

Keywords: ruin, aesthetic experience, memory, Bolshoe Zaretchie, Pyataya Gora.

За последние 40-50 лет представление о том, что эстетика – это философия красоты и философия искусства, ушло в прошлое. Эстетика изучает весь комплекс эстетических переживаний, анализирует формы эстетического опыта далеко за пределами красоты и искусства.

В этом свете для эстетических исследований важным является вопрос о том, какие факторы влияют на эстетические переживания, как под воздействием этого влияния изменяется эстетический опыт и представление о нем. При этом изучение этого воздействия подразумевает внимание к двунаправленности, т.е. взаимовлияния факторов и эстетических переживаний.

Существует множество исследований подобного рода. Изучается взаимовлияние этических установок, когнитивных представлений, религиозных убеждений и эстетических переживаний. Между тем следует признать, что взаимовлияние памяти и эстетического опыта изучено слабо.

Связано это не в последнюю очередь с тем, что память, если и работает, то в сломанном состоянии, образы памяти неустойчивые и неизбежно потухают, исчезают, рушатся. Одной из функций памяти является забвение – не удержание, а забывание образов во многом составляет основную работу памяти. Памяти неизбежно необходимы элементы, удерживающие образы от их скатывания в забвение.

Одним из таких удержателей памяти является эстетический опыт. Следует учесть, что эстетический опыт

функционирует в трех режимах: единичность (замкнутость на многообразии эстетических переживаний), двоичность (взаимодействие с особенностями эстетического объекта), троичность (прослеживание элементов эстетической атмосферы). Можно выделить предметы, в которых прослеживаются все три режима эстетического опыта, такой предмет мы называем богатым эстетическим предметом.

В этом случае именно богатые эстетические предметы выполняют функцию удержателей памяти наиболее полным образом.

Одним из таких богатых предметов, связанных с деятельностью удержания образа в памяти, является руина.

Руину следует отличать от развалины. В руинах есть не только богатство формы, но и еле улавливаемое удержание в бытии. Развалина как бы сдалась под напором времени или внешнего воздействия, а руина как бы настаивает на своем существовании, она утратила свою функциональность, но не перестает еще вызывать эстетические эффекты.

3. Сомеги проводит мысль, что в руине сходятся три условия: (1) утрата функциональности, (2) диалектика присутствия и отсутствия, (3) погруженность во время.

Можно иначе понять образ руины, если выделить нем три момента: (1) грусть утраты, (2) настойчивость в бытии, (3) неожиданность формы.

В этом свете интересно проанализировать мемориальные руины, оставшиеся после ВОВ в Ленинградской области. На примере мемориала Большого Заречья можно увидеть, как память удерживается благодаря многообразию эстетических переживаний. В мемориале Большого Заречья имеются все элементы руин, связанные со скорбной утратой (сожженная деревня), с настойчивостью в бытии (оставшиеся печи домов), с неожиданностью формы (разбросанность оставшихся мемориальных печей по полю).

Сам мемориал действует как богатый эстетический предмет, поскольку в нем явлены все три режима эстетического опыта (с особым акцентом на атмосферу места Большого Заречья).

С другой стороны, можно проследить, как элементы образа руины изменяют свою силу при их репрезентации. В качестве примера можно сравнить руину Церкви Троицы Живоначальной в усадьбе Пятая Гора во всем богатстве руинированной формы с тем, как эта руина представлена в фильме «Ржев» (2019).

Аналитика эстетического опыта – богатая для исследования смысловая территория, которая далеко не исчерпана и которая дает возможность проводить эстетический анализ сложных феноменов, показывать способы эстетического воздействия, эффективные пути для применения открытий в области эстетики к предметам окружающего мира.

УДК 331.08

Русалович Т. В.,

магистрант.

Санкт-Петербургский государственный универси-
тет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: rustrofim@yandex.ru

**Феномен фильмов ужасов о Второй Мировой
войне в российском и американском кино**

Rusalovich T. V.,

Master's student,

Saint Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia

E-mail: rustrofim@yandex.ru

**The phenomenon of the Second World War horror
movies in Russian and American cinema**

Аннотация. В статье предлагается разбор тенденций в изображении Второй Мировой войны в российской и американской кинотрадициях и их роль в современных фильмах ужасов и боевиках, посвященным военным событиям. Материалом для статьи послужили фильмы «Оверлорд» и «Красный призрак».

Abstract. The article offers an analysis of trends in the depiction of the Second World War in Russian and American film traditions and their role in modern horror films and action films dedicated to military events. The material for the article were the American film “Overlord” and the Russian film “The Red Ghost”.

Ключевые слова: кинематограф, Великая Отечественная война, Вторая Мировая война, хоррор, американское кино, кинотрадиция, травма, советское кино, российское кино.

Keywords: cinema, the Great Patriotic War, the Second World War, horror, film tradition, American cinema, film tradition, trauma, Soviet cinema, Russian cinema.

Великая Отечественная война была и остается в памяти жителей постсоветского пространства. Война затронула каждого, однако с каждым годом все меньше остается тех, кто столкнулся с трагедиями и лишениями тех лет лицом к лицу. Так, с течением времени, основную роль рассказчика о войне берет на себя искусство. Молодые поколения начинают осмысливать произошедшие события и их социокультурные и политические последствия под другим углом, продолжая развивать национальный миф. Художественный замысел и центральная идея фильма становятся выше исторических подробностей, и со времени окончания Второй Мировой войны мы можем наблюдать сюжеты на военную тематику во всевозможных жанрах и формах.

Будет неправильным говорить о том, что военный фильм во время ВОВ и первые годы после являлся исключительно документальной хроникой. Еще в годы войны в разных частях СССР начались масштабные съемки кинокартин разных жанров, от героических драм и фильмов о жизни тыла до лирических кинолент и военных комедий [1, с. 28]. Однако непосредственно жанровое кино, как и сюжеты, выходящие за рамки общепринятых государственных установок военных лет и поздней сталинской эпохи, стали появляться гораздо позднее.

Это приводит нас к сегодняшнему многообразию кинокартин о событиях Второй Мировой войны в российском и мировом кино – времени, когда об одной из величайших

трагедий человечества киноиндустрия говорит не только языком пафоса и скорби, но и использует гротеск, иронию и прочие приемы, которые не являются привычными для художественной продукции о военных действиях и национальных травмах. Это также относится к во многом табуированному жанру фильмов ужасов. В своей книге, посвященной истории этого жанра, киновед Д. Е. Комм описывает хоррор не как набор устоявшихся тропов или сюжетных клише с единой тематикой, а как некоторую «технологию страха, нацеленную на выполнение контракта со зрителем» [2, с. 9]. Условием контракта является испуг и трепет, вызванный у зрителя фильмом, и для этого могут задействованы образы и персонажи разных эпох и контекстов: «фильм ужасов – это не то, что показывается, а то, как показывается» [Там же]. Так, мы можем сделать вывод о том, что фильм ужасов, события которого происходят во время военных действий, не является чем-то из ряда вон выходящим.

Жанр хоррора в своей проблематике обращается как к универсальным табуированным темам, так и к отдельным историческим и культурным тревогам [3, с. 4]. Многие исследователи находят истоки киноужасов в событиях Первой Мировой Войны, их создание было для авторов способом выразить накопившиеся эмоции, недовольство и разочарование в национальной политике своих государств и мировом устройстве в целом: «Смертельное безумие Первой мировой войны пробрало Западную Европу до костей, и новое жутковатое развлечение в виде фильма ужасов не стало спасением или катарсисом, а скорее повторением травмы» [4, с. 96]. Одним из наиболее известных примеров демонстрации травмы через форму фильма ужаса является японский научно-фантастический фильм «Годзилла» режиссера Исиро Хонды, ставший символом переживаний

японского народа по поводу биохимического оружия и катастрофических последствий его применения [5, с. 3].

Так, война находит отображение в остросюжетных фильмах и фильмах ужасов. Разберем подходы к освещению Второй Мировой войны в отечественной и американской кинематографических традициях. Как отмечает исследователь И. Е. Мищенко, «Российские фильмы более однозначны: военный – почти мифологический герой, защитник, который исполняет долг, а не отрабатывает контракт, уровень его профессиональной подготовки не играет роли, поскольку его подготовка носит едва ли не метафизический характер, он подготовлен всей российской историей и культурой» [3, с. 7]. Для советского и российского кино характерен образ простого солдата, сражающегося за родину во имя мирного неба над головой. При демонстрации солдат Красной Армии и исторических сражений допускается пафос и героизация, свойственные любому произведению о национальных героях и подвигах, однако отсутствует «блокбастерность», гиперболизация образа всемогущих солдат, в одиночку способных разрушить целые вражеские армии. При показе сил вермахта и подразделений СС редко используется раскрывается внутренний мир и личность этих персонажей: враг обезличен, он силен и коварен, и его нельзя недооценивать.

Американскому (и европейскому) кинематографу привычна демонстрация нацистов, особенно высоких чинов, в виде особенных личностей (обычно, конечно, со знаком минус), «поэтизация образа нацистов, придание ему демонического обаяния» [6, с. 4]. Можно также отметить более широкое жанровое разнообразие, использование черного юмора и треша [7, с. 2]. Сам американский солдат, как его описывает польский историк кино Е. Теплиц, это «Герой-сверхчеловек, помесь святого и рыцаря, он неустрашим в бою, всегда сражается за самые высокие

идеалы человечества» [8, с. 48]. Так, этой национальной кинотрадиции характерен образ индивидуального солдата, исключительного военного, практически супергероя, что идет вразрез с более приземленным и лиричным образом советского бойца.

Обратимся к анализу военного боевика российского производства «Красный призрак» (реж. Андрей Богатырев) и американского военного хоррор-фильма «Оверлорд» (реж. Джулиус Эйвери). Оба фильма черпают вдохновение из национальных кинотрадиций, описанных выше, но также используют сюжетные и стилистические ходы из более узких жанров, а именно советского истерна и фильмов, связанных с тематикой «Оккультизма Третьего рейха» [6, с. 4].

«Оверлорд» является одним из недавних и наиболее качественных образцов уже сложившейся традиции западных фильмов ужасов про оккультную сторону гитлеровской Германии. Исследователь Э. А. Радаева в своей работе о эйдосе Третьего рейха подробно раскрывает истоки этой традиции и ее привлекательность для западных кинотворцов: это одновременно способ выразить историческую травму, «оправдывая» поражения европейских государств гитлеровской армии через наделение последней сверхъестественными силами, и апелляция к широкой аудитории любителей фильмов ужасов, привыкших к сюжетам на оккультную тематику [6, с. 6].

Уже в первом акте картины, до демонстрации лабораторий, проявляется одна из черт американского военного кино – фокус на небольшой группе персонажей с четкими клишированными характерами: нейтральный главный герой, с которым себя ассоциирует кинозритель, дерзкий рядовой, таинственный и холодный капрал и неуверенный в себе фотограф. Эти герои и позже присоединяющаяся к ним жительница французского города составляют команду,

чья динамика отношений и последующие сюжетные ходы будут легко предугаданы даже зрителем с минимальным набором знаний из популярной культуры. Цель здесь не раскрыть их характеры или показать исторические нюансы, а создать киноаттракцион.

Фильм демонстрирует brutальные и гротескные образы жертв экспериментов и получающиеся из них машины для убийств, в своей проблематике заходя в поле жанра боди-хоррор – можно ли назвать получившихся монстров людьми? Однако, за исключением сцен с родственницей французской девушки и с сожжением, по-видимому, неудачных экспериментов, авторы не исследуют данную проблематику, оставаясь на уровне классического фильма о противостоянии людей зомби. В «Оверлорде» мы можем наблюдать классическую репрезентацию черт голливудских киноужасов как таковых и узкой категории хорроров про демонические силы Вермахта.

При детальном рассмотрении, несмотря на жанровые элементы боевиков и хорроров, в «Красном Призраке» прослеживается традиция советского военного кино. Открыто мифическая фигура, которой предстает вынесенный в название «Призрак», не является типичной для отечественного военного фильма, однако присутствие чуда или нечто трансцендентного, что в самый тяжелый для героев момент помогает им спастись, в том или ином виде появляется как в картинах советского периода, так и в современном российском кино.

Также важен посыл картины – в финале появляется сообщение «неизвестному бойцу посвящается», что можно осмыслить как сообщение о том, что каждый мог быть этим «Призраком», существующим в легендах и «байках» у костра, поддерживая национальный дух и веру в победу и светлое будущее. К другим маркерам отечественного военного фильма можно отнести жертвенность героев, приня-

тый ими фатализм. На примере разбираемых фильмов можно отметить, что американскому фильму также не чужда демонстрация героизма и жертвенности главных героев, однако в этих двух традициях отличается подход к демонстрации подобного поступка: американский военный боевик использует подобные сцены как аттракцион, как демонстрацию силы и (супер)героического пафоса. В отечественном кино это способ продемонстрировать жертвенность и стоицизм как национальные черты, это способ отразить травму всего народа.

Однако внутри «Красного Призрака» можно отметить параллели с западной традицией, свойственные даже столь консервативным и направленным на традиционные общественные устои жанрам как военный фильм. Хоррор-элементы находятся в «Красном Призраке» на уровне демонстрации жестокости и создания саспенса. Отечественной киноиндустрии свойственно более трепетное отношение к демонстрации насилия на экране, и «Красный Призрак» в этом отношении больше близок к западной традиции хорроров и определенному направлению внутри данного жанра – «сплэттеру». В подобных фильмах насилие «смакуется», несет развлекательную направленность, создает тревожное настроение внутри аудитории или воплощает зрительские «power fantasies».

К другим признакам западной направленности фильма можно отнести параллель с «Оверлордом» в демонстрации центрального немецкого антагониста. Оба персонажа по сюжету носят звание гауптштурмфюрера, оба во втором акте фильма оказываются побеждены, но не устранены главными героями и возвращаются в третьем акте с дополнительными силами, чтобы сразиться с героями в финальном бою (в случае «Оверлорда» силой является передозировка жидкостью для создания суперсолдат, в случае «Красного Призрака» – дополнительные силы Вермахта).

Таким образом, можно проследить явное влияние западного кинематографа на современную отечественную традицию фильма о Великой Отечественной войне и получающиеся проекты со смешением элементов разных культурных кодов. Невозможно однозначно заявить о негативном или позитивном влиянии подобных картин на аудиторию. Кино было и остается возможностью отразить национальные трагедии и ужасы войны, и то, каким способом разные поколения подходят к этой задаче, заслуживает дальнейшего рассмотрения и исследования.

Список литературы:

1. Ананьев, Д. А. (2020), Великая Отечественная война в освещении советского и российского кинематографа: основные тенденции и проблемы // Международный журнал исследований культуры. №4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-osveschenii-sovetskogo-i-rossiyskogo-kinematografa-osnovnye-tendentsii-i-problemy> (дата обращения: 29.09.2025).
2. Комм, Д. Е. (2012), Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. – СПб.: БХВ-Петербург
3. Grant, B. K. (2010), Screams on Screens: Paradigms of Horror // Loading... Vol. 4 No. 6 URL: <https://journals.sfu.ca/loading/index.php/loading/article/view/85> (дата обращения: 29.09.2025).
3. Мищенко, Е. И (2020), Современное кино о войне: опыт сравнительного анализа европейских и российских кинофильмов // Культура и цивилизация. №6 (А). URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2020-6/9-mishchenko.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).
4. Скотт Пул, У. (2024), Пустошь. Первая мировая война и рождение хоррора – Москва: Лёд

5. Cipriani, M. I. (2021), National Trauma, National Horror // International Journal of Arts Humanities and Social Sciences Studies Vol. 6 No. 9 URL: <https://www.ijahss.com/vol6-issue9.html> (дата обращения: 29.09.2025).
6. Радаева, Э. А. (2024), Эйдос Третьего рейха в современном зарубежном кино жанра хоррор: проблема классификации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2024. №98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eydos-tretiego-reyha-v-sovremennom-zarubezhnom-kino-zhanra-horror-problema-klassifikatsii> (дата обращения: 29.09.2025).
7. Радаева, Э. А. (2024), Образы Второй Мировой войны в современном кино жанра хоррор: коды культуры// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. №97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazy-vtoroy-mirovoy-voyny-v-sovremennom-kino-zhanra-horror-kody-kultury> (дата обращения: 29.09.2025).
8. Теплиц, Е. (1966), Кино и телевидение в США – Москва: Искусство

УДК 18; 7.01; 791.43.01

Стругова Е.А.,

Аспирант

*Санкт-Петербургский государственный универси-
тет, г. Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: ekaterina.strugova1997@gmail.com

**Образ военного врача в контексте советского ки-
нематографа второй половины XX века (на примере
фильмов “Дорогой мой человек”, “На всю оставшуюся
жизнь” и “Военно-полевой роман”**

Strugova E.A.,

Postgraduate student

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: ekaterina.strugova1997@gmail.com

**The Image of a Military Doctor in the Context of So-
viet Cinema of the Second Half of the XXth century (Using
the Example of the Films “My Beloved”, “For the Rest of
His Life” and “Wartime Romance”**

Аннотация. Статья посвящена советским фильмам о во-
енных врачах, таким как “Дорогой мой человек”, “На всю
оставшуюся жизнь” и “Военно-полевой роман”. Анализи-
руется формальные и жанровые методы представлений о
врачах на экране в истории отечественного кино.

Abstract. The article is devoted to Soviet films about military
doctors, such as *My Beloved*, *For the Rest of His Life* and *War-
time Romance*. The formal and genre methods of representing
doctors on the screen in the history of Russian cinema are ana-
lyzed.

Ключевые слова: кинематографический образ, военный врач, советское кино, этика, эстетика, нравственность.

Keywords: cinematic image, military doctor, Soviet cinema, ethics, aesthetics, morality.

Врач, задача которого – взять верх над новоприобретенной болезнью или рецидивом, перебарывает, в том числе, себя. Однако – не свое Я как переживание (страх, тревога, ужас, то есть состояния вполне эстетические), а как субъекта, который ждет от своего поступка результата, ощутимого и весомого в рамках этики и собственной жизни. Врач должен отказаться от одного эстетического аспекта своей практики – созерцания – в пользу другого. Вторым аспектом выступает кантианское “безразличие к существованию объекта” после лечения, если даже этим объектом станет его успех и “багаж” уважения, почета и любования собой как героическим персонажем.

Обратная сторона сосредоточенности на цели и трезвости рассудка, с которыми врач и, тем более, военный врач подходит к своему важнейшему делу – спасению жизни ценой собственного здоровья и полноты сил, – это впечатлительность и “задетость”. В англоязычной теории чувственности есть аналоги «задетости», например, «*being moved*». Одни исследователи считают её «подлинно эстетической эмоцией», вторые – реакцией, с помощью которой искусство отличается от не-искусства [1]. Вероятно, задетость встает в один ряд с ранимостью и теми качествами, с которыми медику необходимо быть осторожным. Ведь упомянутые черты характера отсылают к тому, что стоит «над» или после опыта. Такую же независимость от опыта проявляют «становление» [2] и «длительность» кинематографического опыта (в некоторых концепциях – опыт как «встреча» [3]), поэтому врач на экране, его образ

в кино – это непростое испытание и для эстетической, и для этической чувствительности аудитории.

Вероятно, существуют какие-то различия между эпохами, поколениями зрителей, а также художественными методами, при помощи которых выстраивается образ представителя одной из самых благородных профессий. Особенно эти различия становятся заметными при обращении к различным воплощениям врачей в советском и мировом кино. С самого начала существования советского государства, деятели культуры стали запечатлевать докторов возвышенно, героически, самоотверженно и передавать это средствами искусства: детский музыкальный фильм “Доктор Айболит” (реж. В. Немоляев, 1938) по произведению Корнея Чуковского и сценарию Евгения Шварца; экспрессивный монтаж русских пейзажей и жизни сельского врача, поднимающего медицину вдали от больших городов в фильме “Доктор Калюжный” (реж. Э. Гарин, Х. Локшина, 1939); сатирическая комедия Георгия Данелия “Тридцать три” (1965) про стоматолога, которого сыграл Евгений Леонов; “Коллеги” (реж. А. Сахаров, 1962) с молодым на тот момент актером Василием Ливановым; другие ленты с огромными перспективами для киноанализа и раскрытия менее изученных сюжетов из истории отечественного кино.

Еще одна немаловажная сфера чувственности, к которой врач как профессионал должен преодолеть восприимчивость и даже перейти из эстетической в этическую сферу, – это отвращение. Уже в философии Нового времени и, в первую очередь, в трактатах Д. Юма отразилось стремление к систематизации человеческих «страстей» по принципу, который позднее в аналитической этике получил название «эмоциональной конверсии». Примечательно, что отвращение не стало исключением из ряда подобных «страстей». Юм, например, полагал, что «импульс мелан-

холических страстей [печали, сострадания и негодования] превращается в удовольствие и усиливает восторг от чувства красоты, которое, будучи преобладающим переживанием, полностью овладевает умом и изменяет природу [меланхолических страстей]» [4, р. 261]. К тому же, суммируя определение отвращения, сформулированное М. Мендельсоном и И. Кантом, В. Меннигаус указал на него как на «темное» ощущение, которое не только размывает грань между реальным и воображаемым, но и означает переживание чего-то как беспрецедентно реального [5, р. 9].

Военный врач и в действительности, и в искусстве, и, в частности, в советском кинематографе как никто другой из служителей общественному благу преодолевает свой страх и моральное неприятие бедствий во имя спасения людей. В то время как эстетическая сторона его профессии отходит на второй план. Зритель, наблюдающий за событиями боевых действий Великой Отечественной войны и жизни военного врача того времени по ту сторону экрана воспринимает репрезентацию персонажа посредством художественных методов как уже страдающего, испытывающего отвращение или стыд. Здесь содержится побуждение зрителя как потенциального морального эксперта представлять, что испытывает другой (персонаж), но никоим образом не как. В ином случае, описание чьего-то поведения, например, как отвратительного стало бы ответственностью другого морального агента.

Особенно выделяются среди упомянутых картин и разнообразия фильмов на профессиональную тематику истории о военных врачах: “Дорогой мой человек” (1958) Иосифа Хейфица, “На всю оставшуюся жизнь” (1978) Петра Фоменко и “Военно-полевой роман” (1983) Петра Тодоровского. Их герои отражены на экранах в разные эпохи. В восьмидесятые был снят “Военно-полевой роман” о медсестре Любе, пронесшей любовь к комбату и состра-

дание к людям через всю Великую Отечественную войну. В семидесятые – “На всю оставшуюся жизнь” о тружениках санитарного поезда, среди которых есть и ветеринар, который заботился о животных в тяжелые годы. В пятидесятые – “Дорогой мой человек”, знаменательный пример верности делу и “тому самому”, которого главная героиня Варвара любила с юных лет. Действие фильма Хейфица начинается в годы Гражданской войны в Испании и завершается в конце 1950-х годов. Однако даже после шестидесяти лет с выхода картины в прокат финал истории Варвары и врача-хирурга Владимира кажется современным зрителям открытым, но неминуемо светлым.

Таким образом, насилие и разрушение как предмет изображения в кино вызывают у современной аудитории неприятие противника Советского Союза времен Великой Отечественной войны и порождает невероятное сочувствие к образам советского военного врача и младших медработников. В качестве мысленного эксперимента можно было бы представить, что все профессии делятся на этические и эстетические. Не то что бы “третьего не дано”, но если трактовать профессию как последовательность поступков, у которых есть мотив, процесс, сопутствующие обстоятельства и результат (и даже нередко – результативность), то что-то из них возобладает. Вопрос: над чем или над кем? Советский военный врач не попадает в эти категории, это уникальный пример цельности личности и “красоты как символа нравственности” в отечественном кино.

Список литературы

1. Fiske, A. P. (2020), The Lexical Fallacy in Emotion Research: Mistaking Vernacular Words for Psychological Entities. *Psychological Review*, 127(1), 95–113.
2. Laine, T. (2011), *Feeling Cinema: Emotional Dynamics in Film Studies*. Bloomsbury Academic.

3. Singh, G. (2014), *Feeling Film: Affect and Authenticity in Popular Cinema*. Routledge.
4. Hume, D. (1987), Of Tragedy. In E.F. Miller (Ed.), *Essays: Moral, Political, and Literary*. Liberty Classics, 1987.
5. Menninghaus, W. (2003), *Disgust. Theory and History of a Strong Sensation*. SUNY Press.

УДК 18; 7.01; 7.091

Тивикова М.Ю.,

*Студентка 3 курса по направлению «Культурология»
Санкт-Петербургский государственный универси-
тет, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: tivikovva@mail.ru*

**Эволюция женского образа в отечественном воен-
ном кинематографе**

Tivikova M.Y.,

*3rd year student in the field of Cultural
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: tivikovva@mail.ru*

**The evolution of the female image in Russian military
cinema**

Аннотация: Рассматривая в качестве эмпирического материала киноленты, снятые в период Великой Отечественной войны и спустя десятилетия после её окончания, предлагается сформировать типологию женских образов в кинематографе о войне и проследить, какие изменения претерпевала тенденция репрезентации женщин в культуре.

Abstract: Considering films made during the Great Patriotic War and decades after its end as empirical material, it is proposed to form a typology of female images in cinematography about the war and to trace the changes that the trend of women's representation in culture has undergone.

Ключевые слова: женский образ, военный кинематограф, ВОВ.

Keywords: female image, military cinema, Great Patriotic War.

Образ женщины в кинематографе военного времени всегда занимал существенное место, отражая социокультурное положение эпохи. Целью данного исследования является выявление типологий в репрезентации женщин в кинофильмах, посвящённых Великой Отечественной войне. Соответственно, эмпирическую базу работы будут составлять такие киноленты, как: «Жди меня» (1943), «Летят журавли» (1957), «Верность» (1965), «Женя, Женечка и Катюша» (1967), «В небе ночные ведьмы» (1981), «Берег» (1983) и другие.

Фильмы, которые снимались на киностудиях во время ВОВ, как известно, имели целью агитировать публику на веру в победу и создать соответствующую атмосферу боевого духа в обществе. Именно благодаря данной тенденции в кинофильмах зачастую женщина изображалась в качестве праобраза Матери-защитницы, характерного для агитационных плакатов 1917-1921 годов [1, с. 59]. Исходя из сюжета таких кинокартин, как «Жди меня», «Верность» «В шесть часов после вечера войны» следует, что женщина представляет собой символ надежды для ушедшего на войну солдата. При этом в данном контексте женский образ не всегда редуцируется до романтической связи с главным героем – женщина может являться и матерью, отправившей на фронт сына («Баллада о солдате») и олицетворяющей мирную жизнь и Родину в целом.

В таких кинолентах женщина играет второстепенную, но от того не менее важную роль, отражая идею, что солдату всегда есть куда вернуться.

Для гиперболизации данного образа часто используется антитеза: в фильме появляется другая девушка, которая отнюдь не ждёт своего возлюбленного, а продолжает жить той праздной жизнью, которая совершенно не прием-

лема в военное время, за что и оказывается порицаемой обществом.

В качестве примера данного феномена может быть приведён фильм «Жди меня» Александра Столпера и Бориса Иванова, в котором разворачивается история всепожидающей любви в условиях военного времени. Главная героиня – Лиза – провожает на фронт своего возлюбленного, а затем отказывается верить в новость о его смерти, продолжая надеяться и верить в возвращение мужа. Ее подруга Соня выступает своего рода антиподом: она ходит на танцы, встречается с другими мужчинами, не вспоминает своего мужа и не надеется увидеть его живым.

Безусловно, можно возразить, что Соня является лишь героем, который по-своему справляется с горем, однако в контексте присутствия горя, нависшего над всей страной, законы военного времени распространяются на сферу чувств и эксплицитное их проявление не представляется уместным, что и послужило причиной негативной коннотации данного персонажа у современников.

Для женщин, изображаемых в вышеописанных сюжетах, не характерен какой-либо намёк на самостоятельность в том смысле, что фокус сюжетной линии остаётся именно на военных действиях, а не на личных переживаниях и терзаниях героев, именно поэтому и женщины выступают в роли символической фигуры, не обладающей собственной повествовательной значимостью.

Другим типом, характерным для военного кинематографа является ряд кинолент, где женщина выступает непосредственным участником боевых действий. Примерами могут служить следующие фильмы: «В небе ночные ведьмы», «Женя, Женечка и Катюша», «На семи ветрах».

В подобных кинокартинах женский образ уже возводится в ранг героини и становится более эмансипированным, потому что они сами являются участниками войны.

При этом в женских образах отсутствует нарочитая маскулинность: женщина хоть и выполняет «не женскую работу», все равно сохраняет при этом нежность, эмпатию, а иногда и начинает выполнять социальную роль матери («В небе ночные ведьмы», «Небесный тихоход») [3, с. 298]. Так, акцентная феминность служит легитимизации присутствия женщины на войне в целом.

Следующий предлагаемый тип женского образа появляется значительно позже окончания Великой Отечественной войны, поскольку в обществе начинается рефлексия произошедших событий, в следствие чего война становится скорее определенным фоном, на котором разворачиваются судьбы героев. [2, с. 442]. Здесь, уже ближе к периоду «застоя», женщина утверждает свою агентность. В таком векторе общественной мысли порицаемая Соня из фильма Иванова и Столпера могла быть репрезентирована как героиня военной драмы или даже комедии, а ее образ жизни – как способ справляться с трудностями. Примером такой тенденции могут служить картины «Женя, Женечка и Катюша», «Комиссар». В подобных фильмах в образе женщины уже утверждается ее субъектность. Данная стратегия, направленная на репрезентацию внутреннего и внешнего конфликта частной судьбы, может быть названа доминирующей и в современном кинематографе на тему Великой Отечественной войны («Рябиновый вальс», «Коридор бессмертия» и т.д.)

Последним типом женского образа предлагается выделить положение, в котором женщина конституируется через позицию Другого – в ее образе отражается вражеская сторона, которая по-разному взаимодействует с главным героем-мужчиной. Данный конструкт в своем содержании амбивалентен, поскольку его посыл зависит от авторского замысла.

«Другой» в лице женщины может изображаться в рамках индивидуализированного конфликта, в котором советский солдат влюбляется в немку. Терзания главного героя в таком случае могут иметь этический подтекст, поскольку произвольно перед ним встает выбор между самоотверженностью во имя Родины и индивидуальным счастьем («Берег»).

Тип «женщины-Другого» в военном кинематографе встречается не так часто, но выполняет важную рефлексивную функцию, поскольку посредством изображения любви к «другому» дихотомичная картина мира и деление на «чужих» и «своих» ставится под сомнение.

Следует отметить, что данная типология не является строго замкнутой системой и в зависимости от изменения социально-политического вектора, авторского замысла режиссёров, черты, характерные для одного типажа могут трансформироваться в рамках другого, создавая сложные и многогранные экранные образы. Границы между изложенными типами являются подвижными и не взаимоисключают друг друга.

Таким образом, стратегии репрезентации женщин в военном кинематографе представляют собой динамичную и идеологически обоснованную систему. Представленная типология наглядно демонстрирует, как кинематограф реагировал на трансформацию социокультурного нарратива и каким образом это отражалось на женских образах в военных фильмах.

Список литературы:

1. Колесникова, А. Г. (2021), У войны – женское лицо. Образ женщины в советском художественном кино периода Великой Отечественной войны (1941-1945), Тульский научный вестник, *История. Языкознание*, № 4, с. 57-69.

2. Саидов, Б. Д. (2020), Женские образы и их роль в отражении подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны, *Издательство Уральского института*, с. 439-443.
3. Янцен, И.Д. (2025), Образ женщины – участницы Великой Отечественной войны в советском кинематографе, *Преподаватель XXI век*, № 2 (2), с. 295-301.

УДК 7.011

Шутова Е.А.,

кандидат философских наук, старший преподаватель.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ekaterina.shutova@spbu.ru*

Эстетика голоса в эфире блокадного радио Ленинграда

Shutova E.A.,

*Candidate of Sciences (Philosophy), Senior lecturer
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: ekaterina.shutova@spbu.ru*

Aesthetics of Voice on the Air of the Leningrad Blockade Radio

Аннотация. Анализ эстетики голоса в эфире блокадного Ленинграда. Рассматривается голос О. Берггольц через категории телесности, повседневности, коммуникации и власти. Голос стал ключевым феноменом выживания, сплочения и поддержки человечности в экстремальных условиях.

Abstract. This article analyses the aesthetics of the voice in besieged Leningrad's radio broadcasts, focusing on Olga Berggolts. Examining physicality, everyday life, communication, and power, it argues her voice became a vital phenomenon for survival, uniting citizens and preserving their humanity during the extreme conditions.

Ключевые слова: эстетика, голос, радио, телесность, коммуникация, повседневность, власть.

Keywords: aesthetics, voice, radio, physicality, communication, everyday life, power.

Эстетическая рефлексия памяти - важная часть познания отечественной культуры, и обычно она фокусируется вокруг визуальных образов (кино, живопись, фотография). Однако звук как важнейший источник эмоций концентрирует в себе признаки эпохи. Метроном, симфония №7 Д.Д. Шостаковича и голос Ю.Б. Левитана — ярчайшие примеры звуковых образов Великой Отечественной Войны. Уникальное явление звуковой культуры прошлого - радио блокадного Ленинграда, "звуковой щит", барьер, охраняющий моральный дух жителей изолированного города в условиях гуманитарной катастрофы. Радио не просто информировало жителей об угрозах бомбардировок и новостных сводках: оно конструировало нормальность через повседневные встречи в эфире, через предсказуемое время вещания, через голоса ведущих, их послания и способ трансляции поддержки. О радио как о источнике психологической опоры, доказывающей идею продолжения жизни, пишут современные авторы. Ритуальная функция прослушивания радио скрепляла шаткую повседневность: радио описывается как практика выживания, структурирующая время. Радио существовало не только как источник информации, но как звуковой феномен, где голос диктора становится выразителем общей судьбы. О голосе "блокадной музыки" О.Ф. Берггольц пишут как о синтезирующем частное, женское, материнское страдание и поднимающем его до уровня общенародной трагедии. Голос выступает как медиум, трансформирующий язык государства в личное экзистенциальное послание.

Телесность, коммуникация, повседневность, власть, институция: мы полагаем, что способы исследования эстетического измерения голоса в экстремальных исторических условиях могут быть соотнесены с популярными в эстетическом дискурсе категориями.

Описывая голос диктора с точки зрения *эстетики власти*, отметим, что диктор радио является представителем государственной институции. Голос в этой ситуации выступает и как оружие, и как утешение. Под влиянием экстремальных условий официальная функция власти трансформировалась: из инструмента пропаганды и информирования оно превратилось в институцию, сохраняющую человечность. Радио стало средством оповещения об опасности, связующим звеном между фронтом и тылом, а с весны 1942 года — инструментом культурной реабилитации: «Музыка обогревала сердца ленинградцев, застывшая от нечеловеческих страданий голодной зимы; чарующие мелодии порой буквально возвращали людей к жизни, выводили из оцепенения» [1]. Радио поддерживало жизнь, и голос был его главным инструментом. Голос диктора, и особенно «блокадной музыки» О.Ф. Берггольц, обладал символической властью, способной мобилизовать дух. «Каждым своим словом, звучащим по Ленинградскому радио, поэтесса давала понять, что ничего не потеряно, что жизнь теплится и надо бороться. Эта женщина стала другом для каждого ленинградца...» [2]. Эта «дружба» была особой формой власти — доверительной и основанной на общем страдании.

Телесность, или голос как переживание. Голос формирует целостное послание: речь, оформленное словом, оказывается озвучена целым комплексом телесных усилий и описывает мысль как переживание. Так возникает непередаваемая и в меньшей мере контролируемая аура речи: паралингвистические элементы (дрожь, паузы, срывы,

смены интонации и проявления тембра). Голос интерпретирует собственное сообщение как исповедь, плач, требование. Исследователи отмечают, что «в экстремальных обстоятельствах блокады Ленинграда радио не могло в таких условиях продолжать делать вид, что ничего особенного не происходит, и даже спонтанное высказывание неподготовленного человека, эмоции и слезы оказались возможны в эфире» [3]. Эта подлинная телесность делала голос живым и человеческим. Слушатели улавливали малейшие нюансы: «Те, кто слышал ее блокадные радиоречи, внутреннюю силу ее голоса, ее простые, идущие из души слова, естественные паузы, когда тяжело говорить, понимают, какой мощи оружие несло ленинградское радио» [4]. «Тихий голос Оленьки... зазвучал вдруг с неожиданной силой» [2]. Эта сила рождалась из соединения слабого, истощенного тела и нестигаемой воли, что и создавало тот уникальный эмоциональный тембр, который воспринимался как «голос самого Ленинграда».

Коммуникация как создание общности. Объединение ленинградцев вокруг радио — это многократно описанный феномен, ставший частью национального мифа. Радио создавало общее психологическое пространство для осажденного города. «Оно связывало ленинградцев со всей страной, держало их в курсе основных событий, происходивших за кольцом блокады, служило одним из источников их выдержки, стойкости и энергии», — указывает Г.Л. Соболев [5]. В условиях, когда «прекращение работы транспорта, нарушение связи, недостаток газет... сделали ленинградское радио подлинной “Газетой без бумаги и расстояния”» [1], голос из репродуктора становился буквально голосом жизни.

Коммуникация подразумевает обратную связь, и жители Ленинграда отвечали своему «радио надежды». О.Ф. Берггольц отмечала этот диалог: «Письма, которые полу-

чила я зимой 1941/42 года на свои передачи, в частности на передачу под Новый, 1942 год, – писала она, – останутся для меня на всю жизнь самой высокой наградой» [6]. Радовалась: «резонанс на передачу огромный», «эта передача и в самом деле не могла не тронуть сердца ленинградцев» [6]. Таким образом, радио стало не просто рупором, а центром двусторонней коммуникации, основанной на глубоком эмоциональном резонансе.

Все описанное формирует поле особой экстремальной *повседневности*, в которой голос воспринимается как ритм и фон выживания, ее звуковой ландшафт: он не просто извещал о событиях, а структурировал время, нарушая монотонность голода и страха. Предупредительная функция голоса, оповещавшего об обстреле: «Внимание, внимание! Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение по улицам прекратить, населению укрыться!» [6, с. 83] – иногда не могла быть осуществлена из-за внезапности атаки, и тогда голос заменяли сиреной. Но важнее была его психологическая ритмизация. Регулярно звучащий в эфире голос диктора создавал подобие нормальности, рутины, противостоящей хаосу. Это был маркер того, что жизнь, пусть и в нечеловеческих условиях, продолжается. Как указывают Н.Ю. Григорьев и Э.Б. Родюков, «с весны 1942 г. возобновились музыкальные, литературно-драматические и детские художественные передачи» [1]. Это возобновление было не просто культурным событием, а актом возвращения к подобию обычной жизни, где есть место искусству, а не только выживанию. Голос и музыка «обогревала сердца... буквально возвращали людей к жизни, выводили из оцепенения» [1].

Таким образом, голос в эфире блокадного Ленинграда предстает как многогранный эстетический феномен, рожающий доверие, сопричастие, ритм, общность. Его власть, реализуемая через институт радио, была направле-

на не на подавление, а на спасение человеческого в человеке. Анализ через призму телесности, повседневности, коммуникации и власти позволяет понять, почему клише «тихий голос Ольги Берггольц стал голосом самого Ленинграда» — не просто метафора, а констатация того, как эстетика голоса может стать основой для существования и сопротивления в самой бесчеловечной реальности.

Список литературы

1. Григорьев Н.Ю., Родюков Э.Б. Культура и искусство в битве за Ленинград // Наука. Культура. Общество. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-iskusstvo-v-bitve-za-lenigrad> (дата обращения: 01.10.2025).
2. Тулузакова Н. А. Сила поэзии блокадного Ленинграда (к 105-летию со дня рождения Ольги Берггольц) // БМИК. 2015. №5. с. 474 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-poezii-blokadnogo-lenigrada-k-105-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-olgi-berggolts> (дата обращения: 01.10.2025).
3. Утехин И. Стивен Ловелл. Россия в эпоху микрофонов: История советского радио, 1919–1970. Нью-Йорк: Oxford University Press, 2015. 272 стр. ISBN 978-0-1987-2526-8 // Laboratorium. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stephen-lovell-russia-in-the-microphone-age-a-history-of-soviet-radio-19191970-new-york-oxford-university-press-2015-272-pp-isbn-978-0-1987-2526-8> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Измайлов А. Ф. Блокадный Ленинград: творческая личность в городской среде // Управленческое консультирование. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blokadnyy-leningrad-tvorcheskaya-lichnost-v-gorodskoy-srede> (дата обращения: 01.10.2025).
5. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013.

6. Берггольц О. Ф. Дневные звёзды. Говорит Ленинград. – Москва : Правда, 1990. – 477 с.

УДК 141.319.8

Янцен М.А.,

Лаборант-исследователь,

Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания.

Уральский государственный университет, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: m.a.iantsen@urfu.ru

Эстетическое воплощение матери-миротворца в СССР и постсоветской России

M.A. Yantsen,

Research Assistant,

Laboratory for Comparative Studies of Tolerance and Recognition.

Ural State University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: m.a.iantsen@urfu.ru

The aesthetic embodiment of the peacemaking mother in the USSR and post-Soviet Russia

Аннотация. В центре исследования находится фигура матери как символа миротворчества в советской и постсоветской культуре второй половины XX века. Материнский образ рассматривался в качестве репрезентанта универсальных ценностей заботы, защиты и жертвенности, а также как мощный моральный аргумент в условиях постконфликтных трансформаций. Цель работы заключалась в реконструкции эстетического воплощения матери-миротворца на материале художественных и массовых источников — периодической печати, плакатов, произведений искусства и визуальной культуры. Методологической основой выступила модель проектирования человека в

постконфликтной ситуации, включающая когнитивный, моральный, эстетический и телесный уровни.

Ключевые слова. Советская постконфликтная культура, проект создания нового человека, война, материнство, борьба за мир

Abstract. This study focuses on the figure of the mother as a symbol of peacemaking in Soviet and post-Soviet culture of the second half of the 20th century. The maternal image was viewed as representative of the universal values of care, protection, and sacrifice, as well as a powerful moral argument in the context of post-conflict transformations. The aim of the study was to reconstruct the aesthetic embodiment of the mother as peacemaker using artistic and popular sources—periodicals, posters, artworks, and visual culture. The methodological basis was a model of human design in a post-conflict situation, encompassing cognitive, moral, aesthetic, and corporeal levels.

Keywords: Soviet post-conflict culture, the project of creating a new human being, war, motherhood, the struggle for peace

Фигура матери в советской и постсоветской культуре занимает центральное место как символ заботы, защиты и жертвенности. В условиях постконфликтной ситуации, когда память о Великой Отечественной войне и холодной войне оставалась фундаментом идеологии, мать становится не только хранительницей домашнего очага, но и выразительницей глобальной миротворческой миссии. В отличие от образа матери-героини 1940-х годов, подчеркивавшего трудовой подвиг и выживание в экстремальных условиях, в последующие десятилетия формируется новый — мать-миротворец. Цель настоящего исследования — реконструировать эстетическое воплощение матери-миротворца в

советской и постсоветской культуре, опираясь на материалы массовых и художественные репрезентации [1].

В работе применена модель проектирования человека в постконфликтной ситуации, включающая четыре уровня: когнитивный, моральный, эстетический и телесный. Где когнитивный — осмысление военного опыта и его интерпретации, моральный — оценка войны и мира через категорию материнства, эстетический — художественные образы и визуальные коды матери, телесный — репрезентация материнского тела как символа защиты, заботы и надежды. Такой подход позволяет выявить устойчивость и трансформации образа матери в разные десятилетия, а также зафиксировать эстетические стратегии, через которые репрезентировался её миротворческий потенциал.

В пятидесятые мать предстает суровой и сильной фигурой, соединяющей опыт труженицы тыла и вдовы. На страницах «Работницы» публикуются изображения женщин с медалями и орденами, с прямым, открытым взглядом [3]. Эта эстетика подчеркивает их моральный авторитет и превращает каждую мать в символ стойкости и памяти.

Образ формировался вокруг идеи предупреждения новой войны: в текстах содержатся прямые призывы к разоружению, запрету атомного оружия, прекращению военных действий. Мать в этих публикациях — выразительница универсальных ценностей, её голос звучит как голос всех женщин мира. Эстетические репрезентации матери 1950-х годов опираются на монументальность. Примерами могут выступать: плакат Б. Ефимова «За мир» (1952), картина Ф. Решетникова «Голуби мира» (1957) создают устойчивый визуальный код, где мать предстает защитницей ребёнка и символом надежды [3]. Телесность матери в это время выражает страдание и жертвенность: пожилые жен-

щины в платках с печатью испытаний на лице становились носителями исторической памяти.

В 1970-е годы образ матери заметно трансформируется. На страницах журналов появляются изображения молодых, красивых, ухоженных женщин, в праздничной одежде, нередко в сопровождении улыбающихся детей [3]. Материнство все больше ассоциируется не только с подвигом, оно изображается как естественное состояние. Советская мать предстает как выразительница интернациональной солидарности. В женских журналах этого периода регулярно освещается деятельность Комитета советских женщин и Международной демократической федерации женщин. Мать приобретает черты активного субъекта: она не только страдает от войны, но и борется против неё, её голос приобретает политическое звучание. Эстетическое воплощение активно использует фигуру Валентины Терешковой — космонавта, матери и общественного деятеля. Её образ символизирует новый тип советской матери: молодой, образованной, успешной, участвующей в глобальной политике. Плакаты и иллюстрации этого времени сочетали традиционные символы (женщина с ребёнком, голуби, радуга) с элементами модерности (фотографии делегатов, репортажи о международных конференциях). Женщина изображается стройной, ухоженной, в модной одежде.

В 1980-е годы в миротворческом дискурсе усиливается тема борьбы с ядерной угрозой. Публикации сопровождаются изображениями памятников и скульптурных фигур, скорбящих матерей [3]. Однако постепенно визуальная составляющая сокращается: вместо образов появляются отчёты и обращения, язык которых становится всё более бюрократизированным [1].

С середины 1980-х на первый план выходит фигура матери солдата. В журналах появляются материалы о тре-

воге матерей, чьи сыновья служат в армии, а также о проблемах дедовщины. На первом слёте солдатских матерей в 1988 году женщины публично заявили о своих переживаниях и требовали перемен [4]. Образ матери в это время приобретает новые черты. Это уже не только молодая красивая женщина, но и мать взрослого сына. Её тело выражает усталость, тревогу и отчаяние. В культурной памяти она закрепляется как фигура совести общества, требующая правды и справедливости. Визуальные символы (голуби, радуги, памятники) постепенно уступают место словесным формам, интервью и обращениям.

После распада СССР образ матери-миротворца переживает кризис. Идеологическая база исчезает, и женская печать сосредотачивается на социальных и экономических проблемах переходного времени [3]. Тема борьбы за мир утрачивает прежний пафос, уступая место новым сюжетам. Когнитивный уровень теперь связан с поиском новых форм идентичности: мать изображается либо как активистка, участвующая в движении «Солдатских матерей России», либо как жертва социальных проблем. На моральном уровне акцент смещается к защите прав конкретных людей. Мать требует реформ армии, справедливого отношения к своим детям, прекращения насилия. Её голос звучит не в глобальном контексте, а в национальной повестке. Эстетическое воплощение образа меняется: исчезают монументальные плакаты и символы, а вместо них появляются бытовые образы. Материнское тело представлено как усталое, уставшее от борьбы за выживание, но именно оно становится носителем морального голоса протеста. Таким образом, в 1990-е годы мать перестаёт быть универсальным символом мира, однако сохраняет значимость как фигура гражданского общества. Её образ становится более локальным, социальным и травматическим, отражая кризис эпохи.

В заключение необходимо сказать, что образ матери-миротворца в советской культуре был многослойным и динамичным. В 1950-е годы мать воплощала травму войны и надежду на предотвращение новой катастрофы. В 1970-е — символизировала интернациональное братство и социалистическую современность. В 1980-е — её голос звучал как предупреждение против ядерной угрозы и как боль солдатской матери. В 1990-е проект матери-миротворца оказался в кризисе, но при этом сохранился в форме гражданской активности (движение солдатских матерей).

Эстетическое воплощение матери-миротворца показывает, как через визуальные и словесные репрезентации материнство превращалось в универсальный моральный аргумент, соединявший частное и общественное, национальное и глобальное. Этот образ не только отражал политическую составляющую, но и формировал культурную память, в которой мать выступала символом надежды на мирное будущее.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851

Список литературы

1. Орлова А. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху. М., 2007.
2. Ожигова Л. Проблемы женского движения в СССР: идеология и практика. Екатеринбург, 2003.
3. Работница. Подшивки журнала. 1950–1980-е гг.
4. Черепанова С. Женщины и война в Афганистане: воспоминания медсестёр. Екатеринбург, 1999.

**СЕКЦИЯ «ТРАДИЦИИ ПОБЕДЫ:
КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВОМ
ОБЩЕСТВЕ РИСКА»**

Абгаджав Д.А.,

кандидат социологических наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: d.abgadzava@spbu.ru

Крюкова Т.В.,

кандидат технических наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: t.kryukova@spbu.ru

К концептуализации понятия «новое общество риска».

Abgadzava D.A.,

Candidate of Sciences (Sociological), Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: d.abgadzava@spbu.ru

Kryukova T.V.,

Candidate of Sciences (Technical), Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: t.kryukova@spbu.ru

Conceptualization of the concept of «new risk society».

Аннотация. Новое общество риска формируется в условиях неопределённости и риска, порожденных процессами

деглобализации и деконструкции мирового порядка. В этой связи требуется пересмотр подходов к анализу рисков и выработки адекватных решений.

Abstract. A new risk society is emerging in conditions of uncertainty and risk generated by deglobalization and the deconstruction of the global order. This calls for a reconsideration of approaches to risk analysis and the development of appropriate solutions.

Ключевые слова: Новое общество риска, деглобализация, конфликт, обобщенные средства обмена.

Keywords: New risk society, deglobalization, conflict, generalized means of exchange.

Происходящие глобальные изменения ведут к появлению и усилению рисков, которые позволяют маркировать общества, сталкивающиеся с этими проблемами, как «новые общества риска». Континуум глобального сообщества оказывает влияние на формирование нового общества риска главные вызовы и угрозы, которого связаны с расщеплением мира и сменой парадигм мирового порядка. В этой связи требуется фундаментальный эпистемологический сдвиг в социальной теории для понимания, происходящих процессов деглобализации и трансформации мирового порядка.

Первое общество риска зарождалось и становилось в процессе активного развертывания глобализации, которая началась как экономическая, вовлекая все большее количество стран и народов в свою орбиту. В качестве интегрирующего фактора экономической глобализации выступали и выступают деньги, в частности, доллар. Деньги, как обобщенные средства обмена выполняют функцию си-

стемной интеграции [1, с. 27; 2, с. 59-60]. Несмотря на наличие серьезных проблем для многих развивающихся стран, порожденных экономической глобализацией и неравенством, универсализация доллара, как фактора интеграции, в целом, не вызывала особого возражения. Вместе с тем, обретение одной из национальных валют статуса общемировой, в условиях мирового экономического кризиса, превращает резервную валюту из универсального средства обмена в орудие давления. Подобная трансформация усиливает тенденции деглобализации и регионализации, порождая ситуацию новой неопределенности и конфликтов.

Глобальный финансово-экономический кризис, привел к тому, что императивы «защиты» и «развития» рынка нарушили геополитический баланс. В результате стала обостряться межстрановая конкуренция, охватившая торгово-экономическую, военно-политическую и др. сферы, что инициировало, по сути, процесс деглобализации в который стали вовлекаться все большее количество стран. Таким образом, новое общество риска всецело связано с процессом, обратном глобализации и порождено им.

Основываясь на логике и методологии парсонсианского структурно-функционального подхода, политическая глобализация предполагает наличие такого обобщенного средства коммуникации как власть. Навязывание крупнейшим государством современности своей парадигмы власти в качестве универсалии в решении всех без исключения глобальных вопросов на планете вызывало тихое недовольство, а сегодня и открытое сопротивление. Таким образом, деконструкция политико-силовой архитектурной структуры мира является крайне рискогенным и конфликтогенным процессом, требующим серьезного и глубокого изучения.

В социокультурном плане также наблюдается генерализация ценностей и превращение их в универсалии. Современная модель глобализации по западному образцу инициирует насаждение западных ценностей как общечеловеческих и непреложных. Попытка навязать «универсальные ценности» в качестве фактора межсистемной интеграции несет риски ценностных конфликтов. Осторожное еще сопротивление большинства стран на навязываемые современной западной цивилизацией ценности, прямо противоречащих, а порой и открыто отвергающих традиционные представления, есть следствие процесса деглобализации. Ослабление и постепенный распад мирового порядка создаёт возможности для такого протеста.

Важное различие между обществом риска и новым обществом риска, на наш взгляд, заключается в разрушении политического (общего) консенсуса относительно риска и преодоления его возможных негативных последствий. В обществе риска этот консенсус означал, что проблема регулирования рисков рационализировалась и была представлена как нейтральная и чисто техническая. В новом обществе риска, которое само формируется в условиях неопределённости и риска, порожденными процессами деглобализации и деконструкции мирового порядка, происходит постепенное и последовательное разрушение данного консенсуса, что актуализирует проблемы выработки новых стратегий безопасности, благоприятствующих преодолению рискогенных ситуаций.

Список литературы:

1. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.
2. Луман Н. Л Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновский. - М.: Логос, 2004. - 232 с.

Алейников А.В.,
доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.alejnikov@spbu.ru

Стратегии адаптации в новом обществе риска.

Aleinikov A.V.
Dr. Sci. in Philosophy, Professor;
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: a.alejnikov@spbu.ru

Adaptation strategies in the new risk society.

Аннотация. Рассмотрены факторы выбора стратегий адаптивного поведения в условиях риска. Выделены социокультурные особенности выбора стратегии адаптации и отношений к ожидаемым событиям с учетом их возможной опасности. Предложены основные стратегии адаптации и компоненты успешности их реализации той или иной адаптационной стратегии.

Abstract. The factors in choosing adaptive behavior strategies in risky situations are examined. Sociocultural characteristics of choosing an adaptation strategy and attitudes toward expected events, taking into account their potential danger, are highlighted. Key adaptation strategies and the components of successful implementation of a given adaptation strategy are proposed.

Ключевые слова: новое общество риска, безопасность, стратегии адаптации

Keywords: new risk society, security, adaptation strategies

Актуальность обращения к исследованию «вхождения» в новое общество риска обусловлена интенсификацией конфликтогенного потенциала новых вызовов-угроз,

ощущения краха прежних параметров безопасного мира и социальных, политических экономических практик поведения в ситуации опасностей. Подобные процессы проявляются в сознательном производстве бенефициарами рисков, которые, по У. Беку, «подрывают и/или полностью аннулируют установленную систему безопасности в существующем подсчете риска дальновидным государством» [1], что актуализирует исследования политических практик процессов принятия решений в условиях неопределенности.

В связи с этим особую значимость имеют идеи Д. Канемана, предположившего, что при анализе особенностей риск-стратегий надо учитывать *эффект отражения* (социальные субъекты и политические акторы не склонны к риску в случае выигрышей и склонны к риску в случае проигрышей) и *эффект избегания потерь* (болезненнее воспринимаются проигрыши, чем эквивалентные по величине выигрыши).

Выбор стратегии адаптивного поведения в условиях риска зависит не от оценки угроз и опасностей в целом, а от «точек отсчета», к которым можно отнести [2,3]:

-Смещение к настоящему- большее значение имеют риски и угрозы, которые выявляются «здесь и сейчас», незамедлительно, чем опасности, которые произойдут в будущем.

-Самоуверенность- социальные субъекты и политические акторы склонны объяснять свои успехи собственным мастерством, а проигрыши списывать на неудачу и внешние, не зависящие от них факторы.

-Смещение к подтверждению- социальные субъекты и политические акторы воспринимают только ту информацию об угрозах, которая либо подтверждает полученные изначально данные, либо соответствует их сложившимся представлениям об источниках рисков.

-Проективное смещение- социальные субъекты и политические акторы уделяют избыточное внимание текущим условиям, в которых принимаются решения о выборе риск-стратегий и риск-тактик при недооценке или игнорировании возможных изменений в будущем.

-Переоценка малых и недооценка больших вероятностей- социальные субъекты и политические акторы переоценивают возможность маловероятной опасности и недооценивают высоковероятную опасность.

-Принятие решений на основе стереотипов- социальные субъекты и политические акторы при принятии риск-решений исходят не из фактической ситуации, а из ее соответствия какому-либо стереотипу.

-Смещение к статус-кво- социальные субъекты и политические акторы скорее склонны к сохранению существующего положения.

Принципиальными при анализе социокультурных особенностей выбора стратегии адаптации к рискам и отношений к ожидаемым событиям с учетом их возможной опасности представляется модель голландского социолога Г. Хофстеда четыре основных показателя измерения культуры - «индивидуализм», «дистанция власти», «маскулинность» и «избегание неопределённости»[4].

-Индивидуализм-коллективизм. Это измерение отражает силу социальных связей в ситуации угрозы (забота только о себе и своем ближайшем окружении или предоставление защиты со стороны сильных и сплоченных групп взамен на лояльность).

-Дистанция власти. Это измерение показывает, насколько обществом поддерживаются социальные иерархии в распределении рисков, в которой риск-аутсайдеры ожидают и допускают неравномерность распределения со стороны риск-бенефициаров. Это неравенство рассматривается как естественное. Риск-бенефициары и риск-

аутсайдеры находятся на разных полюсах измерения опасностей и рисков, которое устанавливает тот *объем небезопасности*, который определяет выбор стратегии адапционных действий.

-Избегание неопределенности. Это измерение фиксирует, насколько характерными являются для данного общества особенности поведения при столкновении с неизвестным и труднообъяснимым, и насколько сильно стремление сделать будущее более предсказуемым через установление строгих правил и законов, мерами безопасности и защиты, верой в абсолютную Истину.

-Маскулинность. Это измерение характеризует склонности людей к риску («мужские» ценности), рискофилию и слабо выраженную риск-солидарность или «женские» ценности, т.е. рискофобию, боязнь опасностей при развитой риск-солидарности.

В этом контексте представляется обоснованным артикуляция четырех измерений безопасности [5]:

-чья защита является конечной целью обеспечения безопасности?

- в какой социальной сфере нарушается безопасность?

- каковы географические границы гарантий безопасности?

-как определяются критерии небезопасности / ненадежности при разработке политики безопасности?

Следуя теоретическим интенциям Кристофера Даазе, под культурой безопасности можно понимать совокупность убеждений, ценностей и практик отдельных лиц и организаций, которые определяют, что представляет собой угроза и как ей следует противостоять[6].

В первом приближении можно выделить основные стратегии адаптации: продуктивную (позитивный фокус использования риска для стабилизации социальных си-

стем, комплексного управления им) и непродуктивную (игнорирование риска).

Расширяя эту классификацию адаптационного поведения в условиях риска, можно рассмотреть: *реактивную стратегию*, направленную на пережитые в прошлом угрозы и опасности, ситуации, пережитые в прошлом; *предугадывающую стратегию*, направленную на минимизацию и купирование угроз, планируемых в ближайшем будущем с высокой степенью вероятности усилия по преодолению событий, с высокой степенью вероятности, *превентивную стратегию*, направленную на предотвращение неопределенных угроз в среднесрочной перспективе и *проактивную стратегию*, направленную на «уменьшение одних рисков, игнорирование других и поиск третьих во благо»[7].

Используя подход Е.В. Битюцкой [8], к компонентам успешности реализации той или иной адаптационной стратегии можно отнести:

- контроль над ситуацией угрозы;
- понимание риска, знание способов и средств его минимизации и купирования;
- восприятие рисков как вызова, уверенность в победе, фокусирование на приобретениях;
- формирование позитивного образа будущего на основе модели успешного преодоления опасностей;
- формулирование прогноза развития рискованной ситуации и готовность действовать в условиях угрозы.

Список литературы:

1. Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Моз-Р74 говой. - М.; Изд-во Института социологии РАН, 2001. - [14, р. 31-32].
2. Иванов В.В., Маркова О.А., Никишина Е.Н. Поведенческая экономика: как люди принимают решения

.М: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023.

3.Иррациональная экономика. М: Институт национальных проектов,2020.

4. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур //Язык, коммуникация и социальная среда.2014. № 12.

5.Шипунова Т.В. Социальная безопасность: тематизация дискуссионного поля // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том XIX. № 2 (85).

6. Daase Ch. Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014.

7. Дамодаран А.Стратегический риск-менеджмент. Принципы и методики, М.: И.Д. Вильямс, 2010.

8. Битюцкая Е.В. Успешность копинга// Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т.19. №1.

Газимагомедов Г.Г.

доктор политических наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург,

Россия

E-mail: g.gazimagomedov@spbu.ru

Стребков А.И.

доктор политических наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург,

Россия

E-mail: a.strebkov@spbu.ru

**Познавательные парадигмы конфликтной природы
общественной безопасности.**

Gazimagomedov G.G.

Doctor of Political Sciences, Professor.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: g.gazimagomedov@spbu.ru

Strebkov A.I.

Doctor of Political Sciences, Professor.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: a.strebkov@spbu.ru

Cognitive paradigms of the conflict nature of public safety.

Аннотация. В статье анализируются познавательные парадигмы, с помощью которых адекватно, вне серьезных затруднений возможно раскрыть трудно понимаемое положение, согласно которому безопасность рассматривается

как продукт объективных законов, а вместе с тем и как искусственное образование.

Abstract. The article analyzes cognitive paradigms that can be used to adequately and without serious difficulties explain the difficult-to-understand concept of security as a product of objective laws and an artificial formation.

Ключевые слова: познавательные парадигмы, конфликт, безопасность, общественная безопасность.

Keywords: cognitive paradigms, conflict, security, public security.

Для уяснения всей полноты определения безопасности как конфликтного способа взаимодействия необходим чувствительный к анализу конфликтов методологический инструментарий, позволяющий в чужеродном элементе безопасности конфликте увидеть родственную душу. Увидеть в конфликте один из кирпичиков целого здания безопасности. В силу чего должны быть применимы такие подходы анализа конфликта и безопасности, которые делают доступным понимание позитивного соотношения того и другого. К таким подходам мы относим конфликтологический подход, согласно которому конфликт, инкорпорированный в основу организации общества, определяется обществом в лице государства то угрозой безопасности, то остается без определения вообще, делая искусственные изъятия из отношений безопасности [1, с. 32-48]. Для государства подобный прием вполне закономерен, ибо, учитывая тот факт, что безопасным определяется все то, что не таит в себе опасности, государство сознательно изымает из безопасности конфликт, памятуя о том, что разрушительная сила конфликта уже есть опасность. Однако потенция

конфликта, сохраняя себя и как сила созидаящая, и как сила разрушающая, оказывает двойственное влияние на безопасность, однажды в виде угрозы, в другой раз в виде источника ее развития, а вместе с тем изменения социально-политического содержания безопасности. Граница перехода конфликта из одного состояния в другое – из источника развития к источнику разрушения – есть в то же время граница безопасности, которая также подвижна, как и подвижна мера, за которой созидательные силы конфликта переходят в разрушительные силы.

В формировании безопасности равнозначно или нет роли распределяются между экономическими, политическими, социальными и культурными факторами, которые конфликт пронизывает как превалирующий способ взаимодействия, в той или иной мере делающий эти факторы разрушительными или нет в отношении безопасности. В связи с чем конфликту в становлении и репродукции безопасности по объективным причинам отводится роль фактора факторов, осмысление которого в его социальных потенциях возможно в конфликтологической познавательной парадигме, не дающей основания пренебречь влиянием конфликтов на целую организацию общества, для которого безопасность одна из концептуальных черт образа жизни.

В силу того, что конфликт пронизывает множество взаимодействий, системный анализ является методом, раскрывающим всю совокупность связей и отношений, в которые вплетен конфликт будучи элементом этой системы. Конфликт с позиций системного подхода рассматривается уже не как источник созидания и развития, а как способ столкновения интересов, а вместе с тем, как процесс утверждения тех интересов, защита которых представлена безопасностью. Вместе с утверждением интересов посредством конфликта, вся система защиты, образующая содержание безопасности, либо инкорпорирует данный интерес

в систему защищаемых интересов, либо выносит за скобки безопасности, определяя данный интерес как угрозу, противодействие которой также относится к целям и задачам обеспечения безопасности. Конфликт как динамический элемент безопасности, может и изменяет внутреннюю систему безопасности, постоянно воспроизводясь в ее недрах, потому что постоянно изменяются интересы, утверждающие себя посредством конфликта. Конфликт является, генерализирующим элементом общественной безопасности, заставляющим всю систему безопасности либо изменяться, либо консервироваться. Тем самым не только внешние вызовы и угрозы заставляют общественную безопасность чутко реагировать на них, но и что немало важно, это же делает постоянное движение интересов, столкновение которых порождает оппозицию, как социального требования изменений меры и формы общественной безопасности.

Конфликт как элемент общественной безопасности посредством накопления потенции разрушения и созидания принуждает рассматривать общественную безопасность как процесс, завершаясь в тот или иной исторический момент в той или иной своей форме. В связи с чем, обусловленная потенцией конфликта, система общественной безопасности может быть раскрыта, исходя из закона диалектики, согласно которому количественные изменения влекут за собой качественные и наоборот. Частота конфликтного взаимодействия в системе общественной безопасности, выдвигает требования качественного изменения общественной безопасности и задачей государственного управления становится мониторинг уровня конфликтности в обществе, теоретического обоснования закономерностей конфликтного взаимодействия, обуславливающего необходимую форму общественной безопасности, в которой конфликт совершается и разрешается одновре-

менно.

Принимаемые исследовательские подходы – конфликтологический, системный и диалектический, позволяют не исключать конфликт из анализа проблематики общественной безопасности, где конфликт является барометром отрицательных следствий насаждаемой общественной безопасности и внутренней энергией ее изменений. Его существование в совокупности отношений, изменяет их социальное содержание, а вместе с тем изменяет позитивно насыщенный обществоведческий понятийно-категориальный аппарат, ограниченный в своей познавательной потенции ровно настолько насколько, анализируемая действительность вне конфликта есть ее бледная копия. Она не есть подвижная, являющаяся в столкновении интересов, действительность, коллизий и перипетий со множеством причин, которые могут быть окончательно проявлены в конфликте, предмете конфликтологии, науки, междисциплинарный характер которой детерминирован этим многосоставным предметом. Общественная безопасность, уясняемая вне конфликта, как внешнего по отношению к обществу, так и присущего обществу, есть иллюзия, несущая в себе угрозу обществу, купирующему в себе способность борьбы с опасностями, в какой бы форме или виде они не были представлены. Провальные эксперименты западных обществ с толерантностью тому явное свидетельство.

Список литературы:

1. Стребков А.И., Бондарев В.Г. Конфликтная парадигма анализа общественной безопасности / Конфликтология. 2016. № 4.

УДК 351.86:332.122

Калачева В. Д.,

выпускник Санкт-Петербургского государственного университета,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ler.kal308@yandex.ru

Роль советских военных корреспондентов в Великой Отечественной Войне

Kalacheva V. D.,

Graduate of St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

E-mail: ler.kal308@yandex.ru

The role of Soviet war correspondents in the Great Patriotic War

Аннотация. Работа посвящена анализу роли советских военных корреспондентов в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются их документальная, идеологическая и мобилизационная функции, условия работы и влияние на общественные настроения. Особое внимание уделено значению корреспондентов в формировании образа войны и сохранении исторической памяти.

Abstract. This paper analyzes the role of Soviet war correspondents during the Great Patriotic War. It examines their documentary, ideological, and mobilization functions, their working conditions, and influence on public sentiment. Particular attention is paid to the importance of correspondents in shaping the image of the war and preserving historical memory.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные корреспонденты, историческая память.

Key words: Great Patriotic War, war correspondents, historical memory.

Советские военные корреспонденты в годы Великой Отечественной войны стали важным звеном в системе информационного и идеологического обеспечения фронта и тыла СССР. Их деятельность выходила далеко за рамки традиционной журналистики, превратившись в форму участия в войне с помощью «слова». Репортажи, очерки, заметки и другие формы передачи информации стали мощным инструментом мобилизации и сплочения населения против общего врага. В работе рассматриваются основные задачи, с которыми сталкивались корреспонденты, а также их вклад в историческую память о Великой Отечественной войне.

Обращаясь к вопросу о важности журналистской деятельности в годы войны, следует подчеркнуть, что преобразование системы регулярной армейской печати произошло уже во второй день после начала боевых действий. 23 июня 1941 года были изданы директивы под названиями «О содержании фронтовых, армейских и дивизионных газет» и «О содержании окружных, армейских и дивизионных газет» [4]. А 24 июня 1941 года, то есть уже на третий день войны, было создано «Советское информационное бюро» (Совинформбюро), основными задачами которого были освещение событий войны и координация распространения данной информации [6]. К 1943 году для солдат и офицеров Красной Армии выпускалось 128 ежедневных газет, а также 600 газет, которые имеют периодичность выпуска до трёх раз в неделю [3].

С целью повышения эффективности армейской печати руководство партии и командование Красной армии

уделили особое внимание созданию разветвлённой сети военных корреспондентов, охватывавшей все части фронта. В соответствии с приказом Главного управления политической пропаганды Красной Армии от 24 июня 1941 года тридцать один член Союза советских писателей был направлен в действующую армию [4]. Там ими были получены должности авторов и литераторов фронтовых изданий. Как пелось в песне, «с лейкой и с блокнотом, а то и с пулемётом», многие журналисты военной поры разделяли вместе с бойцами все тяготы и опасности войны. Такое присутствие позволяло передавать не сухие факты, а отражать дух времени и атмосферу борьбы. Среди наиболее известных писателей, призванных в ряды регулярной армии, можно выделить К. М. Симонова, М. Джалиля, А. Т. Твардовского, А. Гайдара, И. Г. Эренбурга, С. В. Михалкова, М. А. Шолохова, И. Л. Френкеля, В. М. Кожевникова, М. Б. Колосова, Б. Л. Горбатова, В. С. Гроссмана и других.

Роль военных корреспондентов можно представить через три ключевые функции:

- документальную;
- идеологическую;
- мобилизационную.

Их документальная функция заключалась в фиксации хода боевых действий, фронтового быта, подвигов солдат и офицеров, что в последствие стало важным историческим источником. Идеологическая функция выражалась в формировании образа Красной Армии как непобедимой силы, отражающей справедливую народную войну против фашизма; через статьи, очерки и радиосообщения журналисты укрепляли веру в победу и в правоту советского дела. Мобилизационная функция проявлялась в способности журналистских материалов воздействовать на общественные настроения, побуждая солдат к подвигам, а тыл — к самоотверженному труду во имя фронта.

Писатели-военкоры вели хронику войны - от тяжёлых поражений и отступлений в первые месяцы до побед под Москвой и Сталинградом и дальнейшего наступления на Берлин. Все этапы борьбы нашли отражение в названиях газетных статей: от призывов «Выстоять», «Всё для победы» - до вдохновляющих «Дорогами победы» и «На Берлин». Газетные страницы сохранили не только хронику боёв, но также и жизнь людей 1940-х годов — их чувства, любовь, отвагу и надежду.

Для работы военных корреспондентов на фронте было разработано специальное положение, которое задавало ориентиры для освещения событий. Основное внимание уделялось демонстрации героизма защитников страны, умело владеющих оружием и техникой, обладающих высокой тактической подготовкой и инициативой в борьбе с немецкими войсками. При этом важно отметить, что военные журналисты были подотчётны руководству своих редакций, ТАСС, Радиокомитету и Совинформбюро [1].

О. Д. Минаева отмечает, что вместе со значительными достижениями фронтовой журналистики существовали и системные ограничения. Архивные документы указывают на строгий контроль спецслужб за писательской средой: отслеживались разговоры, записи, настроения [3]. Об этом свидетельствует отчёт НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» [2]. Контроль также подтверждает секретное письмо Д. А. Поликарпова члену Политбюро Г. М. Маленкову о пленуме Союза писателей в феврале 1944 года. Там обсуждалась ответственность писателей перед народом в условиях войны. А. Сурков критиковал бездельничающих, а С. Кирсанов отмечал, что фронтовая печать превращает писателей в обычных репортеров, лишая их творчества [5].

Таким образом, военные корреспонденты в годы Великой Отечественной войны стали не просто свидетелями, но и активными участниками событий, сочетая документальную точность с идеологической и мобилизационной миссией. Работая под строгим контролем и в условиях военной дисциплины, они формировали образ войны, вдохновляли бойцов и укрепляли веру народа в победу. Несмотря на цензурные ограничения, их вклад оказался решающим в формировании исторической памяти о войне и остаётся значимым для понимания особенностей советской журналистики.

Список литературы:

1. Бабиченко Д. Л. Литературный фронт. История политической цензуры – М.: Издательство «Энциклопедия российских деревень», 1994. С. 112.
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 2002. С. 487—499.
3. Минаева О. Д. «Перо отсвечивает военной сталью». «Литературная газета» о писателях на войне (1941—1945 гг.). ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 10. ЖУРНАЛИСТИКА. 2011. № 3.
4. Письменский Д. А., Баринова К. В., Работа военных корреспондентов в годы великой отечественной войны: специфика, особенности, нормативно-правовая база/ Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №11/2020.
5. Поликарпов Д. А. — Г.М. Маленкову // «Литературный фронт». История политической цензуры 1932—1946 гг. Сборник документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 109.

Электронный ресурс. URL: <https://history.ru/teacher/historical-calendar/obrazovano-sovetskoe-informacionnoe-byuro-sovinformbyuro> (Дата обращения: 25.09.2025)

Керимов Э.Ф.

магистрант,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

E-mail: aragorn5.0@mail.ru

Савин С.С.

магистрант,

Национальный исследовательский университет ИТМО, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: stanislavsavin4@mail.ru

Проблемы национальной безопасности в контексте кризиса ресурсных регионов на примере Кемеровской области

Kerimov E.F.

Master's student

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Email: aragorn5.0@mail.ru

Savin S.S.

Master's student,

National Research University ITMO, Saint Petersburg, Russia

Email: stanislavsavin4@mail.ru

Problems of National Security in the Context of the Resource-Based Regions' Crisis: A Case Study of Kemerovo Region

Аннотация. В статье кризис моноспециализированной экономики Кемеровской области анализируется через

призму конфликтологической парадигмы национальной безопасности. Доказывается, что проблемы национальной безопасности, проявляющиеся в дестабилизации социально-экономической сферы, депопуляции и снижении управляемости территориями, являются следствием эскалации латентных конфликтов, порожденных сырьевой моделью развития. В рамках концепции «общества риска» У. Бека эти проблемы интерпретируются как внутренние риски, имманентно присущие логике индустриальной модернизации региона. В качестве современной «традиции победы» предлагаются стратегии переориентации, направленные на институционализацию конфликтов через создание переговорных площадок и новых институтов развития, что обеспечивает переход к устойчивой постиндустриальной модели.

Abstract. This article analyzes the crisis of the mono-specialized economy in the Kemerovo Region through the lens of the conflictological paradigm of national security. It argues that national security issues, manifested in the destabilization of the socio-economic sphere, depopulation, and a decline in territorial governance, are a consequence of the escalation of latent conflicts generated by the resource-based development model. Within the framework of Ulrich Beck's "risk society" concept, these issues are interpreted as internal risks, inherently inherent in the logic of the region's industrial modernization. The author proposes reorientation strategies, framed as a modern "victory tradition," which are aimed at the institutionalization of conflicts through the establishment of negotiation platforms and new development institutions, thereby ensuring a transition to a sustainable post-industrial model.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, общество риска, конфликтологиче-

ская парадигма, ресурсный регион, Кемеровская область, стратегии переориентации.

Keywords: national security, economic security, risk society, conflictological paradigm, resource-dependent region, Kemerovo Region, reorientation strategies.

Тема экономической безопасности России в современных условиях приобретает особую актуальность. Связано это с чередой кризисов, которые затронули не только экономику страны, но и всю мировую экономическую систему. Термин экономической безопасности является неотъемлемой составляющей национальной безопасности, которая, в свою очередь, определяется как: «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [1].

В этом контексте кризис монопрофильных ресурсных регионов, таких как Кемеровская область, представляет собой классическое проявление «общества риска» в трактовке У. Бека, где ключевые проблемы порождаются не извне, а являются побочным продуктом избранной ранее модели развития. Социальные, экологические и экономические вызовы, созданные индустриальной модернизацией региона в XX веке, реализуются сегодня в форме системного кризиса, которые являются проблемными для национальной безопасности. Отметим, что регионы ресурсного типа по преимуществу развиваются в рамках экспортно-сырьевой модели. Ограниченность указанной выше экономической модели выражается в угрозе возникновения анклавной двойственной экономики – формированием изолированного сектора экономики, представленного в ос-

новном добывающими предприятиями [2,с.208]. В зарубежной литературе данный феномен получил название «сырьевое проклятье» [3,с.852]. Формирование анклавной двойственной экономики служит барьером для развития прочих отраслей экономики ресурсного региона и приводит к ситуации «роста без развития», формирующей существенные риски для будущего региона [2,с.208-213].

Целью данной работы является анализ проблем национальной безопасности, порождаемых кризисом ресурсного региона, через призму конфликтологической парадигмы и выявление на этой основе эффективных стратегий управления и переориентации.

Кризис моноспециализированной экономики Кемеровской области влечет за собой истощение ресурсной ренты, сокращение налоговых поступлений и рост структурной безработицы. Этот тезис находит подтверждение в исследованиях, констатирующих, что «неравномерность пространственного развития РФ, усиление региональной дифференциации по уровню и темпам социально-экономического развития являются ключевыми угрозами экономической безопасности» [4,с.104]. Как следствие, «низкая однородность экономического пространства России... ведет к появлению локальных кризисных ситуаций на территории страны» [5,с.216].

Однако экономические тенденции являются лишь триггером для формирования спектра социально-политических конфликтов. Так в Кузбассе это проявляется в конфликтах между населением и угледобывающими компаниями из-за земли, занятости и экологии [6,с.144], в спорах между центром и регионом о финансовых трансфертах, а также в конкуренции элитных групп за перераспределение сокращающихся активов. Данные противоречия возникают на фоне «резкого снижения мировых цен на энергоносители» и «истощения экспортно-сырьевой мо-

дели экономического развития» [7,с.37; 8,с.11], что обостряет кризисную ситуацию в регионе.

Важно отметить, также социально-демографические вызовы, формирующиеся в ресурсных регионах. Подобный тип регионов характеризуются существенным миграционным оттоком населения в другие более благоприятные для жизни регионы. В работе «Образовательная миграция в регионах ресурсного типа» отмечается, что в число причин образовательной миграции кемеровчан входят неудовлетворительное состояние рынка труда, что можно связать с особой структурой экономики региона, а также недостаточно высокий уровень качества городской среды[9.с.107.]. Данное положение дел отражает ситуацию, при которой у жителей отсутствует возможность полностью реализоваться в текущих городских условиях, удовлетворить имеющиеся потребности. Безусловно, образовательная миграция является проблемой затрагивающей многие регионы России, но в регионах ресурсного типа подобные негативные тенденции особенно заметны. В качестве дополнительного подтверждения нарастания негативных социально-демографических тенденций в регионе можно привести результаты ежегодного мониторингового исследования «Кузбасс-политика», представленные в работе Е.В. Головацкого и Н. В. Нятиной. Согласно полученным данным, в 2017 году 34,7% респондентов высказали готовность переехать в другой регион в случае возникновения сложной жизненной ситуации, связанной с местом проживания [10.с.303]. Данный показатель может свидетельствовать об ослабленности сдерживающих миграцию факторов и ослаблении территориальной идентичности, служащей регулятором миграционного поведения.

Следовательно, ключевыми проблемами национальной безопасности являются дестабилизация социально-экономической сферы, депопуляция и снижение эффек-

тивности управления территориями, которые представляют собой прямое следствие нарастания социальной напряженности в регионе. Под влиянием таких региональных кризисов «становится более уязвимой система национальной безопасности не только отдельных регионов, но и всей страны» [5.с.216], а «анализ динамики численности населения свидетельствует о проблеме депопуляции региона» [11.с.4700].

Согласно концепции «общества риска» У. Бека [12], сырьевая модель экономики Кузбасса, сформированная в процессе индустриальной модернизации XX века, сама генерирует риски социально-экологического коллапса. Это подтверждается тезисом о том, что «рассмотрение ЭБ в контексте устойчивости национальной и мировой экономики к внутренним и внешним шокам» является ключевым [7.с.32], а «зона риска... представляет реальную угрозу экономической безопасности» [11.с.4706]. Угрозы, таким образом, имеют внутреннюю природу и порождены логикой развития.

Конфликтологический анализ позволяет идентифицировать конкретные стороны, предмет и динамику конфликтов, например, между федеральными органами власти, региональной администрацией, угольными корпорациями и местным малым бизнесом. Такой анализ, основанный на «оценке влияния региональных кризисных процессов» [5.с. 216] и идентификации «сторон и динамики» [7.с.30], является необходимым диагностическим инструментом.

Поэтому эффективные стратегии переориентации должны быть направлены на институционализацию этих конфликтов: создание переговорных площадок, механизмов согласования интересов и новых институтов развития, легитимирующих переход к постиндустриальной модели. Именно «институционализация конфликтов через площад-

ки и механизмы для перехода» [11.с.4705] и «создание... механизмов согласования интересов» [4.с.107] позволяют трансформировать деструктивную энергию конфликта в конструктивный процесс изменений, что напрямую усиливает устойчивость национальной безопасности.

В этом контексте «традиция победы» должна быть переосмыслена как стратегическая способность государства к преодолению системных конфликтов на опережение и трансформации рискогенной социально-экономической модели. Это предполагает «институциональную и структурную перестройку национальной экономики на современной технологической основе» [13.с.87] и построение механизма обеспечения безопасности, который «нацелен на преодоление угроз... модернизации рискогенной модели» [4.с.107].

Таким образом, стратегии управления и переориентации экономики Кемеровской области представляют собой современную формулу «победы» — победы над внутренними, системно порожденными рисками. Подобные решения будут достигаться не через силовое противостояние, а через «создание благоприятных условий для поддержания и развития систем образования, здравоохранения, научных разработок» [14.с.235] и «рост производительности труда на отечественных предприятиях несырьевой сферы» [15.с.409].

Ключевой задачей, которая стоит перед регионом сегодня, является поиск и реализация новых путей развития, которые позволят выйти из экономического кризиса, кризиса идентичности региона, а также избежать нарастания социально-демографических проблем, что отражено в стратегии развития до 2035.

Выстраивание взаимодействия властей и крупного бизнеса с жителями с использованием указанных выше механизмов, учет их потребностей и интересов, в свою

очередь, позволят сформировать региональную стратегию развития, разделяемую как властями, так и горожанами, что будет способствовать ее реализации, а также заложить основы для дальнейшего партнерства между ключевыми городскими акторами. При разработке стратегий преодоления системных кризисов и формирования устойчивого будущего необходим учет отечественного и зарубежного опыта. Ключевыми элементами успеха являются комплексные преобразования в экономической, социальной и культурной сферах, активное взаимодействие городских акторов, технологическое развитие, создание устойчивой городской среды и системный подход, обеспечивающий консолидацию всех процессов. Именно подобный подход и есть залог нашей формулы преодоления системных кризисов и нового прочтения “традиций победы”.

Список литературы:

1. Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Гарант.ру : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 21.09.2025).
2. Левин С. Н., Сурцева А. А. Развитие туристического кластера «Кузбасс» как направление политики диверсификации экономики региона «ресурсного типа» // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — (2–7). — С. 208-213.
3. Gylfason T. Natural Resources, Education and Economic Development // European Economic Review. — 2001. — № 45. — P. 847-859.
4. Тернавщенко, К. О. Организационно-методические аспекты построения механизма обеспечения экономической безопасности региона и субъектов региональной экономики / К. О. Тернавщенко, Н. Л. Малащенко, А. В.

- Гапоненко // Фундаментальные исследования. – 2021. – № 5. – С. 104-110.
5. Тернавщенко, К. О. Методический подход к оценке уровня региональных кризисных процессов и их влияния на экономическую безопасность государства / К. О. Тернавщенко, Н. Л. Малашенко, А. В. Гапоненко // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 12. – С. 216-221. – DOI 10.17513/fr.42936. – EDN UMHPNSN.
 6. Поддубиков, В. В. "Ресурсное проклятие" с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта / В. В. Поддубиков, С. А. Арцемович, Д. А. Функ // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 2. – С. 142-163. – DOI 10.17223/2312461X/20/8. – EDN XRVKBV.
 7. Афонцев, С. А. Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности / С. А. Афонцев // На страже экономики. – 2020. – № 2(13). – С. 27-47. – DOI 10.36511/2588-0071-2020-2-27-47. – EDN BYWALZ.
 8. Митяков, С. Н. Трансформация угроз, национальных интересов и приоритетов в концепции и стратегиях национальной безопасности России / С. Н. Митяков // Развитие и безопасность. – 2021. – № 3(11). – С. 4-14. – DOI 10.46960/2713-2633_2021_3_4. – EDN BAAAKS.
 9. Курбатова М. В., Донова И. В., Кранзеева Е. А., Леухова М. Г. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа // Мир России. — 2022. — Т. 31. — № 1. — С. 91-112.
 10. Головацкий Е. В., Нятина Н. В. Ресурсы гражданских инициатив в городах Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2019. — Т. 4. — № 3. — С. 300–309.
 11. Фазлиев, И. Н. Социальная безопасность региона:

- новые подходы к ее оценке и направления ее обеспечения / И. Н. Фазлиев, В. М. Троценко, А. А. Монастырская // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 12. – С. 4691-4712. – DOI 10.18334/ce.16.12.116623. – EDN AVZKJL.
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
13. Феофилова, Т. Ю. Экономическая безопасность - стратегический национальный приоритет РФ: анализ новой стратегии национальной безопасности РФ / Т. Ю. Феофилова, Е. В. Радыгин, А. Н. Литвиненко // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 7-1. – С. 83-88. – DOI 10.17513/vaael.1784. – EDN BWNBDQ.
14. Оккель, С. А. Проблемы и перспективы экономической безопасности России в современных условиях / С. А. Оккель, О. В. Смоленская // Управленческий учет. – 2024. – № 11. – С. 230-235. – EDN HWXQSL.
15. Волков, И. А. Правовые основы экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / И. А. Волков // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 407-411. – EDN ASVHZD.

УДК 32.019.51+323.212

Коломейцев И.В.,

*кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский политехнический универси-
тет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: kolomejtsev_iv@spbstu.ru*

Новиков М.Д.,

*кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский политехнический универси-
тет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: novikov_md@spbstu.ru*

**Общественная мобилизация как компонент
национальной безопасности: историко-философский
анализ**

Kolomeytsev I.V.,

*Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: kolomejtsev_iv@spbstu.ru*

Novikov M.D.,

*Candidate of Science (History), Associate Professor
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: novikov_md@spbstu.ru*

**Public mobilization as a component of national secu-
rity: a historical and philosophical analysis**

Аннотация. В данной статье авторы предприняли попытку анализа процессов мобилизации и самоорганизации в условиях Великой Отечественной войны и специальной военной операции. Вдумчивая работа с этими практиками является необходимым условием будущего состояния национальной безопасности России.

Abstract. In this article, the authors attempt to analyze the processes of mobilization and self-organization during the Great Patriotic War and the Special Military Operation. Thoughtful consideration of these practices is essential for the future of Russia's national security.

Ключевые слова: мобилизация, самоорганизация, общественная консолидация, специальная военная операция, Великая Отечественная война

Keywords: mobilization, self-organization, social consolidation, special military operation

Способность общества оперативно реагировать на внешние вызовы демонстрирует его жизнеспособность, а процессы мобилизации и самоорганизации нередко задают условия развития конфликтов и влияют на их итоговые результаты. В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и почти спустя 4 года с момента начала специальной военной операции (далее – СВО) представляется актуальным проанализировать как именно процессы мобилизации и самоорганизации способствуют преодолению угроз национальной безопасности. Важно установить какие коннотации приобретают данные понятия, а также условия их закрепления в общественном сознании. Анализ предполагается проводить на междисциплинарной основе

с помощью методологических принципов исторической науки и социально-политической философии.

Опыт событий Великой Отечественной войны позволяет продемонстрировать позитивные и негативные последствия мобилизационных практик, имевших место в различных сферах общественной жизни. Отличительной особенностью этих практик выступает их высокая институционализированность, поскольку существовали общественные структуры, направлявшие и контролировавшие их реализацию: «профильных» (военкоматов, финансовых отделов исполкомов, системы сберегательных касс и т.п.) и «непрофильных» структур (партийные и комсомольские организации, профсоюзные объединения, профессиональные сообщества, религиозные объединения и др.). Примерами подобных «институционализированных» практик можно назвать: непосредственный призыв в воинские части, кампании подписки на государственные внутренние военные займы, эвакуацию граждан и предприятий с оккупированных территорий, реорганизацию учреждений под цели военного времени (например, превращение университетов в госпитали и промышленные предприятия).

Вместе с институционализированной мобилизацией сосуществовала не всегда институциональная самоорганизация, в рамках которой становилось возможным вносить дополнительный вклад в общую Победу. Примерами таких практик были: организация подразделений народного ополчения под руководством партийных и комсомольских организаций (только за 1941 год ленинградцами было сформировано 10 дивизий и 16 батальонов, состоящих из 135 тыс. бойцов, среди которых было 20 тыс. коммунистов и 18 тыс. комсомольцев) [1], добровольные денежные сборы на военную технику, сборы вещей для солдат на фронте, создание артистами концертных бригад для поддержания морального духа солдат. Некоторые из этих практик

получали необходимые организующие институты, например, восстановление Русской православной церкви или создание Центрального штаба партизанского движения. В условиях военного времени эти структуры поддерживали сплочённость общества и координировали инициативы снизу. Успешные примеры самоорганизации достаточно быстро становились достоянием широкой общественности, были персонифицированы и формировали дискурсивный канон, соответствующий мобилизационной логике защиты отечества от врага, подчёркивая важность всех действий советского общества на фронте и в тылу для победы над нацизмом.

Мобилизационные и самоорганизационные процессы оказывали синергетический эффект на общественную консолидацию. Государственная политика, индивидуальная и групповая самоорганизация работали в общем направлении, что вело к определённому уровню гармонизации общественного сознания. Информационная монополия государства позволяла формировать дискурс «добровольности», «сопричастности» и «соответствия» идеологического курса и общественной практики.

Тем не менее, крушение советского государства не было предупреждено существовавшими конфигурациями системы, что даёт основания для выработки комплексной аргументационной базы в спорах о жизнеспособности мобилизационных практик без определённой подпитки самоорганизационными процессами.

Экстраполяция опыта Великой Отечественной войны на современные условия существования российского государства, показывает, что далеко не все практики прошлого сохранили прежнее консолидирующее значение. Это подтверждается актуальными социологическими исследованиями, посвящёнными динамике общественного сознания по вопросу восприятия СВО. Эмпирически про-

веренная модель «четырёх Россий», демонстрирует существенные различия в восприятии происходящих событий и, соответственно, разные сценарии реакции на необходимость общественной консолидации вокруг некоего общего вектора развития этих событий и предполагаемого образа Победы [2].

В условиях продолжающейся СВО возможно говорить только о смене дискурсивного пространства вокруг понятий «мобилизация» и «самоорганизация». Первое приняло явно негативные коннотации, вместо того чтобы способствовать необходимой общественной консолидации. Реакция на события осени 2022 года, продемонстрировала, что действия государства с использованием такого понятия воспринимаются как заведомо негативные, хотя мобилизационные процессы определены правовым порядком и являются частью конституционной обязанности граждан РФ о защите Отечества. Методы реализации политических и военных задач были скорректированы, но состояние частичной мобилизации, введенное Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647, по-прежнему сохраняется.

Существенный вклад в поддержание конструктивного характера общественных взаимодействий сыграли процессы самоорганизации граждан, вылившиеся в разнообразные инициативы. Успешные примеры можно демонстрировать при помощи современных традиционных [3,4] и сетевых медиа, где сочетается деятельность отдельных субъектов и сообществ разной степени институционализированности [5,6]. В их число входят как сообщества, занимающиеся добровольными сборами денежных средств, плетением маскировочных сетей, так и самоорганизовавшиеся производственные объединения, поставляющие необходимые военные товары (средства связи и радиоэлектронной борьбы, маскировки, бронезащиты и др.) [7,8]. Государственные институты достаточно аккуратно

используют дискурс «добровольности», но так или иначе, политические и военные цели таким образом достигаются.

В условиях актуального конфликта мы наблюдаем «ограниченное» или «размытое» институциональное влияние, и соответствующую работу по формированию общего видения исходов. Роль в этом более активно играют разнообразные информационные каналы, которые создают и продвигают широкий спектр продуктов, удовлетворяющих интересы разнородных аудиторий. В этом смысле мобилизационный потенциал реализуется преимущественно на основе ресурса самоорганизации. Достижения технического прогресса (от военных до коммуникативных) и переоценка значения военного конфликта для будущего развития страны пока позволяют использовать этот ресурс, но не стоит распоряжаться им бездумно.

Список литературы:

1. Иванов, В.Г. Народное ополчение. Обреченные на подвиг. (2024), *История.рф. Главный исторический портал страны*, URL: <https://histrf.ru/read/articles/narodnoe-opolchenie-obrechennye-na-podvig>. (дата обращения 30.09.2025).
2. Гаврилов, А.В., Львов, С.В., Минченко, Е.Н., Стулова, Е.В., Федоров, В.В. (2025), Четыре России: опыт эмпирической проверки экспертной модели сегментации политических аудиторий в контексте СВО, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, №2, с. 212—242.
3. Демидов, А. (2023), Не по команде, а по воле сердца (2023), *Санкт-Петербургский вестник высшей школы*, № 10 (198), с. 2.
4. Лисина, Е. Держитесь, ребята, питерцы с Вами! (2023), *Санкт-Петербургский вестник высшей школы*, № 10 (198), с. 5.

5. Политехники посетили Мариуполь с официальным визитом (2024), *Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого [сайт]*. URL: <https://www.spbstu.ru/media/news/partnership/politekhniki-posetili-mariupol-s-ofitsialnym-vizitom/> (дата обращения 30.09.2025).
6. Завершая лето добрыми делами. Политехники доставили гуманитарную помощь в ДНР (2025), *Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*, URL: https://www.spbstu.ru/media/news/studencheskaya_zhizn/za-vershaya-leto-dobrymi-delami-politekhniki-dostavili-gumanitarnuyu-pomoshch-v-dnr/ (дата обращения 30.09.2025).
7. Народный ВПК в России (2024), *Интернет-энциклопедия «РУВИКИ»*, URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%92%D0%9F%D0%9A_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8. (дата обращения 30.09.2025).
8. «Нашими конструкторами стали молодые самоучки» В зоне СВО применяют самодельные дроны. Кто их производит? (2023), *Lenta.ru*, URL: <https://lenta.ru/articles/2023/10/08/copters/> (дата обращения 30.09.2025).

УДК 327

Колясников Д. С.,

Студент

*Уральский федеральный университет имени
первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург,
Россия*

E-mail: kolyasnikov96den@yandex.ru

Мамакова Е. М.,

Студент

*Уральский федеральный университет имени
первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург,
Россия*

E-mail: greatattractor07@icloud.com

Агональный этос Победы и Горизонтальный вызов гибридных войн: к философии национальной безопасности

Kolyasnikov D. S.,

Student

*Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

E-mail: kolyasnikov96den@yandex.ru;

Mamakova E. M.,

Student

*Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

E-mail: greatattractor07@icloud.com

Agonal Ethos of Victory and the Horizontal Challenge of Hybrid Wars: Towards a Philosophy of National Security

Аннотация. В статье анализируется трансформация природы конфликта в эпоху гибридных войн. Символический иммунитет, формируемый агональным этосом Победы 1945 года, сталкивается с децентрарованными, горизонтальными угрозами, направленными на смысловое пространство нации. Авторы рассматривают Победу как метафизический итог, противостоящий стратегиям обнуления исторической идентичности, и предлагает контуры философии национальной безопасности, основанной на защите смыслового суверенитета.

Ключевые слова: агональный этос, гибридные войны, символический иммунитет, смысловой суверенитет, философия национальной безопасности, Победа.

Abstract. The article analyzes the transformation of the nature of conflict in the era of hybrid wars. The symbolic immunity formed by the agonal ethos of the Victory of 1945 faces decentralized, horizontal threats aimed at the semantic space of the nation. The authors consider Victory as a metaphysical outcome that opposes the strategies of nullifying historical identity and outlines the contours of a philosophy of national security based on the protection of semantic sovereignty.

Keywords: agonal ethos, hybrid wars, symbolic immunity, semantic sovereignty, philosophy of national security, Victory.

Введение

Символический образ Победы 1945 года является краеугольным камнем российской идентичности и её «символическим иммунитетом» [11, с. 45]. Однако в условиях «общества риска» (У. Бек) и сдвига в природе конфликтов

(М. Кэлдор) этот иммунитет подвергается новым, «горизонтальным» угрозам. Актуальность темы заключается в осмыслении перехода от классических войн к гибридным, где главной мишенью становится не физическая территория, а смысловое пространство нации, её историческая идентичность. Гибридные войны атакуют через внедрение деструктивных нарративов, подрывающих «символический иммунитет» [2, с. 25].

1. Агональный этос Победы: классическая «вертикальная» модель конфликта

Классическая модель конфликта, воплощённая в Великой Отечественной войне, основана на чёткой бинарности: свой — чужой, суверенитет — порабощение. Эта «вертикаль» формирует агональный этос — сознание, воспринимающее историю как арену героического противостояния, требующего мобилизации и жертвы [17, с. 48]. Необходимо развести войну как исторический процесс и Победу как её метафизический итог. Функция Победы — формирование «символического иммунитета», обеспечивающего онтологическую уверенность [1, с. 52]. Этот иммунитет, по Ассману, подчеркивает своеобразие и обеспечивает долговечность общности [1, с. 54], что порождает необходимость героического действия, описанного Ильиным как «героизм сознательно принятой несправедности» [8, с. 41]. Способность к жертвенности, отказ от сиюминутного в пользу долгосрочного проекта, является, по Панарину, основой творчества и культуры [13, с. 112]. Этот этос нашел воплощение в синтезе политической воли и военного профессионализма, что позволило достичь Победы.

2. Гибридные войны: «горизонтальный» вызов и проблема победы

Современные конфликты характеризуются размытостью границ, децентрализацией противника и переносом боевых действий в информационно-смысловую сферу [10, с.

89]. Исчезает ясный образ врага, а вместе с ним — возможность классической победы. Угроза смещается на смысловую деструкцию — деконструкцию символов и релятивизацию истории. Противник децентрирован, не персонифицирован; фронт проходит в медиапространстве. Ключевым инструментом становится «техническая правота» — способность через контроль информационных потоков навязать свою интерпретацию событий [2, с. 134]. Победа в гибридной войне определяется способностью доминировать над нарративами и защищать своё смысловое пространство.

3. Метафизический противник: атака на символическую вертикаль

Главным антагонистом «агонального этоса Победы» выступает либерально-глобалистский проект, стремящийся к «горизонтальному» выравниванию культурных кодов и отрицанию уникальных цивилизационных суверенитетов [4, с. 77]. Этот проект является воплощением юнгеровского «Корабля», стремящегося к созданию «автоматического» человечества [18, с. 215]. Стратегия этого проекта направлена на семантическое упразднение инаковости России через дискредитацию её истории, что является формой метафизической агрессии [16, с. 98]. Целью является лишение России статуса суверенного «Другого», способного к самостоятельному историческому творчеству, о чём писал Бердяев, призывая «раскрыть в себе мужественный лик» [3, с. 67].

4. Философия национальной безопасности: защита смыслового суверенитета

Ответом на вызовы гибридности должна стать философия национальной безопасности, носящая холистический характер. Безопасность должна включать защиту не только физических границ, но и смыслового ядра нации — её исторической памяти, культурного кода и символического имунитета [6, с. 145]. Ключевая задача — воспроизводство «вертикального сознания» через образование и культуру,

взращивание граждан с критическим мышлением и смысловой автономией, способных к внутреннему сопротивлению. Речь идет о поддержке «Леса» (по Юнгеру) — социальных сетей и низовых инициатив, конституирующих исторический и культурный бэкграунд нации [19, с. 301]. Это включает поддержку отечественной гуманитаристики и креативных индустрий, способных вести наступательную повестку в смысловом поле.

Заключение

Противостояние гибридным угрозам требует не отказа от образа Победы, а его адаптации через конкретные меры. Необходима разработка позитивной цивилизационной стратегии, основанной на традиционных ценностях и суверенитете. Формирование общественного договора должно основываться на развитии гражданского образования, поддержке народных инициатив в сфере сохранения исторической памяти и прозрачности коммуникаций. Философия национальной безопасности России в XXI веке — это философия активного отстаивания смыслового суверенитета, способности сохранить и актуализировать свою цивилизационную идентичность.

Список литературы:

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. — Москва : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
3. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. — Москва : АСТ, 2004. — 333 с.
4. Дугин, А. Г. Геополитика постмодерна / А. Г. Дугин. — Москва : Амфора, 2007. — 382 с.

5. Дугин, А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / А. Г. Дугин. — Санкт-Петербург : Амфора, 2009. — 351 с.

6. Ильин, И. А. Основы борьбы за национальную Россию / И. А. Ильин. — Москва : Рарогъ, 1996. — 120 с.

7. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5 / И. А. Ильин. — Москва : Русская книга, 1995. — С. 5–120.

8. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Мэри Калдор; пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; под ред. А. Смирнова, В. Софронова. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. — 416 с.

9. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство—СПБ, 2000. — 704 с.

10. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. — Москва : Эксмо-Пресс, 2002. — 416 с.

11. Солоневич, И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич. — Москва : Феникс, 1991. — 512 с.

12. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. — Санкт-Петербург : Наука, 2000. — 380 с.

13. Шмитт, К. Понятие политического // Шмитт К. Политическая теология / Карл Шмитт; пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. — Москва : Канон-Пресс-Ц, 2000.

14. Юнгер, Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Эрнст Юнгер; пер. с нем. А. В. Михайловского. — Санкт-Петербург : Наука, 2000.

15. Юнгер, Э. Уход в лес // Юнгер Э. Избранные сочинения / Эрнст Юнгер; пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. — Москва : Терра, 2008

Осипов И.Д.

*Доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: idosipov@mail.ru*

Безопасность и управление конфликтами в социальной мысли XX века.

Osipov I.D.

*Doctor of Philosophy, Professor. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: idosipov@mail.ru*

Security and conflict management in twentieth-century social thought.

Аннотация. В докладе рассматриваются актуальные проблемы обеспечения безопасности в контексте развития социологии XX века. В этой связи исследуются концепции выдающихся социологов Л. Козера, Р. Дарендорфа, М. Уолцера.

Abstract. This report examines current security issues in the context of 20th-century social thought. In this context, it explores the concepts of prominent sociologists L. Coser, R. Dahrendorf, and M. Walzer.

Ключевые слова: конфликт, безопасность, общество, личность, медиация

Keywords: conflict, security, society, personality, mediation

Проблема обеспечения безопасности посредством управления конфликтами занимает важное место в кон-

фликтологии XX века Социология конфликта получила развитие в работе Льюиса Козера (1913-2003) «Функции социального конфликта». Согласно Козеру, нужно различать конфликт и враждебное, или антагонистическое отношение. Социальный конфликт — это всегда социальное взаимодействие, тогда как отношение или чувство представляют собой только предрасположенность к действию. Предрасположенность не обязательно выливается в конфликт; важнейшими промежуточными переменными, влияющими на возникновение конфликта, являются степень и способ легитимации власти и система статусов. В своем труде ученый детально анализирует различные виды конфликтов: внутригрупповой и межгрупповой, реалистический и нереалистический. Оригинальность точки зрения Козера на конфликт в том, что он раскрывает позитивные стороны конфликта: сам феномен конфликтной ситуации позволяет найти способы, методы его смягчения и возможного использования для развития общества и человека. По его мнению, социальный конфликт — это борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которых оппоненты нейтрализуют своих соперников, наносят им ущерб или устраняют их. Философа интересуют последствия социального конфликта, которые служат усилению адаптации конкретных социальных групп к тем функциям, которые выполняют не разрушительную, а положительную функции. Благодаря конфликту (который всегда подразумевает взаимодействие, в отличие от антагонизма) люди могут понять принадлежность к определённой группе (как правило, когда речь идёт об интересах). Также он позволяет установить границы между определёнными группами, понять, где пересекаются их интересы. При столкновении этих групп их приверженцы сплавляются на основе конфликта и сохраняют иерархичную структуру (особенно, если антагонизм устойчив). Закреп-

ление доступа к власти является одним из основных факторов конфликта, при этом системы с большей социальной мобильностью потенциально более конфликтны. Для разрядки конфликтов используются социальные «клапаны». Они позволяют выместить эмоции негативного содержания на замещающий объект и, таким образом, сохраняют систему отношений.

Одним из авторитетных представителей политологии конфликта является Ральф Дарендорф (1929-2009), автор многих книг, в числе которых «Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы» (1988), «Размышления о революции в Европе» (1990). По его мнению, демократия обеспечивает отсутствие углубление конфликтов в насильственную сферу. Это гораздо более подверженная противоречиям среда, чем авторитарные и тоталитарные формы организации жизни общества, но это и делает её менее подверженной распаду. В обществе всегда происходит некоторая борьба классов, но демократия обеспечивает социальное единство, к которому принадлежат все члены общества — класс граждан. Формируются институты (как правило, политические), служащие способом разрешения конфликта. Они обеспечивают его протекание в рамках определённых правил, что снижает разрушительный потенциал, и основным принципом жизни становится консенсус. Путём создания большого количества институтов, демократия создает условия для реализации интересов людей, что снижает уровень социальной напряжённости. И согласно Дарендорфу демократии присуще большее количество конфликтов, но они не интенсивны. Принципиальная его мысль заключается в том, что современный социальный конфликт отражает антагонизм прав и их обеспечения, политики и экономики. Особое внимание в этом контексте он уделял исследованию гражданского общества, оригинальность воззрений философа на гражданское

общество заключается в утверждении, мысли, что оно не обязательно является капиталистическим. В этой связи развивается концепция нового общественного договора, позволяющего предотвратить революции, суть его заключена в создании главного основного «состава» норм и правил, которые определяют гражданский статус личности, и политическое устройство, гарантирующие ненасильственную смену власти. Строительство политических институтов ставит своей целью создание ассоциаций граждан и в своей перспективе создание мирового гражданского общества.

Майкл Уолцер (род. в 1955г.) сыграл важную роль в развитии теории управления социокультурными конфликтами. В работе «О терпимости» он рассматривает различные режимы толерантности в контексте культурно-религиозных различий в многонациональных империях, международном сообществе, консоциативном устройстве, национальных государствах и иммигрантском сообществе. По мнению Уолцера государство должно абсолютно беспристрастно относиться к культуре отдельных групп, обеспечивая им равную поддержку, которая выражается, к примеру, в поощрении некой общей религиозности. Также отмечается такая особенность терпимости в иммиграционных сообществах, как децентрализованный характер. Это означает, что в данных общностях культивируется отношение к каждому факту различия между людьми как к персонифицированному проявлению той или иной группы, благодаря чему «все должны терпеть всех». Ни одна группа не может принудительно вовлекать людей в свою организацию или монополизировать общественные ресурсы. Таким образом, в социологии для обеспечения безопасности общества разрабатывались различные концепции, призванные противостоять негативным тенденциям развития социума.

УДК 316.7

Петрова А.А.,
ассистент.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: a.a.petrova@spbu.ru

Петрова Н.В.,

кандидат культурологии, доцент.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: n.petrova@spbu.ru

Межкультурный аспект традиций победы в контексте национальной безопасности.

Petrova A.A.,

Assistant

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: a.a.petrova@spbu.ru

Petrova N.V.,

Candidate of Sciences (Cultural studies), Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: n.petrova@spbu.ru

The Intercultural Aspect of Victory Traditions in the Context of National Security

Аннотация. Статья исследует традиции победы как элемент культурной идентичности в контексте национальной безопасности. Анализируются их роль в формировании исторической памяти и межкультурные аспекты, способные порождать как конфликты, так и сотрудничество.

Abstract. The article examines the traditions of victory as an element of cultural identity in the context of national security. It analyzes their role in shaping historical memory and intercultural aspects, which can lead to both conflict and cooperation.

Ключевые слова: традиции, победа, национальная безопасность, межкультурный аспект.

Keywords: traditions, victory, national security, intercultural aspect.

В современном российском обществе, традиции победы являются одной из основ национальной идентичности, способствующие укреплению патриотического восприятия страны. В Стратегии национальной безопасности в ст. 19 говорится о проблеме «...искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов» [1]. Приведенная цитата показывает, какое значение играет традиция победы, представляя собой совокупность обычаев, ритуалов, символов и исторических нарративов, связанных с победами в войнах или значительных конфликтах.

Традиции победы — это важный элемент культурной идентичности, который формируется на основе исторического опыта народов и наций. Они не только отражают коллективную память о значимых событиях, но и служат основой для формирования общественного сознания. В контексте глобализационного взаимодействия повышается актуальность изучения традиций победы различных культур, так как позволяет исследовать, как они воспринимают и отмечают свои победы.

Эти традиции формируются на основе коллективного опыта народа и могут включать в себя различные аспекты.

- Исторический контекст – победы и поражения формируют восприятие угроз и возможностей, что влияет на стратегическое мышление и действия в сфере национальной безопасности. Отражение этому можно обнаружить в ст. 17 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в которой одной из угроз является «(е) искажение исторической правды, разрушение исторической памяти» [2].

- Память и идентичность: Традиции победы играют ключевую роль в формировании национальной и культурной идентичности, способствуя укреплению чувства единства и принадлежности к определенной группе. Однако межкультурный подход также показывает, что одни и те же события могут восприниматься по-разному в зависимости от исторического контекста и культурной идентичности.

- Риски нового общества: Технологические изменения и социальные трансформации создают новые риски, которые требуют адаптации традиционных подходов к безопасности. В условиях глобализации традиции победы могут подвергаться изменению под воздействием других культур, что создает новые формы идентичности и взаимодействия между народами.

Следуя цитате из ст. 93 Стратегии национальной безопасности, в которой говорится о задачах, которые служат защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, одной из них является – «2) защита исторической правды, сохранение исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сло-

жившегося единства, противодействие фальсификации истории» [1]. Важным представляется вопрос именно о межкультурных аспектах традиций победы. В силу того, что взаимодействие между различными культурами и традициями победы может привести как конфликтам, так и к сотрудничеству, что требует внимательного анализа в контексте национальной безопасности.

Культура играет ключевое значение в жизни общества и затрагивает все сферы его бытия. Одним из важных элементов культуры является ценность. Согласно Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии [3]. Все культуры разнообразны и равны между собой, тем не менее, постоянно возникают конфликты между культурами и именно в ходе межкультурного взаимодействия.

Так, межкультурный аспект не может не восходить к концепции национальной безопасности. Данный аспект охватывает все взаимодействие различных культур и их влияние на безопасность государства, включая вопросы идентичности, интеграции и конфликта. Зачастую, различия в культурных ценностях и нормах могут приводить к конфликтам, которые угрожают национальной безопасности, в то время как все культуры разнообразны, а понимание этих различий важно для предотвращения эскалации напряженности.

Тема традиций победы напрямую восходит к аксиологии культуры, так как традиции победы безусловно связаны с ценностями, памятью и болью того или иного народа и этноса. Исследование этих традиций помогает выявить общие черты и различия в культурных практиках, а также способствует укреплению взаимопонимания между культурами, в то время как посприятие, нивелирование, унижение традиций победы, может привести к усугублению ситуации в мире, эскалации ненависти и насилия. В конечном итоге, традиции победы не только отражают

прошлое, но и формируют будущее, способствуя созданию более мирного и взаимопонимающего мира.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

URL:

<http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/l4wGRPqJvETSkUTYmhhezRochb1j1jqh.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=430906#T5Euj0VkVlah3fA41> (дата обращения: 29.09.2025).

3. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 29.09.2025).

Пинкевич А.Г.,

кандидат политических наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: a.pinkevich@spbu.ru

Артемов Г.П.,

доктор философских наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: g.artemovch@spbu.ru

Социальная безопасность в новом обществе риска.

Pinkevich A.G.,

Candidate of Science (Political Science), Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: a.pinkevich@spbu.ru

Artemov G.P.,

Doctor of Science in Philosophy, Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: g.artemov@spbu.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о новых реалиях, в которых развивается современное общество. В частности, идет речь о понятии общества риска и об актуальности пересмотра основных методологических предпосылок его анализа.

Abstract. This article addresses the new realities in which modern society is developing. Specifically, it discusses the

concept of risk society and the need to reexamine the fundamental methodological assumptions underlying its analysis.

Keywords: social security, new risk society, deglobalization.

Социальная безопасность важна для обеспечения стабильности и нормального функционирования государства. Государство в свою очередь является и объектом, и основным субъектом обеспечения социальной безопасности и на уровне общества, и на уровне личности.

Социальная безопасность для личности – это обеспечение таких условий развития и жизни, при которых обеспечивается духовное и материальное благополучие, возможность реализации основных прав и свобод, защита жизни, собственности, благосостояния.

Новое общество риска характеризуется тем, что на его формирование и развитие воздействуют новые обстоятельства. Новое общество риска требует пересмотра или доработки основополагающих методологий и концепций. Так Дж. Аббас пишет о том, что многие категории и понятия, предложенные У. Беком неравномерны [1]. Они определяются в определенных сферах общества и в определенный период. По мнению Аббаса, теория Бека безразлична к социальным различиям и категориям в разных обществах и не способна осмыслить эти различия ни концептуально, ни эмпирически.

Сложившиеся системы отношений, модели поведения, модели оценки ситуаций, – все это перестает работать. Деглобализация, как одна из неотъемлемых характеристик нового общества риска, ведет к распаду экономических, политических, культурных связей. Деглобализация – это процесс снижения степени взаимозависимости и интеграции между определенными единицами по всему миру. Обычно речь идет о национальных государствах. Этот

термин активно используют при описании периодов развития, когда экономические, политические и другие связи между государствами снижаются. При этом следует учитывать, что деглобализация не является зеркальным отражением глобализации.

Происхождение данного термина связано в том числе с глубокими изменениями во многих развитых странах, где доля торговли в общей экономической деятельности к 1970 годам стала ниже, чем была в 1910-х годах, то есть их экономики стали менее интегрированными с остальными мировыми экономиками. Можно говорить о том, что на более глобальном уровне длительные периоды деглобализации происходили в 1930-х годах (во время Великой депрессии) и в 2010-х годах, когда наступил период замедления мировой торговли [2]. Часто термин деглобализация рассматривается применительно к экономическим аспектам, однако в последнее время его связывают и с политическими вопросами.

Происходящие мировые и локальные события стали серьезными факторами деглобализации.

Все это не может не сказываться на системе социальной безопасности. Это, в свою очередь приводит к возникновению новых рисков, которыми сложно управлять. Индивиды, группы, общество в целом вынуждены заново адаптироваться к новым реалиям и новым рискам. При этом значительно расширилось информационное поле и выросло число его участников. Если раньше государство могло контролировать его формирование и влиять на отбор информации для формирования представления о риске, то теперь настолько контролировать информационные потоки невозможно. За последнее время изменились сами концепции информирования о рисках. Эксперты уже не играют в процессе информирования такую большую роль. С позиции этих концепций информирование о рисках — это не

задача, при которой огромные объемы информации передаются от отправителя к получателю сообщения, а процесс, в котором и отправитель, и получатель взаимодействуют с целью выработки общих рамок для понимания проблемы.

Список литературы:

1. Abbas, J. (2022), World risk society and constructing cosmopolitan realities: A Bourdieusian critique of risk society, *Frontiers in Sociology*, Vol. 7, doi: 10.3389/fsoc.2022.797321
2. The Global Trade Slowdown: A New Normal? (2015), edit. by B. Hoekman, London: CEPR Press, 333 p.

УДК 316.485

Стребков А.И.

*доктор политических наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург,
Россия
E-mail: a.strebkov@spbu.ru*

Бондарев В.Г.

*кандидат политических наук, доцент.
Северо-Западный филиал ФГБОУ
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева» г. Санкт-Петербург,
Россия
E-mail: vicbondarev@mail.ru*

Конфликтологическое измерение общественной безопасности.

Strebkov A.I.

*Doctor of Political Sciences, Professor.
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: a.strebkov@spbu.ru*

Bondarev V.G.

*candidate of political sciences, associate professor,
North-West branch of the «Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev»
Saint Petersburg, Russia
E-mail: vicbondarev@mail.ru*

The conflictological dimension of public security

Аннотация. Кругооборот конфликтов, присущий гражданскому обществу, заканчивается в сфере общественной безопасности и устанавливает требования к разумной мере его сохранения в системе общественных отношений, необходимому для социальных преобразований.

Abstract. The cycle of conflicts inherent in civil society ends in the field of public safety and sets requirements for the reasonable extent of its preservation in the system of public relations necessary for social transformation.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, конфликт, безопасность.

Keywords: state, civil society, conflict, and security.

Сегодня как никогда прежде стало доступно понимание безопасности как продукта конфликтного взаимодействия. И борьба за перераспределение мирового богатства, и в связи с этим постоянный рост напряженности внутри государств, отчасти возникающих по объективным причинам, отчасти как результат инспирированных внешними силами, все это и многое менее значимое поднимает тему безопасности с практического на теоретический уровень, тем самым говоря о том, что нет достаточно положительного ответа о тех причинах, которые постоянно работают на ее разрушение. Безопасность, получаемая в результате победы в конфликте одной стороне взаимодействия, носит относительный характер и перестает быть таковой по истечении времени, требует пересмотра в тех основаниях, которые будируют конфликт. Обращение к теме конфликтной природы безопасности имеет не только практический смысл, но и теоретический, который заключается в раскрытии конфликтной природы общественной без-

опасности, как продукта конфликта и в тоже время политической формы, в пределах которой одновременно свершается и разрешается конфликт, в связи с чем общественная безопасность представлена как система отношений подчинения, в пределах которых принудительная сила государства уравнивается потребностями и способностями гражданского общества по изменению и сохранению своих основ, выраженных в негативных действиях, изменяющих равновесное состояние системы отношений подчинения, а вместе с тем формы движения конфликта. В связи с чем осмысление истоков конфликтного противостояния гражданского общества и государства, а вместе с этим роли и значения конфликта в становлении общественной безопасности, которая, инкорпорируясь в систему господствующих отношений, равным образом и независимо от представленной социальной и политической дифференциации, распределяется по всему спектру отношений, выливаясь в бесконфликтный общественный порядок, является фундаментальной теоретической задачей современного обществознания.

Конфликту, как способу существования личности, общества и государства, а вместе с тем конфликтной природе безопасности, в исследованиях по проблематике общественной безопасности не придается того значения, которого она заслуживает, тогда как действительность составляет огромный материал, показывающий влияние конфликта на безопасность, с одной стороны, являясь в качестве угрозы безопасности, с другой – в качестве ее структурного элемента. Игнорирование этого влияния приводит к тому, что исследуется не безопасность, а некоторые иные связи и к безопасности имеющие косвенное отношение.

В «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации» к одним из основных источников

угроз общественной безопасности относятся социальные, межнациональные и межрелигиозные конфликты, разрушающие единство, территориальную целостность, а в целом дестабилизируют внутривластную и социальную ситуацию в стране. Задачами государства в связи с этим является достижение согласованности действий всех государственных органов и органов местного самоуправления, их взаимодействие с институтами гражданского общества, формирование консолидированной позиции по вопросам профилактики социальных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов [1]. Однако теоретическому осмыслению роли и значения конфликтов в системе общественной безопасности не придается значения, сопоставимого с политико-практической значимостью, обозначенной в Концепции. В «Стратегии национальной безопасности РФ» от 31.12.2015 года, в разделе «Государственная и общественная безопасность» также к основным угрозам относят экстремистскую деятельность, деятельность радикальных общественных объединений и группировок, направленных не только на изменение конституционного строя, но и на нарушение единства, территориальной целостности страны, дестабилизацию внутривластной и социальной ситуации, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей [2]. Представленные в Стратегии виды деятельности, имеющие потенциал разрушения, возможны лишь в ситуации конфликта, а сами эти виды деятельности, как угроза есть потенция социального или политического конфликта, есть их латентная форма, актуализирующая действительный конфликт в условиях повышенной социальной напряженности. Поэтому в Стратегии обращается пристальное внимание на социальные условия жизни граждан страны, оказывающих влияние на уровень конфликтности в обществе, степень силы которой, не

выходя за рамки гражданского мира, сохраняла бы в себе силу источника развития. Эта сложная задача, стоящая перед государством и государственным управлением, удерживать конфликт в той степени силы, который дает положительный эффект развития всех сфер жизни общества, требует от государства определиться с такими формами конфликта, чрезмерность действия которого не созидательна, а разрушительна. Поэтому определяя угрозами те конфликты, которые опасны как для организации общества, так и государства, а также и индивида, оно не определяет в Стратегии и Концепции те конфликты, которые не за скобками безопасности, а сохраняются внутри нее, определяя ее мерой силы разрушения. Так конкуренция как форма конфликта не является угрозой безопасности, она элемент системы общественной безопасности, сила созидания которой значительно превосходит силу разрушения. То же относится к системной или несистемной оппозиции, когда сила разрушения и созидания не может быть определена правовой мерой, разделяющей оппозицию на ту, которая «нужна, потому что улучшает жизнь в стране» и которая доводит до революции [3].

Представленная властная дилемма, свидетельствует о более глубоких противоречиях между гражданским обществом и государством, имеющегося глубинного конфликта между ними, формы урегулирования которого, судя по политике государства так и не найдены. Государство, можно сказать, ощупью движется в направлении определения технологий урегулирования данного конфликта, который ждет благоприятных условий для своего разрешения и вразрешении которого, не смогут помочь ни развитое право, ни правоохранительные органы. Инициатива в его разрешении может смещаться то в сторону государства, то в сторону гражданского общества, которое самостоятельно без вмешательства государства будет определяться с мето-

дами его разрешения, исходя из тех средств, которыми обладает к этому моменту. Тогда вопрос о безопасности становится тем последним аргументом и предметом, определяющим степень и силу конфликта. В связи с чем осмысление истоков конфликтного противостояния гражданского общества и государства, а вместе с этим роли и значения конфликта в становлении общественной безопасности, которая, инкорпорируясь в систему господствующих отношений, равным образом и независимо от представленной социальной и политической дифференциации, распределяется по всему спектру отношений, выливаясь в бесконфликтный общественный порядок, является фундаментальной теоретической задачей современного обществознания.

В связи с тем, что конфликт является элементом общественной безопасности встает необходимость определения того, а какой конфликт без изъятия может быть включен в систему общественной безопасности, а какой выведен за пределы безопасности в качестве опасностей и угроз, а вместе с тем инкорпорирован в систему государственного управления и институционализирован с целью определения конфликтного потенциала гражданского общества, превенции конфликтов с целью их редукции из социально опасных в социально необходимые, в качестве динамических, а не разрушительных элементов общественной безопасности. Ради чего необходима система мониторингового анализа уровня конфликтности и степени разрушительной силы конфликтов в стране, выступающего теоретико-эмпирическим обоснованием политики формирования общественной безопасности.

Список литературы.

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации от 20.11.2013 года / URL:

<http://kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 08.03.2020).

2. Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/82e3980c79908d189a4841285a57a0324d69edfc/ (дата обращения: 08.03.2020).

3. Путин: несистемная оппозиция нужна, потому что улучшает жизнь в стране / URL: <https://news.mail.ru/politics/40799062/?frommail=1> (дата обращения: 08.08.2025).

Сунами А.Н.,

кандидат политических наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: a.sunami@spbu.ru

**Риск-рефлексия угроз человеческому капиталу как
фактор конфликта государства и наркорынка**

Sunami A.N.,

Candidate of Sciences (Political Sciences), Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: a.sunami@spbu.ru

**Risk-reflection of threats to human capital as a
conflict factor between the state and the drug market**

Аннотация. В статье анализируются вопросы влияние риск-рефлексии угроз человеческому капиталу в контексте конфликта государства и наркорынка. Делается вывод о том, что одним из значимых условий актуализации конфликта и наркорынка является рецепция риска сообществом, испытывающим фрустрации, обусловленные тем или иным феноменами, продуцируемыми наркотиками.

Abstract. The article examines the impact of risk reflection on threats to human capital in the context of the conflict between the state and the drug market. The author concludes that one of the significant conditions for the actualization of conflict and the drug market is the acceptance of risk by a community experiencing frustration caused by one or another phenomenon produced by drugs.

Ключевые слова: конфликт, риск, риск-рефлексия, государство, наркорынок.

Keywords: conflict, risk, risk-reflection, state, drug market.

Риск-рефлексию мы определяем, как постановку вопросов и комплексное осмысление ситуации, в которой находятся акторы в «обществе риска», и ее политическая интерпретация. Но прежде чем перейти к рассмотрению актуализации человеческого капитала через призму риск-рефлексивного подхода, обратимся к некоторым базовым положениям теории риска. Напомним, что в классической теории У. Бека «обществом риска» обозначена такая стадия развития, для которой ключевым является реконфигурация политических и социальных систем с учетом рисков, связанных с человеческой деятельностью и технологиями, а внимание к теме распределения рисков и угроз становится определяющим. Здесь важно заметить, что проблема наркотиков весьма отличается от других бедствий высокой латентностью и растянутостью во времени. Эта особенность наркотиков рифмуется с проводимым У. Беком различием между опасностями с известными крупномасштабными эффектами, атрибутированными им как «катастрофы», и рисками, которые определяются как опасности с неопределенными эффектами и последствиями [1]. В случае с последними, государство вынуждено действовать на основе частичной, неполной информации, иными словами рисковать тем, чего оно не знает. Это дает нам еще один штрих к портрету объекта конфликта государства и нарко-рынка, ибо конфликт актуализируется, за редким исключением, не происходящей в режиме «ненормальности» аннексией наркорынком человеческого капитала, а только риском такой аннексии.

Оттолкнувшись от еще одного известного тезиса У. Бека о смене в современном мире логики «распределения

богатства в обществе» «логикой распределения риска», мы можем установить, что в этом объективе наркорынок, причем неважно легальный или незаконный – это производитель риска, а социальные группы, испытывающие фрустрацию – потребители риска. Соответственно, в такой терминологии в процедуре генезиса объекта конфликта государства и наркорынка возникает дополнительная опция – оценка степени справедливости или, в оптике правительственной рациональности, нормальности распределения пораженности наркотиками по популяции. Именно, выход дистрибуции рисков за пределы нормальности и определяет, в этом случае, неприемлемость риска для человеческого капитала. Важным регистром здесь является проблема сортировки сообществ, ибо риски иерархичны, их распределение наследует той же логике, что и распределение богатства, то есть им, как правило, в большей степени подвергаются слои общества, наименее всего способные к минимизации его последствий. А так как требование справедливости распределения рисков, производимых наркорынком, на деле означает равное распределение шансов на причинение вреда, шансы на такую справедливость становятся ничтожными. Например, Р. Нозик сводит все варианты справедливой реакции на действие риск-производителя к трем сценариям: действие запрещено и наказуемо, даже при условии компенсации, которая выплачивается даже в том случае, если потребитель риска не пострадал (1); действие разрешено при условии выплаты компенсации действительно пострадавшим от него (2); действие разрешено при условии выплаты компенсации всем, кто подвергся риску вне зависимости действительных последствий [2, с. 105].

Кратко характеризуя значимость риск-рефлексии для анализа конфликта государства и наркорынка, заметим, что эффективность одних и тех же мер, и начинаний может

коренным образом различаться в зависимости от восприятия сообщества степени рискогенности социальных явлений. Рефлексивные практики могут быть нацелены, с одной стороны, на оценку опасности потерь или возможностей выигрыша, осознанную готовность осуществлять политический выбор в условиях неопределенности, личностное и национальное принятие вызовов. С другой стороны, они могут быть сведены к упрощенным представлениям о реальных рисках и опасностях, чувству социальной тревоги и страха. Конфликт как ответ на риск, в таком случае, может характеризоваться неконкретностью фрустраций, бескомпромиссностью участия, нацеленностью на борьбу как самоценный результат. Как итог, это приводит к резкому сужению поля выработки наиболее эффективных общенациональных коллективно значимых решений на основе адекватных и своевременных риск-рефлексий. При этом, конфликтное измерение риск-рефлексии основывается на том, что, во-первых, любой риск конфликтен по своей сути, ибо каждая проблема, будь то экология или наркотики может быть отождествлена с чьими-нибудь интересами, во вторых, что влияние риск-рефлексии на адаптацию к изменяющимся условиям амбивалентно, и в третьих, что риск-рефлексия как особая дискурсивная практика обладает высоким манипулятивным потенциалом для формирования повестки дня, выборе способа защиты от угроз, персонификации субъекта риска.

Рефлексия наркорынка как производителя риска, для которой все вышеозначенные ремарки также справедливы, в силу различных условий может вовсе не состояться, либо реализовать себя в конструктивной или деструктивной форме, границы между которыми определяется степенью адекватности реальной угрозе человеческому капиталу населения как совокупности в исчисляемом и содержательном плане.

Таким образом, условием актуализации объекта конфликта, выражение его в одном или нескольких предметах служит соответствующая рецепция риска, осознание реверсивного действие наркорынка на биополитическое регулирование, в основе целеполагания которой лежит непрерывность восходящего тренда человеческого капитала.

Список литературы:

1. Бек, У. (2000), *Общество риска. На пути к другому модерну*, Москва: Прогресс-Традиция
2. Нозик, Р. (2019), *Анархия, государство и утопия*, Москва: ИРИСЭН

УДК 17.022.1

Федотов Д.А.,

аспирант.

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия E-mail:

phedotovdaniil@mail.ru

Мальцева Д.А.,

кандидат политических наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет,

РУДН им. Патриса Лумумбы, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: buenafiesta@mail.ru

Геймификация в политике памяти: развитие человеческого капитала молодежи как фактора обеспечения национальной безопасности

Fedotov D.A.,

postgraduate student.

Saint Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia E-mail: phedotovdaniil@mail.ru

Maltseva D.A.,

Candidate of Political Sciences (PhD), Associate Professor.

Saint Petersburg State University, RUDN University named

after Patrice Lumumba,

St. Petersburg, Russia E-mail: buenafiesta@mail.ru

Gamification in Memory Politics: Developing Youth Human Capital as a Factor in Ensuring National Security

Аннотация. Исследуется роль геймификационных образовательных практик в развитии человеческого капитала как фактора национальной безопасности. Анализируется опыт военно-исторического фестиваля с участием 252 молодых

людей и его влияние на формирование патриотических установок.

Abstract. The study examines the role of gamification educational practices in human capital development as a national security factor. The research analyzes the experience of a military-historical festival involving 252 young people and its impact on formation of patriotic attitudes and critical thinking skills.

Ключевые слова: геймификация, человеческий капитал, национальная безопасность, историческая память, образовательные технологии.

Keywords: gamification, human capital, national security, historical memory, educational technologies.

Публикация выполнена в рамках Госзадания № FSSF-2025-0012 «Искусственный интеллект в экосистеме политического управления человеческим капиталом российской молодежи: стратегии и риски»

Современная конфликтологическая парадигма национальной безопасности в условиях нового общества риска требует переосмысления традиционных подходов к формированию человеческого капитала как ключевого ресурса противодействия угрозам. Концепция общества риска У. Бека актуализирует проблему подготовки молодежи к жизни в условиях неопределенности, где информационные конфликты становятся основным полем противоборства [1, с. 89]. В этом контексте традиции победы, заложенные Великой Отечественной войной, приобретают новое звучание как источник стратегических ресурсов для обеспечения национальной безопасности.

Трансформация конфликтных отношений в XXI веке характеризуется смещением акцентов от прямого воен-

ного противостояния к информационно-психологическому воздействию на сознание молодежи. Анализ современных угроз национальной безопасности показывает, что основным объектом атак становится историческая память народа, а целью - подрыв системы ценностей и национальной идентичности [2, с. 47]. Традиции победы как культурно-исторический феномен требуют новых форм трансляции, адекватных цифровой эпохе и способных противостоять деструктивным нарративам.

Геймификация как инновационная образовательная технология представляет собой эффективный инструмент развития человеческого капитала в контексте обеспечения национальной безопасности [3, с. 26]. Применение игровых механик в образовательном процессе создает уникальные возможности для формирования критического мышления, социально-коммуникативных компетенций и устойчивых патриотических установок у молодежи. Особенности геймификации как метода обучения позволяют преодолеть основную проблему современного патриотического воспитания - отрыв от реальности и неспособность конкурировать с цифровыми развлечениями [4, с. 125].

Эмпирическое исследование, проведенное на базе военно-исторического фестиваля «Путь к Победе» с участием 252 молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет, демонстрирует высокую эффективность геймификационного подхода в развитии человеческого капитала. Фестиваль был организован как семиэтапный интерактивный маршрут, воссоздающий ключевые аспекты военного быта и деятельности Красной Армии в период 1941-1945 годов. Каждый этап представлял собой моделирование конфликтной ситуации военного времени, требующей от участников принятия коллективных решений в условиях ограниченного времени и ресурсов.

Результаты исследования выявили значительные изменения в структуре знаний, навыков и ценностных ориентаций участников. 91% респондентов отметили значительное расширение знаний о Великой Отечественной войне, что свидетельствует о высокой когнитивной эффективности геймификационного подхода. Особую ценность представляет тот факт, что наивысшие показатели образовательной эффективности были зафиксированы на станциях, моделирующих критические ситуации военного времени - «Военно-полевой госпиталь» (4,7 балла по пятибалльной шкале) и «Оружейная мастерская» (4,6 балла). Это указывает на способность геймификации формировать практические компетенции, необходимые для действий в экстремальных условиях.

Анализ развития социально-коммуникативных компетенций показал их критическую важность для национальной безопасности в контексте современных конфликтов. Координация действий в команде показала положительную динамику у 70% участников, навыки взаимопомощи развились у 76% участников, что формирует основу для эффективного функционирования коллективов в условиях кризиса. Эти результаты особенно значимы в свете концепции сетевого общества М. Кастельса, где способность к быстрой самоорганизации и координации становится ключевым фактором выживания в условиях системных рисков [5, с. 156].

Конфликтологический анализ полученных данных выявляет важную закономерность: геймификационные практики способствуют формированию конструктивного отношения к конфликту как источнику развития и мобилизации ресурсов. Участники фестиваля не просто изучали историю войны, но проживали ситуации морального выбора, характерные для военного времени. 72% участников отметили углубление понимания значимости Победы в Ве-

ликой Отечественной войне, что свидетельствует о формировании эмоционально-ценностного отношения к историческому наследию.

Особую значимость в контексте информационной безопасности имеет способность геймификации формировать резистентность к деструктивным идеологическим влияниям. Интерактивные исторические практики создают глубокую эмоциональную связь с героическим прошлым, что препятствует манипулятивному воздействию на историческое сознание молодежи. 81% участников отметили повышение интереса к военно-историческому наследию, а 78% выразили намерение продолжить изучение военной истории, что указывает на формирование устойчивой мотивации к самообразованию в данной области.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении механизмов трансформации традиций победы в актуальный ресурс национальной безопасности через развитие человеческого капитала. Геймификационные технологии позволяют преодолеть темпоральную дистанцию между историческим событием и современным сознанием, создавая условия для актуализации исторического опыта в контексте современных вызовов. Интегральная оценка эффективности образовательного процесса, измеренная через индекс готовности к рекомендации (Net Promoter Score +67), свидетельствует об исключительной привлекательности данного формата для молодежной аудитории.

Практическая значимость результатов состоит в возможности масштабирования апробированной модели для решения задач национальной безопасности в сфере патриотического воспитания молодежи. Геймификационные практики могут стать эффективным инструментом противодействия информационным угрозам и укрепления национальной идентичности в условиях глобализации и

культурной унификации. Развитие человеческого капитала через интерактивные формы освоения исторического опыта создает основу для формирования поколения, способного к эффективному противодействию современным вызовам и угрозам национальной безопасности.

Список литературы:

1. Бек, У. (2000), *Общество риска. На пути к другому модерну*, Москва: Прогресс-Традиция.
2. Капелюшников, Р. И. (2005), Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности, *Вестник общественного мнения*, № 4, с. 46-54.
3. Замятина, О. М. (2015), Формирование и оценка компетенций обучающихся путем геймификации образовательного процесса, *Концепт*, №15, с. 26-30.
4. Кошелева, Е. А. (2024), Геймификация в образовании: перспективы развития, *Universum: психология и образование*, № 1, с. 125-130.
5. Кастельс, М. (2000), *Информационная эпоха. Экономика, общество, культура*, Москва: Высшая школа экономики.

**СЕКЦИЯ «ВОЙНА И МИР КАК ПРОБЛЕМА
КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОСОФИИ»**

УДК 1(091)

Афанасьев Д.Д.,
*студент магистратуры Факультета социологии
(направление «Социология в России и Китае»)
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: danil-a-2003@mail.ru*

**Н.И. Конрад и проблемы стратагемности китайского
военного мышления:
научно-организационная деятельность в области иссле-
дования восточной философии в 1940-е гг.**

Afanasyev D.D.,
*Graduate student of the Faculty of Sociology
(the field «Sociology in Russia and China»)
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: danil-a-2003@mail.ru*

**N. Konrad and the Problems of Stratagem Nature of Chi-
nese Military Thinking: Scientific and Organizational Ac-
tivities in the Field of Eastern Philosophy Research in the
1940s**

Аннотация. Статья посвящена анализу вклада академика Н.И. Конрада в изучение китайской военной мысли в 1940-е годы. Конрад сумел заложить основы стратагемного под-

хода к восточной философии. Показано, что Конрад интерпретировал наследие Сунь-цзы и У-цзы как глубокую философскую теорию деятельности, ключевой категорией которой является «закономерность» (*ши*) – имманентная эффективность ситуации. Доказывается, что его переводы и комментарии стали актом философской рефлексии, выявившим связь стратагемности с фундаментальными принципами китайской философии, такими как «у-вэй» (не-деяние).

Abstract. The article analyzes the contribution of Academician N.I. Konrad to the study of Chinese military thought in the 1940s. Konrad managed to lay the foundations for a stratagem-based approach to Eastern philosophy. It is shown that Konrad interpreted the legacy of Sun Tzu and Wu Tzu as a profound philosophical theory of activity, whose key category is "propensity" (*shi*) – the immanent efficiency of a situation. It is argued that his translations and commentaries constituted an act of philosophical reflection, revealing the connection between stratagemness and the fundamental principles of Chinese philosophy, such as "wu-wei" (non-action).

Ключевые слова: Н.И. Конрад, китайская философия, военная мысль, история востоковедения.

Keywords: N. Konrad, Chinese philosophy, military thought, history of Oriental studies.

В своем фундаментальном «Трактате об эффективности» Франсуа Жюльен, размышляя о парадоксальной, с европейской точки зрения, природе китайского стратегического мышления, указывает на его коренное отличие от западной модели действия, основанной на противостоянии разнонаправленных, на прямом усилии, преодолевающим

препятствие. Китайская же мысль, укорененная в даосской и конфуцианской традиции, предлагает иную логику – логику «не-деяния» (*у-вэй*), понимаемую не как пассивность, но как действие, сообразное внутренней потенции самой реальности, «обстоятельств». «Речь идет не о том, чтобы навязать миру свой замысел, – пишет Жюльен, – а о том, чтобы позволить проявиться эффективности, имманентной самой ситуации... Китайский полководец не столько "побеждает", сколько ситуация "становится победоносной" благодаря его искусному умению ею распорядиться» [4, с. 47]. Эта концепция «имманентной эффективности», находящая свое наиболее полное воплощение в страгегическом мышлении, долгое время оставалась на периферии западного научного сознания, требующего герменевтического ключа, который позволил бы не просто перевести тексты, но и проникнуть в самую суть иной ментальной вселенной. Таким ключом в сложный для советской науки период 1940-х годов, отмеченный как идеологическим прессингом, так и прагматическими запросами военного времени, стала фигура академика Николая Иосифовича Конрада (1891–1970), чья научно-организационная и исследовательская деятельность заложила основы системного изучения китайской военной мысли в СССР, а его переводы и комментарии к трактатам Сунь-цзы и У-цзы явились не просто филологическим подвигом, но актом глубокого философского осмысления.

Научный путь Н.И. Конрада, синолога, япониста, компаративиста широкого профиля, органически вытекал из его оригинальной концепции историко-культурного развития, наиболее полно изложенной в работе «Запад и Восток». Отвергая европоцентристскую линейную модель прогресса, Конрад выдвигал теорию о существовании в истории человечества нескольких «культурных миров» (античного, западноевропейского, дальневосточного и др.),

каждый из которых проходил в своем развитии универсальные стадии – «античность», «средневековье», «Возрождение», «новое время». Принципиальная важность этой схемы для нашей темы заключается в том, что она снимала дихотомию «примитивный Восток – прогрессивный Запад» и открывала возможность для серьезного, на равных, изучения интеллектуальных достижений восточных цивилизаций. Конрад утверждал, что «каждый из этих миров имеет свою собственную, только ему присущую культуру, но все они вместе составляют единый культурный поток человечества» [5, с. 89]. Именно в рамках этой парадигмы китайская военная теория переставала быть экзотическим курьезом и представляла как закономерный и уникальный продукт своей «средневековой» фазы развития, обладающий непреходящей теоретической и практической ценностью. Как верно отмечает Е.В. Бадаев, «концепция "культурных миров" позволяла Конраду рассматривать дальневосточную философскую и стратегическую мысль не как нечто маргинальное по отношению к европейской традиции, а как самостоятельную и мощную интеллектуальную систему, чьи категории требуют адекватной научной рефлексии» [1, с. 51].

Работа Конрада над китайскими военными трактатами пришлась на суровые годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, что не могло не наложить отпечаток на ее характер. Сама атмосфера эпохи требовала крайней осторожности в формулировках и акцентах. Однако Конраду удалось, балансируя на грани дозволенного, осуществить проект, имевший фундаментальное научное значение. Его перевод «Сунь-цзы», подготовленный в 1944 году, стал первым в СССР научным изданием этого текста, снабженным обширным историко-филологическим и философским комментарием. Важно подчеркнуть, что Конрад подошел к трактату не как к сугу-

бо утилитарному наставлению по тактике, но как к производству высокой теории, неразрывно связанному с контекстом китайской философии. В предисловии к переводу он настаивает на том, что «Сунь-цзы – это не просто "искусство войны", это трактат о законах деятельности вообще, о принципах достижения успеха в любой сложной и динамичной ситуации» [7, с. 235].

Центральным понятием, которое Конрад выделяет в стратегии Сунь-цзы, является категория «закономерности» или «естественного хода вещей», та самая, что станет объектом пристального внимания Жюльена полвека спустя. Конрад тонко улавливает онтологический подтекст военного канона. Победа достигается не грубой силой, но точным расчетом, основанным на познании универсальных законов бытия. «Война, – цитирует он Сунь-цзы, – это путь обмана. Поэтому, если можешь, показывай противнику, что не можешь; если ты действуешь, показывай, что не действуешь» [9, с. 247]. Этот «обман» (кит. *зуй*), или, в более современной терминологии, стратагемность, есть, по Конраду, не этическая категория, а методологическая. Это способ приведения своих действий в соответствие с объективной логикой ситуации, чтобы использовать ее скрытый потенциал. «Полководец, – разъясняет Конрад, – должен быть подобен воде, которая не имеет постоянной формы; он избегает того, что прочно, и наносит удар по тому, что пусто... Он побеждает благодаря тому, что заставляет противника самому создать условия для своего поражения» [7, с. 241]. В этом анализе явно прослеживается влияние на методологию Конрада идей дальневосточной философии, в частности, даосского принципа «мягкости» и «податливости», который оказывается сильнее жесткости. Как отмечает Бадаев, «Конрад увидел в стратагемности Сунь-цзы практическое применение диалектического метода, но диалектики особого, неевропейского типа, основанной на идее непре-

рывной изменчивости и взаимопревращения противоположностей» [2, с. 118].

Параллельно с работой над Сунь-цзы Конрад обращается к трактату У-цзы, видя в нем важное дополнение и развитие идей своего предшественника. Если Сунь-цзы, по Конраду, представляет собой «чистую теорию», философию стратегии в ее отвлеченной форме, то У-цзы в большей степени сосредоточен на практической организации армии, проблемах управления и морального духа войск. Однако и здесь Конрад находит глубинную связь с общепhilosophическими основаниями. У-цзы, подчеркивает он, также исходит из примата «закономерности»: «Управление армией должно быть основано на спокойной уверенности. Пребывай в середине, в согласии с законом. Самый незначительный признак не должен ускользать от твоего внимания» [10, с. 315]. Для Конрада оба трактата были двумя сторонами одной медали – теоретическим и прикладным выражением единого стратегического мышления, укорененного в китайской картине мира. Его сравнительный анализ позволил выявить общую систему категорий: «прямой и хитрый маневр» (*чжэн* и *цю*), «полнота и пустота» (*ши* и *сюй*), «порядок и хаос» (*чжи* и *луань*), которые образуют понятийный каркас китайской военной науки.

Научно-организационная деятельность Конрада в 1940-е годы была направлена на институционализацию этого нового подхода к восточной мысли. Несмотря на сложности, связанные с кампанией по борьбе с «космополитизмом», он стремился консолидировать усилия востоковедов, выступая с докладами, публикуя статьи и готовя новые кадры для советской науки о Востоке. Принципиально важным для понимания масштаба его фигуры является тезис, выдвинутый А.В. Гулыгой в статье, посвященной Конраду: «Конрад был не просто филологом или историком, он был философом, но философом особого склада,

чья мысль всегда была обращена к конкретному историко-культурному материалу» [3, с. 16]. Действительно, именно философская глубина позволила Конраду разглядеть в лаконичных афоризмах Сунь-цзы и У-цзы не сборник рецептов, а целостную теорию деятельности, основанную на специфической онтологии и гносеологии. Его работы были актом своеобразной культурной медиации, одним из немногих опытов кросс-культурных исследований в советской гуманитарии.

Таким образом, вклад Н.И. Конрада в исследование проблем стратагемности китайского военного мышления в 1940-е годы невозможно переоценить. Опираясь на собственную теорию историко-культурных областей мира, он сумел поднять изучение древних китайских трактатов с уровня узкоспециальной филологии до уровня серьезного философского, герменевтического анализа. Его переводы и комментарии к Сунь-цзы и У-цзы, выполненные в контексте сложной научно-организационной работы, впервые в советской науке выявили системный характер стратагемного мышления, его неразрывную связь с фундаментальными категориями китайской философии – от даосской концепции «у-вэй» до учения о переменных. Конрад интуитивно нащупал те самые проблемные узлы – такие как концепция имманентной эффективности и стратагемности как метода работы с реальностью, – которые годы спустя станут центральными для западной синологии в работах Франсуа Жюльена и других мыслителей. Тем самым, его деятельность в 1940-е годы заложила прочный фундамент для всего последующего изучения истории китайской философской мысли, доказав, что наследие древних стратегов является не только историческим памятником, но и живым источником теоретического знания не только о природе конфликта, управления и успешного действия в условиях неопределенности, но и материалом, исследование которого с

помощью принципиально новых подходов может иметь большую методологическую и эвристическую ценность .

Список литературы

1. Бадаев, Е.В. (2015), Н.И. Конрад и развитие советского востоковедения в 1940-е годы: проблемы методологии, *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*, № 2, с. 45–60.
2. Бадаев, Е.В. (2018), Влияние дальневосточной философии на историко-культурную концепцию Н.И. Конрада, *Философские проблемы исторического познания*, Москва: Наука, с. 112-128.
3. Гулыга, А.В. (1974), Н.И. Конрад как философ, *Проблемы истории и теории мировой культуры: Сб. статей, посвященный памяти Н.И. Конрада*, Москва: Наука, с. 15–30.
4. Жюльен, Ф. (1999), Трактат об эффективности, Санкт-Петербург: Университетская книга.
5. Конрад, Н.И. (1972), Запад и Восток: Статьи, Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
6. Конрад, Н.И. (1974), Избранные труды. История, Москва: Наука.
7. Конрад, Н.И. (1977), Избранные труды. Синология, Москва: Наука.
8. Конрад, Н.И. (1996), Неопубликованные работы. Письма, Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение
9. Сунь-цзы. (1977), Трактат о военном искусстве, *Конрад Н.И. Избранные труды. Синология*. Москва: Наука, с. 225–304.

10. У-цзы. Трактат о военном искусстве (1977), *Конрад Н.И. Избранные труды. Синология*. М.: Наука, с. 305–360.

УДК 172.4

Балаклеец Н.А.,

кандидат философских наук, доцент.

Самарский государственный технический университет, г.

Самара, Россия

E-mail: bnatalja@mail.ru

Война как комплекс миметических рядов насилия

Balakleets N.A.,

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor

Samara State Technical University, Samara, Russia

E-mail: bnatalja@mail.ru

War as a complex of mimetic series of violence

Аннотация. Представлено авторское понимание феномена войны, трактуемого как комплекс миметических рядов насилия. Раскрыт комплексный, нелинейный, многофакторный и поливекторный характер военной деятельности, неотделимой от социальной жизни в целом.

Abstract. The author's understanding of the phenomenon of war, interpreted as a complex of mimetic series of violence, is presented. The complex, non-linear, multi-factor and multi-vector nature of military activity, inseparable from social life as a whole, is revealed.

Ключевые слова: война, насилие, мимесис, миметический ряд, подражание, соперничество, противоборство.

Keywords: war, violence, mimesis, mimetic series, imitation, rivalry, confrontation.

Концепт «мимесис» (греч.: μίμησις), начиная с Античности прочно вошел в философский дискурс, употребляясь преимущественно в эстетическом смысле для обозначения подражания человека-творца природным первообразами. Вместе с тем философская и социогуманитарная мысль XX столетия разомкнула достаточно узкое эстетическое понимание данного концепта. В работах Т. Адорно, В. Бенямина, Г. Лукача, Р. Жирара и ряда других современных мыслителей миметические отношения приобрели широкие культуросозидающие, онтологические и антропологические смыслы [1]. Цель настоящего исследования — раскрыть конститутивную роль категории мимесиса для философской рефлексии войны и предложить авторское понимание военной деятельности.

На наш взгляд, военная деятельность представляет собой не просто миметическое противостояние соперников. Война понимается нами как комплекс миметических рядов организованного насилия в его физическом и символическом измерениях, осуществляемого актерами, преследующими политическую цель. Термин «ряд» призван подчеркнуть последовательность в осуществлении миметической деятельности каждого из соперников, участвующих в военном противостоянии. Онтологическая неравноценность сторон конфликта заключается в том, что он развертывается между актором, создающим модели для подражания (миметическим донором), и подражающим, вынужденным заимствовать эти модели (миметическим реципиентом). Позиция подражающего, с одной стороны, свидетельствует о слабости соответствующего актора. С другой стороны, заимствуя у соперника миметические образцы, он получает возможность добиться не только симметризации, но и выгодной для себя асимметризации конфликта. Уже Овидий подчеркивает пользу миметических практик в военном искусстве: «Сам ты меня научил: у врага надлежит

поучиться» [2, с. 114]. Именуя войну «наиболее подражательным видом деятельности из всех, известных человеку», М. ван Кревельд полагает, что именно мимесис приводит к тому, что обе стороны военного противоборства начинают уподобляться друг другу и даже меняться местами [3, с. 242]. Миметические практики позволяют более слабому в военно-техническом отношении сопернику добиться паритета или при определенных условиях преимуществ в противостоянии с технически более сильным актором войны. Таким образом, роли миметического донора и миметического реципиента не являются раз и навсегда определенными.

Далее проясним, почему военная деятельность не сводится к конституированию одного миметического ряда, но представляет собой комплексный феномен, воплощаясь в совокупности рядов насилия. Во-первых, военно-технологическое соревнование *per se* стремится к достижению тотального характера, распространяясь на различные пространственные сферы. На протяжении истории война постепенно втягивала в свою орбиту новые географические регионы и виды пространств. Противостояние в уже освоенных доменах ведения войны на протяжении истории человечества дополнялось новыми. Анализируя вектор эволюции самых масштабных войн XX столетия (от Первой мировой ко Второй мировой войне), Ф. Юнгер приходит к выводу о том, что современная война уподобляется апокалиптической катастрофе, с которой человечество не в силах справиться рациональными средствами. Война в описании Юнгера приобретает поистине тотальный характер, ее уже невозможно *о-предел-ить*, поскольку в ее орбиту вовлечены те сферы, которые считались свободными от ее влияния [4, с. 261-262]. Сегодня миметическое соревнование ведется не только на суше, в воде и в воздухе, но и в космосе, а также в киберпространстве. Те

масштабы, которые приобрела военно-технологическая гонка в современном мире, объяснимы распространением новейших образцов вооружения и принципов организации политического насилия посредством миметических практик. Миметические ряды насилия охватывают все существующие домены военной деятельности.

Во-вторых, комплексный характер войны обеспечивается ее интеграцией в структуру общества. Кульминацией военного противостояния является противоборство вооруженных сил государств. Однако победа одной из сторон в вооруженном конфликте определяется не только действиями армий, но и индустриальным, культурным и духовно-нравственным потенциалом всего общества. Миметическое соревнование обществ продолжается и при отсутствии непосредственных военных действий. В данной связи показательны выводы философов, раскрывающих явное или скрытое соперничество политических акторов, имеющее перманентный характер. Так, по мнению Е.Н. Трубецкого, «мира на свете вообще не существует. То, что мы называем миром, на самом деле — лишь перемирие, хуже того, — скрытая война, — такое состояние, в котором все подчинено войне как последней и окончательной цели» [5, с. 54]. О. Шпенглер вводит терминологический конструкт «война без войны», используя его для описания соперничества европейских держав, начиная с XIX века. Мыслитель обосновывает тезис о том, что военное противостояние государств реализуется отнюдь не только на полях сражений, но и в достижении превосходства в сфере производства вооружений, обретении постоянной боевой готовности: «Начиная со времен Наполеона, под ружьем стоят сотни тысяч и миллионы человек, готовы к выходу в море мощные армады кораблей, которые должны обновляться через каждые десять лет» [6, с. 1235]. «Война цифр, быстроты, техники» есть динамичное и напряженное про-

тивостояние политических акторов, которое вовлекает каждого из них в непрерывное многовекторное соревнование.

В-третьих, ведение войны предполагает использование не только военно-технических средств, но и несиловых методов достижения конкурентных преимуществ. В терминологии Р.Арона, рассматривающего психологический компонент как составную часть любой войны, «проба волей» оказывается не менее значимой, чем «проба сил», которая поддерживается вооруженной мощью [7, с. 75]. На наш взгляд, миметическое противостояние включает в себя не только военно-технологический и морально-волевой аспекты, но и борьбу за гегемонию в знаково-символической сфере. Информационно-идеологическая борьба сопровождает любой вооруженный конфликт, демонстрируя ограниченность понимания войны исключительно как вооруженного насилия. Мысль о том, что информационное оружие не всегда имеет статус эпифеномена по отношению к материальному насилию, была высказана еще К. Марксом. Речь идет о знаменитом высказывании Маркса из работы «К критике гегелевской философии права»: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [8, с. 422]. Данное высказывание раскрывает механизм эффективной асимметризации политического насилия, которая достигается не в пределах одного миметического ряда (материальная сила как ответ на материальную же силу), но путем овладения новым оружием — информационным. Соперник, который лишен ресурсов для информационного противостояния, оказывается в слабой позиции и для ведения физической борьбы.

Учреждение нового миметического ряда ставит вопрос о границах мимесиса и необходимости его преодоления. Выход военной деятельности за пределы уже освоенного пространства требует совершения контрмиметического акта, поскольку новое не может основываться на воспроизводстве уже освоенных образцов. Контрмиметический акт представляет собой размыкание ряда действий, укладывающихся в установленную модель «вызова и ответа». Это вызов, на который не может быть дан немедленный симметричный ответ и который наделяет осуществившего его актора ценнейшим для ведения войны ресурсом — временем.

Подобный вызов может исходить как со стороны технологически более сильного, так и со стороны более слабого противника. В первом случае контрмиметический акт, дающий конкурентные преимущества в ведении войны, заключается в разработке и использовании принципиально новых видов оружия, освоении новых пространственных сфер ведения войны, создания новой парадигмы военной деятельности. Монополия на обладание определенным видом оружия дает преимущество, пусть и временное, в военно-политическом противостоянии. Во втором случае контрмиметический акт, который исходит от более слабого в военно-техническом отношении соперника, представляет собой асимметричный ответ, ломающий военные конвенции, демонстрирующий силу непредсказуемости. Однако эта непредсказуемость обусловлена не технологическим доминированием, но готовностью к самопожертвованию, асимметричными стратегическими или тактическими решениями.

Подводя итог, отметим следующее. Артикулируемое в настоящем исследовании авторское понимание войны как совокупности миметических рядов насилия основано на признании: а) фундаментальной роли мимесиса в со-

циальной жизни в целом и военной деятельности в частности; б) комплексного, нелинейного, многофакторного и поливекторного характера феномена войны, неотделимого от социальной жизни в целом; в) сочетания военнотехнологического, морально-волевого и знаково-символического аспектов в военно-политическом противостоянии.

Список литературы

1. Wulf, Ch. (1989), *Mimesis, Historische Anthropologie. Zum Problem der Humanwissenschaften heute oder Versuche einer Neubegründung*. Reinbek: rowohlt, S. 83–125.
2. Публий Овидий Назон (1977), *Метаморфозы*. Москва: «Худож. лит.».
3. Кревельд, М. ван (2015), *Трансформация войны*. Москва: ИРИСЭН, Социум.
4. Юнгер, Ф.Г. (2002), *Совершенство техники. Машина и собственность*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.
5. Трубецкой, Е.Н. (2011), *Смысл жизни*. Москва: Институт русской цивилизации.
6. Шпенглер, О. (2000), *Закат Европы*. Минск: Харвест; Москва: АСТ.
7. Арон, Р. (2000), *Мир и война между народами*. Москва: NOTA BENE.
8. Маркс, К. (1955), *К критике гегелевской философии права, Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Т. I*, Москва: Государственное издательство политической литературы, с. 219–368.

УДК 1(091)

Власова О.А.,

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Коммуникация как философская задача современности в послевоенном дискурсе Карла Ясперса

Vlasova O.A.,

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Communication as a Philosophical Goal of Modernity in Karl Jaspers' Post-War Discourse

Аннотация. В докладе анализируются составляющие проблемы коммуникации в послевоенной мысли К. Ясперса. Рассматриваются концепты «разум», «истина», «философская вера», «гуманизм» и проч., демонстрируется важность понятия «коммуникация» для истории философии, философии истории, онтологии.

Abstract. The report analyzes the elements of the communication problem in Karl Jaspers' post-war thought. The author examines the concepts "reason," "truth," "philosophical faith," "humanism," and others, demonstrates the importance of the concept "communication" for the history of philosophy, philosophy of history, ontology.

Ключевые слова: Ясперс, современность, коммуникация, разум, история философии, философская вера.

Keywords: Jaspers, modernity, communication, reason, history of philosophy, philosophical faith.

Карл Ясперс – один из философов XX века, индуцировавший полемику «после катастрофы». Он читает лекции о виновности в еще дезориентированной Германии, после 1945 г. практически полностью выстраивает философский дискурс вокруг пограничного опыта войны, закладывая теоретические основания для современного дискурса памяти и дискурсы травмы.

Первой работой военного времени становится у Ясперса работа 1919 г. «Психология мировоззрений», в которой последовательно концептуализируется понятие «пограничная ситуация», и в которой война называется в качестве одной из таковых (как ситуация борьбы). Здесь Ясперс говорит о пограничном опыте в ценностном горизонте как крахе мировоззрения и необходимости воссоздания новой ценностной перспективы. Его задача в работе исключительно веберовская: разложить мировоззрение на составляющие и провести типирование, в мельчайших деталях разобрав каждый из типов. Однако даже по тексту заметно, что Первая мировая Ясперса практически не затрагивает: он не годен к службе, переживает насыщенный личный период – адаптацию на факультете психологии, в новой для него тогда дисциплинарной области.

Вторая мировая война становится для Ясперса, действительно, пограничной ситуацией: запрет на преподавание, годы молчания, полный разрыв с близкими и учениками, необходимость поддерживать слабое здоровье в тяжелейших условиях. Этот опыт толкает философа к осмыслению произошедшего, и центральным здесь становится концепт «коммуникация». «... Война, – будет говорить он во второй половине 1940-х гг., – есть насилие, об-

рывающее всякие переговоры и окончательно уничтожающее истину как связующий людей элемент» [1, S. 350].

«Коммуникация» связывает в мысли самого Ясперса логику (как перизхонтологию), историю философии, философию истории и антропологию (как дискурс о гуманизме), она изменяет перспективу его философии с перспективы экзистенции (как личного пути развития существования) на перспективу разума (как совместного с другими пути к истине). Уже в лекциях о виновности он подчеркивает, что ситуация современности есть ситуация молчания, полной невозможности говорить, и основной задачей здесь только и может выступать начало разговора. «В молчании, под нивелирующие речи официальной пропаганды этих двенадцати лет, мы занимали очень разные внутренние позиции» [2, с. 11], – очерчивает он ситуацию.

Как концепт «коммуникация» в послевоенной мысли Ясперса есть концепт философии разума (не философии экзистенции), она обрисовывает совместный путь людей к истине (в ракурсе перизхонтологии), очерчивает ситуацию современности между коммуникативным единством с прошлым, истоком (история философии и философия истории) и стремлением к лучшему будущему (проект «вечного мира»). Философия коммуникации акцентирует само общение не как разговор, но как совместный путь в разуме, в единстве разума, что концептуализируется как «философская вера».

Обращение к прошлому идет в послевоенной мысли Ясперса под девизом гуманизма. При этом он использует понятие «гуманизм» одновременно как в традиционном, так и в авторском смысле: в традиционном – как усвоение классической традиции, как идеал воспитания, как обращение человека к своим истокам, как признание человеческого достоинства. Для самого Ясперса гуманизм – это обретение человеком своих корней, признание своего про-

шлого и проектирование будущего, это философская перспектива человека. Гуманизм противостоит отказу от своей истории и утрате горизонта. «Человек разрушил мосты к прошлому. В чистом мгновении настоящего он отдается во власть ситуации и случайности» [3, с. 313], – описывает современное положение человека Ясперс. Прошлое при этом не очерчивают сцену жизни, а предстает как «груда рухляди».

«Сцену жизни», «исток» мысли, Ясперс ищет в истории философии и философии истории, обращаясь к «осевому времени». Он акцентирует именно коммуникативный аспект обращения к великой мысли: приобщаясь к творению великого разума, мы движемся к истине, в обязательном порядке разделяем эту истину с великими людьми прошлого, становимся ее носителями, передаем ее дальше, в движении к лучшему будущему. Коммуникативный вектор от прошлого через настоящее направляется в мысли Ясперса к «вечному миру». «Коммуникативна сама истина – она исчезает и не может быть понята вне коммуникации; в сфере “экзистенциального” истина и коммуникация суть одно и то же. [...] Лишь в коммуникации – как между современниками, так и между живыми и мертвыми – раскрывается истина» [4, с. 101], – подчеркивает эту особенность мысли Ясперса Ханна Арендт.

Ясперс совершает отчетливый переход от онтологии бытия к онтологии человека, начинает говорить о судьбах человечества, его истоках, укорененности в прошлом, современной ситуации и сценариях будущего развития. Он стремится укоренить человечество в его мире, преодолеть ситуацию оторванности, которую он описывал еще в «Духовной ситуации времени» и которая после второй войны стала еще острее. Разумеется, мысль Ясперса приобретает геополитическое звучание. Всемирная коммуникация становится здесь основным пространством работы. «Филосо-

фия человечества, – указывает Ханна Arendt, – отличается от философии человека утверждением того факта, что землю населяет не человек, говорящий сам с собой в уединенном диалоге, но люди, говорящие и общающиеся друг с другом» [4, с. 106]. Ясперс постулирует триаду «мир – свобода – истина», на которую должна опираться политика «вечного мира» как мировая политика. По его глубокому убеждению, мир может сохраняться лишь при сохранении мира внутри человека, внешняя политическая свобода есть свобода составляющих государства людей в свободной реализации их внутреннего мира, свободной коммуникации.

Между полярностями прошлого и будущего концепты «коммуникация» и «разум» – центральные, которые описывают для Ясперса современность. Они объединяются в третьем важнейшем концепте послевоенного творчества – концепте «философская вера». Будучи для форм объемлющего связующим пространством, «разум – это воля к единству» [5, с. 292]. Он всегда открыт новому и ни на мгновение не замыкается в статичности. Эта открытость обнажает его коммуникативную природу: в «борьбе-любви» с другими, в многообразии и расщеплении открывается глубина истины и ее истоков.

Онтологический гарант «философской веры» – «истина». Пространство развертывания истины есть пространство «разума» как коммуникативное поле движения мышления. Кантианская трактовка философской веры способствует тому, что Ясперс не мыслит веры вне коммуникации, а коммуникацию вне веры. «...*Только верующие могут осуществить коммуникацию*», – подчеркивает он. В бесконечной и неудовлетворимой воле к коммуникации объединяются люди и культуры, теории и исторические эпохи. «Приблизить коммуникацию во всех возможностях ее осуществления есть повседневная задача философской

жизни» [6, с. 508], – заключает Ясперс, так описывая важную, насущную задачу философии.

Определяя устремления Ясперса, Ханна Арендт особенно подчеркивает: «Единолично Ясперс воплощал единение свободы, разума и коммуникации. Примером собственной жизни он воплощал это слияние в образцовой форме, чтобы затем, размышляя о нем, описать этот опыт так, чтобы мы не могли помыслить эти три части: разум, свободу и коммуникацию по отдельности, но воспринимали их как триединство» [7, с. 760]. В ее определении в философии (и жизни) Ясперса «коммуникация = разум = свобода». И вслед за Арендт можно сказать, что философия как философия разума (для Ясперса, да и не только), таким образом, может быть оценена как поле свободной коммуникации в истине, как поле постоянно текущей современности мысли.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00895 «Концептуализация современности в философском дискурсе».

Список литературы

1. Jaspers, K. (1951a), *Über Gefahren und Chancen der Freiheit, Rechenschaft und Ausblick: Reden und Aufsätze*, München: Piper, S. 345–369.
2. Ясперс, К. (1999), Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии, пер. С. Апта, Москва: Прогресс.
3. Jaspers, K. (1951b), *Über Bedingungen und Möglichkeiten eines neuen Humanismus, Rechenschaft und Ausblick: Reden und Aufsätze*, München: Piper, S. 312–344.
4. Арендт, Х. (2003), Карл Ясперс: гражданин мира?, пер. Г. Дашевского, *Люди в темные времена*, Москва:

Московская школа политических исследований, с. 96–111.

5. Ясперс, К. (2013), Разум и противоразум в наше время, *Разум и экзистенция*, пер. А.К. Судакова, Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация», с. 266–334.
6. Ясперс, К. (1991), Философская вера, *Смысл и назначение истории*, пер. с нем. М.И. Левиной, Москва: Политиздат, с. 420–509.
7. Арендт, Х., Ясперс К. (2021), Письма, 1926–1969, пер. И. Ивакиной, Москва: Издательство Института Гайдара.

УДК 1 (091)

Горохов П.А.,
доктор философских наук, профессор
Оренбургский филиал РАНХиГС при Президенте
РФ,
Оренбург, Россия
E-mail: erlitz@yandex.ru

Война и мир в оценке И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля
Gorokhov P.A.,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Orenburg branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Orenburg, Russia
E-mail: erlitz@yandex.ru

**War and Peace in the Assessment of I. Kant and
G.W.F. Hegel**

Аннотация. Рассмотрены представления Канта и Гегеля о сущности войны и возможности достижения «вечного мира». Войны неизбежны, ибо вытекают из самой человеческой природы, но именно Кант впервые заговорил о мире как спасении от самоуничтожения.

Abstract. The article exams the ideas of Kant and Hegel on the essence of war and the possibility of achieving “eternal peace”. Wars are inevitable and conditioned by human nature itself, but Kant first spoke of peace as salvation from self-destruction.

Ключевые слова: Кант, Гегель, война, зло, «вечный мир».

Key words: Kant, Hegel, war, evil, “eternal peace”.

Раздумья ведущих представителей немецкого идеализма над проблемами войны и мира остаются актуальными и для нашего времени, когда под угрозу поставлены важнейшие основания человеческого бытия, да и всей жизни на планете угрожает гибель. Иммануил Кант и Георг Вильгельм Фридрих Гегель, воззрения на природу войны и мира будут рассмотрены ниже, видимо, очень удивились бы, если бы им сказали, что в XX столетии именно их соотечественники дважды развяжут мировые войны. Германия была раздроблена, а сами немцы, лишённые национально-государственного единства, представлялись европейцам добродушными тугодумами. Даже Гегель иронизировал об этом: «У нас гуляют всякого рода беспокойные мысли — в голове и на голове; однако при этом немецкая голова чаще всего оставляет спокойно ночной колпак на себе и оперирует лишь в своих пределах» [1, с. 477].

Констатацией житейских наблюдений и философских раздумий Иммануила Канта стала суровая максима: «Человек по природе зол». Сокрытое в каждом человеке зло не могло не повлиять на всемирную историю в целом. Зло разлито в истории, вся всемирная история наполнена страданиями, кровью и войнами. Кант утверждал, что история движется антагонизмами, и это объясняет необходимость зла. Покой есть естественное состояние человека; если бы человек мог подчиняться только своим желаниям, то пребывал бы в постоянном покое, что равносильно духовной смерти. Эту глубокую мысль Канта позднее в разработанном виде мы найдем у Гегеля, а затем и у Маркса, который в тридцать первой главе первого тома «Капитала» напишет: «Насилие — повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым». Хотя Кант совершенно явно высказал мысль о зле как необходимом спутнике прогресса, но поднял свой голос против войн как страшнейшего воплощения зла.

Как и в нашу эпоху, война на рубеже XVIII—XIX вв. стала актуальной, а не только потенциальной темой размышлений философов. Для Канта происходящие в Европе события дали повод задумываться о войнах и возможности для человечества длительного мира. На Базельский мир, положивший 5 апреля 1795 г. конец войне между Пруссией и Францией, философ отреагировал ставшим знаменитым трактатом «К вечному миру», в котором довольно органично сплелись теоретическая основательность и политическая злободневность.

Кант воплотил в трактате «К вечному миру» свой взгляд на комплекс социологических и социально-политических проблем, косвенно связанных с его теорией морали. Сам трактат написан в явно выраженной иронической форме: «К кому обращена эта сатирическая надпись на вывеске одного голландского трактира рядом с изображенным на вывеске кладбищем? Вообще ли к людям или, в частности, к главам государств, которые никогда не могут пресытиться войной, или, быть может, только к философам, которым снится этот сладкий сон?» [4, с.6]

Да, и сейчас эта грустная ирония Канта отнюдь не устарела: некоторые политики войной до сих пор не пресытились. «Вечный мир» — это животрепещущая проблема, уже давно поставленная перед человечеством и имеющая лишь два возможных решения: 1) прекращение войн путем всеобъемлющего международного договора, или 2) вечный мир «на гигантском кладбище человечества» после истребительной войны. О первом писали многие до Канта и во время жизни мыслителя, но мысли о второй возможности мы находим лишь у Канта — за полтора века до изобретения ядерного оружия. Схожие мысли — но уже после Канта — высказывал в ту эпоху лишь великий мудрец Иоганн Вольфганг Гете.

Хотя Кант считал, что причины войн коренятся в изначальной порочности человеческого рода, но в этой работе мыслитель довольно оптимистично пропагандировал идею международного соглашения. Разумеется, Кант понимал, что полной теоретической гарантии наступления полного мира в будущем не существует, ибо изначально порочна сама человеческая природа. Но об обеспечении достигнутого мира мыслитель говорит в «окончательных» статьях своего трактата.

Концепция вечного мира гармонично и красиво увенчивает философию истории Канта. Трактат был написан в разгар войн реакционных монархий Европы против революционной Франции. Поэтому Кант не без грусти отмечает, что в международных отношениях господствует не право, а только сила.

Сегодня, в начале третьего тысячелетия ясно, что многие мысли в трактате Канта актуальны и трудно опровержимы до сих пор. Война является прямым нарушением нравственной оценки человека как самоцели. Поэтому никакой войны не должно быть. Но к исчезновению войн не приведут ни пресловутое «равновесие» вооружений, ни создание некоего «всемирного государства». В XX в. пытались реализовать эти проекты с разной степенью интенсивности и с равной безуспешностью. Паритет в вооружениях лишь толкает на дальнейшую гонку вооружений, а печальная участь Лиги наций в 30-е гг. XX в. и недееспособность современной ООН в решении многих международных вопросов и проблем также не внушают особого оптимизма.

Поэтому в нашу эпоху стоит прислушаться к совету Канта, который видел путь к действительно прочному миру между народами на Земле именно в создании таких «легальных» условий, которые объективно привели бы к организации «федерации» всех народов нашей планеты, сохра-

няющих внутри ее свою свободу и политическую самостоятельность. Кант размышлял о союзе народов, который, однако, не должен быть государством народов.

Кант подчеркивал, что всеобщий мир — это «задача, которая постепенно разрешается...». Политические принципы и международные связи, которые «служили бы постоянному приближению к состоянию вечного мира, вполне осуществимы...». В целом, автор концепции вечного мира ратовал за соблюдение международных договоров, невмешательство во внутренние дела государств, за развитие культурных и торговых связей.

Кант не был первым мыслителем, которого волновали бедствия войны. Еще в древности люди размышляли над искоренением кровопролития из социальной жизни. То новое, что внес Кант, состояло именно в философском обосновании неизбежности установления на Земле всеобщего мира. Лишь историческая необходимость, а не случайная воля монарха положит конец войне как форме международных отношений. Идея мирного союза, который заключат государства, не теряя своей самостоятельности, горячо волновала Канта. Он высказал эту мысль еще в 1784 г. в статье о всеобщей истории.

Осознание необходимости мира на земле — императив должного. Должное, понимаемое как предполагаемое необходимое и желанное сущее, проявляется во взглядах и представлениях людей о совершенном образе жизни. Оно возникает в индивидуальном и общественном сознании в виде идеальной цели, благодаря исключительно человеческой способности трансцендентально выходить за пределы заданного бытия и в мысли создавать его улучшенный проект. Волевая установка на достижение должного выстраивает систему ценностных ориентаций, побуждает людей к преобразованию окружающего мира и себя в нем, делая их творцами культуры.

Если Кант не дожил до грандиозной наполеоновской эпопеи, то Гегель стал ее восторженным свидетелем. Как и Кант, великий систематик понимал неизбежность войн, вытекающих из самой человеческой природы. В «Философии религии» читаем: «Человек... зол сам по себе, зол во всеобщем смысле, глубинах своего внутреннего духа, просто зол, зол в своей внутренней глубине, что это определение зла есть определение его понятия, и он должен это осознать» [3, с. 265–266]. Политика как функция власти порой лишь потворствует глубинным человеческим инстинктам и скрытому в недрах человеческой души злу. Отсюда вытекает неизбежность войн, кровопролития, локальных и глобальных конфликтов.

Сам Гегель был очень далек от концепции идеального государства, которую можно найти в трудах И. Канта или в особенности И.Г. Фихте с его проектом «замкнутого торгового государства». Гегель считал, что такое государство перестает быть государством в собственном смысле слова, ибо государство порождается осознающим себя определенным народным духом. Оно всегда имеет характер особенности, а не всеобщности. На этой идее основано и его понимание внешнего государственного права. Гегелевские размышления по этому поводу и сегодня не лишены актуальности.

В «Философии права» Гегель пишет: «Нет претора над государствами; существуют в лучшем случае лишь третейские судьи и посредники между ними, да и те существуют лишь случайно, т.е. согласно особенной воле. Кантовское представление о вечном мире, поддерживаемом союзом государств, который улаживает всякий спор и, в качестве признаваемой каждым отдельным государством власти, устраняет всякие недоразумения и этим делает невозможным решение их посредством войны, — это представление предполагает согласие государств, которое исхо-

дило бы из религиозных, моральных и каких бы то ни было других оснований и соображений, вообще исходило бы всегда от особенной суверенной воли и благодаря этому оставалось бы случайностью. Спор между государствами, поскольку особенные воли не приходят к согласию, может быть решен лишь войной» [2, с. 344].

История ушедшего XX в. показала, что во многом Гегель был прав. Мыслитель, не закрывая глаза на негативные стороны войны, полагал, что войны способствуют установлению сильной власти и оздоровлению общества: «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей... сохраняется нравственное здоровье народов, его безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира» [2, с.344]. Ясно, что сегодня мы не можем согласиться со столь романтической трактовкой войны, ибо любая локальная война может перерасти в глобальный ядерный апокалипсис. И именно благородное стремление Канта к миру должно овладеть умами и сердцами современных политиков.

Список литературы

- Гегель, Г. В. Ф. (2001), Лекции по истории философии, Т. 3, Санкт-Петербург: Наука.
- Гегель, Г.В.Ф. (1934), Философия права, *Сочинения. Т. 7*, Москва: Государственное социально-экономическое издательство.
- Гегель, Г.В.Ф. (1977), Философия религии, в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль.

Кант, И. (1994), Собрание сочинений, в 8 т. Т. 7. Москва: «ЧОРО».

УДК 141.2

Корниенко А. Г.,

кандидат философских наук, младший научный сотрудник.

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: *akornienko@yandex.ru*

Война и современность в контексте философии практики К. Маркса

Kornienko A. G.,

Candidate of Sciences (Philosophy), Junior Researcher

St.-Petersburg State University,

St.-Petersburg, Russia

E-mail: *akornienko@yandex.ru*

The War and Modernity in the Context of K. Marx Philosophy of Practice

Аннотация. В представленном докладе анализируется взаимосвязь феноменов войны и современности в контексте развиваемого К. Марксом учения об общественно-исторической практике как основе и движущей силе исторического процесса.

Abstract. This paper analyzes the relationship between the phenomena of war and modernity in the context of Karl Marx's theory of socio-historical practice as the basis and driving force of the historical process.

Ключевые слова: Маркс, современность, война, исторический материализм, общественно-историческая практика.

Keywords. Marx, modernity, war, historical materialism, socio-historical practice.

Несмотря на то что в трудах Маркса современность никогда не разрабатывалась в качестве самостоятельного концепта, вопрос о ее сущности и специфике как отдельно взятой исторической эпохи всегда так или иначе оставался в фокусе его исследовательского интереса. Так, в предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс поясняет, что конечной целью его сочинения является «открытие экономического закона движения современного общества» [4, с. 8]. В свою очередь В. И. Ленин отмечает, что в этом фрагменте Маркс, в отличие от всех предшествовавших ему экономистов, говорит именно о «современном» обществе, а не об обществе вообще, и его задача состоит именно в том, чтобы понять, в каком смысле здесь употребляется слово «современный» (*modern*), по каким признакам выделяется это «современное общество» (*moderne Gesellschaft*) [3, с. 132]. Принято считать, что в качестве подобного отличительного признака Маркс выделяет специфический способ производства как единства исторически сложившейся ступени развития производительных сил и соответствующей им формы производственных отношений. В этом случае современное ему общество предстает как капиталистическое общество, а сама «современность» оказывается продуктом капитала, подчиненным внутренней логике его непрерывного движения. В неустанной погоне за прибылью капиталист вынужден постоянно «революционизировать» средства производства, что, в свою очередь, приводит к изменению производственных отношений и, в конечном итоге, — к развитию самого общества [5, с. 35]. Так движение капитала оказывается залогом прогресса, а история развития логики капитала, по замечанию Ц. Фэн, становится историей развития современности [6, р. 257].

Однако, поскольку логика капитала, то есть логика производства и потребления товара, не принимает в расчет ничего кроме прибыли, прогресс общества оказывается не более чем побочным продуктом ее развития, в то время как пороки и болезни общества — ее прямым и неизбежным следствием. Так, наряду с либерализацией и рационализацией в различных областях общественной жизни, прежде всего в экономической и политической, капиталистический способ производства приносит вместе с собой и ранее невиданные по своим масштабам процессы повсеместной эксплуатации и экспроприации, разворачивающиеся как на уровне отдельно взятых индивидов, так и на уровне классов, наций и государств. В последнем случае при исчерпании мер политического и экономического воздействия логика капитала требует продолжения обогащения за счет перехода к насильственным средствам, то есть к открытому грабежу и войне. Таким образом, война оказывается неотступной спутницей современности и понимается не только как результат борьбы противоречий, раздирающих изнутри капиталистическое общество, но и как закономерное следствие всего исторического процесса. Другими словами, поскольку современное Марксу общество не появляется на пустом месте, но является продуктом непрерывного исторического развития человечества, протекающего в соответствии с объективными историческими законами, война является их неизбежным и даже естественным выражением, которое будет существовать до тех пор, пока человеческое общество не перейдет на новый виток исторического развития и не вступит в фазу, где будет отсутствовать всякая классовая дифференциация.

Несмотря на то что подобное детерминистское понимание сути исторического процесса отчасти и соответствует логике мысли Маркса и даже порою принимается различными исследователями его творчества в качестве

верного, оно тем не менее упускает из виду один существенный момент, который все же не позволяет прочитывать марксовское видение истории в терминах гегелевского телеологизма или попперовского историцизма. Речь в данном случае идет о самой сути истории или о ее движущей силе, которая, с точки зрения Маркса, заключается не в чем ином, как в человеческой деятельности. При этом, как отмечают П. Н. Кондрашов и К. Н. Любутин, именно в этой акцентуации на роли непосредственной трудовой практики людей в ходе исторического процесса и заключается суть развиваемого Марксом исторического материализма. В соответствии с последним, как поясняют исследователи, история понимается не как некий механистический и не зависящий от человека процесс непрестанной объективации законов природы в его социальном бытии, а в ее праксеологическом аспекте, то есть как «разворачивающаяся во времени деятельность преследующего свои цели человека» [1, с. 53]. В свою очередь современность оказывается в таком случае, с одной стороны, «настоящим („действительностью“, ставшей из прошлого фактичностью)», а с другой — «переходом от настоящего состояния бытия к будущему состоянию», то есть возможностью «трансцендирования» настоящего уже в самом настоящем [Там же, с. 54]. В последнем случае социальное бытие человека предстает уже не выражением внешних, объективных факторов (природных, экономических, исторических и т. д.), но результатом его «единой материально-духовной сознательной целеполагающей социальной предметной преобразующей деятельности» [2, с. 82].

В таком праксеологически ориентированном прочтении Маркса исторический материализм понимается не как философия истории, а прежде всего как философия практики, в рамках которой всякое явление социальной жизни, от мирового экономического кризиса до мировой

войны, рассматривается как результат общественно-исторической практики, в ходе которой люди сознательно и самостоятельно изменяют не только условия своего существования, но и само содержание этой деятельности, ее мотивы и цели. В этом контексте война для Маркса и марксизма это вообще не концепт, а насущная проблема, требующая своего решения не в области теории, а в области повседневной практики. И если сегодня, как показали многочисленные исследования как критиков, так и сторонников Маркса, различные аспекты его учения, в том числе и наиболее его «научнообразные», экономические и политико-экономические части, утратили свою значимость в реалиях обществ «потребления», «спектакля», «изобилия» и «усталости», то праксеологический же аспект до сих пор остается актуальным. Ведь если развитая в рамках исторического материализма методология отнюдь не ограничивается анализом исключительно материальных, а значит, исторических и преходящих условий войн и прочих социальных конфликтов, но рассматривает человеческую деятельность как некую тотальность материальной и духовной жизни человека, необходимо включающей в себя элемент целеполагания, то есть момент идеальный, ценностно ориентированный и как таковой аисторичный, то тем самым она предлагает до сих пор действенные инструменты не только анализа, но и трансформации современного общества.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке РНФ, проект № 24-18-00895 «Концептуализация современности в философском дискурсе». The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00895 "Conceptualization of Modernity in Philosophical Discourse

Список литературы

1. Кондрашов, П. Н., Любутин, К. Н. (2012), Философско-исторический метод К. Маркса, *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, № 12, с. 34–57.
2. Кондрашов, П. Н. (2015), Философия практики К. Маркса и материализм, *Вестник Омского университета*, № 3, с. 79–84.
3. Ленин, В. И. (1967), Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, *Полное собрание сочинений. Т. 1*, Москва: Политиздат, с. 125–346.
4. Маркс, К. (1952), Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1, Ленинград: Государственное издательство политической литературы
5. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1950), Манифест Коммунистической партии, Ленинград: Государственное издательство политической литературы
6. Feng, Z. (2006), A Contemporary Interpretation of Marx's Thoughts on Modernity, *Frontiers of Philosophy in China*, Vol. 1, No. 2. Pp. 254–268.

УДК 1(091)

Мачкарина О.Д.,
доктор философских наук, профессор.
Мурманский арктический университет,
г. Мурманск, Россия
E-mail: machkarinaod@mauniver.ru

Феномен войны в оценках русских философов

Machkarina O. D.,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia
E-mail: machkarinaod@mauniver.ru

The phenomenon of war in the assessments of Russian philosophers

Аннотация. В статье раскрывается проблема восприятия войны обществом, ее неоднозначные оценки и глубинные последствия в оценках русских мыслителей (Соловьева В.С., Белинский В.Г., Булгакова С.Н., Бердяева Н.А., Степуна Ф.А., Ильина И.А., Франка С.Л. и др.). Автор обращает внимание на духовную, внутреннюю составляющую военной агрессии, на истоки патриотизма, духовного единства и национального героизма русского народа, а так же на оценки последствий войны для укрепления национального единства.

Abstract. The article shows the problem of the war perception by society, its ambiguous assessments and profound consequences in the assessments of Russian thinkers (Solovyov V.S., Belinsky V.G., Bulgakov S.N., Berdyaev N.A., Stepun F.A., Ilyin I.A., Frank S.L.). The author pays attention to the spiritual and inner component of military aggression, the origins of pat-

riotism, spiritual unity and national heroism of the Russian people, as well as the assessment of the war consequences for strengthening national unity.

Ключевые слова: война, человечество, национальная идентичность, национальное самосознание, общечеловеческое, патриотизм, добро и зло, русская философия.

Keywords: war, humanity, national identity, national self-consciousness, universality, patriotism, good and evil, Russian philosophy.

Вопрос о роли войны в жизни человечества, даже жестокий, поскольку война всегда сопровождается человеческими жертвами, несоизмеримыми с материальными потерями, вместе с тем, содержит множество нюансов, требующих своей оценки современных философов. И это не только оценка войны согласно нормам естественного права, как способа самозащиты одного государства по отношению к другому, но и с точки зрения закона справедливости. Война, как отмечал И. Кант, есть «печальное, вынужденное средство в естественном состоянии...утвердить свои права силой» [1, с.10]. Но в тоже время именно война может привести человечество к «вечному миру» на «гигантском кладбище человечества», если не учитывать опасности возникновения условий для войны. Человечество всегда должно учитывать уроки мировых войн, помнить об опасности последствий войны и угрозе жизни как таковой. От обилия агрессивной информации человеческие чувства притупляются, человек перестает ценить жизнь другого, замыкаясь на себе, на своем страхе за собственную жизнь. Но вместе с тем, этот страх порождает и стремление человека к национальной идентичности, к формированию национального самосознания, что означает

одновременно и стремление к освобождению от подвластности и порабощенности. Война побуждает глубокое чувство национального, народного единства.

Для формирования идеала будущего в обществе требуется осмысление роли войны в истории человечества и русской культуре, в частности. Но к войне нельзя относиться однозначно, как неоднозначно оценивать и само зло: оно бывает либо безусловным, либо относительным. «Организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути к осуществлению мира» — именно таковой видел роль войны В.С. Соловьев, прекрасно понимая необходимость защиты суверенитета и целостности государства, независимости собственного народа [2, с.467]. Война для Соловьева — зло, но зло относительное, как необходимость, средство, направленное на объединение человечества.

В истории развития России война играла неоднозначные роли: роль объединителя русских земель и народов, которая привела к образованию российского государства и формированию русской нации со своей национальной идеей, которая проявлялась в самые сложные периоды истории страны во всплеске патриотизма и стремлении единения народа вокруг политической элиты; роль охранителя государственной целостности и независимости русских земель и русского народа, проявившегося в стойкости русского характера, русского духа; роль стимулятора роста национального самосознания и развития русской культуры в целом, активно взаимодействующей с европейской; роль миротворца, как способа принуждения к миру. И.А. Ильин увидел в войне особый духовный смысл, духовную потребность человека «почувствовать в душе чувство родины» [3, с.6]. Война как «призыв» зажгла в душе русского человека чувство родины, тем самым противопоставив

«повседневному здесь» (заботе о себе), великое «там», где «там» — это «мы», а «мы» — это русский народ [3, с.8].

Обратимся к истории и выделим важные события, повлиявшие на развитие человечества. Российское государство складывалось в результате военных походов и столкновений. Но вековыми событиями для России стали Северная война (1700–1721), превратившая страну в крупнейшую морскую державу; Отечественная война 1812 года, обнаружившая всю гнилость системы крепостничества и необходимость реформ; Первая и Вторая мировые войны, изменившие мир и перекроившие карту. Для русского человека это не просто перечень событий, это были вехи глубоких страдания и переживаний, из которых Россия вышла возрожденной. Иван Ильин писал о том, что русский человек, пройдя через все национальные унижения, беды, лишения и страдания, должен был найти в себе духовное начало и утвердиться в нем — «постигнуть и принять свое духовное естество и призвание» [4] и стать еще крепче и увереннее в своем поиске справедливости, сплочённости в своем национальном единстве.

Безусловно, нельзя не учитывать и фактора справедливости в войне, в войне за независимость, за национальные идеалы, за Родину. Война — это способ национального воспитания, вот почему Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев принимали войну как форму служения народу, человечеству.

С Петра Великого и Северной войны (1700–1721) берет свое начало новое понимание народности, формируется национальная идея. Национальная идея становится стержнем национального сознания. Национальное самосознание формируется в процессе развития и укрепления нации и особенно актуализируется в период войн.

Особое место в истории страны и развитии русского самосознания занимает Отечественная война 1812 года,

которая не только объединила русское общество, независимо от социального положения или материального благосостояния, но и породила всплеск русской культуры. Не зря Н.Г. Чернышевский напишет: «...не русские журналы пробудили к новой жизни русскую нацию — ее пробудили славные опасности 1812» [5, с. 256–257].

В.Г. Белинский отмечал, что перевороты, испытания, обрушившиеся на плечи русского народа, обнаружили русский характер, а война 1812 года еще и укрепила Россию и стала «прямой причиною ее нового и высшего благоденствия», поскольку открыла новые источники народного богатства [6, с.83].

В.В. Розанов понимает войну как землетрясение, которое по своей сущности можно сравнить с ужасом Везувия над Помпеями, поскольку война ставит вопрос о существовании целого [7, с.4]. Но вместе с тем он подчеркивает и важную воспитательную функцию войны. Только во время войны человек начинает чувствовать себя гражданином, чувствовать «свое Государство», поднявшись, как писал В.В. Розанов, от «публики» к «гражданину» [8].

Природа войны — символическая, как и природа материального насилия. Само материальное насилие и ужасы войны лишь «сыпь на теле человечества», как писал Н.А. Бердяев [9, с.423]. Но никто не обращает внимания на внутреннее, духовное основание насилия. Духовный недуг человечества породил современную агрессию, возродил фашизм и нацизм, молчаливое соглашательство с правилами стран, развязавших войну, обеспечив ее идеологическую подготовку. Война не создает само по себе зло, она лишь его обнажает. Это зло уже несет в себе современное человечество, оно живет ненавистью. Мы все, как пишет русский философ, виноваты в войне, зло, живущее в каждом из нас, «выявляется в войне». Мы все, проявляя

свой патриотизм, участвуем в ней и несем за нее свою ответственность [9, с.426].

Мы несем ответственность за жизнь — это наш моральный долг. Но живем мы в реальном историческом времени, в котором имеет место насилие, порождаемое определенными интересами. Войну нельзя отвергнуть, она есть данность, которую необходимо воспринимать антиномично: и принимать, и отвергать одновременно, поскольку борьба за мир — это тоже война и насилие. В таком случае мы вновь обращаемся к природе насилия. Парадокс заключается в том, что все то, что мы желаем для себя и своей родины, приобретается через насилие, т.е. человечество уже несет в себе вину. Вина, такая же, как и в основе войны, она уже лежит в основе всей культуры.

По своему характеру война жестока и болезненна. Ужасна война своими материальными факторами: криками, кровоточащими ранами, столами, разрушениями. Нас возмущает жестокость, проявляемая нашим врагом, и в этом мы обнаруживаем, что человек — орудие в руках государства-агрессора. Но эта же жестокость со стороны отечественных воинов нас не беспокоит, поскольку ее мы оправдываем целью защиты нашей свободы и независимости, защиты жизни. В оценке этих действий лежит принцип справедливости и правды. Это и есть моральная оценка войны, перенесение моральных категорий личной жизни на общественную. Именно такое приписывание исключительной моральной правоты собственному народу свойственно русским. «Страшнее той смерти, которую сеет война в материальном мире, та жизнь, которую она порождает в сознании почти всех без исключения людей», — пишет Ф.А. Степун [10, с.5]. Война рождает героев и громадную любовь к своему народу, проявляемую в подвигах.

Для философа важно всесторонне показать суть истинного патриотизма, раскрываемую им на примере глубо-

кого анализа благ, предоставляемых обществом человеку. Истинный патриотизм как любовь к народу дает «ближнему» духовные и материальные блага, исключаящую всякую возможность «дурных средств» для их получения. Материальные блага человек получает с условием их подчинения высшей нравственной цели. Когда же вопрос касается отношения к народу, тогда высшим благом и мерилom добра для человека становится народность, служение ему предполагает «дозволительность» всех средств, в том числе допустимость и оправданность войны. Война разрушает старое и одновременно способствует зарождению нового и этим новым является глубокое чувство национального единства и Родины.

Чувствовать себя гражданином Вселенной совсем не означает, как пишет Н.А. Бердяев, «потери национального чувства и национального гражданства» [9, с.352]. Человек через свою национальную индивидуальность, т.е. как национальный человек, становится частью человечества, сохраняя при этом свою уникальность. В нем «есть родовые черты» и «черты индивидуально-национальные». В единстве со всеми он образует народный характер. Народный характер отличается от единичного большим объемом и долговечностью носителя.

Список литературы

1. Кант, И. (1994), *К вечному миру, Сочинения в 8 т. Т.7*, Москва: «ЧОРО».
2. Соловьев, В.С. (1988), *Оправдание добра, Собр. соч. в 2 т., Т.1*, Москва: Мысль.
3. Ильин, И.А. (1915), *Духовный смысл война*, Москва: Тип. И.Д. Сытина.
4. Ильин, И.А. (1956), *О воспитании русского народа к справедливости, Наши задачи, Т.1, Статьи 1948–1954*,

- Париж: Изд-во Русского общевойинского союза, с.78 – 185.
5. Чернышевский, Н.Г. (1949), Письма 1838–1876, *Полн. собр. соч в 15 т., Т. 14*, Москва: Изд-во «Художественная литература».
 6. Белинский, В.Г. (1992), Россия до Петра Великого, *Русская идея*, Москва: «Республика».
 7. Розанов, В.В. (1904), Поучительное в войне, *Новое время*, 18 (2 марта) февраля, № 10042, с.4.
 8. Розанов, В.В. (1915), Война как великое воспитание, *Война 1914 года и русское возрождение*. Москва.
 9. Бердяев, Н.А. (2004), Судьба России, Москва: ЭКСМО
 10. Степун, Ф.А. (2020), Из писем артиллериста-прапорщика. К матери 12-го сентября 1914, Москва: Директ-Медиа, с.3–9.

УДК 1(091)

Мочалова И.Н.,
кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: Mochalova@yandex.ru

Человек на войне: воспитание vs природа
(дискуссии афинских интеллектуалов IV в. до н.э.)

Mochalova I.N.,
Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: Mochalova@yandex.ru

Man at War: Paideia vs Nature
(Discussions of Athenian intellectuals of the IV century BC)

Аннотация. В статье анализируются дискуссии о природе войны афинских интеллектуалов IV в. до н.э.; раскрываются два основных подхода: 1) война как неизбежная болезнь, причина которой — неизменная природа человека (Фукидид, Исократ и др.); 2) война как зло, избежать которого можно. В качестве средства Платон утверждает новую модель воспитания человека.

Abstract. The article analyzes the discussions about the nature of the war of Athenian intellectuals of the IV century BC; two main approaches are revealed: 1) war as an inevitable disease, the cause of which is the unchangeable nature of man (Thucydides, Isocrates, etc.); 2) war as an evil that can be avoided. As a means, Plato asserts approves a new model of human education.

Ключевые слова: война, мир, природа человека, пайдейя, панэллинизм, Фукидид, Исократ, Платон.

Keywords: war, peace, human nature, Paideia, pan-Hellenism, Thucydides, Isocrates, Plato.

Тема войны, ее причин, природы и оценки, — одна из ключевых для афинских мыслителей IV вв. до н. э., начало которого фактически совпало с окончанием Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.) и заключением позорного для Афин мира, а завершение во многом определилось поражением афинян в битве с Македонией при Херонее (338 г. до н.э.), положившей конец независимости Греции.

Война для Фукидида, одним из первых сделавшего ее предметом специального исследования, — это естественное (наряду с землетрясениями, засухой и пр.) бедственное состояние человеческого общежития, это болезнь. Ее лечение необходимо, но избежать войн, как и избежать болезней, невозможно, ибо источник войн, этих учителей насилия (Thuc. III, 82, 2), — в природе человека; и происходят они в соответствии с природой человека, которая остается одной и той же, несмотря на все исторические изменения (Thuc. I, 22, 4; ср.: III, 82, 2). Неизменные свойства природы человека — стремление властвовать над другими и воля «захватить больше» (πλεονεξία). Как следствие такой природы человека, когда сильное стремится господствовать над слабым, — зависть, мстительность, жестокость, гордыня, безрассудные надежды и стремление к свободе. И хотя индивидуальный человеческий характер может изменяться под влиянием обстоятельств, его эгоистическая природа остается неизменной, именно она направляет его поступки, утверждая постоянное преобладание страстей над разумом. О человеке на войне Фукидид

пишет: «Человеческая натура, всегда готовая преступить законы, теперь попраля их и с радостью выявила необузданность своих страстей...» (Thuc. III, 84. 2; пер. Г.А. Страхановского) [1, с. 149]. Ὑβρις афинян, определивший растущую с необходимостью мощь Афин, ставшую, по мнению Фукидида, причиной войны, как природное качество народа нельзя уничтожить, но народом можно управлять, сдерживая природные стремления демоса и направляя их в нужное русло.

Ксенофонт, Исократ, Демосфен и др. вслед за Фукидидом понимают войну как закономерное явление, а причины, ее порождающие, связывают с неизменной природой человека. Как отмечает Йегер, подчеркивая отказ Фукидида от какого-либо морализаторства, упадок политической морали в условиях войны для историка — лишь дополнение к патологии войны, схваченное острым взглядом врача-диагноста [2, с.457]. Такое понимание войны делало бессмысленной ее моральную оценку в целом и направляло теоретические поиски в область конкретных политических решений в интересах Афин.

Очевидным, лежащим на поверхности и дающим сразу политические дивиденды, было различие войн против внешнего для греков врага и войн междоусобных. В этом случае последние получали максимально негативную оценку, подвергаясь моральному суду, а первые, практически, не осуждались. Такой подход вел к легитимации войны, включению ее в морально-правовое пространство, что позволило использовать категорию справедливости для ее оценки. Яркими выразителями такого рода взглядов стали Ксенофонт и Исократ. Понимая войну, прежде всего, как способ извлечения доходов, они связали вопросы войны и мира с ростом благосостояния полиса. В этом случае успешность действия определялась его доходностью. Исократ считал войну несправедливой, если она вела к разоре-

нию воюющих сторон, пусть даже и в отдаленной перспективе; справедливая же война, по мнению мыслителя, должна была обеспечивать стабильный доход в течение продолжительного периода (Isocr. De Pace, 6, 26, 30, 33-34, 68-69, 138) [3, с.132–145]. Другой подход встречаем у Демосфена, предложившего разделить все военные конфликты на справедливые, ведущиеся за свободу и независимость, ради защиты собственного достояния, и несправедливые, имеющие своей целью наживу (Dem. XV, 10). Демосфен впервые соотносит характер войны с политическим устройством полиса, различия войны между демократиями («домашние» конфликты, которых следует избегать) и войны между демократией и олигархией («внешняя» борьба за свободу).

Таким образом, независимо от особенностей предложенных классификаций и политических пристрастий авторов, формируется панэллинская идеология [4], оправдывавшая справедливую войну против внешнего врага. Для Демосфена таким врагом стала Македония, для Исократы — Персия. В их речах война не просто морально реабилитировалась, но и становилась привлекательной как способ решения актуальных проблем.

В целом разделяя панэллинские идеи своих современников, Платон предложил принципиально иной подход: войны как болезни можно избежать, излечив человека. Таким фармаконом может быть новая пайдейя, способная сформировать особый тип человека — «воина-стражника», лишённого эгоизма, стремления к власти и наживе. Жизнь такого человека трудна, но именно такой человек может быть гарантом мира в полисе.

Понимание Платоном природы войны раскрывает знаменитое «сказание о двух полисах» — о древних Афинах и Атлантиде [5]. Два государства имеют много сходного и одно существенное различие, касающееся организа-

ции жизни воинов — стражников законов полиса. В идеальных Афинах их жизнь организована в соответствии с правилами, известными из платоновского «Государства». Сословие воинов живет автономно. Ведя жизнь самодостаточную и гармоничную, не имея ни золота, ни серебра, «блюдя середину между пышностью и убожеством» (Pl. Crit. 112 b–c), воины выступают прежде всего хранителями мира. Иначе живут цари-воины Атлантиды. И хотя долгое время им удается, живя в роскоши, не замечать ее, со временем «божественное начало» в них разрушается, уступая место «безудержной жадности и силе» (πλεονεξίας ἀδίκου καὶ δυνάμεως) (Pl. Crit. 121 b). Война с Афинами становится неизбежной. Однако, как пишет Платон, афинское государство «явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы», «ододело завоевателей и воздвигло победные трофеи» (Pl. Tim. 25 b–c). Итак, столкновение с афинским полисом закончилось для Атлантиды поражением, последние строчки «Крития» сообщают о решении Зевса наложить кару на впавшее в «жалкую развращенность» государство (Pl. Crit. 121 b–c): Атлантида исчезает, погрузившись в пучину (Pl. Tim. 25 d).

Однако, Платон подвергает наказанию и победителя: вместе с поглощенной морем Атлантидой, оказывается поглощенной разверзнувшейся землей и афинская «воинская сила». Афины теряют свои богатство и прежде всего землю, символизирующую устойчивость и незыблемость, самодостаточность существования. Думаю, этим Платон хочет сказать: любое участие в войне губительно; справедлив только мир. Афины вынуждены были защищаться, и, с точки зрения подавляющего большинства рассуждавших о войне современников Платона, такая война со стороны Афин, безусловно, была войной справедливой. По мнению же Платона, участие в войне разрушает гармонию, премножает мощь, культивирует жажду власти — без этих

чувств вряд ли вообще возможна победа. Таким образом, участие в войне уничтожает с таким трудом возвращенное божественное в человеке, и в этом смысле никакая война не может быть справедливой. Поместив миф об Афинах и Атлантиде в контекст космологии «Тимея», Платон несомненно хочет придать ему значение, выходящее далеко за рамки истории отдельных полисов.

Завершая в «Тимее» исследование природы человека, Платон убеждает, что человек способен пестовать в себе божественное начало — «через усмотрение гармоний и круговоротов мира исправить круговороты в собственной голове, нарушенные уже при рождении, иначе говоря, добиться, чтобы созерцающее, как и требует изначальная его природа, стало подобно созерцаемому, и таким образом стяжать ту совершеннейшую жизнь, которую боги предложили нам как цель на эти и будущие времена» (Pl. Tim. 90 d, пер. С.С. Аверинцева) [6, с.498]. Правильное воспитание, для Платона, и является реализацией справедливости, в условиях которой формируется новый тип человека, человека-воина и человека-правителя, лучшего из воинов. Лишенные личного корыстного интереса, способные созерцать благо, они становятся гарантами мира — самодостаточного состояния «всеобщего дружелюбия».

Таким образом, в IV в. до н.э. в рамках формирования панэллинской идеологии были созданы две модели мироустройства. Согласно одной, мир оказывается расколотым на мир «своих» (Европа, Запад) и мир «чужих» (Азия, Восток). Достижение мира среди «своих» требует войны с «чужими». Согласно другой, признается самодостаточность мира без войны, его основанием становится иная нравственная природа людей.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00971, Российский государственный гуманитарный университет (Москва),

,<https://rscf.ru/project/23-18-00971>. The research is funded by Russian Science Foundation № 23-18-00971, Russian State University for Humanities (Moscow), <https://rscf.ru/project/23-18-00971>

Список литературы:

1. Фукидид. (1981), История, изд. подготовили Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровкий, Ленинград: Наука.
2. Йегер, В. (1997), Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем), пер. с нем. М.Н. Ботвинника, Москва: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина.
3. Исаева, В.И. (1994), Античная Греция в зеркале риторики: Исократ, Москва: Наука.
4. Фролов, Э.Д. (1983), Панэллизм в политике IV в. до н.э., *Античная Греция. Проблемы развития полиса. В 2-х т. Т.2*, Москва: Наука, с.157–208
5. Видаль-Накэ, П. (2001), Афины и Атлантида. Содержание и смысл одного платоновского мифа, *Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире*, пер. с фр., Москва: Ладомир, с.281–300.
6. Платон. (1991), Тимей, *Собрание сочинений в 4 т. Т. 3*, Москва: Мысль.

УДК 1(091)

Муравьев А. Н.,

доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: muravyovan@yandex.ru

О всемирно-историческом основании и значении современных событий

Muravev A. N.,

Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: muravyovan@yandex.ru

About the world-historical foundation and the significance of modern events

Аннотация. Современная ситуация несет в себе реальную опасность третьей мировой войны. Ввиду этого необходимо начать готовить диалог между цивилизациями Востока и Запада. Автор полагает, что его языком предстоит стать языку классической философской мысли.

Abstract. The current situation carries with it the real danger of a third World War. In view of this, it is necessary to start preparing a dialogue between the civilizations of the East and the West. The author believes that the language of classical philosophical thought is to become his language.

Ключевые слова: Россия, Украина, коллективный Запад и Восток, глобальный Север и Юг, логический метод, история философии, система образования

Keywords: Russia, Ukraine, collective West and East, global North and South, logical method, history of philosophy, education system

В феврале 2022 г., как и в октябре 1917-го, Россия вновь оказалась в центре мировых событий, которые несут в себе уже реальную опасность третьей мировой войны. В связи с этим важнейшее значение обретает альтернатива такого исхода — мирный диалог между цивилизациями коллективного Запада и Востока, или глобального Севера и Юга, геополитический мост между которыми представляет собой Россия как мощнейшая евразийская держава.

Лишь такой диалог в состоянии положительно-разумно разрешить накалившееся противоречие антагонистических нравственных сил. Идейный язык, необходимый для его налаживания, выработан классической философией. Но хотя в общественном сознании эту философию уже более полутора веков затеняет пост-классическое философствование, скептически отрицающее или пародирующее собой философскую классику, непреходящая ценность классического философского наследия заключается в том, что совместными усилиями великих философов от Фалеса и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно был разработан логический метод вполне разумного мышления и познания истины. Опираясь на этот метод и философию истории Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля с учетом тех исторические реалий, которых они еще не могли знать, выясним необходимые условия для начала этого мирного диалога. Для этого необходимо определить, во-первых, что такое мировая история и, во-вторых, до какого своего момента всемирно-исторический процесс дошел к настоящему времени?

Все четверо великих немецких идеалистов согласны в том, что мировой процесс исторического развития чело-

вечества представляет собою весьма драматический процесс. Философски ими понятое, это развитие есть истинная *трагедия*, или *апокалипсис*, т. е. процесс откровения божественного абсолюта в человеческом духе. Он по необходимости ведет к катарсису — нравственному очищению отношения людей к природе и друг к другу, невозможному без действительно разумного мышления. Одним словом, мировая история есть *кризис* — *суд* духа над миром его собственных исторических явлений. Его недаром именуют *страшным судом*, ибо мировая история по сию пору продвигается к своей цели, которую Кант называл *вечным миром*, стихийным, или бессознательным способом — путем военных столкновений между народами.

Чем же с той точки зрения являются совершающиеся ныне события? Они есть последний акт всемирно-исторической трагедии, приближающейся к своему эпилогу. К чему же идет восходящее на Голгофу мирового духа человечество, а вместе с ним — народы России и Украины, Израиля, Палестины, Сирии и Ирана? Христианство говорит об этом недвусмысленно: путем страданий оно продвигается к искуплению исторически неизбежного зла. Эстафету этого процесса исторические народы передают друг другу военным способом потому, что он до сих пор идет во тьме невежества на свет положительно-разумного сознания истины и свободы недобровольно и стихийно, или лишь отрицательно-разумно. Следует подчеркнуть, что, вопреки мнению завязтых пацифистов, войны не суть нечто совсем неразумное. Они выступают способом форсированного ускорения хода истории — насильственного его ускорения, которое диалектически сочетает как имманентные друг другу противоположности несовершенное пока добро с пока еще неизбежным злом.

Если же обратить внимание на современное состояние человеческого рода в целом, то коллективный Восток

(он же — глобальный Юг) есть *естественно-историческая* общность людей — общность, организованная по семейно-племенному принципу. Коллективный нордический Запад, напротив, есть *искусственно-историческая* их общность. Он представляет собою разложение восточного субстанционального единства на множество индивидуальных субъектов, которые обеспечивают свое существование путем налаживания более или менее необходимых социальных связей между собой в *гражданском обществе*. Гегель в «Феноменологии духа» метко окрестил его *духовным царством животных* [1, с. 210-224] — обществом полулюдей-полуживотных, находящихся в состоянии гоббсовской войны всех против всех. Это *внешнее государство*, или *государство нужды и рассудка*, как Гегель назвал систему гражданского общества в своей «Философии права» [2, с. 228], не только развязывает все особенные страсти и интересы, но и по мере возможности стремится упорядочить их стихию полицейскими, формально-правовыми и морально-политическими средствами. Крайним Западом среднего европейского Запада являются США. Как поначалу удачный противовес этой крайности формировался ЕС, который до кризиса 2008 г. играл эту роль под предводительством Германии и Франции, а после него, окончательно утратив суверенитет, очутился под протекторатом США.

Более чем тысячелетняя история государства российского выступила развитием противоречия между общинно-родовым принципом Востока, представленным Ордой, и гражданско-общественным принципом Запада, привитым нашей культуре варягами и Петром Великим. Особое напряжение противоположность этих начал человеческого общежития обрела у нас в конце советского периода российской истории. Ложным разрешением их противоречия стал распад СССР на ряд независимых друг от друга, но более или менее зависимых от США государств. Однако

тем самым история мира отнюдь не кончилась. Она только зашла в тупик вследствие уже ничем не сдерживаемой глобальной экспансии США. Их стремлению к мировому господству была вынуждена с 2014 г. открыто противостоять только Россия, союзниками которой являются Китай и Индия — самые густонаселенные и энергично развивающиеся страны Востока.

Каким же предстоит стать истинному исходу современной мировой ситуации? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить историю отношения европейского Запада к России и отношения России к азиатскому Востоку с 1242 по 1949 гг. В нее, кроме побед над тевтонскими рыцарями при Чудском озере, над Мамаем в Куликовской битве и над шведами под Полтавой, входят разгром наполеоновской Франции и вспыхнувшая в огне Первой мировой войны русская революция, которая победила в отчаянных схватках Гражданской войны 1918-1922 гг. Коллективизация сельского хозяйства и индустриализация нашей страны предопределили ее победу над гитлеровской Германией и милитаристской Японией, следствием которых стало активное участие СССР в образовании КНР. К ним нельзя не добавить влияние Льва Толстого на становление мировоззрения Махатмы Ганди и, стало быть, на обретение суверенитета Индией. Все эти события отечественной мировой и истории выразительно демонстрируют ключевое положение России в формировании современного положения дел на международной арене. Значит, не случайно немецкий народ, после французов возглавивший, по Гегелю, четвертое (германское) царство мировой истории, в результате Второй мировой войны передал историческую эстафету русскому народу, задолго до этого сплотившему в *русский мир* другие народы России.

Главный урок, который следует извлечь из этих событий, состоит в том, что без усвоения вполне разумного

логического метода, в результате всего исторического развития философии возникший трудами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, напряженного противоречия между Востоком и Западом в мире вообще и особенно в России мирно, т. е. положительно-разумно, не разрешить. Что же необходимо сделать для освоения и дальнейшего развития этого способа мышления и познания истины?

Теоретическим условием предотвращения грозящей человечеству катастрофы выступает изменение преобладающего ныне отношения к истории философии. Сначала философской, а затем и более широкой академической обществу предстоит прекратить воспринимать историю философии только как множество учений разных философов, какой она выступает лишь на своей поверхности. Отсюда возникает историческая иллюзия, что история философии как учебная дисциплина есть род *доксографии* — описания мнений различных мыслителей, в силу чего серьезный научный интерес к философии испаряется, не успевая в студенческие годы созреть в умах будущих ученых и специалистов.

Академический долг и современная мировая ситуация настойчиво требуют от историков философии сконцентрироваться на выявлении внутреннего единства классических философских учений, которое прокладывало себе дорогу в их множестве вопреки и благодаря разногласиям между философами потому, что все они делали одно философское дело. Это дело имело своей внутренней целью выработку вполне разумного способа мышления, что и было достигнуто в системе Гегеля. Поскольку же дальше нее историческое развитие философии ступить не может, ибо один человек уже не может знать все науки как специалист, постольку на Гегеле оно заканчивается.

Но что же предстоит произойти в мировой культуре после Гегеля? Должна быть создана *система образования*

разума человеческого духа. Ее создание на основании логической философии как результата истории классической философской мысли есть необходимое практическое условие радикального предотвращения мировой катастрофы. Для этого история философии, преподаваемая как история вполне разумного способа мышления, без освоения содержания которой этим способом овладеть невозможно, должна стать основной академической дисциплиной не только на философских факультетах российских университетов, но и для всех других специальностей высшего профессионального образования. Прежде всего к ней должны приобщиться педагоги общей школы, так как от них напрямую зависит качество образования нации. Контуры такой системы образования очерчены автором настоящего доклада в его монографии [3, с. 258-307].

Если это произойдет, то Россия непременно станет действительно великой державой, то есть непобедимым духовным лидером мира. Затем по ее примеру на той же основе создадут свою систему национального образования и воспитания глобальный Восток и нордический Запад. Для последнего создание такой системы воспитания и образования есть единственный способ реального воскресения из безысходности его уже два столетия, по сути, духовно мертвой жизни в вечно живую жизнь разумного отношения человека к природе и к другим людям.

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. (1959), *Феноменология духа, Гегель, Г. В. Ф. Сочинения, т. IV*, Москва: Изд-во соц.-эк. литературы.
2. Гегель, Г. В. Ф. (1990), *Философия права*, Москва: Мысль.

-
3. Муравьёв, А. Н. (2015), Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры, Санкт-Петербург: Наука.

УДК 141.44

Недяк Б.Л.,
аспирант Института философии.
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: bogdannediak@gmail.com

Двойственный характер войны в философии Анри Бергсона

Nediak B.L.,
post-graduate student at the Institute of Philosophy
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: bogdannediak@gmail.com

The Duality of War in the Philosophy of Henri Bergson

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов А.Бергсона на проблему войны, рассматриваются ключевые концепты бергсонизма: «жизненный порыв» как метафизическая энергия, лежащая в основе творческой эволюции, и время-длительность как основа сознания и жизни. Делается вывод об амбивалентности отношения Бергсона к проблеме: война необходима для социальной динамики, но преодолима через развитие гуманизма и открытости.

Abstract: The article examines Bergson's views on war are analyzed via *élan vital*, duration, and open/closed societies. War is natural but not inevitable, countered by love.

Ключевые слова: Анри Бергсон, Жизненный порыв, закрытое общество, открытое общество, воинственный инстинкт, творческая эволюция, любовь

Keywords: Henri Bergson, *Élan vital*, closed society, open society, belligerent instinct, creative evolution, love

Французский философ Анри Бергсон (1859–1941) сформировался как мыслитель в эпоху, когда большинство европейских народов сохраняли надежду на мирное развитие и сосуществование. Его знаменитые труды проникнуты гуманистическим пафосом и верой в творческое предназначение человека. В философских дискуссиях конца XIX – начала XX века тема войны практически не занимала места, и для самого Бергсона она стала актуальной лишь на заключительном этапе его творчества, когда эти надежды окончательно рухнули в пламени Первой мировой войны. Однако даже в работе, наиболее полно отражающей его социально-политические взгляды, — «Два источника морали и религии» (1932), — проблеме войны посвящено лишь несколько страниц. Поэтому, прежде чем перейти к анализу взглядов философа на обозначенную проблему и продемонстрировать амбивалентный характер войны не только как социально-политического, но и как природного явления, необходимо кратко рассмотреть некоторые ключевые концепты философской системы Бергсона и выявить их взаимосвязь в наиболее общем виде.

В истории философии Анри Бергсон остаётся мыслителем, пытавшимся задолго до феноменологической и экзистенциальной традиции переосмыслить время. Проблема времени-длительности действительно была путеводной нитью его размышлений, однако не менее важной концептуальной составляющей бергсонизма является метафора «жизненного порыва». Если в «Опыте о непосредственных данных сознания» (1889) время-длительность рассматривается как фундаментальная характеристика сознания, то в «Творческой эволюции» (1907) непрерывный поток времени полагается сущностным основанием орга-

нической субстанции (жизни), которая тем самым приобретает динамические черты творческого развития [2, с. 20]. Таким образом, Бергсон проводит явную параллель между эволюцией жизни и эволюцией сознания. Процессуальность, энергичность, органическая целостность, креативность и свобода являются, по Бергсону, неотъемлемыми качествами «жизненного порыва» — метафизической энергии, лежащей в основе появления жизни и её творческой эволюции.

Одной из основных задач, которые ставил перед собой философ в работе «Творческая эволюция» (1907), являлось описание жизни как гармоничного целого. Метафорически описывая это целое, Бергсон вводит термин «жизненный порыв», который на различных линиях эволюции порождает эпистемологические способности живых существ, ориентированные прежде всего не на познание мира, а на действие в нём: инстинкт, интеллект и интуицию. Животные действуют преимущественно на основе инстинкта, подчиняясь предзаданным биологическим паттернам, тогда как человек благодаря интеллекту способен творчески преобразовывать действительность, создавая и используя орудия. При этом благодаря интуиции человек способен к высшей сознательной деятельности (художественному творчеству, социальной жизни и т.д.) [4, с. 212].

Помимо этого, в гармонической целостности органической жизни Бергсон усматривает две противоборствующие тенденции, которые описываются им самыми разнообразными дихотомическими терминами: инертность и подвижность, автоматизм и творчество, материальность и духовность.

Именно на основании этих выводов «Творческой эволюции» (1907) Бергсон выстраивает свою социально-политическую теорию в своей последней работе «Два источника морали и религии» (1932), в контексте которой

ставит проблему войны. Философ вводит различие закрытого и открытого общества, но критерием этого различия является не политический строй, а преобладающие психологические тенденции в той или иной человеческой группе. Закрытые общества — это общества, наиболее замкнутые в себе и враждебно относящиеся к остальным, открытые — наоборот, готовы к принятию других социальных форм и культур. Стоит отметить, что во всех обществах и во все времена существуют обе тенденции, которые могут сосуществовать или сменять одна другую в исторической перспективе.

В естественном (первобытном) обществе, каким оно «выходит из рук природы», преобладает тенденция к закрытости. Оно более инстинктивно, поэтому более склонно к насилию, в отличие от цивилизованного общества, которое, в свою очередь, более интеллектуально. Однако, как утверждает сам Бергсон, «если устранить у современного человека то, что вложило в него непрерывное воспитание, то будет обнаружено, что он идентичен или почти идентичен своим самым отдалённым предкам» [1, с. 220]. Поэтому Бергсон считает, что человек, несмотря на высокие культурные и технологические достижения современной цивилизации, предрасположен к насилию, в психологическом плане. Эту предрасположенность он называет воинственным инстинктом и утверждает, что она исправляется с очень большим трудом: «Воинственный инстинкт так силён, что он проявляется первым, когда мы соскребаем слой цивилизации, чтобы обнаружить слой природы» [1, с. 229]. Таким образом, войны являются трагической необходимостью для существования человеческих обществ.

По Бергсону, природа войны обусловлена тем, что в мирные времена общество становится более инертным, костным, стремящимся к материальному благополучию,

роскоши и простому воспроизводству себя. В нём начинают преобладать деструктивные тенденции, обратные движению жизни. Общество в мирных условиях постепенно разобщается, атомизируется и становится более эгоистичным. Иными словами, в некотором смысле перестаёт быть обществом, превращаясь в совокупность индивидов. В этом состоянии и начинается война, а последующие разрывы снарядов, хаос и смерть являются лишь её следствием. Тем временем, попытки вытеснить войну на периферию общественного сознания лишь усугубляют положение [5, с. 6].

Благополучная жизнь парадоксальным образом рано или поздно приводит общества к закрытости, то есть к естественному состоянию. Разобщённые мирной жизнью индивиды объединяются в массу, отбрасывающую культурные нормы и проявляющую воинственный инстинкт, который, в свою очередь, ведёт к войне вопреки всякому здравому смыслу (как неоднократно бывало в истории).

И всё же, несмотря на столь реалистичный взгляд на войну, в котором можно усмотреть некоторые черты милитаризма, Бергсон утверждал, что война не может быть оправдана. В той же работе он пытается продумать способы предотвращения будущих войн, призывая человечество к гуманности и открытости друг к другу. Он возлагал надежды на Лигу Наций и даже полагал (возможно, несколько простодушно), что знакомство с языком и литературой определённого народа способно повлиять на враждебное отношение к нему [1, с. 231]. Бессмысленность войны в условиях индустриальной цивилизации казалась Бергсону очевидной ввиду её невероятного разрушительного потенциала, грозящего уничтожением всему человечеству (Бергсон предвидел создание супероружия ещё в 30-е годы). Кроме того, антивоенным можно считать сам витальный пафос философии Анри Бергсона. Предлагая

концепцию творческой эволюции, он употребляет в качестве синонима метафоры «жизненного порыва» слово «любовь» [2, с. 98]. В его эволюционной теории естественный отбор не является решающим, особенно для эволюции человека. Любовь для Бергсона — парадоксальная природная сила, способная пойти против самой природы и, следовательно, против естественности войны.

Двойственное отношение Бергсона к войне проявилось не только в его философии, но и в биографии. В 1917 году он отправился с дипломатической миссией в США, чтобы убедить президента Вильсона вступить в Первую мировую войну. Этот шаг, несмотря на его гуманистические убеждения, отражал понимание философом необходимости временного участия в конфликте ради создания Лиги Наций, которая, по его мнению, могла предотвратить будущие войны [3, с. 338]. Разумеется, не только блестящие риторические способности философа побудили США объявить войну Германии в апреле 1917 года, но тем не менее Бергсон добился успеха. Изначально он не хотел брать на себя столь ответственную (и, возможно, этически неприятную) миссию, но, узнав, что в Атлантике началась подводная война против французских судов, решился.

Возвращаясь к исходной проблеме, в качестве вывода можно утверждать, что Бергсон не противопоставляет природу и культуру, природу и общество, а видит в них единое целое. Поэтому война является для него не политическим или экономическим, а естественным феноменом. Её необходимость для существования человеческих обществ обусловлена поддержанием социальной динамики, но в самой природе есть силы (прежде всего любовь к себе подобным), культивируя которые человечество способно избежать войны. В этом заключается двойственный, парадоксальный характер войны по Бергсону: она необходима, но не неизбежна.

Список литературы

1. Бергсон, А. (2021) Два источника морали и религии, Москва: КДУ
2. Бергсон, А. (2022) Творческая эволюция, Москва: Академический проект
3. Блауберг, И.И. (2003) Анри Бергсон, Москва: Прогресс-Традиция
4. Евлампиев, И.И. (2020) Анри Бергсон: философия грядущей эпохи, Санкт-Петербург: Издательство РХГА
5. Lefebvre, A., White, M. (2012) Bergson, Politics and Religion. London: Duke University Press

УДК 1+530

Сапунов В.Б.,

доктор биологических наук, профессор.

Санкт-Петербургский Медико-социальный институт,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: sapunov@rshu.ru.

Можно ли избавить человечество от войн?

Sapunov V.B.,

Doctor of Sciences (Biology), Professor

St. Petersburg Social and Medical Institute,

St.-Petersburg, Russia

E-mail: sapunov@rshu.ru

Is it possible to prevent military conflicts?

Аннотация. Рассматриваются глубинные причины войн и вооруженных конфликтов. В основе их лежит борьба за ресурсы. Делается вывод, что научно-технический прогресс может более эффективно обеспечивать человечество ресурсами, чем вооруженные столкновения. Однако, даже понимая это, человечество не сможет в ближайшее время избежать войн.

Abstract. The article examines the underlying causes of wars and armed conflicts. These conflicts are based on the struggle for resources. The author concludes that scientific and technological progress can provide humanity with resources more effectively than armed conflicts. However, even with this understanding, humanity will not be able to avoid wars in the near future.

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, ресурсы.

Keywords: war, armed conflict, resources.

Ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, скорее всего, и к сожалению, будет отрицательный. Войны существовали всю историю человечества. Выдающиеся мыслители и публицисты XX века Г. Форд [1], Д. Рид [2] проследили историю войн и деструктивных процессов на протяжении двух тысячелетий и пришли к выводу, что войны в значительной мере управляются и инициируются глобальным финансовым капиталом. Между тем, войны происходили намного раньше, когда глобализации капитала еще не было — даже 5 тысяч лет назад. Они происходили на территории Египта, Индии и [3, 4] всегда были, по марксистскому определению, «продолжением политики насильственными средствами» [5].

Всю историю человечество воевало. Войны шли по самым разным поводам и иногда без всякого повода. Но чаще всего боевые действия начинались, когда правители не могли поделить источники сырья. Вспомним еще раз историю падения Рима [3]. Резкое снижение температуры в 4 – 5 веках нашей эры снизило продуктивность сельскохозяйственного производства на севере Европы. Племена северной Европы имели неэффективные способы получения ресурсов – собирательство, охота, рыбалка. Животноводство и экстенсивное земледелие только входили в их жизнь. В Риме в это время уровень сельхоз производства был относительно высок. Существовал продуманный и отлаженный столетиями бронзовый и железный инвентарь. Специалисты разработали принципы поливного земледелия. Если бы вандалы обратились к высокоразвитым южным соседям за опытом, поучились бы и внедрили у себя,

может, и захватнические войны не начались бы? Но вместо мирного развития технологий вандалы предпочли агрессивную войну против более развитого, но разложенного социальными неурядицами южного соседа.

Русь возникла в период глобального потепления с административным центром в Старой Ладогe [6]. К началу цикла похолодания в XI – XII веках центр Руси начал перемещаться в более теплые места, столицей стал Киев. Эти трансформации миролюбивого русского государства не были связаны с кровопролитием. Иначе обстояло дело на Востоке. Снижение температуры в XI веке способствовало новому массовому перемещению народов. Кочевые народы Азии основой своего сельского хозяйства имели животноводство, которое требует больше территорий, чем хлебопашество [7]. Ввиду падения продуктивности пастбищ и роста населения, татаро-монгольские орды начали продвижение на юг, запад, частично – на восток. Как известно, это нашествие привело к тяжелым, даже катастрофическим последствиям для России. Однако, будучи мощной в экономическом и политическом отношениях страной, она выстояла и в конечном итоге освободилась от татаро-монгольского ига. Эти войны и завоевания были, в принципе, не обязательны. Достаточно было освоить технологию земледелия, с помощью которого можно прокормить на той же территории в 100 раз больше людей. Ничего мудреного в этих технологиях нет. У Чингисхана работал ученый совет из китайских мудрецов. Уж они-то знали, как выращивать рис и другие культуры. Сам хан, обладая неограниченной властью, мог направить силы народа не на завоевания, а на освоение прогрессивных сельскохозяйственных технологий. Хотя бы с целью экономии – труд пахаря требует меньших расходов, чем воина. Но почему-то Чингисхан пошел самым дорогим и кровавым путем. Может, потому и вошел в историю как великий политик?

В XX в. войны за ресурсы приобрели особо жестокий и кровопролитный характер. Вторая мировая война была порождена многими причинами. Рассмотрим одну – ресурсную. В 30-е гг. Гитлер, пришедший к власти легитимным путем, действительно, смог добиться экономического подъема своей страны. Прогрессировали промышленность, транспорт, дорожное строительство. Сырья и энергоресурсов стало не хватать, в частности, нефти. Своей не было. В основном, страна обходилась поставками из тогда еще дружественного СССР. Но Гитлер понимал, что эта дружба не может длиться долго. Когда война разразилась, важнейшие удары Вермахта были нацелены именно на источники нефти – советское Баку и румынское Плоешти. Сначала ситуация разворачивалась в пользу Гитлера. Но в 43 году наступил перелом. Добиться выхода на основные источники нефти не удалось. Была предпринята попытка перевести транспорт на спирт. Она кончилась негативно. Значительную часть спирта солдаты использовали известно как. К тому же, в условиях холодной России машины на спирте порой не заводились, и при отступлении их приходилось бросать.

После проигранной Германией войны часть ее территорий отошла к победителям. Восточная Пруссия стала Калининградской областью (непонятно, какое отношение к этой территории имел Калинин?). Советские геологи, за плечами которых стояла лучшая в мире школа геологоразведки, стали обследовать территорию. И нефть была найдена! Затем оказалось, что это только часть нефтяного пласта. Ныне добыча идет со дна Балтийского и Северного морей нефтяниками Норвегии, Англии, Германии. Отсюда возникает здравое рассуждение. Если бы Гитлер чуть меньше средств направил в вооружение и чуть больше в геологоразведку (геологи, как известно не требуют таких

зарплат, как офицеры), необходимость в войне была бы сильно уменьшена.

Жестокие уроки прошлого не пошли впровод. Война, которую развязали США в Ираке, имела неприкрытую цель – взять под контроль арабскую нефть. Хотя нефти, в принципе, хватает и в Техасе. В начале XXI века мировое сообщество было озабочено ситуацией в районе Сомали, где пираты атаковали и захватывали гражданские суда. Ситуация выглядит абсурдной. В мире накоплено гигантское количество вооружений, которое ржавеет от неупотребления. Его ничтожная толика, направленная к побережью Сомали, могла раз и навсегда покончить с пиратами, имеющими лишь моторные лодки и «Калашниковы». Тем не менее, безобразие продолжалось годами. Если что-то происходит, значит это кому-то надо. Кому конкретно – можно сказать немедленно. В районе Сомали найдены большие запасы нефти. Длительная дестабилизация политической и военной обстановки – хороший предлог ввести воинский контингент США. После этого уже можно будет взять под контроль всю ситуацию, в том числе использование запасов нефти.

Насколько на самом деле нужна война за нефть, и нельзя ли решить энергетические вопросы мирным путем? Разговоры о дефиците нефти имеют давнюю историю. Впервые исчерпание запасов обещали в 1875 г. С тех пор все обещают и обещают, а запасы все растут и растут [8]. В 1900 г. разведанные запасы составляли 10 – 15 млрд. тонн. В 1970 – 100 миллиардов. Современные оценки дают более двухсот миллиардов разведанных. Если учесть потенциальные и еще неразведанные, то счет пойдет на триллионы. Потребление же нефти в мире составляет порядка 3 – 4 миллиардов тонн в год. Так что запасы нефти на Земле, в принципе, не ограничены. Даже в давно разведанных, и, казалось бы, исчерпанных месторождениях более полови-

ны нефти остается в Земле. Берут то, что легко достать. Добыча оставшейся нефти, смешанной с водой и твердыми породами требует некоторых вложений. Впрочем, гораздо меньших, чем пожирает ВПК. К тому же нефть – ресурс воспроизводимый. Как показал московский геолог А.А. Баренбаум, залежи нефти формируются из углерода и водорода почвы в ходе бактериального синтеза [9]. Этот процесс идет активно и постоянно. Вопросы о нехватки этого вида сырья стоять не может. То же самое касается и практически всех других полезных ископаемых. Человечество по образному выражению геологов освоило лишь бумагу, наклеенную на глобус. Ископаемые добывают с глубины нескольких сотен метров. Отдельные шахты углубляют на километр – полтора. А еще в период существования СССР советские геологи разработали технику бурения на 12 км. Разработка этой технологии была прекращена. Напомним некоторые факты, связанные с Кольской сверхглубокой скважиной. На глубине в несколько километров был найден метан в огромных концентрациях и под чудовищным давлением. На глубине 9,5 км. бурильщики наткнулись на кладезь всевозможных полезных ископаемых. Это было похоже на «оливинов пояс» из фантастического романа Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Еще одна деталь. На глубине 10 км. температура составляла 240 градусов Цельсия. Наметилась возможность отапливать теплом недр целые города и энергетические комплексы [10]. Добавим, что даже глубина 12 км. – это ничтожная часть внутреннего объема Земли.

За счет научно-технического прогресса ресурсы непрерывно дешевеют [11]. Ценообразование зависит от двух причин. С одной стороны, любой продавец, любой бизнесмен и политик, контролирующий торговлю, стремится к максимальным прибылям и неизменно придумывает способы поднять цену. И в этом – мировое зло. С дру-

гой стороны, идет прогресс. Ученые придумывают новые технологии, осваивают новые источники сырья. И в этом – мировое добро. Зло более организовано. Но добро в конечном итоге чуть сильнее. Одно из проявлений этого – рост благосостояния трудящихся. Современный работающий, независимо от того, в какой стране при каком режиме живет, за доходы, полученные в единицу времени, может купить больше сырья, чем его предки 50 или 100 лет назад. Проведем расчет. В конце периода застоя бензин А-92 стоил 40 копеек за литр. При рядовой зарплате в 200 рублей, средний работающий мог купить в месяц 500 литров бензина. В 90-е годы произошло беспрецедентное обворование населения. Еле-еле к концу тысячелетия народ стал вылезать из нищеты. В настоящее время литр 92-го бензина стоит 54 рубля за литр. При рядовой зарплате в 50 000 рублей можно купить более 900 литров. И это, повторяю, в России, перенесшей чудовищные потери «катастрофки», которая, в принципе, продолжается поныне. В среднем по миру рост благосостояния населения был намного более значительным. Развяжи руки добру – обогащение человечества пойдет во много раз быстрее. Но развязать не получается. Зато получается другое. Представители сил зла непрерывно развязывают войны за сырье, в которых, в принципе, нет никакого смысла. Ученый – дай ему возможность – гораздо быстрее и эффективнее найдет нужное сырье через созидания, чем военный через завоевания и разрушение.

Мировая энергетика отнюдь не сошлась клином на нефти и газе [11]. В головах ученых и изобретателей, в их чертежах и компьютерах существует несметное множество альтернативных способов добывания энергии. Среди них есть революционные решения, дающие выход на неограниченные энергетические возможности. Так, многие физики с разных сторон подходят к одной и той же мысли. По-

левая структура вселенной отнюдь не ограничивается известными нам полями: электромагнитным, гравитационным и полями ядерных взаимодействий. Есть еще, по крайней мере, одно поле, теорию которого начала создавать астрофизик Н.А.Козырев (1908 – 1983) [12]. Оно пронизывает всю вселенную, обеспечивает горение звезд, некоторые другие процессы космической энергетики и непознанные свойства живого. Возможно, оно отождествляется с недавно введенным понятием «темной энергии». Почему-то работы в области изучения этого загадочного поля не субсидируются и активно тормозятся.

Заключение

Если немного сократить расходы на вооружение и увеличить на научно-технический прогресс, то большая часть войн станет вообще никому не нужной. Даже политикам, мечтающим о неограниченной власти. Ее, оказывается, можно завоевывать и без войны. Впрочем, все это остается благими намерениями. Подсчитано, что расходы, которые несут страны на гонку вооружений в течение двух дней, достаточны, чтобы превратить Сахару в цветущий сад. Но, увы, деструктивные силы оказываются мощнее здравого смысла. Ржавеющие на складах танки и иные средства вооружения правителям нужнее, чем райские кущи на Земле.

Список литературы

1. Форд, Г. (1993), Международное еврейство, Москва: Москвитянин.
2. Рид, Д. (1992), Спор о Сионе, Москва: Твердь.
3. Гумилев, Л.Н. (1990), Этногенез и биосфера Земли, Ленинград: Гидрометеиздат.
4. Шалаби Аббас. (1996), Весь Египет. От Каира до Абу-Симбела. Синай, Москва: Boneshi,

5. Маркс, К. (1936), Капитал, Москва-Ленинград: Партиздат ЦК ВКП(б).
6. Карамзин, Н.М. (1989), История государства Российского, в 4 т., Москва: Наука.
7. Sapunov, V. (2020), Real need of the world in food. A future of agricultural production, *Handbook of research on globalized agricultural trade and new challenges for food security*, IGI Global, Hersky PA, USA, p. 1–2.
8. Сапунов, В.Б. (2020), Ложь, разрушение и геноцид в мировой истории, Санкт-Петербург: Гамма.
9. Баренбаум, А.А. (2014), Научная революция в проблеме происхождения нефти и газа. Новая нефтегазовая парадигма, *Георесурсы*, № 4, с. 9–15.
10. Дворов, И.М., Дворов, В.И., (1984), Освоение внутреннего тепла Земли, Москва: Наука. .
11. Lomborg B., (2002), The skeptical environmentalist. Measuring the real state of the world, Cambridge: Cambridge Univ. Press.
12. Козырев, Н.А. (1991), Избранные труды, Ленинград: Изд. Ленинградского университета.

**СЕКЦИЯ «ИСТОРИОСОФИЯ И
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ»**

УДК 323.21+323.27+355.01

Аренков А.И.,

аспирант.

*Санкт-Петербургский государственный универси-
тет,*

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st069299@student.spbu.ru

**«Народ Победитель»: практическое воплощение прин-
ципа «державности» в опыте Русской Революции и Ве-
ликой Отечественной войны»**

Arenkov A.I.,

Postgraduate.

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

E-mail: st069299@student.spbu.ru

**"The Victorious People": The Practical Embodiment of the
Principle of "Derzhavnost" in the Experience of the Rus-
sian Revolution and the Great Patriotic War"**

Аннотация. Анализируется идея «державности» как ключевой элемент русской коллективной идентичности. На примерах Революции 1917 года и Великой Отечественной Войны раскрывается его практическое воплощение в феномене «Народа-Победителя», определяющего роль России.

Abstract. The article examines the principle of "derzhavnost" as a core element of Russian collective identity. Through the lens of the 1917 Revolution and the Great Patriotic War, it re-

veals how this principle materialized in the phenomenon of the “people-victor”, defining historical role and civilizational path.

Ключевые слова: державность, народ-победитель, общинность, Русская революция, Великая Отечественная Война

Key words: derzhavnost, people-victor, communality, Russian Revolution, Great Patriotic War

XX век представляется нам эпохой и попыткой модификации российской цивилизации в не просто одну из ключевых и основных сил в мире в политическом смысле, а в мирового всемирно-исторического лидера в культурно-эсхатологическом измерении. Важнейшей составляющей этого успеха стал накопленный опыт русского народа в ходе его становления со времени восточнославянского родового строя. В лоне которого, зарождались принципы дружинности, общинности и служилого статуса верховной власти в России в индивидуальном или коллективном облики. Конечно, с точки зрения исторической точности, Октябрьская Революция 1917 года и Великая Отечественная Война не первые события, когда русский народ выступил на международной арене не просто как управляемый ресурс власти, но самостоятельная сила в союзе со своим государством или вовсе в отсутствии него (Акт призвания варягов, Автокефалия русской церкви в XV столетии, ополчение Минина и Пожарского в Смутное время, Отечественная война 1812 года). Однако именно идеи Ленина и большевиков, в качестве определённого синтеза идей как русской философской и духовной мысли, так и политической с социально-экономической теорией марксизма, стали той внешней формой, позволившей русской цивилизации объединить во круг себя силы, нацеленные на изменение

несправедливого мироустройства. Это во многом схоже с революцией, произведённой распространением христианского учения, усвоившего как древнееврейское богословие, так и античную философию. Также рассматривая в общей перспективе итоги Великой Отечественной Войны, мы обнаруживаем в самосознании советского народа в дополнение к памяти о статусе Народа-Богоносца обрётённую роль Народа-Победителя. Во внешних же сношениях Советская держава стала настоящим лидером целого блока стран, народов и интеллектуалов, противостоящих капиталистическому порядку.

Ключевое значение в развитие понимания сути державности вносят исследования А.М. Соколова, в частности его понимание становления русского политической цивилизации совместно с Т.А. Кулаковой: «Исток нашей «державности» как цивилизационного принципа обнаруживает себя в мифо-историческом акте «призвания варягов». Самыми существенными моментом этого события стали, во-первых, согласное (соборное) решение относительно самостоятельных родоплеменных объединений. Именно соборное решение о «призвании» превратило преимущественно хозяйственно-экономическую жизнь людей в политическую, державную; т.е. держащую себя в полном «наряде». А во-вторых, «призванные» варяги вошли в новый для них мир как служилые люди, привнося в него практику службы, приоритет общего дела в качестве обязательного условия для участия в политическом управлении». [1, с. 116] Изучая державность как принцип социального устройства русской цивилизации, восходящий не только к общинно-вечевому строю восточных славян, но и к индо-европейским пониманию о природе власти (владение собственностью и служение по удержанию мира в целостности), мы приходим к важнейшему пониманию, что хозяином и источником учреждающей власти выступает

коллективное начало в форме рода, общины-верви (волости) или народа (Земли). Также, например, А.Е. Пресняков описывал эту особенность древнерусского устройства: «Сохраняя нераздельность, братская семья сохраняет и организацию, во главе которой стоит старейшина. Такая нераздельность владения, хозяйства и организации может сохраняться при благоприятных условиях в течение ряда поколений. В сложной нераздельной семье единство владения не оставляет места для возникновения наследования. Со смертью данного старейшины на очередь ставится вопрос лишь о преемстве во власти главы данного союза. И решается он в обычном праве крайне разнообразно. Точнее, быть может, было бы сказать, что славянское обычное право не выработало сколько-нибудь общей нормы в этом отношении, допуская различные варианты на практике. Кроме номинации предшественником встречается и естественный переход старейшинства к наиболее влиятельному, и узурпация, и избрание членами нераздельной семьи». [2, с. 44] Во многом русская историческая и славянофильская традиция показывает нам, что эти семейные отношения стали проецироваться и на общегосударственный уровень.

Однако, наряду с обычным правом подобные отношения народа с верховной властью строились и на основе Православного сакрального служения общества как Церкви «общему делу». [3, с. 13-14] Тем не менее социально-политическое устройство русской цивилизации и трансформация понимания им своего «общего дела» привносят своё развитие в сферу державных принципов внутреннего взаимодействия, связанного с учредительными полномочиями народа по отношению к своему государству походу накопления исторического опыта. Таким образом в ходе определённого периода культурно-исторического становления России как политического феномена, в рамках её

цивилизационного опыта, было выработано, что народное целое остается более значимым, чем внешняя форма её верховной власти. В тоже время русские философы и историки отмечают, уникальную склонность русского народа к «дарению» своего политического суверенитета определённой силе, которая и будет исполнять функции высшего лидерства, с условием её стремления к достижению целей «общего дела» и её поведения согласно Русской Правде, даже если вербально они могли быть и невыраженными самим народом. Иногда эти условия формулировались русскими книжниками такими как Нестор или старец Филофей, а также отечественной социально-философской, религиозной и исторической мыслью более позднего времени, частным вариантом которой, можно считать и ленинский большевизм. Если попытаться выстроить некоторую логику становления России как цивилизационного феномена, то необходимо понять, чем отличаются друг от друга эпохи, которая разделила Октябрьская революция.

Идеи, брошенные в массы – это, во многом, народная вера, преобразованная в призыв к борьбе людей за преодоление национальных границ и капиталистической эксплуатации, то есть в мечту о Спасении целого человечества от ига политического и экономического рабства. В основе успеха в политической практике В. И. Ленина, а затем команды Сталина и советской власти в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945, лежало чуткое понимание или интуитивное чувство вождами и их сподвижниками характера русской цивилизации как основного движителя этой работы. Они в действительности и была подготовлены опытом всей предыдущей истории, связанной с сильнейшим институтом народоправства, высоким уровнем самосознания среди простого народа. Первоначальное значение объединения Руси многие историки и в частности, например, советский и российский исследо-

ватель этой эпохи Г. Г. Литаврин резюмировал: «Освоение же путей по Днепру второго рода зависело не столько от досконального знания реки, создания отвечающих условиям плавательных средств и от приобретенных из поколения в поколение навыков, сколько от уровня социально-экономического развития и общественной структуры живущего в бассейне реки населения, от его потребностей в торговых связях и главное — от необходимости перемещать на большие расстояния значительные грузы. Конечно, не будь освоения первого рода, чрезвычайно затруднилось бы и второе. Вне всяких сомнений, норманнам и здесь, как и во всех прочих их предприятиях в Восточной Европе, пришлось опереться на местных славянских жителей (река — не море)». [4, с. 11] Комментируя это высказывание, напомним позицию такого ученого О. Н. Трубачёв, позволяющую говорить о высоком значении коллективного начала и высоком уровне суверенитета или, по крайней мере, свободного начала в значении полного понимания «своего-чужого». [5, с. 179] Таким образом, политическое возникает на Руси как наемное военно-дипломатическое направляющее лидерство для торгово-коммерческого использования пространства «междуморья» Балтики и Чёрного моря без посредничества и эксплуатации другими народами. Кроме того, эти же самые князья, прежде всего Аскольд и Дир, а затем Олег и последующие правители вплоть до Ярослава Мудрого с помощью военно-дипломатических и символических средств обеспечили вхождение этого пространства и будущей русской цивилизации как в международную экономическую деятельность, так и в мировую историю. Это было реализовано сначала в виде «Византийского Содружества», затем в рамках мира Монгольской империи, а, начиная с Ивана III, общество заявило как о своей политической независимости, так и культурно-цивилизационной самости, выбрав отказ от

Ферраро-Флорентийской унии, то есть приобрело статус народа-богоносца. Однако это осознание своего всемирно-исторического значения русского народа, во многом имело значение и было понятно, в основном, только в рамках узкой Православной цивилизации и самой России. Октябрьская революция в первые позволила выйти всемирно-исторической идеи за государственные границы русской цивилизации. Тем самым, Ленин и большевики претендовали на лидерство в мировом значении и говорили об этом в слух, также если идеи Филофея были направлены на удержание настоящего и сопротивлению ходу истории, то идеи Ленина хоть и касались в большей степени экономики, но всё же они имели перед собой задачу для будущего: «Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости, — победа социалистической революции будет обеспечена. Создав новый, советский, тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельнейшее участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле». [6]

Если социалистическая революция и движения в Европе 1920-ых-1930-ых годов проиграли борьбу нацизму и фашизму, то СССР проделал огромную работу по переустройству общества и прежде всего в области воспитания, тем самым, обеспечив победу Великой Отечественной

Войне. Современные экономисты показывают, что успех в борьбе с войсками Вермахта и объединённой экономикой Европы, обеспечила система наивысшей централизации с одновременной народной инициативой и смекалкой, и определённой свободой действий на местах. [7, с. 261-262] В месте с тем, подобная система оказалась, скорее всего, чудом, то есть в условиях другого времени такое состояние общества называлось бы аномалией, а также показывается, как в последующие годы восстановления хозяйства СССР такая система теряла свою эффективность, по мере истощения потенциала «общего дела», вместе с ростом советского городского класса, сокращением общинных начал и расширением номенклатурной бюрократии. Вместе с тем это был в определённом смысле пример, практического воплощения принципа державности, когда были отложены многие неразрешимые конфликты в обществе, а государство и народ работали на достижения общей цели- Победы над Злом. Итогом войны было признание за СССР и советским народом статуса Народа-Победителя и соответствующая работа послевоенной харизмы системы социализма, которая объединила вокруг нашей страны значительную часть мира. Однако важно привести свидетельство того, что именно такой статус Народа-Победителя и способность к коллективной инициативе вызвал страх как у внешних противников Советского государства, так и определённой части советского диссидентства и представителей эмигрантского сообщества, например, Г. П. Федотова: «Но он готов заморить себя за работой, и его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив: партию или родину, смотря по временам. Не узнаем ли мы во всем этом служилого человека XVI века (не XVII, когда уже начинается декаданс). Напрашиваются и другие исторические аналогии: служака времен Николая I, но без гуманности христианского и европейского воспитания; сподвиж-

ник Петра, но без фанатического западничества, без национального самоотречения. Он ближе к москвичу своим гордым национальным сознанием, его страна единственно православная, единственно социалистическая – первая в мире: третий Рим».[8]

Список литературы:

1. Кулакова, Т.А, Соколов, А.М. (2024), Два слова о принципе российского государственного строительства: держава или империя, Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, № 20(1), с. 112–121.
2. Пресняков, А.Е. (1993), Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь, Москва: Наука
3. Фёдоров, Н.Ф. (1995), Самодержавие. Собрание сочинений в 4 томах, Москва: Издательская группа «Прогресс», Том 2, С. 3-39.
4. Литаврин, Г.Г. (2000), Византия, Болгария, Древняя Русь (IX-начало XII в), Санкт-Петербург: «Алтейя» (Византийская библиотека)
5. Трубачёв, О.Н. (2003), Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования, Москва: «Наука»
6. Ленин, В. И. Очередные задачи Советской власти. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/works/36-2.htm> (дата обращения: 20.08.2025)
7. Сафронов, А. (2025), Большая советская экономика: 1917-1991, Москва: Individuum, Эксмо
8. Федотов, Г.П. Россия и свобода. Судьба и грехи России. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/sudba-i-grehi-rossii/36 (дата обращения: 20.08.2025).

Данилов А.Н.,
*член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социоло-
гических наук, профессор.*
Белорусский государственный университет, Минск,
Республика Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Вернуться к истокам Победы, чтобы строить
безопасное будущее**

Danilov A.N.,
*Corresponding Member of the National Academy of
Sciences of Belarus,*
Doctor of Sociological Sciences, Professor.
*Belarusian State University, Minsk, Republic of Bela-
rus.*
E-mail: a.danilov@tut.by

Return to the roots of victory to build a happy future

Аннотация. Рассмотрены последствия духовного кризиса, приведшего к распаду страны, размыванию идеалов, смене нравственного образа героев-победителей, сформированного вне собственной истории, традиций, ценностей и культуры. Предлагается вернуться к истокам победы, чтобы строить своё счастливое и безопасное будущее.

Abstract. The consequences of the spiritual crisis that led to the erosion of ideals and a change in the moral model of heroes, often borrowed from outside one's own history, traditions, values, and culture, are considered. It is proposed to return to the origins of victory in order to build a happy and secure future.

Ключевые слова: истоки и идеалы победы, нравственный образ героев, фальсификация истории, традиции, ценности, культура.

Keywords: origins and ideals of victory, moral image of heroes, falsification of history, traditions, values, culture.

Юбилей Великой Победы – это не только «праздник со слезами на глазах», но и возможность вернуться к истокам, прислушаться к голосу героев-победителей и задуматься о жизни сегодняшней, что будет с нами завтра. Хотя очевидно, что учить молодых людей можно только при условии видения пути, по которому предстоит пройти и умения выстраивать этот путь в целостную картину мира, отвечающую сложившемуся в обществе ценностным приоритетам. Время требует ясности об обществе, в котором мы живем и путей достижения прогнозируемого будущего.

Какой он – человек будущего, какой идеал выдвигает время? Можно ответить кратко – человека, полезного обществу – хотя эти определения расплывчаты, а механизм восприятия этого образца индивидуален. Где-то в громких баталиях капитальной перестройки как-то незаметно забыли о воспитании и, естественно, о человеке. Кого назначаем в качестве идеала, если в обществе умирает человек, которого создал труд? Почему быстро забываются ценности поколения победителей, и современный человек маскирует свою беззаботность одеждами беспамятства. Так происходит когда цель образования – квалифицированный потребитель. И это много лет навязывалось как воспитательный идеал.

Начало XXI века оказалось катастрофически нестабильным, жестоким и совершенно непредсказуемым. Мира нет, он даже не просматривается в будущем. Иногда кажется: нет силы на Земле, чтобы образумить *homo sapiens*,

прояснить его разум и заставить задуматься хотя бы о худом мире. Почему Добро, которое всегда побеждает, на глазах сдает свои позиции Злу? Есть желающие строить новый мировой порядок. Но почему-то из этого словосочетания уходит понятие «порядок» и получается только глобальный хаос. Можно ли вообще что-то строить без зримых ориентиров, ублажая лишь свои всевозрастающие потребности, руководствуясь исключительно личными интересами и эгоистическими притязаниями. Насколько устойчивой может получиться подобная конструкция? Может ли она прибавить благополучия и счастья на Земле? Сомнительная перспектива...

В настоящее время, констатируют многие аналитики, мир замер в ожидании нового прочтения своей истории, утверждения нового мирового порядка. В этой связи хотелось бы привести слова историка и политического аналитика В.М. Фалина: «В 1990 году подводилась черта под войной холодной. В ней были свои торжествующие и побеждённые. Первым номером среди последних шёл СССР, руководство которого предало забвению истину: мудрость есть распознавание пределов возможного, высшая мудрость – это распознавание пределов собственных возможностей. Будут ли свежие победители мудрее? Время покажет. Пока особых причин для оптимизма не видно. Апеллировать к морали по современным понятиям смешно. За неё сегодня ломаного гроша в базарный день не допросишься. И остаётся взывать к прагматизму, позаимствовав у Вольтера его сарказм: низвергая памятники, пощадите пьедесталы – они ещё могут сгодиться» [1, с. 573].

Сегодня полно желающих придумывать очередную догматическую утопию будущего, а лучше – антиутопию, чтобы излечить современников от иллюзий и социальной слепоты, предостеречь от возможных катастрофических последствий? Нам, пережившим основные перипетии XX

века, естественно, выпала уникальная возможность передать свой исторический опыт, ценности, традиции, знания, веру новым поколениям, сформировать основные идеи начала нового века, попытаться изменить трагический ход событий. При этом сама собой напрашивается постановка задачи, которая кажется сегодня почти невыполнимой, – не делать потомков продолжателями наших заблуждений, нашей внутренней несвободы, трагической слепоты, нетерпения, зачастую нашей исторической безответственности.

Укоренение государственности, осознание населением собственного суверенитета, выстраивание национальной идентичности – время больших испытаний, связанных с предвкушением новой ответственности, стремлением утвердить своё национальное родство, пройти тест на идентичность, ощутить отличие от недавнего общего. И здесь очень много соблазнов, способных столкнуть в крайность национализма, фальсификации истории, в предъявление взаимных претензий соседям по некогда единой исторической судьбе, в переоценку недавних общих достижений, побед и поражений, дележку мудрецов, гениев и народных героев.

Культурная среда, в которой формируются новые поколения, наполняется некими артефактами, далекими от реальных смыслов человеческого сосуществования. Они искажают, фальсифицируют историческую правду. В ней все искажено до неузнаваемости и традиции, и ценности, и смыслы. Здесь человеческие отношения строятся на выгоде, семья на расчете, подвергаются очернению герои и высмеиваются высоконравственные поступки. Самым разрушительным оказался потребительский вызов. Люди, в массе своей принявшие потребительскую психологию, теряют лицо, совесть. В свое время историк искусств и реставратор Савва Ямщиков точно отметил: «Наиболее

страшным из итогов 25-летнего нашего так называемого «постперестроечного» времени я считаю то, что за это время нас заставили потерять память» [2, с. 21]. Поэт и литературный критик Юрий Кублановский, раскрывая истоки распада СССР, отмечает, что в «последние годы существования Союза... подобного разграбления история не знала со времен Византии, причем тогда хищничали пришельцы, а тут – свои. Но еще страшнее – моральное оскудение. ... И вот по этим чаяниям и надеждам ударили особенно сокрушительно – «рублем», пропагандой корысти без берегов. ... Помните, в «Бесах» революционер и прожектер Шигалев говорил: мы дадим право на бесчестие, и тогда все к нам перебегут. Вот тогда, в 90-е, и было дано это «право». От него все пошло» [3, с. 39]. Все это не могло не привести к «моральному оскудению», новым трагедиям и потрясениям.

Сопровождавший распад Союза гуманитарный шаттл привел к утрате духовных опор общества, искажению ценностных ориентаций и традиций, связующих поколения, к размыванию идеалов, смене нравственного образца героев, светлых устремлений и помыслов новых поколений, и наконец – к утрате веры. Уже вовсю идет война с историческими традициями, развенчиваются недавние кумиры, перелицовывается на новый лад историческая правда, питающая патриотизм и восхищение достижениями предков. Ложь, порождающая сомнение, как ржавчина разъедает еще вчера казавшиеся незыблемыми истины веры в добро и справедливость.

Насколько устойчива такая опора? Ведь эти первичные ступеньки к соседям *человека разумного* в потребительском обществе становятся не опорами личной свободы, счастья и благоденствия, а наоборот – источником формирования... эгоизма, агрессии, человеческой нетерпимости друг к другу. Объяснения лежат в области совре-

менной морали, где отклонения от принятых правил человеческой жизнедеятельности и поведения признаются нормой и законодательно закрепляются как должная защита права меньшинства. В искусстве и культуре сплошь наблюдается отход от прекрасного и высоконравственного. Человеческая жертвенность, подвижничество, геройские проявления осмеиваются и подвергаются остракизму. Эта реальность современной жизни ведет мир к хаосу, народы и люди теряют способность договариваться, теряют потребность к диалогу.

На чем же сегодня держится мир, дабы не согнуться на веки вечные? Я все же убежден – на подвижничестве человека нравственного, с его верой в добро и справедливость, с жертвенным служением Отечеству, истинным ценностям, которые формируются в семье и передаются из поколения в поколение. Культурная среда укореняет в человеке многообразие смыслов понимания жизни и постижения его созидательной роли на Земле. Развитие культуры, искусства, литературы, гуманитарного знания, науки в целом всегда было эффективным инструментом развития человека через расширение горизонта его ценностных смыслов и представлений, обогащение духовного мира человека. И это развитие шло именно по пути гуманизации самого человека и его отношений.

Общественным запросом для современной гуманитарной науки становятся ее возможности увидеть будущее, построить общество людей счастливых. Нельзя ничего получить в готовом виде извне, все должно вырасти внутри национального социума. Современная наука стоит на плечах гигантов прошлого. Но, справедливо признавая этот факт, современная наука утратила бы свое значение, если бы, опираясь только на наследие прошлого, не связывала свою теорию, свой исследовательский потенциал с новыми науч-

но-техническими, экономическими и социальными реалиями, сложившимися на рубеже XX-XXI вв.

Среди современных нагромождений всё тяжелее достучаться до Души человека, удивить, восхитить, вдохновить. Будущее без наполненной счастьем, высокими устремлениями и высоконравственными порывами Души, чуткостью к добру и милосердию просто невозможно. Понятие счастья формирует привлекательный образ будущего. Но со счастьем у нас как раз не все в порядке. Народам нельзя навязывать формы быта, которые естественно не вытекают из традиций. Всякая трансформация хороша только тогда, когда опирается на потребности в развитии, сформированные опытом истории. Нельзя предвидеть будущего, не извлекая уроков из собственной истории. Безусловно, новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных действий.

Во-первых, у новых государств должна быть объединяющая большинство населения консолидирующая цель в виде идеи, теории, смысла, нравственного примера. И обязательно – практика целеустремленной группы людей, их заразительный пример, подвижнический, в чем-то счастливый своей жертвенностью образ жизни, традиции, которые передаются из поколения в поколение, и счастье в повседневном бытии. Распад начинается с сомнения, неверия, переходящего в нигилизм, в борьбу за национальную исключительность.

Во-вторых, страшен народ, потерявший память. Фальсификация прошлого обрекает его на новые трагедии, бессмысленные сражения и никому не нужные жертвы. За подобным беспамятством чаще всего стоят преступные действия конкретных людей, чинивших государственные перевороты, сеящих зло, раздор, ненависть, насилие и смерть невинных жертв. Сегодня – это действия по десоветизации, снос памятников советским воинам –

победителям Второй мировой войны, фальсификация совместной истории. На их фоне в начале ХХI в. существенно изменились формы и методы внешнего влияния на государства, не принимающие современного варварства.

В-третьих, страна, где преобладают люди, ничего не знающие о своей истории и литературе, не увлеченные величиим собственной культуры, не в состоянии что-то отстаивать или защищать. Такая страна обречена прозябать на обочине цивилизации. Вывод прост, но трудно исполним в жизни: не нужно бояться быть патриотом, прослыть консерватором, необходимо иметь гражданское мужество, чтобы говорить правду о прошлом, настоящем и будущем.

Главный вывод, доказанный практикой – воспитание невозможно без веры в добро и справедливость, правоту жизни, не может быть абстрактным, обезличенным и осуществляться вне собственной истории, преемственности традиций, ценностей и культуры. Совершая поступки, человек прочерчивает координаты добра и зла; мысли и дела наших героев указывают нам путь безопасного будущего. Это только нужно научиться видеть. Пришло осознание неизбежности поворота к героям своего Отечества, тогда не нужно искать идеал будущего вне собственной истории. И главное – обязательно верить в то, что мы строим, а предлагаемые образцы должны сочетаться с историческим опытом Родины, отражать культуру и веру, традиции и ценности своего народа.

Список литературы:

1. Фалин, В.М. (2016), Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М.: Центрполиграф.

2. Ямщиков, С.В. (2009), Выступление / Материалы конференции «А.С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции» [сб. ст.]. Сельцо Михайловское; Псков. – 184 с. (Серия «Михайловская пушкиниана»; Вып. 49).
3. Кублановский, Ю. (2016), 90-е принесли настоящую катастрофу // Журнал «Свой», приложение газеты «Культура». Сентябрь.

УДК 316.42

Жилина В.А.

доктор философских наук, доцент

*Магнитогорский государственный технический универси-
тет имени Г.И. Носова,*

г. Магнитогорск, Россия

E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Цивилизационные риски мифологизации Великой По- беды

Zhilina V.A.,

Dr. Sc in Philosophy, Associate Professor ,

Nosov Magnitogorsk State Technical University,

Magnitogorsk, Russia

E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Civilizational Risks of Mythologizing the Great Victory

Аннотация. В борьбе противоположных миров, различных по духу культур цивилизаций побеждает тот народ, человек которого знает и бережет в сосредоточии своей души, ценности, ради которых он живет и в час беды готов за них бороться, преодолевая все тяготы войны до Победы.

Abstract. The mythologization of the Great Victory threatens the foundations of humanity's civilizational development. Therefore, the restoration of historical truth is important not only for historiography, but also for preserving human values.

Ключевые слова: цивилизационные риски, мифологизация, опыт войны, советский народ, победа.

Keywords: civilizational risks, mythologization, the experience of war, the Soviet people, victory.

В условиях глобализованного мира отношение к событиям одного из самых страшных преступлений против человечности стало маркером сохранности человеческого в цивилизационном развитии. Культура России воплощает идею. Лишить патриотизма народ, который вскормлен этим патриотизмом, невозможно. Но можно поиграть в игры-перевертыши: заронить сомнение в истинности понимания патриотизма, делая упор на усилении трудностей непосредственного быта (санкции — это не только экономический рычаг, это попытка формирования рычага духовного). Мифологизация Великой Победы приводит к отрицанию исконно русских жизненных ценностей - солидарность и нестяжательство как стержни самосознания. Юбилейный год победы советского народа в Великой Отечественной войне ознаменовался не только памятными мероприятиями в нашей стране. Люди в эти дни мая вспоминают всех, от маршалов до рядовых, кто ценой своей жизни подарил жизнь нам, живущим сегодня. Минута молчания - это вселенная чувств, в которой вокруг центра безмерной благодарности собрана гордость и за стойкость солдат, и за героизм Родины, но это благоговение пронизано скорбью. Время не в силах воскресить миллионы советских людей, расплавить ужасы блокады Ленинграда, вытравить из памяти руины Сталинграда, выжженные земли Курской дуги, запавшие глаза измученных узников концлагерей. Память воскрешает вандализм войны, стершей до основания культуру и европейских городов. Совсем недавно оценки событий тех лет базировались именно на этих фактах. Но память историческая часто непредсказуема. Тогда, в далеком 1945 г., казалось, что звериная сущность фашизма заставит человечество одуматься, и мир никогда

не допустит повторения событий тех лет. Но вакцинирован ли мир от «чумы национализма», и насколько действенна эта вакцина? Человеческое измерение времени обладает специфичной особенностью обволакивать события прошлого, делать их более «мягкими», расплывчатыми. Достигнутый за послевоенное время комфорт и текущие проблемы современного человека в условиях ускорения темпа жизни и усложнения общей динамики социальных изменений позволяют сместить акценты ценностного осмысления. И вот уже абсолютно спокойно мировым сообществом воспринимается отказ лидеров ряда стран участвовать в праздновании Дня Победы в Москве. В силу многих политических конъюнктур в зарубежной публицистике в канун юбилея Победы все громче становятся заявления, что И. Сталин и А. Гитлер одинаково виновны в развязывании Второй мировой войны. В учебниках по истории России все меньше места уделяется событиям Великой Отечественной войны. И молодое поколение россиян спокойно проглатывает дезинформацию о том, что победу над фашистским режимом одержали войска Второго фронта, фактически США. Позабыв, что США расположены за океаном, далеко от происходивших самых кровопролитных битв и, по сути, вступили в бой к концу мировой войны. Помимо политических пристрастий здесь прослеживается общая логика эпохи: отказ от разума в качестве критерия исторического развития. В самом деле, никто из авторов этих заявлений не безграмотен, никто не страдает расстройством психики и, следовательно, не может не знать Г. К. Жукова, не знать, что стратегию советский главнокомандующий согласовывал не с Черчиллем, не с Рузвельтом, а с генералиссимусом Иосифом Сталиным. Следовательно, это осмысленное искажение фактов, в то время как действительная ценность не существует вне контекстуальности разума. Так, по мысли Г. В. Ф. Гегеля, «что

разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» [1, с.15]. Когда белое называют черным, доброе — злым, фашистских убийц и их пособников делают национальными героями, то это кощунство и святотатство, несовместимое с началами человеческого разума [2]. Возникает вопрос: как оценивать вновь складывающуюся ситуацию? Как попытку повторить печальный опыт холодной войны? Или как следующую фазу фарисейского покаяния — выпячивание поверженных болезненных амбиций? За этими вопросами кроется существенная проблема безопасности страны. Истинно мудрая политика всегда знает, что для собственной успешности она обязана признать нечто, стоящее вне линейки политических ценностей [3]. Возрождение человеческой сущности как высшей ценности этого мира, достигнутое в той Великой Победе, безусловно, было, есть и будет неполитической, вневременной ценностью поистине общечеловеческого блага. Простая логика убеждает: тот, кто попирает эти ценности, несомненно, лелеет надежду на продолжение противостояния, а может быть, утопично грезит о реванше. Годы холодной войны, идеологическое противостояние двух мировых систем, распад СССР, «цветные революции», нынешние события на Украине - все эти события, к сожалению, не позволяют заключить, что состояние неоконченной войны принципиально новое именно для наших дней. Когда на кону стоит сама человечность, это означает, что есть силы, которые находятся вне человеческого измерения. И никакая сила не способна поднять это нечеловеческое до статуса человека. И прав Камю: «бацилла чумы» будет мирно дремать до тех пор, пока опять не накроет человечество. И если природная чума зависит от состояния среды, то социальная чума зависит исключительно от состояния духа тех, кто составляет саму социальность. Поэтому главная опасность для завоеваний Победы состоит не в воз-

возможности экспансии и агрессии извне, а в утрате силы собственного духа потомков победителей. Именно дух народа-победителя внушает страх недоброжелателям, толкая их на непопулярные поступки. Помимо политического аспекта Победа является частью онтологического фундамента устойчивости нашей культуры. Она сама рождена в недрах исторического развития российской цивилизации, в непрестанной борьбе с врагами России. Начиная с древних времен, с нашествия татаро-монгольской орды, с набегов Хазарского каганата, ливонских рыцарей, польских панов, шведов, турецких янычар, войск Наполеона. Неслучайно исторически первой идеологией российского народа, претендующей на мировую значимость, была идеология «Москва — третий Рим». Государственное, политико-идеологическое оформление жизни огромной страны, от Тихого океана до Балтики, может быть различным, но если цивилизационно-исторический код жизни империи не меняется и устойчиво длится, то жизнь всех этносов, народностей, народов, входящих в состав империи, подчиняется цивилизационному ходу истории России, органично вбирающей в себя народы, этносы евразийского пространства. Русский язык, став языком межнационального общения в царской России, а затем в Советском Союзе, духовно объединил различные народы и дал миру многонациональный единый по духу советский народ. Первое и самое важное, что надо отметить: победил в той войне не какой-то мифический герой, а человек из народа, ставший воином Победы. Самый известный символ этого Великого воина - это Неизвестный солдат. Это не просто чей-то сын, брат, муж, дед, чья судьба неизвестна из-за беспощадной войны. Неизвестный солдат - это воинство людей, которое поднималось из окопов и шло под шквальным огнем противника в бой, это бесчисленные труженики тыла, это гражданское население разрушенных и сожженных городов и сел. Этот

солдат поднимал самолеты в небо, шел врукопашную, крушил технику противника и беспрестанно ковал оружие Победы. Но главное, этот Солдат побеждал. Не шел на компромисс с фашиствующей элитой, как это наблюдалось в странах Европы. И умел не превратиться в зверя: военнопленные шли по Москве в полной тишине, за ними сразу смывали их следы. И не убрать из истории факты обращения с военнопленными «цивилизованных» народов. Победа учит: это был Солдат грамотной страны. Без хорошего образования, научной школы не появились бы у нас Калашниковы, Туполевы, Королевы, и не были бы созданы образцы превосходного оружия: легендарный танк Т-34, ракетные дивизионы «Катюша» и в нужное время не была бы создана атомная бомба, по сути, предотвратившая начало третьей мировой войны. Было создано общество, в котором осуществлялась политика дружбы, взаимопомощи народов. В быту, в трудовых коллективах культивировался дух солидарности, коллективизма, взаимопомощи; труд рабочих, крестьян, творческой интеллигенции был в почете и поощрялся, тогда как тунеядство было вне закона, а мещанин, потребитель не то чтобы презирался и публично осуждался, а занимал в ценностной иерархии референтных образов поведения одно из последних мест. В целом ценностные ориентиры общества и людей имели характер духовно нравственного взросления и совершенствования человека. Имя трудового человека звучало гордо, так как в обществе культивировались здоровый образ жизни, готовность к труду и обороне. Спорт в нашей стране всегда носил массовый характер. Был культ учебы, творчества. Молодые люди учились в училищах, техникумах. В вузах был высокий конкурс, чтобы обеспечить равенство стартовых возможностей при поступлении в престижный вуз выпускникам из сельских школ, и школ рабочей молодежи. Существовал институт рабфака, где преподаватели вуза подтя-

гивали до должного уровня соответствующую категорию молодежи, желавшей учиться в вузе. В библиотеках всегда было много читающих, штудирующих первоисточники студентов. Важнейшее событие для молодых людей - дело любви с ее волнениями, страстями, падениями и взлетами — сопрягалось с решимостью создать семью. Было много молодых, студенческих, аспирантских семей. Такая система ценностей высшей ценностью объявляет Отечество и его неприкосновенность. Суровая логика жизни такова, что к победителю относятся как к победителю до тех пор, пока он силен и способен дать решительный отпор извечным врагам и ложным друзьям. «У русского народа есть только одно право — быть сильным!» [4]. Главная опасность заключена в том, что переворачивается главный принцип «русскости» — ориентация на жизнь сменяется ориентацией на смерть.

Список литературы:

- 1 Гегель, Г. В. Ф. (1934), *Сочинения : в 14 т. / под ред. А. Деборина и Д. Рязанова*, Т. 7 Москва:.
- 2 Жилина, В. А., Кузнецова, Н. В., Жилина, Е. А. (2019), *Языковые игры в социальных манипуляциях // Научная парадигма цивилизации в XXI веке: капитализм, социализм и четвертая технологическая революция : сб. тр. Десятого Междунар. конгресса передовых наук (Конгресс WARP) / под ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева*. Челябинск: С. 261–267.
- 3 Жилина, В. А. (2009), *Проблема определения идеологического субъекта // Вестн. Челяб. гос. ун-та.*). Философия. Социология. Культурология, Челябинск: № 29 (167) Вып. 13. С. 44–50.
- 4 Столыпин, П. А. (1990), *Речи в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906– 1911 / сост. Ю. Г. Фельштинский*,. Нью-Йорк.

УДК 101.1

Козлов Г.В.,
*аспирант Института философии,
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: donni_99@mail.ru*

**Генезис неоколониального миропорядка:
цивилизационные итоги Второй мировой войны**

Kozlov G.V.,
*PhD student at the Institute of Philosophy,
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: donni_99@mail.ru*

The Genesis of the Neocolonial World Order: The Civilizational Outcomes of World War II.

Аннотация. Статья анализирует итоги Второй мировой войны как точку трансформации от колониализма к глобальному неоколониализму. Рассматривается сущность и инструментарий новой системы господства, а также цивилизационная основа сопротивления ей.

Abstract. The article analyzes the outcomes of World War II as a point of transformation from colonialism to global neocolonialism. The essence and instruments of the new system of domination are examined, as well as the civilizational foundation of resistance to it.

Ключевые слова: Вторая мировая война, неоколониализм, капиталократия, цивилизационный выбор, суверенитет.

Keywords: World War II, neocolonialism, capitalocracy, civilizational choice, sovereignty.

Введение

Историософское осмысление итогов Второй мировой войны требует выхода за рамки ее военнополитического значения. Окончание войны в 1945 г. предстает не как завершение истории колониализма, а как ключевой момент его глубокой трансформации. Победа над нацизмом привела к краху старых европейских колониальных империй, основанных на прямом территориальном контроле, но одновременно создала геополитические условия для рождения новой, более тотальной и изощренной системы господства — глобального неоколониализма. Как показывают в своих работах А.А. Горелов, объективный и в своей основе прогрессивный процесс глобализации, являющийся продолжением многотысячелетней тенденции социальной интеграции человечества, был «оседлан» субъективной волей западной цивилизации к мировому доминированию [1]. В данной работе, опираясь на политэкономический и цивилизационный анализ, мы стремимся вскрыть природу и механизмы этой неоколониальной системы, проследить ее эволюцию от послевоенного становления до нынешнего терминального кризиса и определить контуры возможной цивилизационной альтернативы.

1. Архитекторы нового порядка: становление глобальной капиталократии

Ключевым следствием Второй мировой войны стала смена глобального субъекта власти. На смену конкурирующим национальным государствам-метрополиям пришли наднациональные частные структуры, которые, по определению А. И. Сироткиной, сформировали «орган коллективного неоколониализма», или то, что М. Хардт и А.

Негри назвали глобальной Империей [2]. Природа этой новой власти — капиталократия, то есть господство оторванного от реального производства, виртуального и спекулятивного финансового капитала, превратившегося в чистую, отчужденную силу власти [3, с. 407]. Этот процесс, который часто называют финансиализацией, привел к формированию «денежной цивилизации», где финансовые операции и перераспределение уже созданного богатства превалируют над созидательной производственной деятельностью. Данная система характеризуется отрывом финансового сектора от реального и его возвышением, что приводит к самостоятельному функционированию финансовой среды с опережающими темпами, с увеличивающимся соотношением между рынками реальных и виртуальных активов в пользу последних.

Структура этой новой власти представляет собой сетевую иерархию, или «триумvirат». На его вершине находится финансовократия — анонимный, нелегитимный центр власти, то, что А. А. Зиновьев называл «сверхвластью» [4, с. 485]. Этот центр состоит из частных финансовых кланов, контролирующих эмиссию мировых денег через формально независимые структуры, такие как Федеральная резервная система США. Экономической «пехотой» этого центра выступают транснациональные корпорации и банки (ТНК/ТНБ), которые реализуют экспансию в реальном секторе. Силовым же инструментом, «мировым полицейским», является государственный аппарат США и его военная машина НАТО. Как метко заметил Томас Фридман, «невидимая рука рынка никогда не будет работать без невидимого кулака» [5], обеспечивая безопасность для глобальных корпораций. В этой системе национальное государство, как показывает А. И. Сироткина, все чаще выступает в роли «защитной оболочки и питательной среды» для транснационального капитала [2], постепенно

утрачивая свой суверенитет и превращаясь из субъекта в объект глобальной политики [6].

2. Пять векторов экспансии: инструментарий неокOLONиального господства

Подчинение мира этой новой глобальной империей осуществляется через комплексную пятиуровневую экспансию, которую системно описывают в своих работах А. И. Сироткина и М. Л. Альпидовская [7, с. 101].

Первый вектор — военная экспансия. Она сменила прямые завоевания на не прямое вмешательство: создание глобальной сети военных баз, развертывание частных военных компаний (ЧВК), навязывание «услуг по защите» и использование локальных конфликтов для сохранения контроля над странами третьего мира.

Второй вектор — политическая экспансия. Она реализуется через организацию «цветных революций», использование подконтрольных наднациональных структур, таких как МВФ и ВТО, для навязывания выгодных центру «правил игры», а также через экстерриториальное применение своего национального законодательства, когда, например, Верховный суд США разрешает своим спецслужбам похищать людей за границей.

Третий, ключевой вектор — экономическая экспансия. Ее ядром является система неэквивалентного обмена. Модель этой эксплуатации наглядно описывается концепцией «улыбающейся кривой»: данный концепт показывает, что в глобальных производственных цепочках наибольшая добавленная стоимость создается на начальных (НИОКР, дизайн, патенты) и конечных (маркетинг, бренд, сервисное обслуживание) этапах. Эти высокоприбыльные звенья остаются в странах «центра». На периферию же выносятся само производство — низкоприбыльная, трудоемкая и экологически грязная сборка. Как отмечает Г. С. Сергеев, это создает на периферии феномен «роста без развития» [8,

с. 54], консервируя ее технологическую и финансовую зависимость [9].

Четвертый вектор — культурно-идеологическая экспансия, или «мягкая сила». Она представляет собой «манипуляцию сознанием» через глобальные СМИ, подготовку компрадорских элит («агентов влияния») в западных университетах и насаждение «экономического империализма» как единственно верной научной парадигмы, которая легитимизирует существующий порядок, представляя его как естественный и безальтернативный.

Наконец, пятый вектор — криминальная экспансия. Она использует транснациональную преступность и террористические организации, зачастую при поддержке спецслужб, для создания «управляемого хаоса» и дестабилизации неудобных режимов в стратегически важных регионах мира, ослабляя их и делая легкой добычей для других форм экспансии.

3. Биполярный мир и триумф неоколониализма после 1991 года

Становление этой глобальной империи не было беспрепятственным. Главным фактором, сдерживавшим ее экспансию на протяжении почти полувека, было существование СССР и мировой социалистической системы. Советский Союз не просто оказывал военно-политическое противодействие, но и предлагал миру альтернативный проект глобализации, основанный на принципах солидарности, и активно поддерживал антиколониальные движения [1, с. 118]. Само существование СССР как цивилизационной альтернативы и угроза распространения социалистической модели вынуждали капитализм к «социализации» — масштабным социальным уступкам собственным трудящимся в странах центра, что привело к формированию так называемого «государства всеобщего благосостояния» [5]. Эта конкуренция систем объективно ограничи-

вала аппетиты капиталократии и не позволяла неоколониальному проекту развернуться в полную силу.

Распад Советского Союза в 1991 году снял все ограничения и стал моментом триумфа неоколониального проекта. Эпоха неолиберальной глобализации стала финальным этапом построения глобальной империи. Россия, потерпев поражение в холодной войне, сама стала объектом неоколониальной политики, превратившись в полупериферийное или, как его определяют некоторые исследователи, субимпериалистическое государство [5]. Ее колониальный статус был юридически закреплен в Конституции 1993 года через приоритет международного права над национальным (ст. 15) и фактическую неподотчетность Центрального банка государству (ст. 75), что является типичным признаком ограниченного суверенитета, навязываемого извне [6, с. 23]. Российский капитал, возникший в результате приватизации, приобрел компрадорский характер. Это выразилось не в классическом ленинском вывозе капитала с целью эксплуатации других стран, а в его массовом бегстве на Запад для сохранения и легализации, что является типичной стратегией периферийной, а не империалистической элиты [5].

4. Терминальный кризис и новейшие инструменты контроля

К началу 2010-х годов неолиберальная система, достигшая пика своего могущества, вошла в терминальный кризис, метко названный «кризис-матрешка». Его главной причиной стало то, что поднявшаяся полупериферия, прежде всего Китай, начала оспаривать экономическую и технологическую монополию центра. Началась фаза деглобализации, представляющая собой, по сути, новую борьбу за передел мира между старыми и новыми империалистическими центрами. Чтобы сохранить господство в условиях кризиса, капиталократия начала внедрять новые,

еще более тотальные инструменты контроля, используя глобальные потрясения, такие как пандемия COVID-19, в качестве катализатора «Великой перезагрузки» [10, с. 243].

Ключевым инструментом стал «экологический неокOLONиализм». Под прикрытием благородной «зеленой повестки» и борьбы с изменением климата продвигается проект по деиндустриализации и управляемому снижению уровня потребления для большинства человечества. Это позволяет консервировать технологическую отсталость периферии, блокируя ее развитие через «углеродные» налоги и квоты, и одновременно сохранять привилегии и сверхпотребление «золотого миллиарда». Другим, не менее важным, инструментом является информационный (надзорный) неокOLONиализм, основанный на монопольном контроле над большими данными, внедрении цифровых валют центральных банков (CBDC) и систем социального рейтинга. Его цель — переход от косвенной экономической эксплуатации к прямому управлению поведением индивидов и целых обществ [10; 11]. Конечной целью этого проекта является установление «распределительной информационной диктатуры» и формирование «развития анклавного типа» — высокотехнологичных, изолированных и защищенных оазисов для глобальной элиты и деградирующей, архаизированной и депривированной периферии для всех остальных [11, с. 140].

5. Цивилизационная альтернатива и «этика сопротивления»

Перспектива установления глобальной информационной диктатуры и анклавного типа развития ставит вопрос о возможности альтернативы. Эта альтернатива лежит не в плоскости реформирования существующей системы, а в предложении принципиально иного цивилизационного проекта. Здесь ключевую роль играет Россия. Современный конфликт является лишь последней фазой

тысячелетнего структурного противостояния России и Запада, в котором последний последовательно выступает в роли агрессора [12, с. 192]. В основе этого противостояния лежит фундаментальное различие цивилизационных кодов. Как отмечал еще Освальд Шпенглер, западная, «фаустовская» душа определяется «волей к власти» и стремлением к бесконечной пространственной экспансии [13, с. 535], в то время как русская душа имеет иную, «равнинную», горизонтальную природу, стремящуюся не к подчинению, а к единению.

Именно это глубинное ядро русской цивилизации, которое русские философы от Ф.М. Достоевского до Н.А. Бердяева называли «Русской идеей», и формирует позитивную альтернативу неоколониализму. Это не проект этнического национализма, а универсалистская миссия, основанная на принципах «всечеловечности, справедливости и братству народов». В современных условиях эта философская концепция обретает практическое измерение, превращаясь в то, что А.А. Горелов называет «этикой сопротивления» [12, с. 197]. Это не просто военное или экономическое противодействие, а защита своего цивилизационного суверенитета, своего права на существование и собственный исторический путь. Это борьба против навязывания глобального псевдоморфоза (по О. Шпенглеру) — ситуации, когда одна культура принудительно развивается в чуждых ей формах, теряя свою душу и превращаясь в «этнографический материал» (по Н. Данилевскому).

Заключение

Таким образом, окончание Второй мировой войны запустило сложный и противоречивый процесс трансформации глобального господства. На смену старым европейским империям пришла новая, более тотальная система неоколониализма, управляемая транснациональной капи-

талократией. Эта система, достигнув своего предела, вступила в терминальный кризис, ответом на который стала попытка установления глобальной цифровой и экологической диктатуры.

Борьба с этим проектом — это не просто геополитическое соперничество, а цивилизационный выбор, стоящий перед всем человечеством. Неоколониальный проект Запада, основанный на унификации и подавлении разнообразия, является инволюционным тупиком, противоречащим фундаментальным законам эволюции, которые, наоборот, предполагают рост сложности и кооперации. В этой борьбе Россия и другие незападные цивилизации, отстаивая свой суверенитет, объективно выполняют миссию по сохранению необходимого для развития человечества многообразия. Как утверждал еще Н.Я. Данилевский, именно разнообразие культурно-исторических типов является главным условием прогресса. Следовательно, борьба за многополярный мир сегодня является прямым продолжением и подлинным завершением той антиколониальной и гуманистической борьбы, величайшим свершением которой стала победа над нацизмом в 1945 году.

Список литературы

1. Горелов, А.А., Горелова, Т.А. Глобализация и глобальный неоколониализм // PolitBook. – 2013. – № 3. – С. 115-131.
2. Сироткина, А. И. Трансформация капиталистической социально-экономической системы: становление глобальной империи // Философия хозяйства. – 2021. – № 5(137). – С. 85-103.
3. Сироткина, А.И. Капиталократия как фактор самовоспроизведения неоколониализма в XXI веке // Проблемы развития современного общества: сборник научных статей 6-й Всероссийской национальной научно-практической

конференции, курск, 22 января 2021 года. Том 1. – курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 407-409.

4. Зиновьев, А.А. Запад, Москва: Алгоритм, Эксмо, 2007. 508 с.

5. Бузгалин, А.В., Колганов, А.И., Барашкова, О.В. Империализм XXI века: Запад и Россия // Альтернативы. – 2016. – № 1. – С. 4-55.

6. Горелов, А.А., Бронников, И.А. Глобальный неоколониализм и проблема суверенитета // Власть. – 2015. – № 2. – С. 19-25.

7. Сироткина, А.И., Альпидовская, М.Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность // Теоретическая экономика. – 2020. – № 12(72). – С. 96-109.

8. Сергеев, Г. С. Империализм XXI века: реактуализация теоретического наследия советской политэкономической школы // Вопросы политической экономии. – 2022. – № 3. – С. 50-57.

9. Сергеев, Г.С. Империализм-XXI: монополистическая плановость в системе отношений позднего капитализма // Российский экономический журнал. – 2023. – № 5. – С. 36-45.

10. Сироткина, А.И. Современная трансформация экономики и общества: катализация формирования глобальной империи // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: Сборник научных статей участников 20-й Международной научно-практической конференции в рамках III Московского академического экономического форума, Курск, 25 мая 2021 года. – Курск: Курский филиал Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации", 2021. – С. 243-246.

11. Альпидовская, М.Л., Сироткина, А.И. «Экологический неокOLONиализм» как результат интеграции концепций «глобальной трансформации» и «нового типа мышления» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2024. – № 3. – С. 138-150.
12. Горелов, А.А. Структура стратегического противостояния России и Запада // Моисеевские чтения. Гуманитарные вызовы и угрозы XXI века: Доклады и материалы VI Общероссийской (национальной) научной конференции. В 2-х томах, Москва, 20–22 апреля 2023 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2023. – С. 192-198.
13. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность, Москва: Мысль, 1993. 663 с.

УДК 316.42

Кузнецов Н.В.

*доктор философских наук, доцент
директор Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Умение побеждать в истории России: слово и дело в борьбе за Мир

Kuznetsov N.V.

*doctor of Philosophy, Associate Professor
director of the Institute of Philosophy
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

The ability to win in the history of Russia: word and deed in the struggle for Peace.

Аннотация. История России – это история войн за русский мир, в котором меч, сабля, штык никогда не были ни первым, ни последним аргументом, что нередко в наших противниках порождало иллюзию слабости русских. Сегодня история перестала быть только европейской или североатлантической. История становится делом всего человеческого сообщества, а значит, настало время всем договариваться.

Abstract. Russian Russian history is the history of wars for the Russian world, in which the sword, saber, bayonet have never been either the first or the last argument, which often gave rise to the illusion of Russian weakness in our opponents. Today, history is no longer just European or North Atlantic. History becomes the business of the entire human community, which

means it's time for everyone to come to an agreement. Russian Russian language, Russian victory, persuasion, Russian world, consent.

Ключевые слова: русский язык, русская победа, убеждение, русский мир, согласие.

Keywords: Russian language, Russian victory, persuasion, Russian world, consent.

И вечный бой!
Покой нам только снится!
Сквозь кровь и пыль
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль!

Победа никогда не бывает последней. Последним бывает только поражение, после которого побежденный обычно уходит в прошлое, или небытие.

В русском языке, а, следовательно, в русской культуре слово «победа» семантически связано с убеждением. Победить – значит убедить. В обыденном понимании «победа-убеждение» достигается, прежде всего, силой оружия, мощью вооруженной и профессионально подготовленной армии. Тем не менее, история знает немало примеров, когда малочисленные и плохо вооруженные воинские формирования побеждали во всех смыслах более сильных противников.

История русских побед в этом смысле, может быть, наиболее уникальна как раз потому, что подавляющее большинство из них было одержано вопреки объективным обстоятельствам. Победа в Великой Отечественной войне для нас, безусловно, самое впечатляющее тому доказательство.

Вместе с тем русские победы, начиная с побед князя Святослава Игоревича, буквально прекращали существование могущественных держав, или «переводили» их в разряд второстепенных политических образований: Хазарский каганат (X в.), Золотая Орда (XV в.), Речь Посполитая (XVII в.), Швеция (XVIII в.), Французская и Османская Империи (XIX в.). Наконец – Германия в XX веке. История не з

Но никогда наши победы не были моментальными и безоговорочными. Зачастую они начинались с того, что мы «долго молча отступали». И «ждали» решительного сражения – полгода, год, несколько лет или десятилетий, а порой – и столетий.

История России – это история войн за русский мир, в котором меч, сабля, штык никогда не были ни первым, ни последним аргументом, что нередко в наших противниках порождало иллюзию слабости русских. Трудно понять и принять, что главным оружием может быть слово, которым «можно убить», «можно спасти» или «полки за собой повести». Даже первый русский победитель, Святослав Игоревич вступал в войну благородным «Иду на Вы» – «Иду на Вас». Князь, Александр Ярославович, уже прославленный победами над шведами и тевтонами, вел длительные переговоры, оберегая Русь и от ордынских варваров и от католических «цивилизаторов». Позже с польскими королевичами пытались договориться Шуйский и Романов. А с Наполеоном Бонапартом русский царь договорился даже до антибританской коалиции, выход из которой пришлось искать французскому императору пришлось искать на калужской дороге и реверсном форсировании Березины.

Уже в двадцатом веке Советская Россия, начиная с 1936 года, увещевала Британию, Францию, Германию прийти к соглашению, гарантирующему всеевропейскую

безопасность. Превратные представления о беспомощности СССР, едва вышедшего из разрухи, привели к тому, что нацистская Германия была уничтожена, а Франция и Великобритания лишились большинства или почти всех своих колониальных владений. Кстати, государственность Германии была восстановлена по преимуществу, благодаря, принципиальной позиции СССР, «убедившего» своих союзников по антигитлеровской коалиции в целесообразности сохранения суверенности немецкого народа.

Академичность данного текста не позволяет в деталях вспомнить анекдот про упрямого охотника, спятившего на идее расправиться со спокойно спящим медведем, доведенным до полного непонимания, кто ему мешает спать: извращенец или самоубийца. Но нынешняя ситуация в мире, тщательно выстраиваемая западными контр-агентами России, до слез (не только горьких) напоминает всю нашу историю. Вызывает сожаление, что Запад категорически пытается убедить себя, что он – вне история России, что он не имеет отношения к его история. В 2007 году глава Российской Федерации обратился к западному сообществу, с призывом признать, что сегодня история перестала быть только европейской или североатлантической – сегодня история становится делом всего человеческого сообщества, а значит, настало время всем договариваться, т.е. реализовывать подлинную всечеловеческую сущность со-знательности, которая разворачивается в горизонте тотального общения, предполагающего в свою очередь признания в «каждом-другом» своего родного, т.е. того самого, что и в себе.

Надо полагать, что у руководителя русского государства, как ни у какого другого народа, есть основания обращаться с таким призывом. Ведь его история – это вечный поиск согласия на бескрайних просторах, осваиваемых славянами, угро-финнами, тюрками, алтайцами, евре-

ями, немцами, поляками и еще Бог знает кем. Не внявший этому призыву, рискует навсегда оказаться вне Великого Края – оказаться в кромешной тьме.

УДК 168

Макаров В.В.

*доцент кафедры гуманитарных наук
факультета психологии
ИМО НМИЦ им. В.А.Алмазова, к. филос. н.
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vlamakarov2006@gmail.com*

От победы в войне к победе над войной: вызовы и перспективы

Makarov V.V.

*Associate Professor of the Department of Humanities, Faculty
of Psychology
IMO NMIC named after V.A. Almazov, PhD in Philosophy.
St. Petersburg, Russia
E-mail: vlamakarov2006@gmail.com*

From Winning the War to Winning the Peace: Challenges and Prospects

Аннотация. В статье исследуются корни многовекового, и экзистенциального по сути, противостояния русской и западной цивилизации. Данная тема рассматривается через призму такого явления как война и с точки зрения её исторической регулярности, и с точки зрения преодоления этого противоестественного способа разрешения противоречий общественной жизни.

Abstract. The article explores the roots of the centuries-old, and essentially existential, confrontation between Russian and Western civilization. This topic is examined through the lens of war, both in terms of its historical regularity and in terms of

overcoming this unnatural way of resolving the contradictions of social life.

Ключевые слова: цивилизация, победа, война, дух народа, космизм, ноосфера.

Keywords: civilization, victory, war, national spirit, cosmism, noosphere.

Тезис, который, намечен в названии моего доклада (а именно -необходимость победы над войной как таковой) лишь на первый взгляд может показаться парадоксальным и едва ли осуществимым даже в отдаленной перспективе, особенно в условиях современной тревожной, даже грозной международной обстановки. Смею утверждать, что именно исход нашей Великой войны в середине 20го века дает нам робкую надежду на то, что такая постановка вопроса возможна и вполне уместна.

Отгремели орудийные залпы победного салюта. Города и веси устоявшей страны встают из руин. Но верховный руководитель страны и главнокомандующий ее вооруженными силами не торопиться праздновать Победу. Долгие годы 9е мая было обычным рабочим днём. Только через 20 лет, в 1965 он становится всенародным праздником со слезами на глазах. В 1975 подписываются соглашения о незыблемости границ в Европе., но это не останавливает силы, стремящиеся к реваншу и мировому господству.

Что же так тревожило многомудрого Сталина, «отца народов» в собственном смысле этого выражения, возглавившего в известную эпоху отечественной истории противостояние с нашим извечным противником, ставшим нашим экзистенциальным врагом чуть ли не с начала нашей писанной истории? Вспомним грозное предостере-

жение Александра Невского: «Кто к нам с мечем придёт, тот от меча и погибнет!». Это обращение не к «орде» на востоке и не к крымским ханам юга. Это обращение к хозяевам Запада. Верховный знал о военных планах наших временных «союзников» под названием «Немыслимое», что разоруженные, но боеготовые части вермахта могут стать частью военного «кулака», верного своим коренным основам Запада. Он прекрасно понимал, что испеленная атомными бомбами Хиросима и Нагасаки -это не месть японскому народу за Пёрл-Харбор, а акт устрашения советской державе и ее руководителю, что фултонская речь У. Черчиля – это символическое объявление новой фазы глобальной войны, а создание североатлантического альянса НАТО в 1949м - это начало формирования военной инфраструктуры под «новые, старые» цели, все в том же составе и примерно на тех же рубежах, с которых в поход за ключами от Кремля снаряжалась окатоличенная Польша и наполеоновская Франция. 4го апреля этого года «альянс» отметил 75 лет своего существования. Более ста развязанных военных конфликтов по всему миру, 800 военных баз по данным на 2023 год только у США. Перечень опаленных вековой мировой войной стран велик: Корея, Куба, Вьетнам, Ангола, Гренада, Югославия. Сейчас вот бывшая братской нам, Украина.

Почему так неймётся хозяевам Запада, захвативших все международные организации, основные мировые экономические ресурсы, финансовые и логистические потоки, поставившие все современные технологии на службу своим интересам?

Если мы понимаем корни этих убеждений, где «знание, это прежде всего - сила», где «цель оправдывает средства», то мы поймем исторически однозначную позицию наших руководителей, которые не сдавали позиции и рубежи, а стояли на них, обеспечивая всякий раз ограничен-

ными средствами мирную передышку перед новым витком испытаний и обретений. Так же нам будет внятно и понятно: О чем это все наши прозорливые поэты и умудренные жизнью писатели?

«..Так высылайте ж к нам, витии, Своих озлобленных сынов: Есть место им в полях России, Среди нечуждых им гробов...». (А.С.Пушкин, 1831г)

Или это: «Нам внятно все! И острый гальский смысл и сумрачный германский гений!». Так и хочется продолжить эту блоковскую строчку:...и хитрость американо-британской элиты, мастерски научившейся «загрывать жар чужими руками»..

«В войне такого масштаба, в которой участвует наша страна, победит тот, кто следует закону Природы, проявляемому в ноосфере. Победит Россия потому, что она следует по естественному пути становления разума или ноосферы». Эти слова принадлежат нашему великому ученому, В.И.Вернадскому, высказавшему их в далеком 1943 году и не дожившему до Великой победы всего несколько месяцев. Они актуальны и для нашего времени, особенно с началом 3 года назад военно-политическим руководством страны СВО.

Как показывает история последних двух веков, противостояние цивилизаций, основательно описанное в работе «Россия и Европа» нашего выдающегося соотечественника Н.Я.Данилевского, не оканчивалось ни в 1918, ни в 1945, ни в 1993 годах. Указанные вехи - этапы одной нескончаемой войны, в конечном итоге - войны за будущее.

И исхода здесь просматривается два: или ноосфера и всеединство Землян в гармонии с природой, о которых говорит русский космизм, или некросфера, деградация человечности в человеке, торжество трансгуманизма, сегрегация общества, распад и гибель цивилизации и жизни на Земле.

Сегодня русские воины и их соотечественники в тылу вместе куют будущность Российской Державы, где традиционные духовно-нравственные ценности станут надёжным оплотом от агрессии, мерзости и скверны, развращающей умы и не окрепшие души. В труде и борьбе они создают себя и благодаря этому свою страну, в которой воспитание и всестороннее развитого человека творца и созидателя с библиотекой высоких, благородных качеств и нравственных ценностей, станет приоритетом государственного управления, где союз семей, общества и государства, соединённых общностью Цели и Судьбы, Общим Делом и Общей Ответственностью, сплотится в единую, неделимую Державу, где нравственность будет определять политические решения, где стратегические средства производства будут служить общественному благу и сохранению гармоничных отношений с природной средой, где, в конец концов, государственное управление будет поставлено на подлинно научные основания, а его цели будут согласованы с законом развития Жизни на нашей планете.

За последние 110 лет человечество переживает (если учитывать «войну холодную») уже четвертую мировую войну. Последнюю специалисты в этих делах называют «гибридной, но от этого ее глобальный и сущностной характер не меняется. Ни один год за этот период нельзя назвать мирным: если не было боевых действий, то шла целенаправленная подготовка к ним. Для России завершается второй год непосредственного участия в этой войне, в ее уже горячей фазе. Это война, как и все войны, которые ведет историческая Россия, прежде всего война за смыслы, за остатки человечности в душе живущих. Именно поэтому они называются Отечественными, т.к. отечество есть средоточие высших смыслов и духовных ценностей народа, показывающих человеку, ради чего он должен жить и ради чего стоит умирать. Последний выбор русских - Оте-

чественная война или смерть! Из двух зол русский человек всегда выбирает Отечественную войну, ибо *«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»*. Из покоя веков у русского человека есть поговорка, а лучше сказать Гимн: *«Я Холода и Голода не боюсь - они братья мои родные, и я за ними стою. Один научил меня верить, другой терпеть. И Смерти я не боюсь, она сестрёнка моя родная! Я ей песни пел, я её утешал, слезы ей утирал, я её нянчил, я её по нужде носил!»*.

Так сложилось, что Россия, по меткому замечанию знающих нашу историю, войны не начинает, она их заканчивает. И не только потому, что ей всего хватает, а потому что в ее лице человечеству обидно за себя самого! Неужели оно не достойно иной доли, кроме как постоянно кровопускать и людоедствовать. Запад, давно пораженный вирусом стяжательства и эгоизма, воюет прежде всего за территории, ресурсы и рынки, за устранение реальных или потенциальных конкурентов, за место под «буржуазным солнцем» эксплуатации и угнетения, за положение за столом наций, разрешивших самим себе насилие и грабеж, возведя их в ранг непререкаемых «правил», поставленных выше всякого права, договороспособности, элементарного благоразумия и инстинкта самосохранения.

Если мы посмотрим на духовно-нравственные ценности, выделенные в президентском указе №809, то можем заметить следующую логику нашей мировоззренческой системы. Её буква и дух говорят, что: 1.Наша цивилизация перед лицом Смерти всегда выбирала Жизнь, выступала и боролась за Жизнь, как высшую цель и принцип бытия на нашей планете; 2.Но за жизнь не любую и всякую, а достойную; 3.А достойная Жизнь у того, кто своим созидательным трудом уравнивает своё право на Свободу, заботой о своей семье и Отечестве, ответственностью за их судьбы, за культурно-историческую преемственность по-

колений; 4. В этом и состоит настоящая гражданская позиция, подлинный патриотизм человека нашей культуры; 5. У нас всегда получалось отстаивать свои высокие нравственные идеалы, поскольку в наших генах и культурно-исторических кодах «защиты» приоритет духовного над материальным, коллективного над индивидуальным, развития над сохранением; 6. Для нашего человека настоящий гуманизм реализуется тогда, когда милосердие и справедливость торжествуют над рассудочной законностью; 7. «Не железом и кровью», а Любовью, взаимопомощью в трудные времена и взаимоуважением к своеобразию и богатству культурной жизни скрепляется единство народов России.

У М.Ю.Лермонтова есть такие строки «Мы будем счастливы как можем. Они живут пусть как хотят!» Эта подсказка нашего пророка не относится напрямую к оценке конфликтного потенциала Россия-Запад, но зато хорошо характеризует наше отношение к претензиям англосаксонской цивилизации... Чем мы будем счастливы? Не только богатствами своей плодородной и бескрайней земли, ее недрами. Мы будем счастливы в первую очередь смыслами своей самобытной Жизни, полной событий и свершений, утрат и обретений, воспетой нашими поэтами, осмысленной нашими философами и писателями. Успешный опыт наших старших поколений говорит о том, что задача преодоления военной парадигмы как способа управления общественными и цивилизационными отношениями на земле может быть решена и силой оружия, и силой духа, способного предложить миру альтернативный путь развития. Именно об этой альтернативе в свое время заявил наш дипломат, мыслитель и поэт, Федор Иванович Тютчев в стихотворении «Два единства»

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»

Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...». (1870 г.)

Итак, наша Традиция стоит за Жизнь как род бытия. За западной традицией стоит Смерть, некрофильство и энтропия. За войной как квинтэссенцией этой глубинной установки нашего противника на самом деле, а не по видимости, стоит жажда бытия — только для себя и не-бытия для Абсолюта, стремление быть в центре процесса Жизни, управлять ею по своему усмотрению и лишь для своей выгоды. Это морок взбесившейся субъективности, мнящей себя богоизбранным творением для управления живыми душами и целыми народами. Война для западного мира, это - универсальная технология управления всеми политическими и экономическими процессами глобализированного мира. В работе «Отчет из железной горы о возможности и желательности мира» (1967, Нью-Йорк) такой взгляд на вещи выражен со всей прямоотой и откровенностью. «Война сама по себе является базовой социальной системой, в пределах которой другие вторичные способы социальной организации либо вступают с ней в противоречие, либо действуют скрыто. Война — система, которая управляла большинством человеческих сообществ в истории, и она продолжает делать это и сегодня» (1.29). «...любые противоречия, тесно связанные с отношениями войны и общества, легко объясняются, как только принят приоритет военного потенциала как организующей силы в обществе. Экономические системы, политические философии и свод законов обслуживают и расширяют военную систему, а не наоборот.». Такова позиция специальной исследовательской группы, представляющей показательный срез американского высшего общества второй половины 60-х годов и положившей свои рекомендации на стол руководству США. Именно в те годы закладывались основы того

мироустройства, которое идет на смену капиталистическому способу организации общественной жизни. Коммунистический проект в России мешал реализации этой глобальной цели, и он был «закрыт» по договоренности руководящих на Западе и в СССР сил. «Хозяева мира» устали управлять с помощью войны и озаботились тем, как представить свой способ управления мировыми процессами в мирной упаковке. Точь в точь, как постаревший «Великий инквизитор», упрекающий неумного Христа в том, что его присутствие и наивные мечты о человеке будущего, мешают завершению проекта мирового уровня. Суть этого проекта, как известно, состоит в том, чтобы наконец-то сделать всех людей счастливыми с помощью несложных технологий – тайны, чуда и веры в авторитет.

Положение «новых инквизиторов» заметно упростилось. Они уже не делают из своих планов никакой тайны, наоборот, почти все мировые СМИ стали рупорами «нового, дивного мира». Чудо заменила современная наука, в том числе и медицинская, обещающая воплотить в жизнь все задумки и мечты трансгуманистов. Непререкаемый авторитет хозяев нового мирового порядка (НМП) подкрепляется не только военной мощью, но и цифровыми возможностями банков и корпораций, для которых не существует государственных границ и национальных правительств.

Что же нам предлагает своеобразный «Клуб исследователей вопросов войны и мира из США» второй половины 60-х годов: «Война сама по себе является самостоятельным базисом организации, на котором созданы все современные общества (1.56)», «жизнеспособный заменитель войны как социальной системы не может быть просто символом. Заменитель должен быть связан с риском реальной личной гибели и по масштабу должен соответствовать размерам и сложности современных социальных систем.(1.38)». Од-

ним и таких заменителей должен стать, отвечающий духу времени и современным технологиям, институт рабства, сопровождаемый системой воспроизводства населения с помощью искусственного оплодотворения и прямым евгеническим управлением: «Вполне возможно, что развитие усложненной формы рабства может быть необходимой предпосылкой для социального управления в мирном мире (1,51)». Но даже такой мир для западного подхода к теме преодоления войны в глобальном масштабе и самого способа мысли западного человека в конечном итоге оказывается едва ли желательным, «...даже если бы состояние мира и было очевидно достижимым» (1,.62).

Если мы обратимся главному посылу этой разработки конца 60-х годов, которая легла на стол американскому руководству, то можем обнаружить для понимания заявленной темы нечто важное. Плод многомесячных заседаний специальной группы из представителей всех основных групп американского общества содержал следующие выводы и рекомендации для достижения благороднейшей цели - обретения «вечного мира» на Земле. Напомню, что к этим размышлениям американскую интеллектуальную элиту подвела ситуация «Карибского кризиса», поставившего мир на грань глобальной ядерной войны...

1е - война -это не продолжение политики другими средствами, а самый главный способ управления и регулирования общественной и международной жизнью под началом западных элит.

2е - Вечный мир возможен, но не на принципах, высказанных в свое время сентиментальным Кантом в соответствующем трактате, а лишь при условии создания такой альтернативы военной угрозы, которая была бы сопоставима по своему эффекту устрашения и подчинения, не исключаящая при этом новых, высокотехнологичных форм рабства.

Как видим, западная мысль не знает иного способа преодолеть войну, кроме как заместить ее институтом или системой институтов, которые бы заменили все ее основные функции по управлению всеми сферами общественной жизни, сохранив всю мощь угрозы для индивидуальной и коллективной жизни. Без силы страха, ужаса и постоянной угрозы смерти Запад управлять не может, поэтому война для него – мать родна. Это – субстанция западного образа мысли и западного способа смертеедеятельности. Прямая цель войны, состоит, таким образом, в том, чтобы прервать состояние и процесс Жизни у как можно большего количества людей, для того, чтобы достичь еще более значимую цель: под страхом преждевременной смерти управлять перепуганным гражданином, а в перспективе и всем человечеством в направлении выгодном «врагу рода человеческого», хозяину всех «великих и малых инквизиторов».

Для нашей цивилизации противостояние такому взгляду на вещи оборачивается оборонительными, отечественными войнами, так как в них отстаивается не только сама возможность жить на своей земле, но и право развиваться по собственным, духовным законам самобытной цивилизации. Для двух противоборствующих сторон война как таковая имеет две стороны. Для стороны захватчика и угнетателя, война – это способ подчинить своим правилам весь мир. Ступени этого расчеловечивания видны не вооруженным взглядом: «маски – каски – миски» (страх, ужас смерти и голод). Сейчас эти три всадника осовремененного апокалипсиса проверяют на прочность нашу способность сохранять духовно-нравственные цивилизационные коды, саму суть человека, его человечность – реализующую себя разумность.

Для нас война, это повод мобилизовать все имеющиеся силы для того, чтобы снова стать единым народом, а не сообществом потребителей, идущим по пути атомизации и

деградации. В этом случае война – последнее «горькое лекарство» от исторического забвения и небытия, встряска кровью, избавлением от излишеств для обретения вкуса к необходимому и должному. Ну а сверхзадача состоит в том, чтобы победить саму войну как противоестественный и античеловечный способ управления общественными процессами. Движение к решению этой общепланетарной задача стоит прежде всего перед здоровыми силами нашего общества и связано с перезапуском процесса созидания и сотворчества в направлении космоноосферного развития будущих поколений землян - косможителей.

Список литературы

1.«Отчёт из Железной горы о возможности и желательности мира» (Report from Iron Mountain on the Possibility and Desirability of Peace) — The Dial Press, Inc, 1967, Нью-Йорк.

УДК 323

Ю.М. Резник

*Доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института РАН,
первый вице-президент Российского философского общества*

*Москва, Россия**E-mail: reznik-um@mail.ru***Экзистенциальные смыслы Великой Победы****Y.M. Reznik**

*Doctor of Philosophy, Professor,
chief Researcher at the Institute of the RAS,
first Vice-President of the Russian Philosophical Society
Moscow, Russia*

*E-mail: reznik-um@mail.ru***The Existential Meanings of the Great Victory**

Аннотация. Российская цивилизация формировалась на протяжении столетий в жестком противоборстве с Западной Европой. Европа с её имперскими традициями и колониальным опытом не может принять Россию как цивилизацию державного типа. Вторая мировая война явилась закономерным итогом почти тысячелетнего цивилизационного противостояния России и Запада. Экзистенциальные итоги Великой Отечественной войны показывают, что это было не только столкновение цивилизаций с принципиально разными ценностями и смыслами, но и противоборство разных экзистенциальных стратегий, которые превращали войну в личное дело каждого участника.

Abstract. Russian civilization has been formed over the centuries in a fierce confrontation with Western Europe. Europe,

with its imperial traditions and colonial experience, cannot accept Russia as a state-type civilization. The Second World War was the natural result of almost a thousand years of civilizational confrontation between Russia and the West. The existential results of the Great Patriotic War show that it was not only a clash of civilizations with fundamentally different values and meanings, but also a clash of different existential strategies that turned the war into a personal matter for each participant.

Ключевые слова: Российская цивилизация, экзистенциальные смыслы, державность, Великая Победа, советский народ.

Keywords: Russian civilization, existential meanings, statehood, Great Victory, Soviet people

К истокам цивилизационной враждебности Европы к России. Как известно, на протяжении веков у России складывались сложные отношения с европейскими государствами, чьи агрессивные и враждебные устремления так детально описал Н.Я. Данилевский применительно к XIX веку. Он писал, в частности, что именно Европа претендует на «окончательную форму человеческой культуры, которую остается только распространить по лицу земли, чтоб осчастливить все племена и народы» [1, 106]. Именно ей принадлежит, как считают сами европейцы, право направлять всемирно-исторический процесс в «правильное русло». «Под лозунгом своего общечеловеческого характера европейская цивилизация стремится охватить весь земной шар и навязать себя как образ жизни всем неевропейским народам» [2, 123]. Запад принёс нам не только либеральные ценности (гражданские свободы, уважение к личному достоинству человека и гарантии неприкосновенности его жизни, собственности и пр.), но и тоталитарные

идеологии, наихудшем проявлением которых стали геноцид и фашизм.

В то же самое время, будучи прародиной целого колониального мира, Европа осуществляла жестокую политику колонизации в разных уголках мира, хотя в силу двойных культурных стандартов не приняла относительно мягкие методы цивилизаторства, которые применяла Россия на Кавказе, в Крыму и в Средней Азии. «Если же разбирать дело по совести и чистой справедливости, то ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием – в дурном, антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле» [1, 61].

Совсем иначе, по словам Данилевского, поступала Англия – владычица огромной империи, завоевавшая Кельтское государство, поработившая народы Индии, отнявшая Гибралтар у Испании, Канаду у Франции и присвоившая множество других земель. Цена такого порабощения – сотни тысяч человеческой жизней и миллионы покалеченных судеб. Такую же кровавую колониальную политику осуществляли Франция, Австрия, Германия, а ныне – США. Им ли судить о завоеваниях России? «Откуда же и за что же, спрашиваю, недоверие, несправедливость, ненависть к России со стороны правительств и общественного мнения Европы?» [1, 67].

А дело заключается в следующем. Ведущие страны Европы, потерявшие, в конце концов, большинство своих колониальных владений, до сих пор испытывают фантомные боли, как будто часть их органов отняли и они напоминают им о прежних потерях. Другую же часть могут в один прекрасный момент отнять. Но ведь Россия никогда не была частью колониального мира Европы, по крайней мере, её западной части. К тому же русские приходили на территорию Западной Европы, только отвечая на военную агрессию с её стороны и освобождая европейские народы от угнете-

ния. И всё же именно Россия по-прежнему вызывает чувство неосознанной тревоги у Европы.

Об этом и многом другом размышлял Н.Я. Данилевский ещё в позапрошлом веке. С его точки зрения, Россия для Европы всегда была помехой. Запад её считал и считает до сих пор экзистенциальной угрозой для себя. Можно добавить, что и исторической погрешностью тоже или, по словам Шпенглера, псевдоморфозой, т.е. образованием, заполнившим «чужое, не принадлежащее ей место – то, которое должно быть отдано подлинно европейским формам. Псевдоморфоза – это заполнение чужого пространства и вытеснение жизнеспособного старой, отжившей формой» [2, 124].

Время от времени поход на Восток с целью отвоевания жизненного пространства, якобы незаслуженно принадлежащего России, предпринимала та или иная европейская страна. Не случайно, что именно Германия, великая европейская держава, дважды в течении полувека воевала с Россией. И в 1941 г. она, будучи зараженной идеологией нацизма, бросила очередной вызов народам России и попыталась реализовать чудовищный по своим трагическим последствиям план по их физическому уничтожению и вытеснению с территории европейской части СССР.

Нужно признать, что Россия никогда не заполняла и не присваивала себе чужое пространство. Оно всегда ей принадлежит по праву освоения. А вот для Гитлера пространство России, как известно, было желаемым местом для расширения владений Третьего рейха. При этом славянским и другим «неарийским» народам отводилась в лучшем случае роль «обслуживающего персонала». Это место согласно директиве Гитлера № 32 (план Ольденбурга) должно быть стать земным «раем» для германской нации. Мир ещё не знал такого чудовищного плана насильственной колонизации и дискриминации.

Таким образом, российская цивилизация формировалась на протяжении столетий в жестком противоборстве с Западной Европой. При этом она представлялась в сознании многих европейских элит как варварская и агрессивная страна, угрожающая их свободе (экзистенциальные страхи) и вызывающая у них разные фобии своим могуществом и географическими масштабами. На самом же деле Европа с её имперскими традициями и колониальным опытом не может принять Россию как цивилизацию державного типа, отстаивающую право на собственное местобытие в мире. И для этого у последней имеются все основания, в т.ч. экзистенциальные.

Экзистенциальные смыслы Победы. Вторая мировая война явилась закономерным итогом почти тысячелетнего цивилизационного противостояния России и Запада (прежде всего, Западной Европы). И этому есть не только философско-историческое объяснение, но и экзистенциальное толкование. Победа в Великой Отечественной войне стала во многом переломным пунктом этого противостояния. Это победа в экзистенциальной войне, где столкнулись между собой две (по сути противоположные) системы ценностей и смыслов человеческого существования.

Экзистенциальные смыслы Великой Победы, которые в полной степени выразили лозунги и плакаты времен Великой Отечественной войны, таковы:

- осознание войны как трагической данности, случившейся на нашей общей земле (родине), каждая пядь которой должна быть сохранена («Родина-мать зовет!», «Ни шагу назад!», «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!», «Защитим родную Москву!» и т.д.);

- ощущение общности надвигающейся беды и призыв к мобилизации всех имеющихся у людей ресурсов («Вставай страна огромная! Вставай на смертный бой!»),

«Родина-мать зовёт!», «Фашисты не пройдут!», «К оружию, братья! Разгромим фашистских угнетателей!» и т.д.)

- убеждённость в торжестве собственных идеалов («За Родину, за честь, за свободу!», «Освобождённые советские люди! Вы избавлены от фашистской неволи – возвращайтесь скорее на Родину!», «Фашизм – злейший враг женщин! Все на борьбу с фашизмом!» и др.);

- признание собственной правоты и неотвратимости справедливого возмездия («Отомсти!», «Папа, убей немца!», «Смерть детоубийцам!», «Бей фашистского гада!», «Добьём фашистского зверя!», «Кровь за кровь, смерть за смерть!», «Священна наша месть – пощады нет врагу! Истребляй фашистов – палачей и убийц!», «Раздавить фашистское чудовище!» и др.);

- неистребимая вера в Победу, ожидание неизбежного наступления Победы и стремление её приблизить всеми имеющимися силами («Наше дело правое. Враг будет разбит, Победа будет за нами!», «Народ и Армия непобедимы!», «Под знаменем Ленина – вперёд к Победе!», «Дойдём до Берлина!», «Вперёд – к полной Победе!», «С Новым годом! С грядущей Победой!», «Мы ждём вас с Победой!», «Вперёд – к полной Победе!», «Воин, ответь Родине Победой!», «Чем крепче тыл, тем крепче фронт!» и др.);

- ощущение личной победы, преодоление страха перед смертельным врагом и принятие на себя ответственности за общую Победу, готовность внести свой личный вклад в Победу и склонность к самопожертвованию («Всё для фронта, всё для Победы!», «Клянусь победить врага!», «Каждый удар молота – удар по врагу!», «Ты! Чем помог фронту?» и др.);

- чувство единства с воинами и надежда на тех, кто ковал Победу на фронте и отдавал за неё свою жизнь («Вся надежда на тебя, красный воин!», «Воин Красной ар-

мии, спаси!», «Воин Красной Армии, освободи!», «Ждём с Победой!», «Воин, ответь Родине Победой!», «Воин! Ты вернул нам жизнь!», «Все силы тыла на помощь фронту!» и др.);

- переживание торжественности момента Победы («Слава воину-победителю!», «Победителю Слава!», «Слава нашему великому народу, народу-победителю!», «Героической армии-победительнице – Слава!«).

В экзистенциальных установках, которыми руководствовалось большинство советских людей в годы войны, воплотилось христианское триединство «Вера, Надежда, Любовь». Вера в силу духа народа, его воинов и их неотвратимую Победу над врагом. Надежда на спасение человеческих жизней и утверждение справедливого мира. Любовь и благодарность к павшим, которые ценой своей жизни приблизили Победу, а также к воинам и труженикам, которые внесли в неё свой решающий вклад.

В метафизическом и экзистенциальном контексте Победа в Великой Отечественной войне воспринималась большинством советских людей как:

- победа света над тьмой, торжество разума над мракобесием;

- символ братского единства всех народов Советского Союза, образовавших новую историческую общность – советский народ;

- возвышение высокого духа единого советского народа над духовным ничтожеством и мнимой солидарностью народов фашистской Германии, её «союзников» (Италии, Японии, Венгрии, Румынии, Болгарии, королевства Югославии и Таиланда и пр.) и примкнувших к ней народов стран-сателлитов (Словацкой республики, независимого государства Хорватии, королевства Албании, королевства Черногории), а также при содействии коллаборацио-

нистских режимов Греции, Сербии, Норвегии, Нидерландов;

- убедительная демонстрация превосходства социалистических и гуманистических идеалов над человеконенавистнической и дискриминационной идеологией фашизма;

- осуществление справедливого возмездия во имя жизни на земле;

- утверждение боевого превосходства Советской Армии, опирающейся на крепкий и надёжный тыл;

- констатация решающего вклада Советского Союза в разгром гитлеровской Германии и всей коалиции, так называемой Оси «Берлин – Рим – Токио».

Однако на примере своих героических предков каждый из нас может констатировать, что Великая Победа достигнута в немалой степени благодаря таким экзистенциальным качествам каждого участника войны, как личное мужество, бесценный трудовой вклад и самопожертвование наших отцов и дедов, матерей и бабушек. Для них это была во многом и личная победа, которая досталась им слишком дорогой ценой. Даже сегодня, спустя 80 лет, в России практически нет семьи, которая бы не понесла человеческие потери и лишения в то время. Жестокая поступь войны прошла по судьбам многих поколений советских и российских людей, и оставила свой неисправимый след. И тем важнее сохранить память об этом трагическом периоде в жизни страны и всех народов России.

В метафизическом плане победа нацистской Германии и её «союзников» означала бы порабощение и уничтожение многих народов, утверждение царства сверхлюдей и создание рая для немцев, а Победа СССР – это путь освобождения мира, установление справедливого миропорядка. В экзистенциальном смысле столкнулись две принципиально разные стратегии личной победы – стратегия

превосходства и нисхождения «арийского» человека и стратегия со-бытия и восхождения советского (российского) человека, который формировался на протяжении веков в многокультурной и поликонфессиональной среде.

Итак, экзистенциальные итоги Великой Отечественной войны показывают, что это было не только столкновение цивилизаций с принципиально разными ценностями и смыслами, но и противоборство разных экзистенциальных стратегий, которые превращали войну в личное дело каждого участника. Решающим же для Победы советского народа экзистенциальным фактором стало то, что советские люди боролись (а ныне – российские – продолжают бороться) за своё право свободно и счастливо жить на своей земле, дарованной им всем ходом истории и доставшейся им по праву наследования от великих предков.

Список литературы:

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: РИПОЛ классик, 2024. – 768 с.
2. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs общечеловеческое. – М.: ООО «Сандра», Издательский дом ЯСК, 2019. – 216 с.

СЕКЦИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ВОЙНЫ В ПОЭТИКЕ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ»

Абакарова Р.М

доктор философских наук

Дагестанский государственный университет

Махачкала, Россия

E-mail: tanagar1303@mail.ru

Абакаров А.-Б. И.

Дагестанский государственный университет

Факультет иностранных языков

Махачкала, Россия

E-mail: tanagar1303@mail.ru

Символы и знаки в военной поэтике

Abakarova R.M.

Doctor of Philosophy

Dagestan State University

Makhachkala, Russia

E-mail: tanagar1303@mail.ru

Abakarov A.-B.I.

Dagestan State University

Faculty of Foreign Languages

Makhachkala, Russia

E-mail: tanagar1303@mail.ru

Symbols and signs in military poetics

Концепт войны находит выражение в художественном образе, символе и отражает картину мира писателя, выходит за пределы его личного восприятия отражая дух всего народа, и только поэтому эти символы и знаки обре-

тают обобщенный образ войны, победы, силы духа, памяти.

Вдохновляют поэтов, художников и писателей героизм и жертвенность участников войны, работников тыла, сплоченность единства народов многонациональной страны перед лицом врага.

К очевидным символы войны можно отнести оружие, орудие, военную форму, блиндажи, могила и другие. Интерес для нас представляют неочевидные символы войны, выражающие одновременно как надежду, любовь, верность, так и горе, печаль в одном предмете, но в разных ее коннотациях. Таковыми могут быть образ платка, журавля, ...

«Если горцы в старину сталь из ножен вырывали и кровавую войну меж собою затевали, между горцами тогда женщина появлялась, и оружие опускалось».

Концептуально важные лингвокультурологические языковые средства, отражающие авторскую и национально-культурную составляют образы колокола (цумур) как символа жизни и смерти, белого журавля, воскрешающей силы материнского плача по погибшим солдатам и др. Концепт «война» «жизнь», «смерть» отражены в произведениях Р. Гамзатова: поэма «Песня для Матери», стихотворения «Три раны», «Песни военных годин», «Мать погибшего солдата», «Повесть об одном орудии», «Когда летят журавли», два стихотворения «Журавли». » («Песня для Матери»). В этой поэме автор создал образы матерей-горянок, ставшие символическими. Они машут платками, снятыми с головы (что делалось в исключительных случаях), и со слезами на глазах провожают сыновей на Великую Отечественную войну. Платки в поэмах и стихотворениях используются для характеристики олицетворяя глубокое горе, которое женщина может нести на протяжении всей жизни. материнского платка (шали), выражают печаль

и душевную тревогу. Цвет платка при этом характеризует душевное состояние, сизый платок как символ надежды, черный платок символ печали. Символ черного платка настолько значим, что местами в поэме Расула Гамзатова «Песня для матери» повествование ведется от лица черного платка, к которому обращается поэт и с которым ведет диалог, т. е. черный платок выполняет роль живого персонажа, происходит персонификация платка: «Есть ли что печальней меня»? Во всех этих и других случаях черный платок выступает в качестве символа памяти, долга перед ушедшими, печали на листах календаря.

«Синенький скромный платочек» из известной песни символизирует надежду и любовь. Образ платка, платок знак выражающий материнскую заботу, женскую добродетель, социальный статус, скорбь, а также национальную идентичность, как, например, оренбургский пуховый платок. В плакате «Родина – Мать зовет» центральное место занимает платок, как символ женской силы и убедительности, мать подразумевается Отечеством.

УДК 130.2

Введенский И.А.

Магистр философии

*Государственный университет морского и речного
флота*

имени адмирала С.О. Макарова

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ivvedensky@yandex.ru

Тематизация отечественных войн в культурфилософии Г. П. Федотова

Vvedensky I. A.

Master of Philosophy Degree

*Admiral Makarov State University of Maritime and In-
land Shipping,*

St.-Petersburg, Russia

E-mail: ivvedensky@yandex.ru

Thematization of the Patriotic Wars in G. P. Fedotov's Cultural Philosophy

Аннотация. Статья посвящена изучению взглядов Г. П. Федотова на влияние отечественных войн на русскую культуру. Рассматриваются его идеи о роли Отечественной войны 1812 года в поэзии А.С. Пушкина, анализируются оценки Великой Отечественной войны в его политической публицистике.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война, русская культура, философия культуры, Г. П. Федотов.

Abstract. The article is devoted to the study of G. P. Fedotov's views on the impact of the Patriotic wars on Russian culture. The article examines his ideas about the role of the Patriotic War 1812 in the poetry of Alexander Pushkin, analyzes the assessments of the Great Patriotic War in his political journalism.

Keywords: The Patriotic War of 1812, the Great Patriotic War, Russian culture, philosophy of culture, G. P. Fedotov.

Отечественные войны не были обособленной темой Г. П. Федотова. В истории отечественной мысли он главным образом известен своими работами в области агиологии, русской культуры и в качестве политического публициста. Цель статьи — эксплицировать взгляды Г. П. Федотова о влиянии отечественных войн на российскую культуру.

Не будет преувеличением сказать, что фундаментальной темой работ Г. П. Федотова является Россия, раскрывая которую он обращается к ее истории, духовному наследию, социокультурной трансформации современной ему Советской России. Эти темы были заявлены в качестве ключевых в Круге по изучению России, в работе которого он принимал участие. Они сформулированы в статье «Изучение России», вышедшей в Вестнике РХСД №2 за 1928 г. Основной задачей своей работы Г. П. Федотов видел в формировании нового национального сознания, необходимого для деятельного служения России, осуществить которое возможно предварительно разгадав «лицо России», открывающееся не только в её пейзажах, культурном наследию, прошлом, настоящем, но и главным образом еще «несбывшемся» — в её будущем. Культура для Георгия Петровича носит онтологический статус. Имея религиозную природу, она воплощается через человеческий труд, затрагивает все области жизни социума. «Культура

будущего провидится в настоящем, но не в одном, а в нескольких вариантах. Наш вариант — гуманизм и свобода» — пишет Г. П. Федотов [1, с. 218]. Культура в его понимании подразумевает наличие определенного строя, лада, иерархичности. В его личной системе координат особое место принадлежит А. С. Пушкину. Именно его творчество воплощает идеалы гуманизма — «...ибо Пушкин и есть наш великий гуманист, в каком-то смысле, может быть даже единственный» и свободы [2, с. 315]. Две работы Г. П. Федотова, посвящённые великому поэту так и называются: «О гуманизме Пушкина» и «Певец империи и свободы». Свобода выступает для Федотова необходимым условием творчества, в своих размышлениях он подчеркивает эту связь: «Культура, как высшая форма творчества, прежде всего нуждается в свободе» [3, с. 179].

Определяя гуманизм Пушкина, Федотов находит ключевые элементы его мировоззрения в стихотворении «Демон», ассоциировавшемся с Н. Н. Раевским, героем Отечественной войны 1812 года. Для Федотова формула Пушкина складывается из четырёх констант: слава, свобода, искусство и любовь, три из которых «отрицательно утверждал» Демон. Сам гуманизм Пушкина имеет характер «великодушной человечности», Федотов особенно подчеркивает, что «Невозможно представить себе лицо Пушкина искаженным презрением и ненавистью к человеческому роду...» [2, с. 318]. Обращение к «человеческому роду» здесь не носит случайного характера, в этом раскрывается величие Пушкина как национального поэта, воспринявшего и народную культуру, ее самобытность, в контексте общечеловеческой культуры, и в этом смысле — Империи. «Когда мы, вслед за Достоевским и ориентируясь на Пушкина, повторяем, что русский человек универсален и что в этом его главное национальное призвание, мы, в сущности, говорим об Империи» — пишет Г. П. Фе-

дотов [4, с. 369]. Он выделяет два метафизических начала в личности поэта: Россия, раскрывающаяся не только в природе и народности, но и государственности – Империи, и свобода, ставших антагонистами в русской жизни после смерти А. С. Пушкина. Эти два начала, позволяющие выделять революционную и консервативную модальности в разные периоды его творчества, в самом Пушкине не нарушали цельности его мирозерцания. Отношение к Империи у Пушкина раскрывается через поэтические образы известных произведений: «Воспоминание о Царском селе», «Полководец», «Александрю», общей темой которых была Отечественная война 1812 года. Г. П. Федотов подчеркивает эту мысль: «Гроза 1812 года глубоко взволновала царскосельский лицей. Для Пушкина она навсегда осталась источником вдохновения» [5, с. 132]. В его культурософской рефлексии герои 1812 года для Пушкина в большей степени принадлежат к культурной традиции XVIII века, взявшей свое начало от Петра I, в фигуре которого для Пушкина и произошел синтез Империи и свободы как следствия просвещения народа. С другой стороны, именно петровское время стало периодом насильственного насаждения западной культуры, необходимой для предотвращения гибели государственности Московского царства, но, по оценке Федотова, породившей пропасть между массами и «новыми европейцами». Именно эта культурная поляризация предопределила драматизм XIX века и революционное лихолетье века XX. В этом контексте именно события Отечественной войны 1812 года создали предпосылку сближения этих полюсов. Г. П. Федотов отмечает, что «Уродливый галлицизм преодолевается со времени Отечественной войны, и дворянство ближе подходит к быту, языку, традициям крестьянства. Отсюда возможность подлинно национальной дворянской литературы, отсюда почвенность Аксакова, Лескова, Мельникова, Толстого...» [6,

с. 44]. Но эта почвенность относительная, интерес к крестьянскому быту, оставшемуся еще допетровским, оказывается самообманом. Барское понимание не затрагивает религиозный мир крестьянства, а крестьянство даже не приближается к «миру господ». Этот общий фон будет служить средой зарождения русской интеллигенции, по определению Г. П. Федотова, предельно беспочвенной и отрешенной от действительности.

Великая Отечественная война нашла свое отражение в политической публицистике Г. П. Федотова. Стоит отметить, что высказанная им позиция в статье «Торопитесь!», опубликованной в журнале «Новая Россия» в январе 1939 г., была враждебно воспринята монархически настроенными кругами эмиграции, а руководством Свято-Сергиевского богословского института был предъявлен ультиматум автору: покинуть институт или перестать писать на политические темы. Основная претензия заключалась в сравнении Сталина с «немецкими императорами в Петербурге XVIII века» и параллелей в служении Интернационалу и «сверххристианской жертвенностью». Однако общий тон статьи скорее должен был быть воспринят как необходимость общественной консолидации перед неминуемой угрозой немецкого вторжения в советскую Россию. В судьбе Г. П. Федотова Вторая мировая война стала причиной вынужденного переселения из оккупированной Франции в США. Уже из-за океана в своей публицистике он давал оценки драматическим событиям в Советской России и Европе. С первых своих публикаций, он определял Вторую мировую войну для СССР как отечественную. «Сейчас его Россия ведет свою вторую отечественную войну и, может быть, объективно спасает Европу от германского завоевания» [7, с. 64]. Проводя аналогии Отечественных войн, он по-разному оценивал роль России в освобождении Европы, указывая на несхожесть культур-

ных типов Александра I, для которого «Европа была настоящей родиной», и Сталина – «человека Востока». Эта спорная позиция Г. П. Федотова во многом продиктована его личным опытом жизни в годы революционного лихолетья, его отношением к тоталитарным режимам и приверженностью идеалам гуманизма, как понимал их Георгий Петрович.

Таким образом, анализ работ Г. П. Федотова показывает глубокий след отечественных войн в социокультурной жизни России, нашедший свое отражение в вершинах поэтических образов А. С. Пушкина, актуализировавших национальную тему в русской литературе и философии. Примечателен факт обращения к сокровищам российской культуры как источнику патриотической национальной силы в годы Великой Отечественной войны, распространению наследия Пушкина в народной среде, отмеченный Федотовым. Необходимо отдать должное и принципиальной честности, утраченной некоторыми современными историками, в оценке роли России в победе над фашистской Германией и ее союзниками Г. П. Федотова, лично крайне негативно относившегося к партийной власти СССР. В статье 1945 года он безапелляционно констатировал: «Надо сказать правду: это ее кровью главным образом куплена победа» [8, с. 190].

Список литературы

1. Федотов Г. П. Между двух войн // Собрание сочинений в 12 т. – М.: Матис, 2004. – Т. 9. – С. 210–227.
2. Федотов Г. П. О гуманизме Пушкина // Собрание сочинений в 12 т. – М.: Матис, 2004. – Т. 9. – С. 315–319.
3. Федотов Г. П. Проблемы будущей России // Собрание сочинений в 12 т. – М.: Sam & Sam, 2011. – Т. 5. – С. 129–195

4. Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Собрание сочинений в 12 т. – М.: Sam & Sam, 2013. – Т. 6. – С. 354–435
5. Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Собрание сочинений в 12 т. – М.: Sam & Sam, 2014. – Т. 7. – С. 130–150.
6. Федотов Г. П. Трагедия русской интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. – М.: Sam & Sam, 2012. – Т. 4. – С. 23–63
7. Федотов Г. П. Загадки России // Собрание сочинений в 12 т. – М.: Матис, 2004. – Т. 9. – С. 45–66.
8. Федотов Г. П. О любви к отечеству // Собрание сочинений в 12 т. – М.: Матис, 2004. – Т. 9. – С. 187–194.

УДК 37.035.6+7+8

Гашкова Е.М.

кандидат философских наук,

*Санкт-Петербургский государственный универси-
тет*

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: e.gashkova@spbu.ru

«Отечество славию, которое есть»

Gashkova E.M.

Candidate of Sciences (Philosophy)

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: e.gashkova@spbu.ru

“I praise the Homeland, which is”

Аннотация. Использование термина «Отечество» в культуре зачастую отсылало к историческому прошлому, во времена отцов, когда формировались те ценности и традиции, которые стало необходимым защищать и актуализировать в настоящем. Когда ценности приобретали бытийную устойчивость, проходили период становления, их связь с историческим прошлым, «делами отцов» становилась очевидна.

Ключевые слова: Отечество, патриотизм, историческая преемственность, моральный выбор, культурные традиции

Abstract. The use of the term "Homeland" in culture often referred to the historical past, in the time of the fathers, when those values and traditions were formed that it became necessary to protect and actualize in the present. When values acquired existential stability, a period of formation passed, their

connection with the historical past, the "deeds of the fathers" became obvious.

Key words: Homeland, patriotism, historical continuity, moral choice, cultural traditions

Земля отцов – отечество, изначально обозначала лишь место, где вы родились, то есть скорее «малую родину», чем Родину с буквы заглавной. Когда вспоминают античность с её идеей «*patria*», то подчеркивают, что место рождения, родной полис был основан особым, отдельным богом, который тоже происходил из этих мест и являлся родоначальником сообщества. С появлением христианства привязка к определённому месту жительства становится абсолютно неважной, поскольку добродетельным для христианина являлось непривязка к мирским вещам и понимание временности всего сущего, поэтому чуждость, странничество и отсутствие отечества земного – императивны. «Видим, что в этом мире человек, где он ни живет и где ни находится, называется жителем или гражданином того города, в котором дом свой имеет, например, московский житель – москвич, новгородский житель – новгородец, и прочее. Так и истинные христиане, хотя в этом мире и находятся, однако же имеют город в Небесном Отечестве, "которого Художник и строитель Бог" (Евр.11:10). И называются гражданами этого города. Город сей – Иерусалим небесный... Кто с верой, с надеждой и усердием ищет вечных благ, тот не обманывается, а получает их, так как «верен Обещавший» (Евр.10:23). Трудись и ты и сей ныне, сей с верой и надеждой. Не бойся: семя не погибнет. В руки нищих даешь, но в руках Христовых даваемое обретается и с великим прибытком к тебе возвратится. Положи в своем уме и затверди в своей памяти, что Отечество и дом твой – на небесах.»[1]. Византийская империя в своем хри-

стианском становлении привела народы, населявшие эту огромную территорию к пониманию единства их мира, мира Божьего, православного. Защита единой веры и Церкви от варваров и иноверцев и стала основной идеей этой империи, как впрочем и всех других, существовавших в истории. Что касается христианских требований, то в них не предписывается «любовь к Отечеству»; да, можно любить Родину и Отечество на уровне эмоций, чувств, но не на уровне веры. Перемены в сознании европейцев были связаны как с идеей рационализма, так и с идеями Просвещения, результатом которых стало распространение вольнодумства и атеизма. Апогеем явилась Великая французская буржуазная революция, которая заменила идею служения Государю, монарху, помазаннику Божию и защитнику Веры – идеей служения абстрактному государству/Отечеству, а не конкретному человеку-монарху. В веке девятнадцатом присоединилась идея Прогресса, которая рационалистически могла оправдать всё, даже разрушение государства, которое не соответствовало этой идее. Морально оправдано становится само это разрушение, служить такому государству не следует. На горизонте уже появилась интеллигенция, готовая взять эту миссию разрушения на себя. Следом встала задача конструирования новой культуры, никак несвязанной с предшествующей классической, «непрогрессивной». Эпоха философского модерна воспроизвела целую популяцию «инженеров человеческих душ».

Известно, что в молодом советском государстве вплоть до начала Великой Отечественной войны само слово «Отечество» было полузапретным, его не использовали в официальных речах и документах идеологического характера. Запрет этот приписывали лично Сталину, якобы это понятие отсылало к дореволюционной, имперской России, где было актуализировано в годы Первой Мировой

войны, ведь именно «поколение отцов» физически связано с прошлым, поскольку и родилось тогда, и защищало эту прошлую эпоху. Про прошлое Отечество не вспоминали и деятели культуры, особенно футуристы, они были мобилизованы на строительство и воспевание нового государства, нового строя: «Пою, моё Отечество, Республику мою!» (В.Маяковский). Задача формирования веры в «светлое будущее» требовала эмоциональной включенности, поскольку искусство было призвано вдохновлять на великие свершения, трудовые и военные подвиги. Это было особенно трудно, если автор не разделял «магистральную линию партии», но надеялся на научность теории построения коммунизма: «Отечество славлю, которое есть, но трижды, которое будет!» Публично выражать свое мнение, кроме одобрительного, было во все времена правом и привелегией для немногих. Большинство несогласных от осуждения переходит к этически нейтральной позиции: постоять в стороне, в ожидании, чем это закончится. Однако эта позиция невозможна, привносится моральное право на осуждение, хотя и нельзя делать гадости во имя Отечества.

Великая Отечественная война продемонстрировала, что новая страна сформировала народ, способный решать коллективные задачи огромного масштаба, все должны участвовать в этом процессе. Обращение И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои», — вернуло общество от формализованной обязанности и долга конституционной нормы к семейно-патриархальной традиции, на основе нравственного служения всеобщему. Современная ситуация СВО также проявила систему этических координат общества, заставила сделать моральный выбор в пользу своего Отечества.

Список литературы

1. Тихон Задонский. Об Отечестве Христианском / Тихон Задонский. Об истинном Христианстве. Книга 2. Гл. 3., Библиотека «Золотой корабль» RU, 2010, с.491.
http://www.golden-ship.ru/knigi/3/tihon_zadonsk_OIH2.htm#_Toc167518210

Григорьев И.В.

магистр культурологии

Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ivgrigorev@mail.ru

Война и воинство как основа для формирования правящего слоя государства в философии отечественных мыслителей второй половины XIX – начала XX вв.

Grigorev I.V.

Master of Cultural Studies

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: ivgrigorev@mail.ru

War and the army as the basis for the formation of the ruling class of the state in the thought of Russian philosophers of the second half of the XIX – early XX centuries

Аннотация. В докладе рассматриваются взгляды Н.С. Трубецкого и Н.А. Бердяева на представителей военного сословия как на элиту общества. Оба отечественных мыслителя признавали большое историко-культурное значение армии в контексте построения стабильного и процветающего государства.

Ключевые слова: элиты, война, армия, Н.С. Трубецкой, Н.А. Бердяев.

Abstract. The report examines the views of N.S. Trubetskoy and N.A. Berdyaev on representatives of the military class as the elite of society. Both Russian thinkers recognized the great

historical and cultural importance of the army in the context of building a stable and prosperous state.

Keywords: elites, war, army, N.S. Trubetskoy, N.A. Berdyaev.

Проблема элит затрагивалась отечественными мыслителями второй половины XIX – начала XX веков и в ходе размышлений о смысле и значении военного дела, об армии как особом социальном институте.

Как справедливо отмечал Н.С.Трубецкой, «во всяком государстве должен существовать правящий слой, но основные признаки, по которым такой слой отбирается, не во всех государствах одинаковы» [4, с. 325]. Согласно философу, существуют разные типы отбора (аристократический, плутократический, демократический и т.д.) и соответственно с этим также разные типы государств. В свою очередь тип отбора определяет собой не только тип государственного устройства, но и тип социального строения общества, тип народного хозяйства и культуры [6, с. 334]. Евразийское же учение, как писал Трубецкой, придерживается идеократического типа отбора, главным признаком объединения правящего слоя которого является общность мировоззрения. Отдельную работу об идеократии Трубецкой посветил армии.

Трубецкой замечает, что в связи с тем, что армия по своей сути требует иерархичной структуры, наиболее органичной была бы та ситуация, при которой командный состав армии состоял бы из членов правящей элиты государства. И такое возможно при аристократическом типе рекрутирования элит, когда «насыщение командного состава армии представителями правящего слоя происходит совершенно легко и естественно» [4, с. 325]. Более того, многочисленные аристократические династии военных обеспечивают достойные офицерские кадры. При этом армия постоянно пополнялась новыми солдатами неаристо-

кратического происхождения, которые, продвигаясь по военной службе, органично входили в дворянскую среду: «...наличность в командном составе значительного числа представителей аристократии налагает отпечаток на все офицерство. Офицеры-аристократы задают тон, и все другие офицеры за ними тянутся... неаристократические армейские офицеры стараются подражать гвардейским...» [4, с. 326]. Безусловно, благодаря такой тесной связи между командным составом армии и правящим слоем в аристократическом государстве положение военнослужащих оказывалось весьма высоким. Интересы же армии как социального института «всемерно соблюдаются и охраняются государственной властью и стоят чуть ли не на первом месте в государственном быту» [5, с. 310]. Такое положение военных давало им возможность непосредственно влиять на политику.

Замечал Трубецкой и то, что «дух воинственный» по существу есть «дух аристократический», так как в профессиональном военном деле «установка на эпический героизм, на воинскую славу предков» соединяется с пафосом дисциплины, иерархичного подчинения и готовности к самопожертвованию [4, с. 326]. В демократическом же государстве положение армии, по Трубецкому, становилось иным. Элиты, отобранные на выборах по признаку популярности в близком обществе, наполняются профессиональными политиками, которые умеют манипулировать массами. В итоге такому правящему слою приходится мириться с тем, что иерархическая армия существует, являясь при этом в государстве «как бы посторонним телом, ходячим противоречием всему режиму». Именно поэтому элиты демократических режимов стараются всеми силами уменьшить влияние военных на общество и государство. Однако при своем «антимилитаризме» демократические элиты (которые нередко становятся плутократическими),

могут быть вполне воинственными, развязывая конфликты во имя рыночно-капиталистических целей. Разумеется, цели обогащения определённых слоев демократического государства являются слабой мотивацией для отдельных солдат.

Согласно учению Трубецкого об идеократическом строе, который должен был прийти на смену демократическому, при идеократическом типе отбора в элиту члены правящего слоя связываются друг с другом «общностью мирозерцания», «объединяются в особой государственно-идеологической организации»: «При этом режиме государство не беспринципно, а исповедует определенное мирозерцание, при этом мирозерцание постоянное, не зависящее от исхода выборов или каких бы то ни было других внешних событий или обстоятельств. Естественно поэтому, что это государственное мировоззрение не только может, но непременно даже должно быть привито армии, являющейся опорой и органом государства» [4, с. 329]. Объединение общества на основе той или иной большой государственной идеи, как отмечал публицист, решило бы проблему разрыва между командным составом армии и правящим слоем государства, уничтожило бы пропасть между военными и штатскими. Более того, в государстве, построенном на идеократических началах, военнотруженики вновь приблизились бы к статусу элиты общества, подобно тому, как это было при аристократическом строе. Только теперь армия как социальный институт была бы лишена пережитков «старого порядка»: слишком глубокой пропасти между командным составом и солдатской массой, чрезмерно сильного и одностороннего влияния дворянских военных кругов на политику страны.

Иной взгляд на проблему элитарности армии выражал Н.А.Бердяев. По его мнению, «армия есть мистический организм». И в этой связи не большая государствен-

ная идея, а как раз наоборот самоотречение во имя самопожертвования делают военнослужащих «аристократами духа» – подлинными элитами [2,3]. С некоторым трепетом писал Бердяев о войне, видя в ней особый мистический и вместе с тем величественный смысл: «Рациональная и моральная критика войны предполагает распыление всех таинственных духовных реальностей» [1, с. 243]. В этой связи философ подчеркивал необходимость сохранения в армии как социальном институте принципа иерархичности: «Иерархическое начало в армии и есть начало, для личности иррациональное. Война есть выражение иррациональности жизни, она громко говорит о невозможности рационализировать жизнь без остатка. Демократизация армии и есть ее рационализация, т. е. убийство единой души армии, распадение ее на атомы... Душа масс распадается, атомизируется, когда массы выпадают из покорности таинственным священным целям жизни» [1, с. 243]. По мысли Бердяева, война для каждого отдельного человека есть особый религиозный опыт, которому нужно смиренно отдаться. В этом и состоит элитизация духа. В основе принятия войны, как писал философ, лежит вера в высшие реальности, христианская этика, согласно которой все не исчерпывается земной жизнью.

Развивая тему войны, Бердяев сетовал на то, что вместе с крушением «старого порядка» из войны как явления исчезло бывшее благородство. Он критиковал революционеров, которые войне народов, войне подобной дуэли, противопоставили войну классов. Философ осуждает классовую борьбу как борьбу с аристократизмом, в ходе которой народ сознательно истребляет элиту общества, столь необходимую для развития государства: «В исторических войнах народов никогда не бывает такого отрицания человека, как в революционных войнах классов и партий. Война имеет свою обязательную этику отношения к противни-

ку. Доблестного врага хоронят с воинскими почестями. В революционных классовых войнах все считают дозволенным, отрицается всякая общечеловеческая этика. С врагом можно обращаться как с животным. Война не нарушает космического иерархического строя, она соподчинена ему. Нарушает его лишь “гражданская война”» [1, с. 244]. Социальная борьба, таким образом, опасна, по мнению Бердяева тем, что она отрицает целостность и общность государства с выстроенной сословной структурой. В этой связи он подчеркивал, что борьба классов знает лишь общность или противоположность интересов, но она не знает общности или противоположности духа: «Не таинственные цели, не исторический рок народов порождает гражданские войны, а цели, для рассудка понятные, цели, связанные с выпадением человека или человеческих групп из организма» [1, с. 245].

Размышляя об армии как об элите общества Трубецкой полагал, что после крушения сословности в армии может возникнуть идейный кризис. Философ критиковал демократические режимы за то, что они отодвигают военное сословие на задворки общества, лишают его престижа. По мнению идеолога евразийства, социальные классы в государстве должна объединять выработанная государством идеология. Так, например, при идеократическом режиме военнослужащие вновь займут то почетное место, которое они занимали до революции. Бердяев же описывал армию как мистический организм. Представителей военного сословия он не рассматривал в рамках тогдашней социальной структуры. По его мнению, элитаризм представителей армии по умолчанию следует из того, что они готовы пожертвовать своей жизнью во имя высоких целей. В таком мировоззрении Бердяев видел религиозные основания, которые позволяли ему характеризовать армию как иерархический, а, следовательно, аристократический ин-

ститут если не по реальному положению в обществе, то определённо по духу.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Письмо одиннадцатое. О войне // Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 237-250 с.
2. Бердяев Н.А. Письмо тринадцатое. О культуре // Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 269-284 с.
3. Бердяев Н.А. Письмо шестое. Об аристократии // Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 135-153 с.
4. Трубецкой Н.С. Идеократия и армия // Евразийство: избранное. М.: Инфра-М, 2023. – 320-332 с.
5. Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийство: избранное. М.: Инфра-М, 2023. – 307-315 с.
6. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Евразийство: избранное. М.: Инфра-М, 2023. – 333-337 с.

Ильин Е.В.

*кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Санкт-Петербург, Россия*

Сохор Т. Е.

*магистр культурологии,
Институт истории
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: sohor@mail.ru*

Выстраивание культурного пространства памяти универсантами-фронтовиками (по материалам газеты «Ленинградский университет», 1945–1995 годы)

Ilyin E.V.

*Candidate of Historical Sciences
St. Petersburg State University
Institute of History of
St. Petersburg, Russia*

Sokhor T. E.,

*Master of Cultural Studies
St. Petersburg State University
Institute of History of
St. Petersburg, Russia
E-mail: sohor@mail.ru*

Building a cultural space of memory by front-line universalists (based on the materials of the Leningrad University newspaper, 1945-1995)

Аннотация: На страницах многотиражной газеты «Ленинградский университет» всегда отражались самые яркие события, происходившие в ЛГУ. В статье рассказывается как универсанты встретили Великую Победу и как сохраняли о ней память.

Ключевые слова: Великая Победа, Великая Отечественная война, газета «Ленинградский университет», памятник «В бессмертие ушедшим», группа «Поиск»

Abstract. The pages of the Leningrad University newspaper have always reflected the most striking events that took place at Leningrad State University. The article describes how the universalists met the Great Victory and how they preserved its memory.

Keywords: The Great Victory, the Great Patriotic War, the newspaper "Leningrad University", the monument "To the immortality of the departed", the Search group

После возвращения университета из эвакуации, газета «Ленинградский университет» 20 февраля 1944 г. посвятила специальный номер 125-летию университета. В нем был опубликован доклад ректора А.А. Вознесенского, где впервые было озвучено количество универсантов, ушедших на фронт: «две с половиной тысячи студентов и научных работников», которые «надели военную форму, сменили книги на винтовки и ушли на фронт в первые дни войны». Потом последует почти полвека поисков, чтобы восстановить почти все имена.

Ленинград оживал после изнурительной блокады, а вместе с ним оживал и университет. 1 октября 1944 г. начался учебный год, и вновь поступившим и продолжающим обучение студентам В.В. Мавродин дал такое

напутствие: «Будьте достойны тех, кто в суровые, славой овеванные и кровью омытые исторические дни августа–сентября 1941 года, сменил книгу и микроскоп на винтовку и зажигательную бутылку и, учась бою, в бою остановил натиск орд “моторизованного Аттилы” у самых ворот Ленинграда».

Университет в послевоенные годы до начала 2000-х гг. является результатом культурного сознания сотен вернувшихся с фронта людей. Их помыслы были направлены на созидание, сохранение советского государства, которое они отстояли в тяжелейшей битве с врагом. Кроме памяти о жестоких боях, голода, разоренной страны, фронтовики хранили память о своих ушедших друзьях, коллегах, родных... Все эти мысли и идеи так или иначе отражались на страницах многотиражной газеты «Ленинградский университет» (позднее «Санкт-Петербургский университет»), выпускающими редакторами которой в разное время также были ветераны Великой Отечественной войны — В.Ф. Барабанов и А.Ф. Бережной.

Фронтовики, пришедшие в конце 1940-х — начале 1950-х годов в университет, защищали первые диссертации, писали учебники и монографии, разрабатывали учебные программы, становились преподавателями, занимая места своих погибших учителей. Однако для сохранения памяти о войне и колоссальных потерях в ней, нужны были герои, не только в масштабах страны, но, прежде всего внутри самого университета. Память о героях-универсантах старались зафиксировать не только в «разговорах о важном» и публикациях в многотиражной газете, но и привлекая к ее сохранению студенчество. Так в конце 1950-х гг. появились лыжная эстафета памяти студента философского факультета В.И. Дорофеева (1907–1942), командира 70-го партизанского батальона Василеостровского района, а 5 мая 1967 г. на Менделеевской линии

впервые была проведена легкоатлетическая эстафета памяти выпускника исторического факультета В.В. Васильковского (1915–1941), «погибшего смертью героя, закрыв собой амбразуру вражеского дзота, обеспечив успех атаки своего подразделения».

Среди вернувшихся фронтовиков, прошедших пекло войны, выделялся секретарь ВЛКСМ ЛГУ М.О. Малышев, приветствовавший универсантов в день объявления Великой Победы с балкона главного здания. О подробностях подвига М.О. Малышева долгие годы было мало известно, и лишь с середины 1960-х гг. в газете стали публиковаться эссе с рассказами о его работе в глубоком тылу врага.

Газета безусловно несла в себе часть эпохи и с точки зрения хроники, и с точки зрения цензуры. В первые послевоенные годы материалы, посвященные Великой Отечественной войне и уже тем более блокаде Ленинграда, были нечасты. Тем не менее материал, представленный в первых послевоенных выпусках газеты, чрезвычайно интересен манерой подачи и необычными сюжетами. Цикл публикаций о Великой Отечественной войне открывают репортажи о митинге универсантов в честь объявления окончания войны на Менделеевской линии. По прошествии 80 лет репортаж «дышит» необыкновенной радостью и большим эмоциональным подъемом. В 1946 г. в газете появляется рубрика «Они сражались за Родину», где в небольших заметках рассказывалось о фронтовиках. Необычный проект, в котором участвовала и команда ЛГУ, был создан ленинградскими физкультурниками в честь Дня Победы — легкоатлетическая эстафета, проходящая по пути следования Гвардейских частей, возвратившихся в Ленинград после победы над врагом. Маршрут проходил из трех пунктов — от Нарвских ворот, Московского райсовета и фабрики Ногина — в сторону Дворцовой площади.

Протяженность каждого маршрута — 8 300 м. В газете было отмечено, что 1948 и 1950 гг. победу в этой эстафете завоевала команда ЛГУ.

Однако ужасы войны пытались поскорее забыть, и с конца 1940-х гг. публикации о фронтовиках и войне стали редко появляться на страницах газеты. Удивительно, но к 10-летию начала войны газета не поместила ни одной заметки на эту тему. Такая несправедливость не устраивала фронтовиков и с конца 1950-х гг. они начали публиковать в газете свои воспоминания, размышления, исследования. Постепенно рубрики, посвященные сохранению памяти о Великой Отечественной войне стали обязательными в университетской газете, а к 20-летию Победы под руководством начальника военной кафедры генерал-майора артиллерии И.П. Кныша была открыта мемориальная доска в Главном здании.

Слово «фронтовик» со временем стало уходить из лексикона газеты, заменив его на слово «ветеран». В 1967 г. был создан Совет ветеранов ЛГУ, помогавший сохранять память о людях, отдавших свои жизни за свободу и счастье последующих поколений.

Особое внимание к проблемам национально-культурной памяти стало уделяться в газете с 1970-х гг. Кроме визуальных героев, рассказы и исследования о которых появлялись в университетской печати, ветераны остро чувствовали необходимость закрепления истории «в камне», в крупных словарях, комнатах боевой славы на факультетах.

Попытки «назвать всех поименно» начались еще во время блокады Ленинграда. После войны материал собирался в частном порядке до 1981 г., когда была организована группа «Поиск» на историческом факультете. Необычную историю ее появления рассказал в газете предсе-

датель совета ветеранов исторического факультета В.И. Саранкин.

Военно-патриотическая работа в разные годы шла по линии ВЛКСМ, военной кафедры, Совета ветеранов и в исследованиях историков. 1970-е — 1980-е гг. — пик военно-патриотической работы в советский период. Газета отмечает огромное количество разных мероприятий, подготавливаемых к памятным военным датам. Проводились экскурсии по местам боев, работала группа «Поиск», готовились материалы к «Книге памяти», выпускались монографии, посвященные воинам-универсалам, ставились спектакли в университетском театре и клубах самодеятельности на факультетах, активно выступал знаменитый хор, организованный его бессменным руководителем Г.М. Сандлером, прошедшим сквозь годы войны.

Кульминацией работы ветеранов в деле сохранения памяти о Великой Отечественной войне является закладка и установка памятной стелы «В бессмертие ушедшим» в 1985 г. во дворе Главного здания.

Традиции и идеология всегда влияли на психологию масс, создавая устойчивые тренды, которые могли меняться, создавая новые традиции взамен устаревших. В результате систематической работы ветеранов по выстраиванию, а позднее формированию культуры памяти и ее поддержанию, некоторые из традиций сохранились до сегодняшнего дня (кросс памяти В.В. Васильковского), другие — значительно трансформировались. Если в 1965 г. в ЛГУ насчитывалось 941 ветеран, то на сегодняшний день — единицы, но их дело успешно продолжает жить уже четверть века в «Вахтах Памяти» и лыжных походах студенческого поискового отряда «Ингрия», музеи и экскурсиях по местам боевой Славы Центра по изучению военной истории.

УДК 930.85:316.752

Ким М.Ш.

магистр культурологии

Санкт-Петербургский государственный университе

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: maximkim322@gmail.com

Война в культурном сознании Древней Руси

Kim M.Sh.

Master of Cultural Studies

St.-Petersburg State University

St.-Petersburg, Russia

E-mail: maximkim322@gmail.com

War in the cultural consciousness of Ancient Rus'

Аннотация. Особое отношение к войне — важная часть культурного сознания России, корни которого уходят в культуру Древней Руси. Анализ источников показал, что в его основе лежали патриотизм, сакрализация Родины, не-нападение, единство.

Ключевые слова: война в культуре, древнерусская литература, воинские повести, ценности.

Abstract. Special attitude to war is an important part of the cultural consciousness of Russia, whose takes roots to the culture of Ancient Rus'. Analysis of the sources showed that it was based on patriotism, the sacralization of the homeland, non-aggression, unity

Keywords: war in culture, ancient Russian literature, military tales, values.

Война занимает особое место в культурном сознании российского общества. Об этом говорит, как минимум то, что центральное положение в современной исторической политике занимает Великая Отечественная война, а память о ней является фундаментом современного российского общества, основой его консолидации. Более того, не будет преувеличением сказать, что преимущественно коммеморативные практики, реализуемые в России, фокусируются на теме военных подвигов и памяти о войне [1].

Однако было бы ошибкой утверждать, что это актуально только для современности. Особое отношение к войне в отечественной культуре, как будет показано, имеет древнерусские корни. Отечественные войны, то есть освободительные или оборонительные, стали одной из центральных тем древнерусской литературы, с одной стороны, отражающие культуру, ценности и мировоззрение народа, с другой стороны, поддерживая их и культивируя в последующих поколениях.

Всякая освободительная борьба, будь то Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война или средневековые освободительные войны, нуждалась в объяснении, оправдании и мотивации, которые в контексте Древней Руси оформлялись в летописях, агиографии, повестях. Все это кодировало культурное сознание человека под актуальную проблему, в случае с Россией на протяжении всей ее истории — это борьба за выживание, оборона страны.

Древнерусская книжность оформляла и фиксировала конкретный дискурс, связанный с войной, наполняя его ценностями, структурируя культурное сознание общества. В первую очередь, необходимо отметить, что средневеко-

вая русская литература отличается явным патриотическим пафосом своих произведений, призывами действовать за Отечество. В связи с чем древнерусские книжники, в частности, постоянно использовали устойчивую формулировку, как, например, в Повести о Довмонте: *«Братия мужи псковичи, потягнете за святую Троицу и за святые церкви, и за свое отечество»* [2]. Учитывая теоцентричность древнерусской культуры, указание Родины в одном ряду с религиозными святынями, очевидно, указывает на ее сакрализацию в сознании народа, а освобождение или защита ее, таким образом, становится религиозным долгом. Неудивительно, что древнерусские книжники для обоснования войны или какой-либо вооруженной борьбы в первую очередь обозначали вражескую сторону как язычников, «поганных» или «латинян».

Другим элементом культурного сознания в отношении к войне является стремление к сохранению собственной идентичности. Для средневекового русского общества быть собой значит прежде всего сохранить свою веру. В Лаврентьевской летописи, например, мы можем встретить следующие слова: *«Братья, лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую Богородицу и за правоверную веру христианскую»* [3]. С одной стороны, смерть за веру то же самое что смерть за идентичность, самоопределение, за свою самость. С другой стороны, конечно, это и жертва за веру, за жизнь вечную. В уста Дмитрия Донского летописец вложил слова: *«Если останемся живы — для Господа, если умрем за мир сей — для Господа!»* [4]. Фатальность видения жизни русского сознания коррелирует со стремлением *«положить душу свою за други своя»*, причем порой с особым рвением: *«Лучше нам смертью жизнь вечную добыть, нежели во власти поганных быть. Вот я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые*

Божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего...» [3].

В связи с жертвенностью, готовностью отдать жизнь особенно отчетливо проявляется мотив борьбы за землю — именно земля, территория становится олицетворением Отечества, которую воин стремится защищать, пожертвовав собой. Здесь же отражается отношение сознания русского народа к земле как к матери, источнику жизни. Эта же земля является и центральным элементом самоидентичности, ассоциирующей себя с Русью, а в период раздробленности, например, с домом Святой Троицы (Псковщина), с домом Святой Софии (Новгородщина) и др [5]., что выразилось в устойчивых формулировках средневековой русской литературы.

Важной составляющей культурного сознания является вера в справедливость оборонительной или освободительной войны, в противовес наступательной. Древнерусская книжность, как отмечал Д. С. Лихачев, в своем развитии тематически перешла от восхваления походов на чужие территории в первые века истории Руси к теме обороны и освобождения своих земель, что связано с новой этической установкой, касающейся войны [6]. Мотив ненападения прослеживается, например, в повести о житии Александра Невского: *«Боже... установивший пределы народам, ты повелел жить, не преступая чужих границ»* [8]. Вторит ему уже упомянутый Дмитрий Донской в Пространной летописной повести о Куликовской битве: *«Господи, не велел ты в чужой предел вступать, я же, Господи, не вступил. Этот же, Господи, окаянный Мамай, пришедший, как змей к гнезду, нечистый сыродец, на христианство дерзнул, и кровь мою хочет пролить, и всю землю осквернить, и святые церкви Божий разорить»* [4].

Другой важной чертой является осуждение междоусобиц и призыв к единению против врагов внешних. При-

зыв автора «Слова о полку Игореве» к единению русских князей проходит лейтмотивом по всей последующей литературной традиции. Поражение князя Игоря стало следствием разобщенности Руси, что осознавалось современниками и потомками. В этой связи необходимо вспомнить первых русских святых – братьев-князей Бориса и Глеба. Согласно агиографической традиции, Борис и Глеб были убиты своим братом, отказавшись идти на него войной и сопротивляться. Тем не менее, именно они стали воинами-покровителями Руси, а их имена призывали перед битвами: *«Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые... Защищаете свое отечество и помогаете так же, как и великий Димитрий своему отечеству... Но если великий и милосердый Димитрий об одном лишь городе так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!»* [7]. В контексте вышесказанного противоречия здесь нет — бороться, согласно древнерусской этике, нужно с внешним врагом, но не идти на борьбу со своими соотечественниками, не усиливать разлад и междоусобицы.

Патриотизм, идентификация себя Русской землей, сакрализация Отечества и его обороны, важность сохранения самости и веры, стремление к сплоченности, а также постулирование ненападения и осуждение агрессии — все это, как представляется, актуально для российского культурного сознания как во время двух Отечественных войн, так и в целом на протяжении всей истории России. Корнями же эти ценности, как было показано, уходят в первые века российской государственности и отражены в древнерусской литературе, отражавшей и закреплявшей их в культурном сознании народа.

Список литературы

1. Аникин Д. А. Военные коммеморации в образовательном пространстве современной России: советское наследие и новые практики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-kommemoratsii-v-obrazovatelnom-prostranstve-sovremennoy-rossii-sovetskoe-nasledie-i-novye-praktiki> (дата обращения: 21.09.2025).
2. Охотникова В. И. Повесть о Довмонте (Исследование и тексты). Л.: Наука, 1985.
3. Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985.
4. Летописная повесть о Куликовской битве/ Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Салминой // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4981> (дата обращения: 21.09.2025).
5. Крылов М. О. Культ Святой Троицы в Пскове и его трансформация в связи с изменением политической обстановки во второй половине XV в. // Власть. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-svyatoy-troitsy-v-pskove-i-ego-transformatsiya-v-svyazi-s-izmeneniem-politicheskoy-obstanovki-vo-vtoroy-polovine-xv-v> (дата обращения: 21.09.2025).
6. Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л.: Сов. писатель, 1981.
7. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступит. статья Д. С. Лихачева; сост. и общ. ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. – М.: Худож. лит., 1978.
8. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / Вступит. Статья Д. С. Лихачева: Общ. Ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. Лит., 1981.

УДК 355.01

Коленько С. Г.

кандидат культурологии

*Санкт-Петербургский государственный универси-
тет,*

Институт философии

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: s.kolenko@spbu.ru

Коленько Г. С.

кандидат технических наук

ООО «Винета»,

г. Никольское, Лен.обл, Россия

E-mail: gidrat@mail.ru

Ржевское откровение

Kolenko S. G.

PhD in Cultural Studies

Saint Petersburg State University,

Institute of Philosophy

Saint Petersburg, Russia;

E-mail: s.kolenko@spbu.ru

Kolenko G. S.

PhD in Technical Sciences,

Vineta LLC,

Nikolskoye, Leningrad.region, Russia

E-mail: gidrat@mail.ru

The Rzhev revelation

Аннотация. Ржевский мемориальный комплекс – шедевр скульптурного искусства нашего времени, насыщенный

поэтическими аллюзиями и рождающий целую гамму чувств по отношению к подвигу наших отцов и дедов: от восторженного удивления до молитвенного преклонения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, подвиг советских солдат, современное искусство, скульптурная аллюзия, историческая память.

Abstract. The Rzhev Memorial Complex is a masterpiece of modern sculptural art, rich in poetic allusions and evoking a whole range of emotions in relation to the heroic deeds of our fathers and grandfathers: from rapturous wonder to prayerful reverence.

Keywords: Great Patriotic War, heroism of Soviet soldiers, contemporary art, sculptural allusion, historical memory.

Мемориальный комплекс в память советских солдат, павших в боях подо Ржевом в 1942 – 1943 годах, открыт летом 2020 года. Скульптор Салават Щербаков, автор монумента, назвал его «вехой из прошлого в будущее». Веха, дорожный верстовой столб, верста – по-простонародному. «Шест, служащий для указания пути, границ земельных участков...» Удивительное начинается уже здесь, в авторском определении. Прозаический текст Большого толкового словаря обретает поэтическое звучание, наполняется загадочным смыслом. Указание пути... А путники – это кто? Мы. Живущие сейчас. А вот этот «шест», этот знак – указатель границ. Только не земельных участков, конечно. Границ истории. Границ прошлого и настоящего. Портал для путешествующих во времени. Здесь можно войти в прошлое, чтобы затем, выйдя из него, посмотреть другими глазами на наше настоящее. Прошлое – это история подвига. Настолько великого, что его невоз-

можно осознать до конца, постигнуть умом. Ему можно только удивляться и преклоняться. А что наше настоящее? Наше будущее? Какова будет следующая вежа? Что скажут о нас наши потомки?

Ржевский памятник вызывает целую симфонию чувств. Это, в первую очередь, конечно же, связано со скульптурной аллюзией, отсылкой к знаменитой песне «Журавли». Песня, являющаяся одним из самых ярких символов советской эпохи, символом исторической памяти, живущей в коллективном сознании нашего народа.

Воспаряющий над землей, удаляющийся от земли на небо. Положивший «душу свою за други своя». И... «как Христос возносится от земли на небо», — возникают в памяти слова церковного песнопения. Этот скульптурный шедевр — явление нашего времени. Глазами нашего поколения смотрит художник в прошлое. Вместо монументального основания (зрительно воплощающего смысл точки, восклицательного знака, указующего перста — «Остановись! Вот то самое место, где...») — некий люфт, пауза, наполненная удивлением («как же это?»), за которой следует внутреннее движение к этой фигуре, к лицу — усталому, но спокойному (опять — «как же это?»). Эта будоражащая загадка не дает покоя зрителю: он — воин — встретил смерть и — спокоен? Он победил врага. А значит, он победил смерть. Эта гора уподобилась Елеонской горе, а воин — Христу. Все они, «жизнь свою за други своя положившие», уподобились Христу, который «смертию смерть поправ».

Журавли (а может быть, ангелы в виде журавлей), возносящие солдата, кажется, движутся на фоне движущихся облаков (так высок этот памятник, что единственный фон для него — это облака). А имена и фамилии павших солдат не выбиты в граните (как могло бы это выглядеть в памятниках ушедшей эпохи), а светятся в прорезях

железа — все они прошли сквозь железо и стали цвета неба: сквозной резьбой запечатлены в монументальном ансамбле более 17 тысяч фамилий павших героев. И, конечно же, музей, где все покажут и расскажут. И, конечно же, бессмертные строки Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом»... За пять лет со дня открытия монумент посетили 7 миллионов человек...

Список литературы

1. Ржевский мемориал. О проекте. URL: / <https://rzhev.histrf.ru/about> (Дата обращения: 27.09.2025)
2. Объединяя страны: состоялась экспедиция к ржевскому мемориалу / Tverigrad от 10 мая 2023г. URL: <https://tverigrad.ru/publication/obedinjaja-strany-sostojalas-jekspedicija-k-rzhevskomu-memorialu/> (Дата обращения: 27.09.2025)

Кужбанова А.А.

Ленинградский государственный университет им.

А.С.Пушкина,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: adiakuzh@gmail.com

Кутищева А.А.

Ленинградский государственный университет им.

А.С.Пушкина,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: anastasunychka@icloud.com

**Четыре этапа восприятия Великой Отечественной
Войны в произведениях советских писателей.**

Kuzhbanova A.A.,

Pushkin Leningrad State University,

Saint-Petersburg, Russia

E-mail: adiakuzh@gmail.com

Kutishcheva A.A.,

Pushkin Leningrad State University,

Saint-Petersburg, Russia

E-mail: anastasunychka@icloud.com

**Four stages of perception of the Great Patriotic War
in the works of Soviet writers.**

Аннотация. В статье рассматриваются этапы развития советской литературы, посвященной тематике Великой Отечественной Войне. Проведен анализ текстов писателей СССР в период с 1940-х по 1980-е годы. Их творчество рассматривалось в контексте советского общелитературного процесса. Предметом исследования выступает периоди-

зация советской военной литературы, основанной на изменении подходов к рассмотрению исторических событий, имеющих место во время Великой Отечественной Войны. Так же в статье рассмотрено влияние политических изменений в Советском Союзе на формирование новых взглядов на тему войны в советской литературе.

Ключевые слова: Великая Отечественная Война, период, эпоха, советский, литература, проблема.

Abstract. The article examines the stages of the development of Soviet literature devoted to the Great Patriotic War. We analyze literary work from the 1940s to the 1980s, considering the context of the Soviet literary process. The subject of the study is the periodization of Soviet military literature based on a change in approaches to the consideration of the Great Patriotic War. The article also examines the impact of political changes on the formation of views on the topic.

Keywords: The Great Patriotic War, Period, Stage, Era, Soviet, Literature, Work.

Литература, как сфера художественной деятельности, раскрывает определенную тему постепенно. Со временем в проблематике актуализируются новые вопросы, может меняться взгляд на те или иные события. Важно замечать последовательность развития данной темы, так как это позволяет проследивать уровень осознания проблемы не только в художественном мире, но и в обществе. Восприятие событий, произошедших в период Великой Отечественной Войны, в советской художественной литературе происходило в поэтапном порядке. Разные взгляды на события, произошедшие во время Великой Отечественной Войны, напрямую зависели не только от внутреннего их

восприятия интеллигенцией Советского Союза, но и от общественно-политических событий. Постепенно увеличивалось количество вопросов, ответы на которые необходимы для понимания событий, происходивших в этот период. Произведения советских авторов, которые раскрывают тему Великой Отечественной Войны, можно разделить на четыре этапа.

1. Литературные произведения, написанные непосредственно в период Великой Отечественной Войны, носят публицистический характер. Это записи современников — участников войны, создававшиеся “по горячим следам”. Работы носят репортажный, документальный характер, многие из них публиковались в периодических изданиях того времени[1;с.46]. Произведения описывают жестокость противника, военные преступления, совершенные на оккупированных территориях, а также в ранее завоеванных странах Европы. Часто авторы используют очерк как лаконичную форму выражения своих мыслей. В литературных памятниках этого периода освещается тема концентрационных лагерей («Треблинский ад» В.С. Гроссмана), рассказывается судьба европейских территорий ранее захваченными гитлеровцами («Падение Парижа» И. Эренбург). В военных газетах печатаются стихотворения, содержащие плакатные лозунги с призывом к бескомпромиссной борьбе с врагом (К. Симонов «Жди меня» и «Убей его!»)[2;с.262]. Активно создаются пьесы, посвященные военным событиям первых двух лет Великой Отечественной Войны (К. Симонов «Русские люди», Л. Леонов «Нашествие», А. Корнейчук «Фронт»). Образ солдата-бойца и защитника Родины приобретает грандиозные, в некоторых случаях былинные черты (стихотворения А. Софронова о донских казаках). Одним из самых заметных произведений военной литературы данного этапа стала поэма А. Твардовского «Василий Теркин», создавшая обобщенный

образ сообразительного, смекалистого солдата, существование которого вне контекста войны практически невозможно.

2. Эпоха «первой» оттепели, условно определяемая границами 1953-1958 годов, ознаменовалась новым этапом в осмыслении темы войны в литературном творчестве (как и в кинематографе, экранизирующем данные произведения). Важной вехой в освоение военной темы стало формирование литературного движения, известного как «лейтенантская проза». Произведения данных авторов, в частности, тексты Ю. Бондарева («Тишина», «Батальоны просят огня», ранняя проза Г. Бакланова). В данных произведениях отражается не только повседневный военный быт солдат, но и ставятся экзистенциальные вопросы, касающиеся не только войны за правое дело, но также стимула, позволившего советскому народу одержать победу над врагом. Затрагивается тема предательства, морального выбора на фронте, подробно разрабатывается тема послевоенной дружбы. Впервые ставится вопрос о моральных качествах народа (соотношение в его внутреннем мире русского и советского), которые позволили одержать победу в войне (В. Гроссман «За правое дело»).

3. Эпоха «второй» оттепели, определяемая в границах 1958-1964 годов привнесла в литературу о войне «гуманистическое начало». Важными произведениями этого яркого, но краткосрочного этапа осмысления событий войны стали: сценарий Е. Габриловича «Коммунист», позже экранизированный в одноименном фильме Ю. Райзмана. На данном этапе большую роль в осмыслении военной темы играет так же формирующаяся бардовская песня. Произведения, вышеупомянутого Б. Окуджавы («Эх, война, что ж ты наделала подлая» и др.) стали значительной вехой в осмыслении нового взгляда на события Великой Отечественной Войны. Аналогичными настроениями проникну-

ты так же повесть Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр», проза В. Астафьева начала 60-х годов («Звездопад»). Произведения К. Воробьева подчёркивает важность утраты молодых жизней на фоне успешной борьбы советских солдат с завоевателями («Убиты под Москвой», «Крик»). Для данного этапа так же остается характерным появление киносценариев, раскрывающих судьбу молодого солдата (киносценарий Л. Зорина «Мир входящему», совместный киносценарий П. Тодоровский и Б. Окуджавы «Верность»). Больше внимания уделяется внутреннему миру простого солдата, часто авторы смещают фокус повествования с общественной роли солдата-защитника на личностные переживания солдата-человека, на первое место впервые вступает не категория «героизма», а категория «трагическая»[3; с.733].

4. Четвертый период советской литературы, посвященной войне, охватывает временной промежуток 1970-х-1980-х годов. В данное время экзистенциальное осмысление истоков победы в Великой Отечественной войне достигло своего апогея. Важным автором этого периода стал В. Быков, который рассматривает войну, а в особенности войну партизанскую, как предлог для выявления в человеке его действительных внутренних качеств, которые создаются в пограничных, предельных ситуациях[4; с.22]. Идеалом настоящего солдата для писателя становится практически самурайская верность, полное презрение к смерти. «Пойти и не вернуться», «Дожить до рассвета» повествуют не о батальных боях и о масштабных операциях, а о «маленькой», «незаметной» войне в тылах противника.

5. Тема локальных сражений Великой Отечественной Войны так же стала важной приметой литературы данного этапа (Б. Васильев «А зори здесь тихие»). Повесть «Сотников» В. Быкова рассказывает о гибели маленьких, незаметных людей, которые совершают свой незамечен-

ный подвиг прежде всего из верности своим внутренним идеалам. Герои В. Быкова выигрывают войну, потому что они мотивированы, преданы своим идеалам, ценят жизнь простых молодых солдат и готовы ради этого пойти на спор с командованием («Его батальон»). Большое внимание на данном этапе так же уделяется работе разведчиков, занятых вычислением диверсантов противника. Этой так же не очень «заметной» войне посвящено произведение В. Богомоллова «В августе 44-го» («Момент истины»). В Богомоллов подчеркивает, что определяющим в победе стала не только мотивация, не только преданность Родине, но и профессионализм, а также холодный расчет бойцов, позволявший им одержать победу над противником. В поэзии этого периода война так же рассматривается не только как праведное противоборство с врагом, но и как важное экзистенциальное, духовное событие в отдельной жизни человека[5;с.93]. Поднимаются темы, подробно касающиеся поражений и «котлов» первых дней войны («В списках не значился» Б. Васильев), по-новому, с более пристальным вниманием к судьбе отдельного человека рассматривается тема уничтожения мирного населения на оккупированных территориях (А. Адамович «Хатынская повесть»). Финальным проявлением данного этапа советской литературе о войне стала публикация произведений, посвященная вопросам тяжести повседневного быта солдат, вопросу наличия или отсутствия мотивации бойцов в период военных неудач[6;260]. В которых сознательно подчеркивались и аккумулировались самые тяжелые и неприятные черты повседневной солдатской жизни (В. Астафьев «Прокляты и убиты»).

Представленный материал позволяет отметить, что каждый последующий этап развития советской литературы о войне способствовал появлению новых граней, вопросов и проблем, которые поднимались в произведениях. В пе-

риод Великой Отечественной Войны, а так же сразу после войны акцент в литературе прежде всего ставился на моральной поддержке и прославлении героев войны, поддержания морального духа нации. В последующем, литература стала расширять свое проблемное поле, освещая в том числе психологическое состояние человека, оказавшегося в горниле войны, не исключая и отрицательные проявления, что было неприемлемо на первом этапе.

Список литературы

1. Руденко М.С. — Образ Великой Отечественной войны в публицистике 1941-1945 гг., Вестник Московского университета № 3, с. 45-58.
2. Асадов У.М. — Преодоление принципов Ложной романтизации в военной прозе К. Симонова, Мир Науки, Культуры и Образования №1, с. 261-265.
3. Либрехт. А.Н. — Особенности фронтовой прозы 60-70-Х гг. XX столетия, Международный научный журнал «Вестник науки» №11, с. 733-742.
4. Гуань (Г.) Линь-Трагические мотивы Великой отечественной. Интерпретация Василя Быкова, Гаунданский второй педагогический институт. Статья из рубрики «Литературоведение», с. 18-26.
5. Даренский В.Ю. — Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне, Вестник Самарской гуманитарной академии, с. 90-111.
6. Сухих О.С. — Тема военного преступления в литературе о Великой отечественной войне — Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, с. 260-268.

Лукьяненко Е.В.

Кандидат культурологии

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: baza67el@yandex.ru

Тема кадетства в советском искусстве как инструмент культурно-патриотического воспитания

Lukianenko E. V.

candidate of Cultural Studies

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

E-mail: baza67el@yandex.ru

**The theme of cadetship in Soviet art
as a tool of cultural and patriotic education**

Одним из итогов Победы в Великой Отечественной войне стало укрепление социального статуса защитника Отечества и повышение престижа военного образования причём на всех уровнях: как на профессиональном, так и на молодёжном культурно-просветительском. В школах вводился комплекс «Готов к труду и обороне», набирала популярность молодёжная военно-спортивная игра «Зарница». Однако наиболее полное по своему содержанию военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения осуществлялось в образованных ещё в середине Великой Отечественной войны суворовских военных и нахимовских военно-морских училищах. Образ воспитанников училищ, кадетов, содержал в себе высокие нормы морали и явно выраженные чувства долга и чести. Он стал одним из олицетворений патриотизма и верности Отечеству и полу-

чил своё отражение в культуре и искусстве второй половины XX века.

Так, суворовцев и нахимовцев использовали в своих работах художники (Ф.П. Решетников, картина «Прибыл на каникулы»), режиссёры (В.А. Роговой, кинофильм «Офицеры»). Не были в стороне мастера декоративно-прикладного искусства. Одной из первых воспитанников суворовского училища изобразила знаменитый скульптор и художник Дулёвского фарфорового завода А.Д. Бржезицкая. Её композиция «Первый бал» [1] иллюстрирует бальный вечер, регулярное проведение которого было обыденным и входило в программу культурно-эстетического воспитания. Другой её работой стала скульптура с одноимённым названием «Суворовец», которая выполнена примерно в одно время с «Первым балом». Скульптурная композиция с аналогичным сюжетом под названием «Суворовцы с трубой, горном и барабаном» была создана на Полонском заводе художественной керамики мастером Г. Молдаван.

Помимо Бржезицкой и Молдаван, тему кадетства в аналогичном свете поднимала скульптор Ленинградского фарфорового завода С.Б. Велихова. В начале второй половине XX века она создала статуэтку «Первый вальс» [2]. Сюжет композиции аналогичен сюжету «Первого бала». Другой работой Софьи Борисовны стала скульптурная композиция «Нахимовцы» [3].

Таким образом, тема суворовцев и нахимовцев, детей Великой Победы, закрепились в советском искусстве в послевоенный период. Она стала инструментом трансляции культурных императивов в интересах формирования высокой нравственности и патриотизма, как необходимых и неотъемлемых составляющих культурного сознания молодёжи.

Список литературы

1. Насонова И.С.; Насонов С.М. «Аста Бржезицкая. Мастера советского фарфора» // Изд. "Среди коллекционеров", Москва, 2008 г. 256 с
2. Виртуальный русский музей. Электронный ресурс. Режим доступа
https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/arts_and_crafts/sf-456/index.php?lang=ru&ysclid=lvxm4vqpf5810990630. Дата обращения: 19.09.2025 г.
3. Рыбинский музей-заповедник. Электронный ресурс. Режим доступа
<http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/10772?ysclid=lvxmtlx16f764737982>. Дата обращения: 19.09.2025 г.

Маковецкий Е.А.

*Доктор философских наук
Санкт-Петербургский государственный универси-
тет,
Институт философии
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: evmak@yandex.ru*

**Карты России мирного и военного времени: диалекти-
ка фронта и тыла**

Makovetsky E.A.

*Doctor of Sciences (Philosophy)
St. Petersburg State University,
Institute of Philosophy
St. Petersburg, Russia
E-mail: evmak@yandex.ru*

**Maps of Russia in peacetime and wartime: the dialectic of
the front and rear**

Исходя из рассуждений собеседников в платоновском Государстве, мы не можем вообразить себе такого справедливого государственного устройства, которое, способствуя удовлетворению самых скромных (но всё-таки превышающих базовые) потребностей своих граждан, не столкнулось бы при этом с угрозой нападения завистливых соседей. Исходя из исторического опыта, приходится признать, что бедное государство с ещё большей вероятностью столкнётся с угрозой завоевания алчными соседями. И опыт построения воображаемого государства, и исторический опыт взаимодействия государств одинаково свидетельствуют о том, что военная угроза составляет суще-

ственный элемент как теории, так и повседневной жизни государства.

Этот непреложный фактор военной угрозы имеет и географическое измерение. С одной стороны, карты военного и мирного времени различаются: на первых подвижные границы становятся фронтами, в то время как всё внутреннее пространство страны, очерченное подвижными линиями фронтов и оставшихся неизменными границ мирного времени, оказывается тылом. С другой стороны, границы страны на карте мирного времени становятся «стабилизированными» фронтами, а тыл остаётся просто внутренним пространством, окружённым новыми и старыми границами. Движение фронтов стабилизируется в виде границ государства, тыл же, как вздувшиеся во время состязания кровеносные сосуды борца, остаётся на своём месте, просто теряет свою выразительность и становится «незаметным» после чрезмерного напряжения войны. С какой стороны государство ожидает угрозу, в том направлении и тянет вены коммуникаций, соединяющие будущий фронт с тылом на всю глубину последнего. Наглядным примером подобной «артерии» в истории российской государственности является Транссибирская магистраль.

В докладе диалектика фронта и тыла будет рассмотрена на примере жизненного ритма городов, расположенных вдоль Транссибирской магистрали, на протяжении XX века. Этот ритм во многом обусловлен степенью остроты военной угрозы в мирное время или же масштабом и характером войны, когда перед нами карта военного времени.

УДК 130.2, 101.1:316

Наумова Е.И.

доктор философских наук.

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт философии

г. Санкт-Петербург, Россия,

Центр фундаментальных и прикладных научных проектов

Департамента научной деятельности

Российского государственного гуманитарного

университета

г. Москва, Россия,

УНЦ «Высшая политическая школа им И. Ильина»

г. Москва, Россия

E-mail: e.naumova@spbu.ru

Культурный суверенитет и российская цивилизационная идентичность

Naumova E.I.

Doctor of Philosophy

St.-Petersburg State University

Institute of Philosophy

St.-Petersburg, Russia

Senior Research Fellow

The Center for Fundamental and Applied Research Projects

of the Department of Research Activities,

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Higher School of Political Studies named after I. Ilyin

Moscow, Russia

E-mail: e.naumova@spbu.ru

Cultural sovereignty and Russian civilizational identity

Аннотация. В ситуации формирования многополярного мира и СВО актуализируется проблема культурного суверенитета. Сохранение цивилизационной идентичности – важное условие развития России как государства-цивилизации. Представлена актуальная аксиоматическая модель российской культуры.

Ключевые слова: культурный суверенитет, российская идентичность, государство-цивилизация, духовность, полифоничность, коллективизм, правда, соборность.

Abstract. In the context of the formation of a multipolar world and the SMO, the problem of cultural sovereignty is becoming more urgent. The preservation of civilizational identity is an essential condition for the development of Russia as a state-civilization. A current axiomatic model of Russian culture is presented.

Keywords: cultural sovereignty, Russian identity, state-civilization, spirituality, polyphony, collectivism, truth/pravda, sobornost.

В современной ситуации построения многополярного мира, который реализуется на геополитическом уровне, представляется важным работать над вопросами российской культуры и идентичности. С началом СВО в 2022 году вопрос о суверенитете страны встает достаточно остро, а выстраивание культурного суверенитета занимает одно из приоритетных мест в рамках стратегического планирования развития России. В силу того, что именно культура формирует ценностное «мы», то есть наш народ с его самосознанием, — размывание, ослабление, разрушение культурных основ в своем пределе ведет к утрате цивилизационной идентичности и означает гибель народа. Акту-

альные внешнеполитические процессы свидетельствуют о том, что мы находимся в ситуации борьбы культур. Однополярная глобализация в своей культурной составляющей делает ставку на следующие константы: индивидуализм, постмодернизм, релятивизм ценностей, имморализм, космополитизм, антиисторизм (разрушение прошлого), постгуманизм. В рамках этих онтологических и аксиологических доминант наблюдаются тенденции к стиранию этнической, культурной и религиозной идентичности, популяризация гендерных стратегий, разрушающих идею пола и традиционных типов отношений, расцвет культуры отмены (cancel culture) всех тех направлений, школ, учений и отдельных авторов, которые выдвигают альтернативы современному западному либерализму. Наблюдается тенденция к «расчеловечиванию», то есть мы сталкиваемся с разрушением традиционного понимания человека и его идентичности за счет стремительного развития техноцентризма: виртуализация и киберпространство, заменяющие собой реальность вплоть до неразличения, ведут в том числе к неоднозначным последствиям для психического здоровья человека и его возможности быть активным и адекватным гражданином своей страны. Распространение и укрепление однополярной культуры чревато разрывом не только с религиозными и традиционными ценностями, но с тенденциями гуманизма, лежащими в основании русского культурного кода. Культурный суверенитет предполагает свободу мысли, сознания, творения будущего, делегированные русскому обществу не независимо от того, как выстроены эпистемологии других соседних цивилизаций. Именно на уровне культурного суверенитета решается вопрос об идентичности через концептуальное прояснение ценностей, мировоззрения, истории и языка, присущих нашему обществу. Для современной России как государства-цивилизации вопрос

о сохранении и укреплении идентичности является основным. Преемственность традиции и обращенность к будущему составляют непрерывную линию истории народа и государства. Каждая цивилизация является суверенной, когда суверенна ее культура.

В условиях глобального ценностного кризиса внешнему идеологическому воздействию подвергается российская молодежь, некритически заимствующая западные стили, нормы, правила, культурные образцы. Тем самым в новых поколениях русский культурный код, влияние традиционных ценностей размывается. Общество перестает быть самим собой, превращаясь в однородную космополитическую массу, забывая о собственных корнях, утрачивая идентичность. Процессы, протекающие в сфере культуры, являются не просто значимыми для утверждения и укрепления суверенитета, но и ключевыми. Каковыми бы ни были наши политические, военные и экономические достижения, если мы утратим культурную самобытность, мы утратим самое главное, — самих себя.

Разговор о культурном суверенитете – это во многом разговор о языке, понятиях, смыслах, которые хранятся в таких «памятниках» прошлого как философия, литература, искусство. Для понимания того, какова специфика нашей цивилизационной идентичности и на чем строится наш культурный суверенитет сегодня, необходимо обратиться к великому наследию русской философской, политической и публицистической мысли. Увидеть, что укорененные в истории, такие направления общественной мысли как русское мессианство и имперскость («Москва-Третий Рим»), славянофильство и западничество, русский консерватизм, русская религиозная философия, русский космизм, евразийство, и, соответственно, связанные с ними понятия «державность», «мессианство», «самобытность», «всеединство», «софийность», «соборность», «тра-

диция», продолжают жить в нашем способе самоописания и самопонимания сегодня. Для размышления и дальнейшего развития предлагается к рассмотрению аксиоматическая модель, состоящая из 5 основ, 10 принципов и 56 понятий, в которой раскрыты особенности российской цивилизационной идентичности и основы нашего культурного суверенитета:

ПРОСТРАНСТВО

Принцип: Духовность

Православие, Вера в Бога, Антиномичность, Синергия, Преображение, Метанойя

Принцип: Полифоничность

Медиатор, Межкультурный диалог, Миротворчество, Полирелигиозность, Полиэтничность, Всечеловечность

ПРАВИЛА

Принцип: Патриотизм

Государство, Цивилизация, Любовь к Отечеству, Идентичность, Культура, Традиция, Язык

**Принцип: ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ВЫСШЕЙ
ВЛАСТИ** Державность, Власть

ОБЩНОСТЬ

Принцип: Коллективизм

Общинность, Соборность, Солидарность, Братство, Дружба, Семья

Принцип: ПРАВДА

Честь, Праведность, Царь в голове, Нравственность, Совесть, Правда, Справедливость, Достоинство

ЗНАЧИМЫЕ

Принцип: Служение

Жертвенность, Подвиг (героизм), Сверхзадача, Со-
работничество, Творческий труд

Принцип: Широта души

Гуманизм, Милосердие, Сострадание, Неприкосно-
венность человеческой природы, Эмпатия, Человеколю-
бие, Космизм, Прямотушие, Сочувствие

Я

Принцип: Мобилизационный фактор

Первопроходство, Победа

Принцип: Стойкость

Динамическая устойчивость, Преодоление (изобре-
тательность), Адаптивность, Терпение, Преодоление труд-
ностей

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. (2000), Русский народ и государство. М.: Аграф
2. Данилевский Н. Я. (2021), Россия и Европа. М.: Юрайт
3. Дугин А. Г. (2024), Геополитика. М.: Академический проект
4. Ильин И. (2023), Путь духовного обновления. М.: АСТ
5. Киреевский И. В. (1979), О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, С. 248-292.
6. Леонтьев К. Н. (2017), Византизм и славянство. М.: Академический проект
7. Наумкин В. В. (2020), Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис. Политические исследования*. № 4. с. 78-93.
8. Панарин А. С. (2002), Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс
9. Полосин А.В., Харичев А.Д., Селезнева А.В. (2024), Основы российской государственности. М.: РАНХиГС

10. Савицкий П. Н. (1997), Континент Евразия. М.: Аграф
 11. Сувчинский П. П. (1921), Сила слабых//Исход к Востоку. София: Балкан. с. 4-8.
 12. Трубецкой Н.С. (2000), Европа и человечество. М.: Аграф
 13. Хантингтон С. (2022), Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ
 14. Хомяков А. С. (1994), Семирамида // Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Медуим
- Благодарности.** .Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания по НИР «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», шифр FSZG-2025-0004. Регистрационный номер: 1025021700071-2-6.3.1.

УДК 130.2

Овчинникова Е.А.

*Кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт философии
г. Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: e.a.ovchinnikova@spbu.ru*

**Бородинское сражение в самосознании
русского общества первой половины XIX века**

Ovchinnikova E.

*Candidate of Philosophical Sciences
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Rus-
sia
Institute of Philosophy
St.-Petersburg, Russia,
E-mail: e.a.ovchinnikova@spbu.ru*

**The Battle of Borodino
in the Self-Consciousness of Russian Society in the
First Half of the 19th Century**

Аннотация: Основной задачей данного исследования является осмысление значения Бородинского сражения в формировании самосознания русского общества первой половины XIX в. Исследование строится на анализе произведений русских писателей.

Ключевые слова: Бородинское сражение, самосознание русского общества, русская культура

Abstract: The primary objective of this study is to understand the significance of the Battle of Borodino in shaping the self-awareness of Russian society in the first half of the 19th century. The study is based on an analysis of the works of Russian writers.

Keywords: The Battle of Borodino, self-awareness of Russian society, Russian culture

О Бородинском сражении написало немало исследований, оно вошло не просто в историю нашей страны, государства, но и в культурную память народа, о чем свидетельствуют многочисленные тексты русской культуры: поэтические произведения, мемуары, романы, картины и т.д. Бородинская битва, по свидетельствам историков, была самым кровопролитным однодневным сражением на всю историю военных баталий. Как известно, и исход сражения оценить достаточно трудно, было ли это поражением или победой одной из армий. За ним последует сдача Москвы, а потом – триумфальный вход русских войск в Париж. Наше внимание привлекает прежде всего период осмысления этого события, относящийся к первой половине XIX века, когда еще живы были участники событий, а для многих русских писателей это было одним из самых значительных и сильных воспоминаний детства. Основные тексты, которые будут рассмотрены в представленном докладе, это элегия Дениса Давыдова «Бородинское поле» (1829), «Бородинская годовщина» А.С. Пушкина (1831 г.), «Бородино» М.Ю. Лермонтова (1837), «Бородинская годовщина» В.А. Жуковского (1839), «Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 году)», написанные в ноябре 1839 года Федором Глинкой; «Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым» (1833 года). рецензия В.Г. Белинского на сочинения В.А. Жуковского и И.Н.

Скобелева. В этот перечень, который, бесспорно, не является исчерпывающим, включены ставшие хрестоматийными тексты и сочинения менее известные в отечественной культуре. Многие тексты были написаны по случаю годовщин Бородинского сражения, на открытие памятника на Бородинском поле. Однако особый интерес в этих сочинениях представляет не столько историческое повествование, мемуарный стиль или стремление сохранить в памяти потомков эти события. Более всего в этих сочинениях привлекает стремление авторов осмыслить судьбу России в контексте исторических событий. Размышления о Бородинском сражении связаны с мыслью о России, ее прошлом и будущем, центральная идея в стихотворении А.С. Пушкина, высоко оцененная П.Я. Чаадаевым, – это отношение России и Европы. Эти тексты во многом предваряют появление историософской проблемы «России и Европы», они встраиваются в дискурс славянофилов и западников и становятся, как «Бородино» М.Ю. Лермонтова, хрестоматийно известными текстами русской культуры, в которых транслируются и закрепляются определенные ценностные константы культуры, формируя культурное наследие и историческую память народа.

Романов Н.А.

Кандид культурологии

Центр патриотического воспитания молодёжи «Дзержинец»

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: romanov_na@bk.ru

**Эпитафии воинских захоронений Санкт-Петербурга
времен Великой Отечественной войны и смысловые
доминанты культурной памяти.**

Romanov N.A.

candidate of Cultural Studies

Center for Patriotic Education of Youth «Dzerzhinets»

St. Petersburg, Russia

E-mail: romanov_na@bk.ru

**Epitaphs of military graves of St. Petersburg
during the Great Patriotic War and semantic dominants of
cultural memory**

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эпитафии, мемориальные сооружения, культурная память

Keywords: The Great Patriotic War, epitaphs, memorial buildings, cultural memory

На территории Санкт-Петербурга располагается большое количество индивидуальных и братских воинских захоронений, на которых погребены защитники Отечества, погибшие в годы Великой Отечественной войны. Являясь фактическими местами захоронений военнослужащих, на символическом и ценностном уровнях они сформировали

места памяти для наших соотечественников, которые по настоящее время свидетельствуют о трагедии крупномасштабной войны и величайшем подвиге советского народа.

Немаловажное значение для настройки восприятия воинских захоронений в качестве мест памяти играет их внешнее оформление, а именно наличие архитектурных форм, ландшафтной композиции, мемориальных сооружений и т.д. Вместе с тем отдельного внимания заслуживают эпитафии, которые среди официальной фактологической информации (например, перечисление поименного списка захороненных и размещение сведений о боевых действиях) декларируют ценностные и символические доминанты культурной памяти в лаконичной и наглядной форме.

В этом отношении при анализе стилистических средств и смыслового содержания эпитафий захоронений времен Великой Отечественной войны можно обозначить, как через них транслируются особенности российского культурного сознания и вокруг каких смысловых доминант формируется культурная память о победе над фашистским захватчиком.

По результатам анализа эпитафий ряда мемориальных сооружений индивидуальных и братских воинских захоронений погибших при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны, расположенных на территории Санкт-Петербурга, можно отметить следующее:

Во-первых, тексты эпитафии обращаются одновременно к каждому отдельному человеку и ко всему обществу сразу. В этом отношении они являются связующей нитью между погибшими при защите Отечества, их современниками, сегодняшними гражданами Российской Федерации и будущими поколениями россиян. Немаловажную роль при этом играет дидактическая, наставническая и поучительная стилистика обращения к соотечественникам, призывающая жить достойно (соразмерно) подвигу героев.

Во-вторых, в эпитафиях как правило декларируется незыблемость и несомненность героического подвига погибших при защите Отечества. Вместе с тем в качестве наиболее распространенных содержательных элементов, провозглашаемых эпитафиями, необходимо отметить следующие: доблесть советских воинов, трагичность войны, соблюдение клятвы верности, обретение вечной славы, священный статус памяти о героях и их подвиге, героическая смерть за честь, свободу и независимость Родины.

В-третьих, через эпитафии можно проследить, как осуществляется сочетание официального формализованного государственного дискурса с элементами индивидуально-личностного подхода. Так эпитафии могут быть оформлены в стихотворных формах, в которых прослеживается выраженная лирическая составляющая, являющаяся свойственной для индивидуального переживания и осмысления трагедии войны.

Таким образом, можно сделать вывод, что эпитафии на мемориальных сооружениях воинских захоронений являются медиумами (посредниками) между разными поколениями соотечественников, отражают индивидуальное и коллективное восприятие Великой Отечественной войны, и тем самым формируют единые смысловые доминанты исторической культурной памяти и современные горизонты российского культурного кода.

УДК 21.29

Салахов А.Б.,
*Санкт-Петербургский институт истории
Российской Академии наук,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: arkady1910@yandex.ru*

Исторические нарративы в период социально-политического кризиса: на примере периодических изданий РПЦ в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Salakhov A.B.,
*archivist, junior researcher
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of
sciences,
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: arkady1910@yandex.ru*

Historical Narratives during Socio-Political Crisis: The Case of Russian Orthodox Church Periodicals in the Years of the Russo-Turkish War of 1877-1878

Аннотация. В статье на примере Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. рассматриваются механизмы формирования выступающих как средство конструирования национального самосознания исторических нарративов, используемых в условиях социальных и политических потрясений.

Ключевые слова: исторические нарративы, Русско-турецкая война 1877-1878 гг., европейская культура, варвары.

Abstract. The article examines the mechanisms of forming historical narratives that serve as a means of shaping national identity, using the example of the Russo-Turkish War of 1877-1878. These narratives are utilized under conditions of social and political upheaval to legitimize current actions.

Keywords: historical narratives, historical narratives, European culture, barbarians.

Историческое знание, функции которого отличаются широким социальным охватом, никогда не было достоянием лишь академической среды. Исторические нарративы, неотделимые от коллективной памяти, актуализируются в связи с насущными для конкретного общества проблемами и «одной из крайних форм актуализации прошлого является, - по мысли Л. П. Репиной, - перенесение на предшествующие эпохи идеологических построений и схем, доминирующих в политической и социальной практике настоящего. <...> настоящее не в меньшей степени зависит от демонстрируемого ему образа современной истории» [1, С. 6]. Прошлое, таким образом, является «исходным материалом для определения социального развития» [Ibid]. Особенно к этому материалу обращаются в периоды социальных и политических потрясений, когда исторические нарративы становятся смыслообразующей опорой тех или иных политических сил, легитимизирующих свои действия поступками героев давно минувших дней. К такому потрясению, безусловно, относится и война.

В истории России было множество войн, которые инициировали обращение властей к целенаправленно освоенным образам прошлого. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. – не исключение. Как пишет Л. В. Мельникова: «Русская Церковь воспринимала и позиционировала эту войну как справедливую и священную брань за осво-

бождение единоверных и единоплеменных народов Балканского полуострова от турецкого исламского ига, как выполнение Россией своего исторического призвания и религиозно нравственного долга» [2, С. 735]. Следовательно, сам характер этого конфликта во многом обуславливал тот уникальный набор исторических нарративов, к которому обращались отечественные пропагандисты и который в неизменном виде транслировался во многих периодических изданиях РПЦ, включая региональные «Епархиальные ведомости» и более крупные журналы вроде «Православного обозрения», «Христианских чтений» и т.д.

Помимо напрашивающихся обращений к славным победам полководцев Румянцева, Суворова, Кутузова и к достижениям внешней политики Петра I, Екатерины II, Александра I и Николая I [3, С. 445], в периодике выделяется нарратив крестового похода на Восток: «Что бы там ни было в прошлые войны, теперь русский народ выступил в благороднейший из крестовых поход» [4, С. 650]. И, даже если подобная формулировка все-таки ставится под сомнение, неизменно речь идет о борьбе с «азиатскими ордами» пришлецов [5, С. 635] европейцев-христиан, миссия которых «освободить трон Константина от неисправимого варвара и очистить церковь Юстиниана от осквернения ложного культа» [6, С. 756].

«Турок» оказывается природным варваром, сражающимся за «право быть тираном – быть турком» [4, С. 652]. По мысли Н. А. Скаблановича, Оттоманская империя по природе своей не способна к самобытной политической жизни, ибо с XVI века, когда «природных» османов стало больше на высших государственных должностях, чем христиан-ренегатов, она «застыла на одном уровне; неподвижность сделалась отличительной особенностью ее существования» [7, С. 431]. Отсюда следует, что все то хорошее и плодотворное, чего Османская империя добилась

за 400 лет своего существования, было достигнуто не самостоятельно, но благодаря выходцам из христианского населения Греции и Балкан, занимавших ключевые посты в исламском государстве.

В статье «Нравственные основания настоящей войны» П. М. Апостольский упрекает европейцев в бездействии, говоря, что «мысль об изгнании турок из Европы была очень распространена в средние века» и что «турки и теперь то же, что были в 1454 году – лагерь татар, вторгшихся в европейскую землю» [8, С. 104, 108]. «Русские христоробивые войны» в этом случае неизбежно сопоставляются с дружинниками Александра Невского [9, С. 290] и воинством Дмитрия Донского, победившего полчища монголов на Куликовом поле [10, с. 833], а сербы, болгары и черногорцы с поверженным при Фермопилах спартанцем Леонидом [4, С. 677], которому перед уходом из дома было сказано: *Aut cum hoc, aut in hoc* [9, С. 287-288]. Как написал один из авторов «Православного обозрения»: Мы знаем, каково это иго. <...> вот еще виден на некоторых церквях поверх святого креста полумесяц. Это <...> напоминание о тяжком иге агарянском» [12, С. 162].

С другой стороны, «высокое право России на освободительную миссию по отношению к балканским славянам подкреплялось еще одним тезисом, имевшим особое значение в контексте общественных настроений в России эпохи Великих реформ 1860-х гг.» [11, С. 202]. Так вышло, что недавнее освобождение крестьян от крепостной зависимости совпало по времени в 1877 году со столетием со дня рождения Александра I. Поэтому образ монархов-освободителей активно использовался православными авторами. Александр II оказывался наследником и продолжателем дела своего дяди – недавнего освободителя Европы [13, С. 377]. В этот же раз русским предстояло освободить не просто Европу, а всю европейскую культуру, в це-

лом, и Византию, в частности, от толп саранчи, которые «пожирают все зеленеющее отпрыски и пятнают своею грязью все, что есть там лучшего, благороднейшего» [14, С. 834]. В речи ректора СПбДА И. Л. Янышева четко прослеживается попытка придать войне онтологический статус борьбы добра со злом [11, С. 200-201] – европейской культуры с азиатским варварством. Освобождение Византии рассматривается, как спасение культуры, которой славяне обязаны сознанием своего истинно человеческого достоинства и призвания на земле и всеми своими надеждами в вечности [15, С. 801].

Таким образом, на примере Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., можно увидеть, как обращение к историческим нарративам формирует общественное мнение и легитимирует конкретные политические решения. Православные авторы актуализировали прошлое в интересах текущего момента, создавая смысловую связь между деяниями исторических деятелей прошлого и действиями современного государства. Эти нарративы строились на противопоставлении цивилизованного европейского начала и восточного варварства, что способствовало созданию общего врага и укреплению национальной идентичности.

Список литературы

1. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М. Дрофа, 2004.
2. Мельникова Л. В. Русская Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке : диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2020.
3. Обнародование Высочайшего Манифеста в Кишиневе // Волынские епархиальные ведомости, 1877. №10.
4. Фриман Е. А. Апология англичанина за Россию и за христиан Востока // Христианское чтение. 1877. № 11-12.

5. Речь, произнесенная Учителем Волынской духовной Семинарии Ф. Четыркиным на акте, происходившем в 1877 г. // Волынские епархиальные ведомости, 1877. №15.
6. Фриман Е. А. Искренность прошлогоднего (1876) народного движения в Англии в пользу турецких христиан // Христианское чтение. 1877. № 11-12.
7. Скабаланович Н. А. Политика турецкого правительства по отношению к христианским подданным и их религии // Христианское чтение. 1878. №9-10.
8. Нравственные основания настоящей войны // Православное обозрение, 1877. №5.
9. Речь к воинам пред напутственным молебном, сказанная Аполлосом Епископом Вятским и Слободским 24 мая в кафедральном соборе // Вятские епархиальные ведомости, 1877. №11.
10. Моление о Христолюбивом воинстве // Волынские епархиальные ведомости, 1877. №19.
11. Кочукова О. В. Образы христианской культуры в художественной репрезентации Русско-турецкой войны 1877-1878 г. // История и историческая память. 2021. №22-23.
12. Призыв ополченцев в Москве // Православное обозрение, 1877. №9.
13. Царский путь Государя Императора от Кишинева до Петербурга после объявления манифеста о войне с Турцией // Кишиневские епархиальные ведомости, 1877. №9.
14. Решение восточного вопроса по пророчествам Св. Писания // Ставропольские епархиальные ведомости, 1877. №23.
15. Речь пред молебствием после литургии и по прочтении Высочайшего Манифеста о вступлении российских войск в пределы Турции // Православное обозрение, 1877. №4.

УДК 908

Соколов Е.Г.

*Доктор философских наук
Санкт-петербургский государственный университет
Институт философии
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: EGSlov@gmail.com*

Жертва вечерняя Пс.140:2

Аннотация. В статье обращается внимание на то, что среди многочисленных мемориальных комплексов посвященных Великой Отечественной войне, Пискаревское кладбище в Санкт-Петербург (Ленинграде), в первую очередь является памятником *Жертвам* 900-дневной блокады города.

Ключевые слова. Мемориалы Великой Отечественной войны, Пискаревское кладбище, жертва

Sokolov E.G.,

*Doctor of Philosophy
St. Petersburg State University,
Institute of Philosophy
St. Petersburg, Russia E-mail:
EGSlov@gmail.com*

The Evening Sacrifice Ps. 140:2

Аннотация. В статье обращается внимание на то, что среди многочисленных мемориальных комплексов посвященных Великой Отечественной войне, Пискаревское кладбище в Санкт-Петербург (Ленинграде), в первую очередь является памятником *Жертвам* 900-дневной блокады города.

Ключевые слова. Мемориалы Великой Отечественной войны, Пискаревское кладбище, жертва

Abstract. The article draws attention to the fact that among the numerous memorial complexes dedicated to the Great Patriotic War, the Piskarevskoye Cemetery in St. Petersburg (Leningrad) is primarily a monument to the Victims of the 900-day blockade of the city.

Keywords. Memorials of the Great Patriotic War, Piskarevskoye cemetery, victim

Первые мемориалы, увековечивающие память о Великой Отечественной войне, стали воздвигаться задолго до Дня Победы: в августе 1943 г., после окончания боев на Курской дуге, - на Тепловских высотах, и примерно в тоже самое время после освобождения г.Орла - в Первомайском сквере на месте братского захоронения воинов. С тех пор и до сегодняшнего дня число памятников, памятных знаков, мемориальных комплексов, отсылающих к различным событиям тех лет, не уменьшается, но – увеличивается: открываемые в юбилейные даты, в дни праздничных торжеств, они разбросан по всей стране. Не ошибусь, если скажу, что нет в Российской Федерации такого поселения (хоть малого, хоть большого), где бы в пространственную среду, настраиваемую по определённому «камертону жизни», не были бы включены некоторые точки «смыслового и экзистенциального напряжения» - коммемориальные знаки и символы ВОВ, которые стали важнейшей составляющей совокупного городского ландшафта. Во многих случаях – центром, а то и неким «символом»-«знаком»-презентантом, отличительным (идентификационным) маркером всей урбанистической локации, его «топосом и эйдосом» одновременно. Причем, принципиального значения

не имеет, насколько «эйдос» непосредственно связан с реальностью «топоса» (т.е. с «местом/событием», где *нечто* произошло....»). Множество подобных мемориальных комплексов возведено в местах, где никогда не шли бои (Памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса в Екатеринбурге, 1962 г.; Памятник погибшим воинам, Куртатинское ущелье, Северная Осетия-Алания, 1971 г.; «Катюша», Моргородок, Владивосток, 2013 г.; Монумент воинской и трудовой Славы, Пенза, 1975 г.; монумент «Тыл-фронту», Магнитогорск, 1979 г. и пр.). И в этом – даже не столько декларативная и демонстративная «назидательность» (мол, вся страна, до самых до окраин, была вовлечена в «ковку Победы», никто не остался безучастным и сторонним наблюдателем, ни один из потомков насельников тех мест и свидетелей тех дней не могут заявить, что «это их рода-племени не коснулось» и «общая беда обошла стороной»). В том нет нужды: само именование событий 1941-1945 гг, как оно принято в нашей историографии – Великая Отечественная – канонизирует (посредством семантически-семиотические идентификаторов) очевидность, предзаданную аксиоматику. Подобное «рассеяние» памятных знаков по территории всей страны, равно как и то, что с годами (уж 80 лет с той поры минуло, живых свидетелей/участников почти не осталось) возводятся новые, наглядный подтверждает, что Великая Отечественная Война (и процессуально, и эйдетически) входит в совокупный культурно-цивилизационный код, тем самым полагая фарватер, в пределах которого пролагаются маршруты движения общественного сознания, поэтического в том числе.

Они, эти мемориальные комплексы посвященные ВОВ, - очень разные во всех отношениях: по размерам, по художественным достоинствам, по характеристикам «точек памяти», по «топографическому функционалу», по

смысловой и эйдетической интенсивности, по «степени/уровню» символизации доктрины, наконец, по «охвату реципиентов» (всегосударственный, как, например, «Могила неизвестного солдата» с вечным огнем у Кремлевской стены», 1967 г - предельная степень символизации События, и официальным артикуляция доктры, посредством которой страна позиционирует себя в общемировом пространства; и локальные/региональные, скромные, напр. Памятник морякам ЭПРОНа и сотрудникам Аварийно-спасательной службы, 1976 г., г.Ломоносов) и, соответственно, - «заботе». Разумеется, полностью забытый и заброшенных «мест» едва ли мы найдем. Но общественное внимание (по поддержанию в надлежащем состоянии), уделяемое тому или иному памяtnому знаку – различно.

Пискаревское мемориальное кладбище – и среди всех российских комплексов посвященных Событию ВОВ, и, не в меньшей степени, - в совокупном реестре мест помятования, чрезвычайно объемном по количеству, города Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург – явление экстраординарное. Возведения/воздвижения памятного знака на месте боев, гибели воинов, братских могил, расстрелов, захоронений/перезахоронений нумерозной исторической фигуры – ординарно и повсеместно. Однако, так чтобы *кладбище*, в какой-то период времени функционирующее в режиме *обычного* (хоть и не в обычных исторических обстоятельствах) *городского кладбища*, целиком и полностью становилось бы Мемориалом – не назову. Мамаев Курган в Волгограде (1967 г.), Ржевский мемориал советскому солдату в Тверской области (2020 г.); мемориал «Брестская крепость-герой» (1971); мемориальный ансамбль «Малая земля» в Новороссийске (1972-1982) и др. – в память погибших героев и в тех именно местах, где проходили бои. Но... ни до битв, ни после – эти земли не отводились под кладбища.

Санкт-Петербург, не смотря на обилие памятников и памятных знаков военной тематике [1], никогда не был городом войны и смерти, но, напротив, - жизни и победы, торжества и триумфа «воли к жизни». Смерть, война, гибель были вынесены за пределы и смыслового, и декоративного облика города. Хотя, если вспомнить недолгую с момента своего основания, вплоть до сегодняшнего дня историю СПб, в прямом смысле слова «стоит на костях.» [2]. С Ленинградом же – иначе. Напомню, что один из первых памятников (в рамках осуществления плана монументальной пропаганды), открытый в самом сердце города – мемориал Борцам Революции (7 ноября 1918 г.) на площади Жертв Революции (так было переименовано в том же году Марсово поле, первоначальное название было возвращено лишь в 1944 г.), где в 1957 г. был зажжен первый на территории СССР вечный огонь. Вместе с песней-реквиемом «Вы жертвою пали» (А.Амосова и Э.Майзеля), которую пели на похоронах погибших революционеров, в город пришли Скорбь и Смерть. По сути дела, этот мемориал являлся некрополем большевиков, погибших во время Гражданской войны [3]. Показательно, что во время блокады, когда ни рук, ни сил, ни мест не хватало, чтобы предать земле умерших, на Марсовом поле не хоронили вовсе: здесь был разбит огород. Хоронили на Пискаревском кладбище.

История ленинградского/петербургского мемориала Пискаревское кладбище не нуждается в напоминании: ее знают, уверен, все, кто интересуется нашим городом. Даже и сейчас, после трех десятилетий, когда советский период российской истории (и все с ним связанное) пребывал на задворках «общественного внимания» (не сказав, больше), это место является одним из символов Санкт-Петербурга [4]. Обращу внимание лишь на некоторые моменты. Само место – «чистое», т.е. не отягощено практическими ника-

кими историческими деннотациями-коннотациями-ассоциациями. К середине XX века – окраина города. Среди ближайших (в радиусе 4 км.) исторических построек – комплекс Политехнического института, возводимый с 1899 г. по указу Николая II. Д середины XX в. – первые упоминания об этой территории, – земельные владения купца Пискарева. Железнодорожная станция «Пискаревка», об-суживающая в основном пригороды. Неподалеку – исто-рическое православное Богословское кладбище, основан-ное в XVIII в. Еще: открытая в 1914 по инициативе В.М.Бехтерева больница Петра Великого (ныне – больница им. И.И.Мечникова). И это все. Во время Блокады – одно из мест массовых (братских) захоронений погибших и умерших в те страшные дни. Иначе говоря, место – исклю-чительно и только *советское*, со всеми идеологическими атрибутами, декоративными маркерами и режимными сти-листиками своего времени. Однако...

Напомню: любое кладбище – это некрополь, «нижний город», место встречи и единения *мира*, или – всей общи-ны, *совокупной общности*, в которую включены живущие в той же мера, что и почившие. Только в этом *единении* обретается вся полнота бытия социальной Самости и Ав-тономности посредством сопряжения в одном жесте про-шлого, настоящего и будущего. И жест этот – «моление». «Коммуникативный инструмент» - Храм. У каждого наро-да – свой Бог и, соответственно, свой Храм. На Пискарев-ском кладбище (в пределах Мемориала) Храма нет, что за-кономерно: хоронили всех вместе, «без роду и племени». [Прим.: Возводимый с начала 2000-х гг Православный храм Вознесения Христова, обслуживающий зарегистри-рованную в 1992 г. Евхаристическую общину, совершив-шую свою первую Божественную литургию лишь 29 мая 2014 г., и до сего дня - недостроен, да и вынесен за преде-лы комплекса].

Еще обращаю внимание на то, что Санкт-Петербург в отличие от многих *великих* городов (Рим, Стамбул, Париж, Лондон, Москва), не имеет «трансцендентного алиби», т.е. основание его не теряется в глубине веков «в смутности времен Оно», но, напротив, целиком и полностью располагается в пределах «рационально-эмпирической» достигаемой *истории*, «документальной фиксации», отнюдь не наделенных нимбом (лучезарным венцом, ореолом) какой-либо святости. [Прим.: на сегодняшний день в Собор петербургских святых входят 63 человека, включая и канонизированных после 1991 г. Из них лишь два – благоверный великий князь Александр Невский и блаженная Ксения петербургская известны за пределами города и безусловно повсеместно почитаемы]. Но устойчивость и «онтологическую непреложность» любой *вещи*, придает именно трансцендентность. Отсюда – столь насыщенная, интенсивная и постоянно пополняющаяся все новыми и новыми «легендами и мифами» зона «трансцендентальной художественности» (светская сакральность) [5], довольно успешно конкурирующая на протяжении двух последних веков в России (также как и в Европе) с тео-сакральностью, и замещающая во многих случаях последнюю. Санкт-Петербург – город светский по преимуществу, включающий в себя, разумеется, отдельные, локальные (и этнические, и конфессионально) зоны-регионы. А еще – город Имперский, которые, в отличие от модели национальной государственности, базирующейся на монологически-унифицированном принципе (гомогенности), предполагает разнородность, сопряженную мета-принципиальностью. А значит и метатрансцендентность, каковым, собственно говоря, и (по понятию) является искусство. Наглядным примером *возможности* такого (светской имперской сакральности) *в принципе* и является мемориал Пискаревское кладбище, где любые атрибуты этнические, религиозные, да и просто

культурно-исторические неуместны (и вообще, и в силу контекста).

Примечательно и то, что, как значится на официальном сайте, «памятник *жертвам* (*курсив мой – Е.Соколов*) Великой Отечественной войны, свидетель общечеловеческой трагедии и место всеобщего поклонения» [URL:<http://piskarevskiy-memorial.ru> (дата обращения: 28.09.2025)]. Не героям, не победе, не триумфу жизни, не «преодолению» и «торжеству», но именно *жертвам*. «Жизнь Вас поссорила - я помирила» (А.А.Голенищев-Кутузов, 1875). При этом: жертва, жертвоприношение – одна из конститутивных структур религиозного культа любой конфессиональной юрисдикции, составная часть обряда, одна из существенных, входящих в совокупный инструментарий, «механизма», посредством которого обеспечивается/налаживается/поддерживается коммуникацию между миром Дольним и миром Горним. Она, жертва, необходима в актах и жестах собирания *единства мира*, гарантируется и подтверждается его, последнего, единство. Не смотря на интернациональный состав населения (во всю его историю города), большинство насельников СПб – все же православные, где первым значится (в итоге отменным) - жертвоприношение Авраамом Исаака (Быт. 22:1-19), а основополагающим – искупительная жертва Христа. Параллели с Пискаревским кладбищем – слишком очевидны.

P,S, А титулом для текста, также как и толчком для рассуждений, послужил некий случай. Несколько лет тому назад, листая ленту новостей в инете, я натолкнулся на видеорепортаж концерта мужского хора монахов, облаченных в черные рясы, у Поклонного креста, что располагается по правую руку от центральной аллеи мемориала Пискаревское кладбища, т.е. внутри комплекса, исполнявшего, в частности, известное песнопение, используемое обычно

во время вечерних богослужений, на 140 Псалом «Да исправится молитва моя» П.Г.Чеснокова. К сожалению, работая над данным текстом, я не смог уже отыскать запись того исполнения – давно это было. Так что дать более точную справку – какой хор, кто был солистом, на каком именно мероприятии, по случаю какой годовщины, в каком году и кто присутствовал - не смогу. НО... сей факт меня тогда ошарашил настолько, что плотно засел в голову. Большую часть своей жизни, с самого детства, я прожил на Пискаревке. Исходил и изъездил этот район вдоль и поперек. На протяжении 5 лет почти ежедневно ездил на работу по Пискаревскому проспекту мимо главного входа мемориала. Правда в последние 5 лет в силу обстоятельств разного толка в эти места не навещался. Думалось, что видел Мемориал во всех возможных и допустимых обликах и ситуациях. Полагал, что *в принципе* никаких существенных и кардинальных изменений в нем случится не может. В деталях – возможно, но не в Идеи. Заблуждался: время внесло коррективы! «Жертва вечерняя» в этом пространстве звучало странно, но... не нелепо, если вспомнить и с сопоставить с текстом М.Дудина, высеченным на фризе правого павильона пропилеи центрального входа - «Жертвам Блокады Великой Войны»

Список литературы

1. Гусаров А.Ю. (2010) Памятники воинской славы Петербурга; СПб: Паритет
2. Кобак А.В., Пирютко Ю.М. (2009) Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф
3. Шварц В. С. (1989) Архитектурный ансамбль Марсова поля. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние,
4. Петров Г.Ф. (1975) Пискаревское кладбище. - Л., Лениздат

5. Анциферов Н.П. (1991). Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга. — [Репринт. воспроизведение изд. 1922, 1923, 1924 гг.]. — М.: Книга : Ред.-изд. центр № 2 «Канон»

УДК 008

Тимерманис Е.Б.

кандидат философских наук

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная

академия имени А.Л. Штиглица

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: etimermanis@gmail.com

1812 год - воспроизводство и оценка прошлого студенческой молодежью (на примере Академии имени Штиглица)

Timermanis E.B.,

Candidate of Sciences (Philosophy)

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

St.-Petersburg, Russia.

E-mail: etimermanis@gmail.com

1812 - Reproduction and Evaluation of the Past by Student youth (with Stieglitz State Academy of Art and Design as an example)

Аннотация. Исследование представлений студенчества о пантеоне героев Отечественной войны 1812 года, определение значимых имен художников для формирования культурного сознания выявило поля согласия, а также сферы, по которым в общественном сознании не достигнуты договоренности.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, герой, общественное сознание, студенчество.

Abstract. A study deals with students' perceptions of the pantheon of heroes of the Patriotic War of 1812. The identification of significant names of artists for the creation of cultural consciousness revealed areas of agreement, as well as areas where agreement has not yet been reached in the public consciousness.

Keywords: Patriotic War of 1812, hero, public consciousness, students.

В истории России особое место занимает Отечественная война 1812 года. Герои и события того времени широко представлены как в общественном сознании, так и в литературе, скульптуре, архитектуре и изобразительном искусстве. Образ героя Отечественной войны занимает свое особое место в художественной иерархии, он интересен сегодня в вопросах обсуждения русского национального характера и российского культурного сознания. Термин «поэтика» в современных исследованиях значительно изменил сферу приложения – «теперь мы говорим о поэтике грамматики, поэтике искусства, поэтике кино и сцены, а также о поэтике бытового поведения в национальной культуре» [1]. Поэтика героического поведения в Отечественных войнах – не только обращение к прошлому, не только его объяснение, но концептуализация между прошлым, настоящим и будущим. Исследования представлений студенческой молодежи о героях Отечественной войны 1812 года проходило в Академии имени А.Л.Штигица в группах, обучающихся по направлению «Монументально-декоративная живопись», «Монументально-декоративная скульптура» и «Дизайн». Цель исследования – определение пантеона героев войны, поиски поля согласия по поводу их иерархии, выявление художественных произведений, определяющих традицию восприятия их подвижнической

деятельности. Методы исследования – анкетирование и интервьюирования учащихся. В процессе изучения были выявлены закономерности формирования представлений молодежи о героическом, связанные с изучением в вузе курсов по истории искусств (живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство).

В качестве героев войны двенадцатого годы были определены М.И.Кутузов (девятью пять процентов обучающихся), П.И.Багратион, М.Б.Барклай-де-Толли, Д.В.Давыдов (в иерархическом порядке). Около трети учащихся назвали императора Александра I, в списке также появились «русский народ», «Платон Каратаев как представитель русского народа» и «народное ополчение». Имеет смысл сравнить данные с полученными ВЦИОМ, согласно которому на первом месте М.И.Кутузов. «Также многие вспоминают Петра Багратиона (20%), Дениса Давыдова (11%), Михаила Барклая-де-Толли (7%)» [2].

Влияние городской среды Санкт-Петербурга и спецкурсов Академии определили те произведения искусства, которые послужили основой формирования образа героических полководцев и участников войны 1812 года. Студенты назвали памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли перед Казанским собором (1837, скульптор Б. И. Орловский, архитектор В. П. Стасов). Вспомнили о том, что в Казанском соборе расположена могила М.И.Кутузова. Упомянули Триумфальную арку Главного штаба (1819-1828, архитектор К. И. Росси) и Нарвские триумфальные ворота (1827—1834, архитектор В.П.Стасов) Александрыйский столп (1834, архитектор О. Монферран) на Дворцовой площади. Об архитектурных сооружениях было не только написано, но были представлены схематичные изображения арок и Александровской колонны, что демонстрирует стремление ряда учащихся использовать не только вербальные, но и графические образы. А

также опору на традиционные городские пленэры, знакомящие с архитектурой города. Стоит отметить, что к окончанию вуза практически не было кардинальной разницы в анкетах студентов-петербуржцев и учащихся, приехавших из других городов. Очевидно, что занятия по истории, искусствоведению, истории искусства, посещение музеев в рамках изучения социогуманитарных дисциплин сгладили первоначальный разрыв, имевшийся при поступлении в Академию. Некоторые учащиеся вспоминали, что они долго искали в городе вуз, а впервые о бароне Александре Людвиговиче Штиглице они узнали только при сдаче экзаменов в Академию. Студентами были также названы портреты Кутузова («Портрет генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова». П.В.Басин, Эрмитаж), портреты Александра I (Дж.Доу, Эрмитаж. Щукин С.С., Русский музей) и «Военная галерея» Зимнего дворца (Эрмитаж). Около трехсот портретов героев Отечественной войны 1812 года за самые значимые победоносные сражения русской армии были созданы вскоре после победы над Наполеоном. Для студентов Галерея – одно из знаковых мест в Петербурге, привлекающее не только уровнем исполнительского мастерства, но и высоким пафосом изображения героев. Так, на конференции «Образ героя: от прошлого к настоящему» (СПГХПА им.А.Л.Штиглица, 2023) студентки Академии представили комплексное искусствоведческое исследование «Во славу ратных дел», в рамках включенного наблюдения которого было выявлено, портреты каких полководцев и политиков привлекают наибольшее внимание посетителей. Был отмечен «низкий уровень узнаваемости» [3, 57] императоров Франца I, короля Фридриха-Вильгельма, герцога Веллингтона, что свидетельствует о том, что эта война, в первую очередь, воспринимается как Отечественная, позволившая народу объединиться и выстоять в тяжелую годину.

Особое внимание было уделено серии картинам В.В.Верещагина, посвященным войне 12 года. Задумана была серия в 1887 году. Трудился над ней художник более десяти лет - с 1889 по 1900 год. В. В. Верещагин первоначально читал основные исторические первоисточники, перечитывал «Войну и мир» Л. Н. Толстого, побывал на Бородинском поле, общался со старожилами. Прошло несколько десятилетий после исторического события, нужно было по-новому показать и осмыслить события начала века. Одна из задач – дегероизация образа Наполеона – была актуальна для художника, и, по-прежнему, важна и сегодня. Более половины респондентов указали Наполеона в своих списках, объясняя эти включения тем, что он «участвовал в сражениях», «он храбрый полководец» (для сравнения, по словарю Даля, герой - храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин) [4]. В некоторых современных художественных произведениях (триптих панно-батик «Противостояние». Орлова М.Е., 2012. Всероссийский музей дизайна. Москва) фигуры Наполеона и Кутузова размещенные «на фоне фигур конных и пеших солдат, пушек», представлены как равнозначные. Возможно, это означает особое отношение к французскому императору в русской культурной традиции. У доктора исторических наук, профессора А.Н.Чудинова есть тезис о том, что Наполеон – такой противник, с которым было очень почетно сражаться. Поэтому тема открыта для дальнейшего обсуждения. По словам поэта,

Кто может вычислить на карте,

Как дух сынов твоих велик?

Ещё увидит Бонапарте

Твой гневный, твой суровый лик! [5, 274-275].

В раздумьях российской культуры о ходе истории, ее смысле /смыслах можно выделить особое свойство: через понимание судьбы страны, ее места в мировой истории

идет осознание мировой истории. Согласно давней традиции России историко-политические идеи доходили до общественного мнения благодаря искусству, художественной литературе, а в некоторых случаях там зарождались и вырабатывались. «Поэтическое проницание» (по В.Ф.Одоевскому), предшествовавшее научным разработкам, формировало и формирует культурное сознание российского общества.

Список литературы

1. Еремина, В.И. (2018), Содержание понятия «поэтика» в историческом развитии – С. 326 – (Русский фольклор. Т. XXXVII: Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сборник статей и материалов памяти А. А. Горелова))
2. К 200-летию Бородинского сражения [Электронный ресурс] // Заглавие сайта : ВЦИОМ. URL : <http://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/k-200-letiyu-borodinskogo-srazheniya-kurezy-istoricheskoy-ramyati>) (дата обращения: 22.09.2025)
3. Евгеньева, В.Д., Образцова К.А. (2023), Во славу ратных дел. Военная галерея 1812г. в Зимнем дворце – памятник русскому героизму. Образ героя: от прошлого к настоящему: материалы круглого стола, 8 декабря 2022г., Санкт-Петербург: СПбПХА им.А.Л.Штиглица. – 140 с.
4. Толковый словарь языка В. И. Даля. [Электронный ресурс] // Заглавие сайта : <https://slovardalja.net/> URL : http://www.philolog.petsu.ru/vdahl/projects/slovar/index.php?word_text=%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B9&mode=findfragsentry) (дата обращения: 21.09.2025)
5. Рыленков, Н.И. (1985), Кутузов в пути. Собрание сочинений: в 3-х т. Т.1. - М., 1985.

УДК 21/29

Ухатюк Юрий Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт философии

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ukhatuk1995@gmail.com

События Русско-японской войны на страницах журнала "Руководство для сельских пастырей": особенности характеристики конфликта в инфосфере духовенства"

Ukhatyuk Yuri Igorevich

Saint Petersburg State University

Institute of Philosophy

Saint Petersburg, Russia

E-mail: ukhatuk1995@gmail.com

The events of the Russian-Japanese War on the pages of the journal "Guide for Rural Pastors": characteristics of the conflict in the infosphere of the clergy"

Аннотация: Статья посвящена изучению образа Русско-японской войны в журнале «Руководство для сельских пастырей». В статье предпринята попытка продемонстрировать восприятие конфликта в среде православного духовенства России и проследить его изменения по мере затягивания боевых действий

Ключевые слова: Русско-японская война, патриотизм, духовенство, «образ врага»

Abstract: The article is devoted to the study of the image of the Russian-Japanese war in the magazine "Guide for Rural pastors". The article attempts to demonstrate the perception of

the conflict among the Orthodox clergy of Russia and to trace its changes as the fighting protracted.

Key words: The Russo-Japanese War, patriotism, the clergy, "image of the enemy"

Конфликт с Японией в начале XX века оказал значительное влияние на русское общество. Серьёзным бременем для Российской империи стало вести боевые действия на Дальнем Востоке в условиях напряженности в российском обществе и политической нестабильности. Православная церковь, как религиозная организация, имевшая статус государственной церкви России, испытала значительное влияние от событий этой войны, ставшей для всего российского общества трагическим испытанием. На примере статей журнала «Руководство для сельских пастырей» в статье предпринята попытка проанализировать влияние событий войны на церковную среду и как её представители их осмыслили и на них реагировали. Журнал, который был основан в годы бурной реформаторской деятельности Александра II, к началу XX века представлял собой важное для церковного читателя издание, отражавшее проблемы и изменения в церковной среде. При этом отмечается тенденция к политизации церковной печати в тот период, которая затронула и рассматриваемое нами периодическое издание. [1;338] Данная тенденция привела к возникновению на страницах журнала целого ряда статей, в которых прослеживаются различные подходы к оценке происходящих внешнеполитических испытаний. События Русско-японской войны стали важнейшей темой для обсуждения на страницах журнала, чему и посвящена данная статья.

Начало войны с Японской империей было ознаменовано на страницах журнала статьей главного редактора

Г.О. Булашева «Божеский призыв». В ней подчеркивается миролюбие России и её правящего императора Николая II, а также вероломство нападения японцев, которое, по мнению автора статьи, показывает мнимость попыток Японии «выдавать себя за цивилизованное государство» и её внешнеполитические действия оцениваются как «варварство». [4;178] Автор утверждает, что вероломство нападения японских войск «сделало войну популярной в обществе» и «вызвало всеобщее сочувствие к России всех европейских образованных наций». [4;179] Текст статьи показывает надежды автора на проявление со стороны стран «Христианского мира» солидарности с Россией, которой предстоит борьба с атаковавшей её «языческой» Японией. При этом, противник оценивается как очень сильный враг, которого, по утверждению Булашева, «нельзя шапками закидать», так как он обладает первоклассной армией и сильным флотом. [4;180] Редактор журнала порицает Англию за коварство её действий и поддержку амбиций Японии, оценивая эту поддержку как еще одно подтверждение того, что России предстоят тяжелые испытания. Завершает повествование Булашев призывом ко всем пастырям всячески помогать фронту, молиться о победе над врагом и поддерживать патриотический порыв в обществе. [4;182] В следующем номере журнала, вышедшем 22 февраля 1904 года, напечатана статья Н.Н. Пальмова «Россия и Япония». В ней автор утверждает, что события этой кровопролитной войны вызывают пристальный интерес во всем цивилизованном мире, а Япония и Россия представляют собой два государства, которые уникальны в своих исторических путях и никак не могут быть вписаны в «выработанный Западом определенный государственный шаблон». [7;211] При этом Пальмов отмечает исключительное миролюбие политики России и уступки с её стороны в отношении Японии для недопущения конфликта. Кроме того, автор указывает,

что Россия «не стремится к стяжательству земель», а также «не умеет получать выгоду от завоеваний» из-за того, что не прибегает к эксплуатации покоренных народов, в отличие от держав Запада. [7;212] При этом, Н.Н. Пальмов изображает войну России с Японией, как противостояние «воспитанного и выросшего в христианстве» русского народа с японским народом — «закоренелым язычником». Японские государственные деятели сравниваются с римскими гонителями христианства в первые века его существования, а Япония, по утверждению автора статьи, в столкновении с христианством «ищет спасения в национализме», подобно тому, как его «искал Древний мир» при столкновении с христианским мировоззрением. [7;213] Далее в статье описывается трагическая история христианской миссии в Японии, а в конце повествования автор выражает надежду, что современные ему события приведут к знакомству «желтой расы» с Россией и православием, что приведет к обращению японцев в христианство. [7;218] В девятом номере журнала, вышедшем 29 февраля 1904 года, помещена статья «Пред лицом войны тяжелой». В ней утверждается историческая роль России в качестве «заслона от азиатских орд», который и теперь подвергается атаке с Востока. [10;227] Также в ней подвергается критике просветительская деятельность Европы в странах Азии и колониях, которая оказалась низведена до низменных и алчных целей. При этом отмечается поверхностность такой просветительской деятельности, которая дает народам Востока возможность пользоваться плодами европейских достижений, но не ведет к их христианизации. [10;229] В статье подчеркивается миролюбивый и созидательный характер политики России в отношении населяющих её национальных меньшинств, что положительно выделяет на фоне алчных европейских колонизаторов, презирующих Россию и подтолкнувших Японию пойти войной против

России. [10;234] Решительность «маленькой» Японии объясняется поддержкой её со стороны недругов России с Запада [15;236] В номере 17 от 25 апреля 1904 года редакция журнала поместила статью, посвященную роли священнослужителей во время войны. Сражающиеся воины описываются как «самые религиозные люди» в российском обществе, которые особенно нуждаются в молитвенной помощи во время сражений. [8;478] Священнослужители призываются к совершению богослужений о даровании победы, а также к разъяснительной работе с неграмотным населением для разъяснения сути происходящих событий. [8;479] В номере журнала, выпущенном 29 августа 1904 года, присутствует статья «Библейское воззрение на войну». Она является изложением позиции Православной церкви того времени об отношении к войне. Сам автор статьи обосновывает её написание происходящими на Дальнем Востоке боевыми действиями, взбудоражившими всё российское общество. [2;443] Далее в статье утверждается, что война по библейскому учению не является злом, если ведется во имя защиты правды и справедливости, что является справедливым основанием для благословения боевых действий против напавшего в тот час врага. [2;449] По мере затягивания войны статьи в журнале несколько меняются по своему характеру и всё чаще отмечается, что этот конфликт является для России чрезвычайно тяжелым испытанием. В статье священника Афанасия Веселицкого «Духовенство и патриотизм» из номера 44 журнала, выпущенного 31 октября 1904 года, описывается тяжесть нынешнего вооруженного противостояния с противником, который «страшен своим языческим фанатизмом», и возникающий пессимизм в общественной печати по поводу исхода войны. [4;198] Автор утверждает, что пораженческий настрой намеренно распространяется «противонациональным направлением поклонников всего чужого»,

а сам он отмечает бескорыстность служения пастырей и важность их деятельности по воспитанию народа в духе патриотизма, а также преданности Государю Императору. [4;200] Схожей по посылу является статья Н.Пальмова, в вышедшем на первой неделе декабря 1904 года номере. В ней утверждается необходимость сплочения вокруг монарха в условиях затянувшегося кровавого конфликта, а также отмечается подвиг оборонявших Порт-Артур русских воинов, чей подвиг сделал Порт-Артур «святыней для всех русских людей». [6;334] В 1905 году на страницах журнала всё более проступает общественное разочарование и неуверенность в победе, которые начинают проявляться и в более скорбном и, вместе с тем ожесточенном к врагу, содержании выпусков журнала. Так, в статье конца мая 1905 года, повествуется о долге к павшим воинам российского общества и необходимости сплочения в дальнейшем противостоянии врагу. Японцы в ней сравниваются с монголами и именуются «врагами Креста Христова», а целью их борьбы объявляется «распространение нечестивого суеверия, сластолюбивого и развратного тиранства». [9;198] После подписания мирного договора с Японией в журнале вышла статья «Мир с Японией». В ней война признается кровопролитнейшим и трагическим событием, которая теперь завершена «изворотливостью дипломатии» с «почетными условиями» для обеих сторон. [5;29] Потери территории и материальные убытки признаются не столь страшными для России последствиями, когда особо болезненным признается моральный эффект от этого поражения. [5;30] Поражение в войне признается актом Божьей воли, которое послано России для работы над внутренним исправлением и осуществлением необходимых реформ в государстве. [5;32]

Таким образом, события войны 1904-1905 годов между Россией и Японией стали центральным предметом

обсуждений в журнале «Руководство для сельских пастырей». Статьи журнала показывают восприятие войны в среде духовенства и являются важнейшим источником для исследования жизни русского общества в тот период.

Список литературы

1. Белый К. В. Журнал «Руководство для сельских пастырей» в 1883–1917 гг. // Вестник ЕДС. 2021. №36. С. 328–351.
2. Библейское воззрение на войну // Руководство для сельских пастырей. 1904. Т. II, № 35. С. 443–449.
3. Булашев Г. О. «Божеский призыв» // Руководство для сельских пастырей. 1904. Т. I, № 7. С. 177–183.
4. Веселицкий А. Духовенство и патриотизм // Руководство для сельских пастырей. 1904. Т. III, № 44. С. 197–203.
5. Мир с Японией // Руководство для сельских пастырей. 1905. Т. 3. № 37. С. 29–32.
6. Пальмов Н. Господи, силою Твоею да возвеселится Царь! // Руководство для сельских пастырей. 1904. Т. III, № 49. С. 333–336.
7. Пальмов Н. Россия и Япония // Руководство для сельских пастырей. 1904. Т. I, № 8. С. 210–219.
8. Пастырь Церкви во время войны // Руководство для сельских пастырей. 1904. Т. I, № 17. С. 447–480.
9. Перевозников К. Наш долг к павшим героям // Руководство для сельских пастырей. 1905. Т. 2. № 20. С. 78–85.
10. Пред лицом войны тяжелой // Руководство для сельских пастырей. 1904. Т. I, № 9. С. 225–238.

УДК 930.1

Чулков О.А.,

кандидат философских наук

Государственный университет морского и речного флота

имени адмирала С.О. Макарова

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chulkovof@gumrf.ru

Русское «скифство» как эпифеномен отечественной войны 1812 г.

Chulkov O.A.,

Candidate of Sciences (Philosophy)

Admiral Makarov State University of Maritime and In-

land Shipping

St.-Petersburg, Russia

E-mail: chulkovof@gumrf.ru

Russian “scythians” as an epiphenomenon of the Patriotic War of 1812

Аннотация. В докладе предпринята реконструкция историко-культурологического контекста, в котором на рубеже XIX–XX вв. «русское скифство» было востребовано русскими литераторами, историками и философами. Рецепция мифологемы «скифской войны» в отечественной культуре рассматривается как значимый идеологический концепт, сопряженный с событиями отечественной войны 1812 г.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г. П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен. К. Маркс. Мистический анархизм. А. С. Блок.

Abstract. The report reconstructs the historical and cultural context in which, at the turn of the 19th and 20th centuries, "Russian Scythianism" was sought after by Russian writers, historians, and philosophers. The reception of the "Scythian War" myth in Russian culture is considered a significant ideological concept associated with the events of the Patriotic War of 1812.

Keywords: The Patriotic War of 1812. P. Chaadaev, A. I. Herzen. K. Marx. Mystical Anarchism. A. S. Blok.

На обложке первого сборника «Скифы», изданном в Петрограде в июне 1918 г., изображен лучник, печально созерцающий пылающий в огне европейский город (несколько арочных построек в древнеримском стиле). В его руке стрела, ещё не вложенная в лук; к его левому плечу, словно ища защиты, прикила обнаженная женщина. По аналогии с энантиоморфизмом зеркальных образов, представляется допустимой своего рода смысловая инверсия интерпретации этого рисунка К. С. Петрова-Водкина: воин, недавно мнивший себя победителем, вынужден безучастно наблюдать уничтожение захваченного им града. Именно в такой ситуации русское «скифство» впервые (после весьма неопределенных свидетельств византийских хроник и древнерусских летописей) было тематизировано в ходе осенней кампании 1812 г.

Согласно исторической реконструкции, Е. В. Тарле, актуализация русско-скифской мифологемы произошла при следующих обстоятельствах: «Наполеон, когда ему доложили о первых пожарах, не обратил на них особенного внимания, но когда 17 сентября утром он обошел Кремль и из окон дворца, куда бы ни посмотрел, видел бушующий огненный океан, то, по показаниям графа Сегюра, доктора Метивье и целого ряда других свидете-

лей, император побледнел и долго молча смотрел на пожар, а потом произнес: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди! Это — скифы!» [1; 333].

Эффектное восклицание императора Бонапарта, в контексте событий, последовавших после оставления Москвы армией М. И. Кутузова, прозвучало как очевидная отсылка к тактике «скифской войны», описанной в IV кн. «Истории» Геродота: «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагодарсудится, мы не вступим в бой с вами.].

В 1812 г. высказывание Наполеона произведет впечатление только на его свиту — русский перевод «скифского рассказа» Геродота выйдет в печати только в 1819 г., — брошенная П. Я. Чаадаевым фраза «в своих городах мы кочевники» даже спустя четверть века после событий 1812 г. будет звучать как оскорбление. Историческая связь скифов с восточными славянами не была подтверждена археологическими свидетельствами до обнаружения кургана Куль Оба в 1830 г. Это открытие произвело неоднозначное впечатление: «иногда как-то не по себе нашему брату, скифу, среди этих наследственных богатств и завещанных развалин», — напишет А. И. Герцен. [2; 57]. Эти слова будут с должным вниманием восприняты европейскими интеллектуалами как претензия на учреждение нового мирового порядка «при помощи кнута и обязательного вливания калмыцкой крови, о чем столь серьезно пророчествует полуроссиянин, но зато полный москвитин Герцен» [1; 333].

«Скифская» тема оказалась востребована в отечественной культуре на рубеже XIX–XX вв. Она вдохновляла историков и филологов (А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Ростовцев, Ф. А. Браун и др.), художников и поэтов («Битва славян со скифами» В. Васнецова, «киммерийский» цикл Максимилиана Волошина, книжная графика Петрова-Водкина и Полины Хентовой), композиторов («Скифская сюита» Сергея Прокофьева). В этом контексте блоковское «да, скифы мы» — прозвучало как утвердительный ответ «романтическому императору».

Список литературы

1. Бражников, И. Л. (2011). «Скифский сюжет» в русской культуре. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, (4-1), с. 332-337.
2. Иванов-Разумник, Р.И. А. И. Герцен: Сб. ст. — Петроград: Колос, 1920. 187 с.

УДК 2, 930.85

Чумакова Т. В.,

Доктор философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт философии

, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: chumakovatv@mail.ru

Война 1812 г. и положение католиков в Российской империи.

Chumakova T. V.

Doctor of Sciences (Philosophy)

St.-Petersburg State University

Institute of Philosophy

St.-Petersburg, Russia

E-mail: chumakovatv@mail.ru

The War of 1812 and the situation of Catholics in the Russian Empire.

Аннотация: Доклад будет посвящен восприятию католиков в Российской империи в период войны с Наполеоном 1812. В качестве источников в докладе будут использованы эго-источники, а также материалы русской периодической печати 1812 – 1813 годов («Русский инвалид»).

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; православие; русская культура; католицизм.

Abstract: The report will focus on the perception of Catholics in the Russian Empire during the war with Napoleon in 1812. Russian Russian sources, as well as materials from the Russian

periodical press of 1812-1813 ("The Russian Invalid"), will be used as sources in the report.

Key words: The Patriotic War of 1812; Orthodoxy; Russian culture; Catholicism.

Восприятие католицизма в истории России всегда зависело от множества различных факторов, среди которых религиозный фактор далеко не всегда был определяющим, куда как большую роль играли политические соображения (национальный вопрос в данном случае также зачастую определялся политическими факторами). Собственно, в антикатолической полемике Нового времени (как и в антикатолической полемике Новейшего времени) именно политический аспект играл основную роль. Практически любая полемика своим выстраивалась вокруг вопроса о власти папы римского (термины, родившиеся в результате этой полемики, это «папизм» и «цезарепапизм»), который узурпировал не только духовную, но и светскую власть. Богословские вопросы в полемике почти не поднимались, не считая евхаристических споров, в центре которых с XI в. был вопрос о причастии «квасным» или пресным хлебом.

Число католиков, проживавших на территории России постоянно росло начиная с XVI в., и постоянно менялся их национальный состав. Если в период правления царя Ивана Грозного среди них было много выходцев с территории Германии, англичан и шотландцев, то начиная с XVIII в. постепенно увеличивалось число французов, в основном это были экспаты: учителя французского гувернеры и гувернантки, модистки, актеры и проч. Ситуация изменилась после Французской революции, когда в Россию прибыло множество политических эмигрантов, и среди них было немало священников, которые в основном за-

нимались преподаванием. Российская империя приняла под свое покровительство орден иезуитов после его изгнания из европейских стран и папской буллы 1773 г. о роспуске ордена. Иезуиты занимались организацией религиозного образования на западных территориях, и создавали учебные заведения и в других регионах (например, в Петербурге), и до 1814, когда орден был вновь легализован Ватиканом, положение ордена было стабильным, но под влиянием политического фактора (после легализации Ватиканом ордена его членов стали воспринимать как агентов религиозного и политического влияния, и отношение к нему глав европейских стран было отрицательным, и, выслав иезуитов в 1820,) . В Российской империи к 1812 году число католиков было достаточно значительным, и что важно: среди них было немало представителей национальных элит. Основное число их составляли выходцы с бывших территорий Речи Посполитой (поляки, литовцы, белорусы), это были католики латинского обряда (литовцы и поляки) и греко-католики (белорусы). До первого Польского восстания государство не слишком вмешивалось в деятельность католических организаций, и не настаивало на переходе греко-католиков в православие. Во время войны 1812 на стороне Российской империи сражалось немало католиков, а священнослужители Римской католической церкви призывали свою паству не поддерживать захватчика, что отражало не только их верность Российской империи, но и всю сложность отношения Римско-католической церкви к императору Наполеону, восприятие которого среди клириков и мирян было скорее негативным. В нем видели и антихриста (что особенно хорошо заметно в оформлении книг XIX в., рассказывающих о захвате французскими войсками Москвы, в них почти всегда помещались иллюстрации, рассказывающие о разорении войсками захватчиков московских храмов, в которых устраивались ко-

нюшни), и орудие божественного Провидения (Жозеф де Местр), что вполне вписывалось в достаточно популярную среди христиан разных конфессий теорию «казней божьих». В русской печати 1812 – 1813 г. акцент делался на сложных отношениях Наполеона с Римской Католической Церковью. Наполеон изображается как человек, который использовал церковь, принуждая священство и епископат к сотрудничеству. Действительно, несмотря на конкордат и коронацию Наполеона, его отношения с папой Пием VII были весьма драматичными. В газете «Русский инвалид» от 1 ноября 1813 г. рассказывается, что «В Прусском корреспонденте под заглавием "Конкордат" описано подробно путешествие Папы из Савоны в Фонтенбло, и происки, употреблённые Наполеоном, чтобы заставить Французов думать, что он помирился с Папою и что заключил с ними конкордат» [Русский инвалид : газета военная, политическая и литературная.. 1813, № 44, 01 ноября. С. 381]. Далее подробно описывается тактика запугивания папы и принуждения его к конкордату угрозами церковного раскола. Папа при этом изображался со всей возможной симпатией и почтением как человек «всегда жертвовавший личными своими выгодами благу церкви».

Мы не найдем в официальной печати времен критики католической церкви или католиков, которых только на основании их религиозной принадлежности подозревали в коллаборационизме. Однако на «западных окраинах» некоторые католики встречали войска Наполеона с восторгом, что способствовало постепенному формированию образа католика как религиозного диссидента и потенциального врага государства, что в полной мере проявилось уже в 30-е годы после первого Польского восстания, и оказало значительное влияние на русскую культуру в целом (из художественных образов самым ярким и популярным в XIX – нач. XX вв. стал образ «коварной польки» Марины

Мнишек, в котором реальные черты исторического персонажа переплетаются с библейским образом Юдифи, который в христианском восприятии, и особенно в православном (делающем акцент на образе «блудницы»), был достаточно неоднозначен)

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда
грант № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX- начала XXI вв.».

УДК 73.025

Шумилова Х.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет искусств
ООО «Реставрационные мастерские «Наследие»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: xristinaa@mail.ru

**От руин к возрождению: скульптурное убранство ГМЗ
«Павловск» в контексте преодоления военной травмы
(о реставрации каменной скульптуры из собрания му-
зея)**

Shumilova H.V.
St.-Petersburg State University
Faculty of Arts
St.-Petersburg, Russia
E-mail: xristinaa@mail.ru

**From ruins to rebirth: sculptural decoration of the Pav-
lovsk Museum of Fine Arts in the context of overcoming
military trauma
(about the restoration of a stone sculpture from the muse-
um's collection)**

Аннотация: Доклад будет посвящен подвигу сотрудников ГМЗ «Павловск», благодаря которому во время Великой Отечественной войны удалось сохранить уникальную коллекцию садово-парковой скульптуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, реставрация, садово-парковая скульптура, ГМЗ «Павловск».

Abstract: The report dedicates to the feat of the employees of the Pavlovsk State Museum and Reserve, thanks to which a unique collection of landscape sculpture was preserved during the Great Patriotic War.

Key words: The Great Patriotic War, restoration, landscape sculpture, the Pavlovsk State Museum and Reserve.

Государственный музей-заповедник «Павловск» – это не только дворец, и ландшафтный парк, но и молчаливое собрание каменных свидетелей истории. Это одна из самых масштабных и ценных коллекций садово-парковой скульптуры в России, уникальные произведения с очень сложной и трагической судьбой. Монумены несут на себе следы бытования, реставраций, проводившихся в XVIII – XIX веках и, конечно, являются свидетельством подвига хранителей, спасавших их в годы Великой Отечественной войны. За внешним великолепием, которое сегодня видят посетители, скрывается трагическая история и титанический труд музейных работников.

Осенью 1941 года, когда линия фронта приближалась к Павловску, сотрудники музея разработали план спасения бесценных коллекций. Наиболее ценные и мобильные экспонаты были эвакуированы вглубь страны. Однако монументальная каменная скульптура, тяжелые изваяния, не могли быть вывезены из-за своих габаритов и веса. Чтобы спасти их от неминуемого уничтожения, музейные работники прятали скульптуры в тайниках, замуровывали в подвалах и стенах дворца, закапывали в парке. Это позволило сохранить большую часть коллекции. Но, к сожалению, времени катастрофически не хватало, и некоторые предметы остались на своих местах или были спрятаны недостаточно надежно и получили серьезные повреждения

от осколков снарядов, бомбежек и преднамеренного вандализма. Часть была утрачена навсегда.

Невозможно переоценить и тот титанический труд, который был проделан реставраторами в послевоенные годы, когда большей части коллекции скульптуры было возвращено былое величие.

Однако, и спустя 80 лет после окончания войны в запасниках музея все еще хранятся израненные памятники, ждущие своего часа. Их возвращение к жизни – это кропотливый труд. Благодаря работе научных сотрудников и хранителей ГМЗ «Павловск», которые по старым описям, фотографиям и чертежам идентифицируют найденные фрагменты, и мастерству реставраторов, утраченные сокровища обретают вторую жизнь.

За последние два десятилетия специалистами нашей компании были отреставрированы более 90 скульптур из собрания музея, которые имеют свою специфику, их можно условно разделить на 3 группы:

1. Сохранившиеся предметы крупных габаритов, которые не было возможности эвакуировать. Для данных памятников характерны такие виды разрушений, как сильная деструкция и темные пятна от пожара, многочисленные утраты элементов, скульптуры разбиты на множественные фрагменты.

2. Предметы, которые удалось спрятать в тайниках или в земле. Чаще всего это не столь габаритные памятники, которые можно было перенести на руках. Они, закономерно, находятся в лучшем состоянии сохранности. Предметы, закопанные в землю, имеют специфическое изменение цвета.

3. Полностью утраченные предметы, подлежащие воссозданию.

Благодаря сложному и ответственному сотрудничеству музея и реставраторов многие скульптуры продолжа-

ют занимать свои исторические места в анфиладах дворца и на зелёных газонах парка. Они перестают быть немymi свидетелями трагедии и вновь становятся частью прекрасного художественного замысла, ради которого и создавались. Возвращение каждого такого памятника – это победа. Победа памяти над забвением, мира над войной, красоты над разрушением.

В докладе хотелось бы показать реставрацию не только техническую процедуру, а как акт воскрешения памяти, победы жизни над смертью, восстановления культурного кода нации.

СЕКЦИЯ «ПОБЕДА: АНАЛИТИКА СЕТЕВОГО ОБРАЗА»

УДК 791.4

Артамонов Д. С.

*доктор философских наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский госу-
дарственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия
E-mail: artamonovds@mail.ru*

Семейная память о Великой Отечественной войне в социальных медиа

Artamonov D. S.

*Doctor of Philosophy, Associate Professor
Saratov State University, Saratov, Russia
E-mail: artamonovds@mail.ru*

Family memory of the Great Patriotic War on social media

Аннотация. Доклад посвящён исследованию семейной памяти о Великой Отечественной войне в цифровую эпоху. Анализируются практики репрезентации прошлого в социальных медиа, роль фотографий и персонализированных историй в формировании коллективной идентичности.

Abstract. The paper explores family memory of the Great Patriotic War in the digital age. It examines how social media transform private archives, especially photographs, into public narratives. Emphasis is placed on personalization, visual storytelling, and their role in shaping collective identity and inter-generational dialogue in contemporary memory culture.

Ключевые слова: семейная память; Великая Отечественная война; социальные медиа; медиапамять; фотографии; идентичность; мемориальная культура.

Keywords: family memory; Great Patriotic War; social media; media memory; photographs; identity; memorial culture.

Феномен семейной памяти о Великой Отечественной войне в последние десятилетия приобретает особую актуальность в связи с изменением форм репрезентации прошлого и способов его трансляции в обществе. Если в советский период главным каналом закрепления памяти о войне выступала институционализированная культура — школьное образование, государственные праздники, кинематограф и литература, то сегодня значительную роль в этом процессе играют цифровые платформы и социальные медиа. Именно здесь происходит переосмысление прошлого в рамках индивидуальных и семейных историй, которые в совокупности формируют особый пласт медиапамяти, выходящий за пределы официального нарратива.

Семейная память опирается на рассказы очевидцев, хранящиеся в личных архивах фотографии и письма, устные предания, которые передаются от поколения к поколению. Однако в эпоху цифровых технологий этот пласт памяти всё чаще получает медийное воплощение: в социальных сетях появляются посты, посвящённые дедам и прадедам, видеоролики, смонтированные из архивных материалов, публикации с фотографиями и личными историями. Так, акции наподобие «Бессмертного полка онлайн» демонстрируют, как семейная память трансформируется в публичное пространство, соединяя частное и коллективное.

Особую роль в этой трансформации играют фотографии. Семейные снимки времён войны или послевоенных лет, ранее хранившиеся в домашних альбомах и вос-

принимавшиеся как часть приватной истории, в цифровой среде обретают новую жизнь. Их публикация в социальных медиа сопровождается рассказами о фронтовом пути, тыловых подвигах или просто о повседневной судьбе родственников. Такой визуальный формат памяти оказывается особенно значимым: фотография выступает не только как документальное свидетельство, но и как символ межпоколенческой преемственности.

Визуальные образы в социальных сетях усиливают эмоциональное воздействие семейной памяти. Даже чёрно-белая, повреждённая временем фотография становится в цифровой среде объектом внимания тысяч пользователей, если она сопровождается лаконичным, но трогательным рассказом. Эффект визуальной аутентичности создаёт доверие к нарративу, а массовое распространение снимков формирует коллективное чувство сопричастности. В этом контексте можно говорить о том, что фотографии становятся своеобразными «иконами памяти», конденсирующими в себе как индивидуальный опыт семьи, так и коллективное представление о войне.

Социальные медиа оказываются удобным инструментом для актуализации памяти, поскольку они позволяют не только хранить и распространять семейные истории, но и придавать им эмоционально насыщенную форму. В отличие от академических исследований или официальных хроник, тексты и образы в социальных сетях чаще носят персонализированный характер. Они фокусируются на судьбах конкретных людей, их подвигах, страданиях и повседневном опыте. Такая индивидуализация делает память более «человечной», облегчает идентификацию с прошлым и формирует у аудитории чувство сопричастности.

Важно отметить, что цифровая репрезентация семейной памяти сопряжена с определёнными трансформациями. Социальные сети подчиняются своей логике: здесь

работает принцип визуальной привлекательности, эмоционального воздействия, краткости изложения. Это неизбежно влияет на формы представления исторических фактов, которые зачастую упрощаются и символизируются. Вместо развернутых повествований о фронтовой жизни или военной повседневности в ленте новостей появляется фотография прадеда с подписью «Горжусь» или короткий видеоролик с музыкальным сопровождением. Такой формат способствует массовому распространению памяти, но одновременно может приводить к её фрагментации и символической редукции.

Тем не менее социальные медиа выполняют важную функцию демократизации памяти. Если в советскую эпоху ключевую роль играли централизованные каналы трансляции, то сегодня практически каждый пользователь может стать «хранителем» истории своей семьи. В этом смысле цифровая среда открывает новые горизонты для изучения мемориальной этики, ставя вопрос о том, как соотносятся достоверность источника и эмоциональность его подачи, как пересекаются частные и публичные нарративы.

Необходимо подчеркнуть и значение социальных медиа в процессе конструирования идентичности. Публикация семейных историй о войне позволяет молодым поколениям включаться в коллективное переживание Великой Победы, ощущать сопричастность к «большой» истории. При этом цифровая коммуникация создает новые формы «живой» памяти, которая, в отличие от музейных экспозиций или архивных фондов, постоянно циркулирует, комментируется и актуализируется в межпоколенческом диалоге.

Таким образом, семейная память о Великой Отечественной войне в социальных медиа становится особым феноменом культурного производства, в котором пересекаются личное и коллективное, традиционное и цифровое,

историческое и эмоциональное. Этот феномен требует дальнейшего изучения как с точки зрения медиафилософии, так и в контексте *memory studies*, поскольку именно в социальных медиа сегодня во многом формируется представление о войне у новых поколений. Здесь память не только сохраняется, но и создается заново, обретая новые формы в соответствии с логикой цифровой культуры.

Список литературы

Бараш, Р.Э. (2023), Семейная история и семейная память в России 2020-х годов, *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, №4(111), с. 141–162. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-141-162.

Богатова, О.А., Дадаева, Т.М. (2024), Семейная память как фактор формирования гражданской идентичности молодежи. Социологический анализ, *Социально-политические науки*, Т.14, №2, с. 166–176. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-2-166-176.

Линченко, А.А. (2022), Память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в региональном Интернет-пространстве: опыт дискурс-анализа, *Социодинамика*, №5, с. 38–49. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.5.37965.

Хирш, М. (2021), *Постпамять: Память о Холокосте во втором поколении*, Москва: Новое литературное обозрение.

УДК 791.4

Пономарёв А. И.,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

*Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет,*

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: aiponomarev@etu.ru

**Образ победы и победителя в современном китайском
кино (на материале фильмов "Герой" и "Основание
республики")**

Ponomarev A. I.,

*Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor,
department of philosophy*

*St.-Petersburg electrotechnical University, St.-
Petersburg, Russia*

E-mail: aiponomarev@etu.ru

**Victory and victors figures in recent Chinese cinema (on
the basis of "Hero" and "Founding of a Republic")**

Аннотация. Кино обладает уникальным набором средств для изображения победы и победителей, однако отношения между этими понятиями в киноязыке неоднозначно. На примере двух популярных фильмов китайского кинематографа XXI в., "Герой" и "Основание республики" можно проследить как современные китайские авторы адаптируют киноязык к своим задачам.

Abstract. Cinema has a unique set of tools in presenting of victory and victors. Connection between these notions isn't clear. On the basis of two XXI century Chinese movies, namely "Hero" and "Founding of a Republic" it could be seen

how contemporary authors apply cinema language to their purposes.

Ключевые слова: победа, победитель, семиотика кино, киноязык, китайское кино.

Keywords: victory, victors, semiotics of cinema, cinema language, Chinese cinema.

Победа и победитель являются важнейшими понятиями в языке кинематографа. Победой в широком смысле может быть назван любой финал интересного повествования, детективного, биографического и т.д., поскольку разрешение интриги действительно ощущается как победа над тайной. В этом смысле победителем может быть назван центральный персонаж любого фильма, который дожил до счастливого финала. Победа в узком смысле обычно понимается как масштабный социально значимый феномен, например, победа в войне, поединке, спортивном соревновании. А победитель - это персонаж, который привел к победе свою социальную группу. Уникальность киноязыка в том, что в нем победа может быть показана с помощью совмещения на крупных и общих планах большого количества людей, танец под наложенную музыку.

Обозначив так самые простые понятия, приходится признать, что даже если изображение победы в целом согласуется с пониманием зрителей, то зрительское представление о победителях далеко не всегда однозначно. Изображение победы в киноязыке претендует на отражение исторических событий давнего и недавнего прошлого, что делает важным данное обсуждение в рамках культурно политического дискурса.

Кажется очевидным, что победители - это те, кто создают победу, однако, часто бывает так, что после победы

список победителей расширяется, что вызывает оживлённые дискуссии, поэтому ситуация требует прояснения. Можно выделить два подхода к решению указанной проблемы. Согласно первому подходу, победители действительно являются причиной победы, они её создатели. Другой подход говорит, что победители - это те, кто владеют победой, поэтому во втором подходе победа, на самом деле, создает победителей. Таким образом, расширение списка победителей возможно только в рамках второго подхода, ведь любые собственники могут поделиться своей победой с другими. В рамках первого подхода для установления победителя нужно оценивать вклад каждого участника, что удаётся далеко не всегда. В рамках второго подхода возможны даже такие представления, что Япония на самом деле победитель во Второй мировой войне, а Китай - проигравший, поскольку истинными победителями являются западные демократии и их союзники.

Два фильма "Герой" (2002) и "Основание республики" (2009) по-своему примечательны для рассматриваемой темы. Список сходств двух названных фильмов сводится к тому, что оба они не просто получили массовый интерес (кассовые сборы велики), но и отражают какую-то часть дискуссии о сущности Китая. Отличия же фильмов достаточно велики. "Герой" - авторское кино, "Основание республики" - государственное кино, выпущенное к 60-й годовщине основания КНР. Первый про формирование императорского Китая, второй - современного Китая, т.е. КНР. Первый фильм выполнен в минималистском стиле - мало актеров, мало персонажей, во втором много актеров, много персонажей, много знаменитостей. Первый фильм активно прибегает к символизму (символичны цвета, иносказательны диалоги), второй - реалистический, буквалистский (символы и образы просты и понятны). Первый популярен за рубежом Китая, второй - в основном внутри

страны. Длинные сцены в "Герое", короткие - в "Основании республики".

В фильме "Герой" изначальная мотивация персонажа Безымянного в том, чтобы убить императора (под личиной которого обычно подразумевается Цинь Шихуанди). Но от персонажа Сломанный меч он получает другую мотивацию о том, что важен единый Китай (Сломанный меч рисует на песке иероглиф "Поднебесная"). Безымянный отказывается от убийства императора, но его всё равно казнят как преступника. Безымянный знал, что его ждёт такой конец, но всё равно прошёл эту историю до конца, чтобы император знал о его намерениях и выборе. Можно ли считать Безымянного проигравшим в данной истории? С точки зрения первого из обозначенных выше подходов нет нельзя, ведь именно своим отказом и жертвой Безымянный привел к победе и единоличной власти императора. Но Безымянного нельзя считать проигравшим и с точки зрения второго подхода, ведь последующая история показала, что династия Цинь правила Китаем не долго, а результат жертвы Безымянного - единый Китай, существует до сих пор.

Фильм "Основание республики" содержит также не однозначные образы победы и победителей. Фильм повествует о событиях 1946-1949 гг., т.е. гражданской войны в Китае, которая началась почти сразу после освобождения Китая от японской оккупации. Показаны не только события батальных сцен, но и дискуссии о символах, конституции и общем устройстве нового государства КНР под руководством победившей в гражданской войне КПК. По поводу финала фильма возникает вопрос, аналогичный заданному в предыдущем абзаце. Можно ли считать изображенный Гомиьндан и Чан Кайши в фильме "Основание республики" проигравшими? С точки зрения первого подхода с таким ответом трудно согласиться, благодаря реше-

нию Чан Кайши в финальной сцене прекратить борьбу с КПК и правительством в Пекине. Второй подход даёт скорее основания для вариативного отношения к поражению Гоминьдана в гражданской войне, у наследников Чан Кайши есть возможность считать себя победителями (вместе с единым Китаем).

Список литературы

1. A Companion to Chinese Cinema. Ed. by Yingjin Zhang. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2012
2. Larson W. Zhang Yimou. Globalization and the Subject of Culture. NY: Cambria press, 2017

УДК 130.2

Прокудин Д.Е.,
доктор философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: d.prokudin@spbu.ru

**Цифровые технологии в сохранении культурно-
исторической памяти о Великой Победе**

Prokudin D.E.,
Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: d.prokudin@spbu.ru

**Digital technologies in preserving the cultural and histori-
cal memory of the Great Victory**

Аннотация. Сохранение культурно-исторической памяти во все времена был неотъемлемой составляющей русского культурного кода. Эта память передавалась через устные сказания, письменные и печатные источники, посредством аудио и видео. А в настоящее время с развитием информационного общества возникают новые способы сохранения культурно-исторической памяти, основанные на применении цифровых технологий. В настоящем докладе рассматриваются эти технологии в контексте сохранения памяти о Великой отечественной войне. Показывается приоритетное их использование для передачи культурного кода новым поколениям. Выявляются проблемы, связанные с применением этих технологий.

Abstract. The preservation of cultural and historical memory has always been an integral part of the Russian cultural code. This memory was transmitted through oral traditions, written and printed sources, through audio and video. And currently, with the development of the information society, new ways of preserving cultural and historical memory based on the use of digital technologies are emerging. This report examines these technologies in the context of preserving the memory of the Great Patriotic War. Their priority use for the transmission of the cultural code to new generations is shown. The problems associated with the use of these technologies are being identified.

Ключевые слова: культурно-историческая память, культурный код, Великая отечественная война, информационное общество, цифровые технологии, сетевые ресурсы.

Keywords: cultural and historical memory, cultural code, Great Patriotic War, information society, digital technologies, network resources.

Сохранение культурной памяти и передача её следующим поколениям является естественной задачей в любом обществе и в любой цивилизации как часть поддержания культурной идентичности. Для российской цивилизации это всегда было одним из основных механизмов передачи культурного кода. Особенно важным в этом контексте была передача исторической памяти о войнах и победах в них, что влияет на восприятие развития российской государственности как непрерывного исторического процесса. На разных этапах развития российской государственности память о войнах, победах и их героях передавалась различными способами: через

устные сказания, затем – через письменные и печатные источники, а с развитием технологий – посредством фотографий, аудио и видео. Немаловажным для общества в целом и для каждого человека в частности является почитание памяти о героях войн через такие формы как памятники, обелиски, мемориальные комплексы и захоронения. В целом все эти формы, являющиеся местами памяти, составляют пространство памяти.

Современный этап развития информационного общества в качестве основной формы постулирует цифровое представление информации. При этом доступ к ней осуществляется через применение информационно-коммуникационных технологий. Вместе с развитием этих технологий происходят процессы оцифровки различных традиционных носителей и аккумулирования цифровой информации в различных информационных системах. Сохраняя таким образом историческую память о Великой отечественной войне в нашем обществе, формируется цифровое пространство памяти [1]. К нему можно отнести как официальные информационные системы (например, цифровые архивы Министерства обороны Российской Федерации, электронные каталоги музеев), так и инициативные проекты (например, оцифрованные материалы военно-исторических обществ и советов ветеранов, статьи в различных электронных сетевых энциклопедиях, частные цифровые архивы) [2, 3]. Помимо этого, информационно-коммуникационные технологии позволяют не только фиксировать информацию в цифровой форме, но и создавать мультимедийные инсталляции, цифровые реконструкции, мультимедийные туры и экскурсии, а также другие оригинальные решения. А сетевые информационные технологии создают механизмы для доступа к цифровому контенту. Всё это создаёт условия для широкого доступа к исторической

памяти не только в России, но и для всего мирового сообщества.

Особенно актуальны подобные ресурсы для подрастающих поколений (например, так называемых «зумеров»), для которых приоритетным является восприятие информации в цифровой форме с использованием различных электронных устройств. Именно через эти основные для них механизмы можно наиболее эффективно передавать память о Великой отечественной войне [4]. Но недостаточно создавать и поддерживать работу таких информационных систем как цифровых мест памяти. Необходимо встраивать их в целенаправленные процессы воспитания молодёжи, привлекая внимание к ним в рамках постоянной воспитательной работы в учебных заведениях, через деятельность патриотических детских и молодёжных организаций [5, 6, 7]. Просветительские проекты и мероприятия также должны интегрировать такие информационные ресурсы в свою деятельность.

Интернет-ресурсы, посвящённых сохранению памяти о Великой отечественной войне, создано уже достаточно много. Например, к основным из них можно отнести:

- электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (<http://www.podvignaroda.mil.ru>), который содержит документы о ходе и итогах основных боевых операций, подвигах и наградах всех воинов Великой Отечественной войны;

- портал «Память народа» (<https://pamyat-naroda.ru>). На портале размещены оригинальные документы о ходе боевых действий, приказы, доклады командующих, оперативные описания боевой обстановки. В базе портала содержатся строчки из наградных листов с описаниями

подвигов. На нём собрана и открыта информация о местах первичных захоронений более 5 млн солдат и офицеров, которые погибли в бою или умерли от ран и болезней в госпиталях и медсанбатах. Особо ценным является возможность размещения пользователями в разделе «Истории пользователей» историй и воспоминаний людей, чьи судьбы затронула война 1941–1945 года;

- обобщенный банк данных «Мемориал» (<https://obd-memorial.ru>), созданный по инициативе Министерства обороны Российской Федерации в 2007 году. Этот ресурс содержит цифровые копии документов о безвозвратных потерях и именные записи о потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне. Обнародованы первичные места захоронений более, чем 5 млн солдат и офицеров. Публикация этих данных в открытом доступе позволяет восстановить судьбу и места захоронения участников Великой Отечественной войны;

- официальный сайт движения «Бессмертный полк» (<https://www.moypolk.ru>), который не только информирует о деятельности этого инициативного движения, но позволяет добавлять в базу данных сведения об участниках Великой Отечественной войны, тем самым формируя виртуальное шествие «Бессмертного полка».

Однако, необходимо отметить проблемы, связанные с их использованием для передачи культурного кода подрастающим поколениям:

- отсутствие систематизированной информации о разнородных сетевых ресурсах;

- направленность на пассивное потребление информации;

- отсутствие привлекательности для детей и молодёжи.

Отсутствие систематизации и единого каталога Интернет-ресурсов, посвящённым Великой Отечественной

войны не позволяет решать задачи оперативного отбора необходимых ресурсов как для целенаправленного применения в общественно-просветительской и воспитательной деятельности, так и для самостоятельного использования. Частично такой систематизацией занимаются библиотеки, например, Центральная городская библиотека Нижнего Тагила (https://tagilib.ru/readers/for_children/iam_tagilchanin/katalog-veb-saytov-o-velikoy-otechestvennoy-voynе.php?clear_cache=Y), Муниципальная информационно-библиотечная система г. Новокузнецка (<https://libnvkz.ru/chitatelyam/ssilki/vov>), Централизованная библиотечная система г. Канска (<https://www.kansklib.ru/mb/chitatelyu/proekt-zhivaya-pamyat/resursy-o-vov>). И небольшой список основных, в основном официальных Интернет-ресурсов, посвящённых Великой Отечественной войне размещён на официальном сайте «Бессмертного полка» (<https://www.moypolk.ru/resource>). Однако, списки, как правило, являются устаревшими и весьма неполными.

В основном упомянутые и многие другие подобные ресурсы направлены на пассивное потребление информации. Интерактивность заключается в основном только в поиске нужной информации из базы данных или в возможности разместить историю о своём родственнике, что требует определённой подготовки и соответствующей мотивации. Кроме этого, необходимо формирование деятельностного отношения к цифровым местам памяти для того, чтобы они приобретали для молодёжи личностную значимость. Этого можно добиться, например, через интерактивные элементы и технологии – чтобы не было только пассивного потребления информации. Так, например, на соответствующих сайтах можно размещать викторины, тесты, которые позволят как проявить знание

пользователем фактов о Великой отечественной войне, так и заинтересовать в поиске и получении этой информации. Другим элементом привлечения и удержания внимания на этих ресурсах необходимо использование технологий геймификации, так как игровые компоненты для детей и молодёжи являются основными элементами вовлечения в процессы сохранения исторической памяти [8, 9]. Для этого можно размещать на сайтах интерактивные квесты и квизы.

Как перспективное направление использования информационно-коммуникационных технологий в контексте сохранения памяти о Великой отечественной войне можно рассмотреть развитие компьютерных игр (в том числе сетевых). Потенциал этого направления в целях сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне и для патриотического воспитания детей и молодёжи уже достаточно давно отмечается современными исследователями [10, 11, 12, 13, 14].

Несмотря на существующие проблемы развитие цифрового пространства памяти о Великой Отечественной войне, оно является одним из основных инструментов как сохранения исторической памяти, так и патриотического воспитания подрастающих поколений, для которых ресурсы Интернет являются приоритетными источниками информации.

Список литературы:

1. Гарас, Л.Н., Лебедь, Н.И., Татарченко, С.В. (2021), Особенности формирования исторической памяти в информационно-коммуникационную эпоху, *Modern Science*, № 5-3, с. 379-383.
2. Исачкин, Е.Н. (2023), Память о Великой Отечественной войне в интернет-пространстве российских социальных сетей, *Орловско-Курская битва в истории Великой Отече-*

ственной войны 1941-1945 гг: Сборник международной научно-практической конференции, Орёл, 20 апреля 2023 года, Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, с. 63-67.

3. Каминский, М.А. (2022), Электронные информационные ресурсы Министерства обороны Российской Федерации: к вопросу о современных практиках сохранения памяти о Великой Отечественной войне, *Цифровое измерение новой социальной реальности: сборник научных студенческих статей*, Москва, 09 октября 2021 года – 17 2022 года, под редакцией Н.А. Ореховской, М.Н. Свинцовой, А.С. Платановой, Москва: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, с. 79-87.

4. Сиразеева, Д.А., Мубаракшин, М.А. (2025), Цифровая память потомков: как современные интернет-ресурсы помогают молодежи узнать правду о Великой Отечественной войне и подвиге своих родных, *Герои войны - герои спорта: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне*, Казань, 29 апреля 2025 года, Казань: Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, с. 189-192.

5. Шапарина, О.Н. (2025), Цифровые информационные ресурсы по теме «Великая Отечественная война» и варианты работы с ними на уроках и во внеурочной деятельности, *Образ действия*, № 2, с. 8-15.

6. Щедрин, А.А. (2024), Интернет-ресурс "Память народа" как инструмент формирования исторической памяти школьников, *Культурно-историческая память и современные образовательные практики: Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции*, Томск, 02–03 ноября 2023 года, Томск: Томский государственный педагогический университет, с. 86-91.

7. Царева, Н.А., Черная Е.В. (2024), Методика использования интернет-источников в процессе воспитания патриотического сознания студентов, *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*, т. 16, № 4(72), с. 123-130, DOI: 10.29039/2949-1258/2024-4/123-130.
8. Ускова, К.В. (2021), Патриотическое воспитание с использованием технологии геймификации, *Воспитание как стратегический национальный приоритет: Международный научно-образовательный форум, Екатеринбург, 15–16 апреля 2021 года, Часть 3*, Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, с. 444-446, DOI: 10.26170/Kvnp-2021-03-105.
9. Шарипова, Е.Р. (2025), Интерактивные формы работы Музея Победы: геймификация и эффект погружения как инструменты сохранения исторической памяти, *Хранители Победы - 2: Материалы научно-практической конференции, Москва, 25 апреля 2025 года*, Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры "Центральный музей Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.", с. 72-74.
10. Белов, С.И. (2018), Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх), *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, т. 20, № 1, с. 96-104, DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-96-104.
11. Белов, С.И., Кретьева, А.А. (2020), Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны), *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, № 1, с. 54-63, DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-54-63.

12. Волков, Д.Ю., Панов, А.О. (2023), Влияние видеоигр на формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России), *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, № 4(11), с. 45-51, DOI: 10.46741/sgjournal.2023.11.4.006.
13. Ковтун, М. А. (2024), Образ Великой Отечественной войны в компьютерных играх начала 2000-х годов, *Актуальные вопросы современной науки: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции*, 2 ч., Пенза, 10 июня 2024 года, Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), с. 99-101.
14. Сабирова-Павлюченко, Е.Н. (2015), Отражение событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх и их влияние на подрастающее поколение, *Великая Отечественная война: историческая политика и историческая память: Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне*, Уфа, 20 мая 2015 года, Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, с. 39-43.

УДК 130.2

Тихонова С. В.

*доктор философских наук, доктор юридических наук,
профессор
Саратовский национальный исследовательский государ-
ственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия
E-mail: segedasv@yandex.ru*

Семейная память и цифровая коммеморация Победы

Tikhonova S.V.

*Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor
Saratov State University, Saratov, Russia
E-mail: segedasv@yandex.ru*

Family memory and digital commemoration of Victory

Аннотация. Доклад посвящён исследованию семейной памяти о Великой Отечественной войне в цифровую эпоху. Анализируются практики сетевой коммеморации Победы, роль социальных медиа и фотографий в формировании коллективной идентичности и межпоколенческого диалога.

Abstract. The paper examines family memory of the Great Patriotic War in the context of digital commemoration. It highlights how social media practices, including the circulation of family photographs and personal stories, transform private memory into public narratives, shaping collective identity and fostering intergenerational dialogue in contemporary culture.

Ключевые слова: семейная память; Великая Отечественная война; цифровая коммеморация; социальные медиа; медиапамять; фотографии; идентичность.

Keywords: family memory; Great Patriotic War; digital commemoration; social media; media memory; photographs; identity

Семейная память о Великой Отечественной войне остаётся одним из важнейших элементов формирования культурной и национальной идентичности. Она всегда сочетала в себе индивидуальные нарративы, передаваемые в рамках межпоколенческого общения, и коллективные практики памяти, закреплявшие ключевые символы и образы войны в общественном пространстве. Однако в условиях цифровизации привычные формы семейной памяти претерпевают радикальные изменения: устные рассказы и домашние архивы всё чаще уступают место цифровым практикам, создающим новые механизмы сохранения и репрезентации опыта. Этот процесс можно рассматривать как переход от коммуникативной памяти, описанной Я. Ассманом, к медиапамяти, функционирующей на основе цифровых технологий и социальных сетей.

Классические формы объективации семейной памяти — фотоальбомы, реликвии, устные предания — обеспечивали связь поколений и формировали доверие к нарративу за счёт эмоциональной интенсивности общения и сильных связей внутри семьи. Эти механизмы опирались на непосредственную коммуникацию, где значимым был не только фактологический уровень передачи информации, но и невербальные сигналы, задававшие эмоциональную окраску рассказа. В таких условиях память воспринималась как достоверная прежде всего благодаря авторитету и позиции старшего поколения. Однако именно эта форма

памяти была уязвима для искажений, забывания и субъективных интерпретаций, что нередко приводило к возникновению феномена ложных воспоминаний.

В цифровую эпоху устная семейная коммуникация уступает место практикам, фиксирующим память документально. Интернет-дискурс, объединяющий элементы устной и письменной речи, позволяет точно фиксировать содержание повседневной коммуникации и тем самым снижает риск её исчезновения или забвения. Одновременно это открывает возможности для более широкого распространения памяти, превращая семейные истории из локального нарратива в часть публичного цифрового пространства. В этом смысле социальные медиа становятся основным посредником в коммеморации Победы, позволяя индивидуальным воспоминаниям о войне выходить за пределы семьи и становиться частью сетевых образов памяти.

Особое значение в цифровой коммеморации приобретают фотографии. Снимки времён войны или послевоенного периода, ранее хранившиеся в альбомах и воспринимавшиеся как элемент приватного архива, в цифровой среде обретают статус визуальных символов, репрезентирующих как личный, так и национальный опыт. Публикация фотографий с краткими подписями, рассказами о фронтовом пути или жизни в тылу становится частью массовых мемориальных практик в социальных сетях. Эффект визуальной аутентичности усиливает доверие к подобным публикациям, а их тиражирование формирует коллективное чувство сопричастности. Визуальный контент становится своего рода «иконой памяти», конденсирующей личные судьбы и общенациональную историю.

Цифровые формы коммеморации отличаются демократизмом: каждый пользователь социальных сетей может стать хранителем и транслятором памяти своей семьи. Ес-

ли в советское время механизмы памяти были институционализированы и контролировались государственными структурами, то сегодня цифровые платформы позволяют в равной степени распространять как локальные, так и массовые нарративы. Однако эта демократизация сопряжена с определёнными рисками. Логика социальных медиа ориентирована на краткость, визуальную выразительность и эмоциональное воздействие. Это приводит к тому, что сложные биографические истории нередко редуцируются до коротких сообщений или визуальных мемориальных символов, в которых глубина фактов уступает место эмоциональной выразительности. В результате память о войне становится фрагментарной и подверженной символической редукции.

Тем не менее цифровая коммеморация Победы играет важную роль в укреплении межпоколенческих связей и формировании идентичности. Для молодого поколения, отдалённого от непосредственного опыта войны, именно цифровая репрезентация семейных историй становится главным источником сопричастности к прошлому. Публикации в социальных медиа создают новые формы «живой» памяти, которая постоянно циркулирует, актуализируется и комментируется, сохраняя при этом индивидуальные акценты. Эта память не фиксирована в музейных экспозициях или архивных фондах, а развивается в динамике повседневного общения и сетевых взаимодействий.

В контексте исследований памяти можно говорить о возникновении новой конфигурации соотношения коммуникативной и культурной памяти. Семейная память, ранее существовавшая преимущественно в устной стихии, постепенно интегрируется в медиaprостранство, где получает документальное закрепление и становится предметом общественной коммуникации. При этом цифровая среда не устраняет эмоциональный компонент, напротив, она уси-

ливают его, позволяя миллионам пользователей одновременно приобщаться к памяти о войне, транслировать её и формировать новые практики мемориальной культуры.

Таким образом, семейная память и цифровая коммеморация Победы образуют взаимосвязанный феномен, в котором личное и коллективное, традиционное и цифровое, устное и документальное пересекаются в новых формах репрезентации прошлого. Цифровая среда создаёт условия для сохранения памяти, но также трансформирует её содержание, акцентируя внимание на визуальности, эмоциональности и публичности. В результате Победа становится не только историческим событием, но и медийным образом, живущим в сетевом пространстве и задающим новые горизонты для осмысления прошлого в культуре XXI века.

Список литературы

Ассман, Я. (2004), Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, Москва: Языки славянской культуры.

Максимук, Е.Г. (2024), Механизмы формирования и сохранения семейной памяти, Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология, Т.14, №3, с. 63–70. DOI: 10.52275/2221-5336-2024-14-3-63-70.

Сабанчеев, Р.Ю. (2021), Миф, коллективная память, ошибка репрезентации: границы понятий, Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, Т.7, №4, с. 168–173. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-13. EDN: TBESUK.

Hoskins, A. (2024), AI and memory, Memory, Mind & Media, Т.18, №3, с. 1–21. DOI: 10.1017/mem.2024.16.

Hoskins, A. (2023), *New Memory and the Archive*, в кн.: *Archives: Power, Truth, and Fiction*, под ред. A. Prescott, A. Wiggins, New York: Oxford University Press, с. 87–99. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198829324.013.0006.

УДК 130.2

Чеботарева Е.Э.,

кандидат философских наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

Цифровые проекты к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: гуманитарные проблемы и технологические смыслы

E.E. Chebotareva,

Candidate of Sciences (Philosophy),

Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

Digital Projects for the 80th Anniversary on Victory in the World War II: Humanitarian Issues and Technological Implications

Аннотация. Юбилейная дата 80-летия Победы в Великой Отечественной войне поставила задачу возвращения к памятной дате через яркие интерактивные мероприятия, в реализации которых люди соревновались с не-людьми, или нейросетями. В итоге мы получили возможность гуманитарной оценки цифровых проектов «Яндекса» и «Сбера», посвященных Победе. В статье рассматривается логика компаний «Яндекса» и «Сбера», согласно которой в ходе проектов было важно продемонстрировать мощь своих технологических инструментов, и заявить о себе на конкурентных рынках, повышая собственную узнаваемость. Памятные даты и события, таким образом, выступают для технологических коммерческих компаний платформой для

презентации технологических и креативных возможностей, формируют своеобразное рекламное пространство.

В статье подчёркивается необходимость комплексного подхода к выработке критериев оценки проектов, связанных с духовно-нравственными ценностями. Предлагается рассматривать подобные проекты как инвестиции в моральный климат, и, как у всяких инвестиций, у таких проектов должны быть предварительные экспертизы, в том числе со стороны социогуманитарного знания. Для формирования критериев гуманитарной оценки подобных проектов было бы полезно сфокусироваться на сравнении разных идеологем в цифровом пространстве: государственных проектов, посвященных памяти о Великой отечественной войне, направленных на укрепление причастности нового поколения к Победе в ней и формирования исторической общности, негосударственных проектов, которые преследуют собственные, обусловленные логикой своей финансовой деятельности задачи, и те представления о Победе, которые возникают «снизу», стихийно, и отражают современные нарративы, ценностный и смысловой контекст этого понятия.

Abstract. The 80th anniversary of Victory in the World War II presented the challenge of returning to this memorable date through vibrant interactive events, in which people competed with non-humans, or neural networks. As a result, we were able to conduct a humanistic assessment of Yandex and Sber's digital projects dedicated to Victory. The article examines the rationale behind Yandex and Sber's projects, which emphasized demonstrating the power of their technological tools and establishing themselves in competitive markets by increasing their visibility. Commemorative dates and events thus serve as a platform for technology companies to present their technologi-

cal and creative capabilities, creating a unique advertising space.

The article emphasizes the need for a comprehensive approach to developing criteria for evaluating projects related to spiritual and moral values. It is proposed to consider such projects as investments in the moral climate, and, like any investment, they should undergo preliminary assessments, including from the perspective of social and humanitarian knowledge. To develop criteria for the humanitarian evaluation of such projects, it would be useful to focus on comparing different ideologies in the digital space: state projects dedicated to the memory of the World War II, aimed at strengthening the younger generation's involvement in the Victory and the formation of a historical community; non-state projects that pursue their own objectives, determined by the logic of their financial activities; and those notions of Victory that arise spontaneously, and reflect contemporary narratives, the value and semantic context of this concept.

Ключевые слова: 80-летие Победы, цифровые проекты, Digital Humanities, гуманитарная экспертиза

Keywords: 80th anniversary of Victory Day, digital projects, Digital Humanities, humanitarian expertise

Специфика цифровой культуры, с одной стороны, слишком изменчива, чтобы быть схваченной в фундаментальных теориях: такие стремительные трансформации, как платформизация интернета, динамика жизненного цикла платформ, активность инфлюэнсеров, возникновение и стремительное устаревание культурных трендов, растущее участие нейросетей в интернет-коммуникациях оставляют немного времени для анализа и овладения новым теоретическим и практическим инструментарием.

Жизнь большинства цифровых проектов слишком коротка, чтобы можно было описать их характерные черты и управляющие ими законы. В этом смысле, разработка подобного инструментария проходит, с одной стороны, в русле «колумбовых теорий» (выражение Б. Балаша), без оглядки на парадигмальные ориентиры и традицию (потому что цифровые технологии эти ориентиры как раз и задают). С другой стороны, немного тем становятся столь популярными у исследователей, как цифровые технологии в гуманитарном пространстве, или Digital Humanities.

Юбилейная дата 80-летия Победы в Великой Отечественной войне поставила задачу возвращения к памятной дате через яркие интерактивные мероприятия, в реализации которых люди соревновались с не-людьми, или нейросетями. В итоге мы получили возможность исследования цифровых проектов «Яндекса» и «Сбера», посвященных Победе, и пробуем оценить, как задачи работы, так и их реализацию. Очевидно, что в любом случае мы должны использовать комплексные подходы, оценивая: соответствие результатов ожиданию, масштаб и уровень вовлеченности аудитории и команды, время удержания внимания и участия в интерактивных опциях, грамотность технической реализации, и многое другое. Так, если мы рискуем изучать соответствие результатов ожиданиям, то под ожиданиями мы понимаем цели и задачи компаний, которые не связаны с вопросами сохранения исторической памяти или изменения морального климата. По оценке рекламного агентства Мозаик, цель «Сбера» в этом проекте была следующая: укрепить имидж «Сбера» как инновационного лидера и продемонстрировать его возможности в области технологий и ИИ. Задачи же виделись следующим образом: обновить восприятие традиционной акции с помощью нового использования технологий «Сбера», найти и воплотить новые и релевантные событию способы ис-

пользования технологий и ИИ, максимально использовать потенциал ИИ для генерации контента.

Новые технологии применялись для раскраски и оживления архивных фотографий и реформирования акции «Бессмертный полк», который превратился в онлайн-шествие участников войны, чьи фото и данные загружают пользователи. Технологии должны были помочь воссоздать реальные боевые подразделения и погрузить зрителей в историческую атмосферу. Кроме того, проекты включали цифровую адаптацию поэмы Александра Твардовского «Василий Тёркин» (нейросеть Kandinsky проиллюстрировала поэму, умные колонки Sber представили фрагменты аудиоверсии), изготовление персональных видеооткрыток и проект с песней «День Победы на языках воевавших народов». Песня «День Победы» была переведена на 20 языков народов-участников ВОВ с помощью искусственного интеллекта GigaChat.

Реализация целей «Сбера» проходила не гладко: так, в проекте «Песня Победы на языках воевавших народов» был представлен визуальный ряд со сценой поднятия знамени Победы над Рейхстагом. Вместо конкретного исторического флага нейросеть сгенерировала просто красный флаг без серпа, молота и надписи, что не осталось незамеченным. Радиостанция «Бизнес FM» привела некоторые комментарии специалистов по этому досадному поводу. Например, графический дизайнер А. Веретенко не без злорадства заметил относительно технологических возможностей «Сбера» и «Яндекса»: «Я не знаю, как работает «Сбер», я не пользуюсь «Яндексом», потому что пока это еще лично для меня абсолютно неинтересные продукты. Я не исключаю, что именно «Сбер», в котором они это делали, не справляется с этой задачей». Этот (и еще некоторые другие) комментарии показывают, что специалисты конкурентной высокотехнологической области ревностно следят

за успехами и ошибками друг друга; вероятно более внимательно, нежели «пользователи», ради которых все это формально и затевалось.

Что касается «Яндекса», то он совместно с Национальной электронной библиотекой (НЭБ) и другими партнёрами занимался обеспечением возможности поиска информации по оцифрованной коллекции советских газет 1941–1945 годов и создал для коллекции специальный архив. Подборка включает более 200 тыс. оцифрованных газетных страниц военных лет. В них можно поискать упоминания родственников и земляков и найти информацию о важных событиях тех лет.

В этой ситуации приходит на ум маклюэновская концепция, согласно которой технические средства формируют содержание и задают цель послания. Я уже отмечала, что «особенно значимыми мультимедийные инструменты оказываются для исторических цифровых проектов, поскольку они позволяют преодолевать как пространственную, так и временную дистанцию, воссоздавая историко-культурную среду...» [1, с. 233]. С другой стороны, помимо роли технических инструментов, существуют еще и амбициозные цели компаний, которым важно заявлять о себе на конкурентных рынках, повышая собственную узнаваемость, и эти цели являются для них главными; памятные даты и события, таким образом, выступают полигоном для демонстрации технологических и креативных возможностей, формируют своеобразное рекламное пространство. В этом нет ничего зазорного, потому что изначально ни «Яндекс», ни «Сбер» не создавались с целями продвижения гуманитарных ценностей, что бы мы под этими ценностями не понимали. Так, заместитель Председателя Правления Сбербанка С. Кузнецов замечает по поводу проектов следующее: «В этом году мы ставили перед собой задачу не только сохранить память о героях Великой

Отечественной войны, а сделать её по-настоящему живой, персональной и доступной. С помощью технологий Сбера мы создаём интерактивное пространство, где каждый герой будет вписан в цифровую летопись Победы навсегда. Так мы укрепляем связь времён и вносим вклад в общественное единство и национальную идентичность».

Персональность и доступность прочно ассоциируются с характеристиками банковских приложений и других цифровых сервисов, которыми вымощены контуры современного технокapитализма. И в них, разумеется, опять же нет ничего плохого; вряд ли кто-то в наше время желал бы обратного — труднодоступности и серьезных затрат времени на поиск того, что нужно именно вам. Вопрос, однако, в том, существуют ли другие критерии оценок проектов, «вносящих вклад в общественное единство и национальную идентичность», и эти критерии могут быть как содержательного, так и формального характера.

Проблема видится в том, что для этих иных, не рыночных критериев требуется фундаментальная исследовательская база, с которой у цифровой гуманитаристики достаточно проблем. Так, например, возникает вопрос об органичности синтеза поэтического языка советской, доцифровой эпохи (Твардовский, Рождественский) и анимации, создаваемой нейросетями, опять же, органичности не абстрактной, а имеющей отношение к специфике восприятия молодым поколением, на которое в основную очередь рассчитаны проекты. Вероятно, что этот синтез лучший из возможных, но исследовал ли кто-нибудь этот вопрос? Из каких мировоззренческих контуров и рутинных паттернов складывается для молодого поколения понятие «национальной идентичности и общественного единства»? Или, скорее, вопрос лучше поставить так — какие мировоззренческие контуры и бытовые паттерны являются в принципе рабочими для разных поколений, каковы их гибкость и

устойчивость? В каких не/цифровых формах и символах они выражаются, в каких контекстах могут быть «взяты в работу»? Важен и контекст, в рамках которого люди общаются к проектам; случаи, когда такой контекст неважен — это как раз ситуации изучения технологических преимуществ и недостатков рыночных конкурентов, о которых говорилось выше.

Для формирования критериев гуманитарной оценки подобных проектов было бы полезно сфокусироваться на сравнении разных идеологем в цифровом пространстве: государственных проектов, посвященных памяти о Великой отечественной войне, направленных на укрепление причастности нового поколения к Победе в ней и формирования исторической общности, негосударственных проектов, которые преследуют собственные, обусловленные логикой своей финансовой деятельности задачи, и те представления о Победе, которые возникают «снизу», стихийно, и отражают современные нарративы, ценностный и смысловой контекст этого понятия. Бесспорно, у социогуманитарных наук существует свой арсенал методов, которые локально могут оказаться достаточно точными (вспомним слова известного исследователя, теоретика медиа Л. Мановича о возможности точной науки о культуре, в которой от гуманитаристики следует взять внимание к деталям, индивидуальным объектам, интерпретациям и событиям прошлого, а от социальных наук — сосредоточение на генерализованных, формальных моделях и прогнозировании) [2, р. 9].

Для социо-гуманитарных наук проекты «Яндекса» и «Сбера», посвященные 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, выступают, скорее, как экспериментальное поле для исследований репрезентации ценностей и обращения к исторической памяти через персонализированный подход, хотя полного доступа к аналитике вовле-

ценности пользователей в проекты, скорее всего, не будет. Кроме того, следует принять, что структура этой аналитики будет отвечать внутренним задачам компаний, а не логике социогуманитарного исследования.

Резюмируя, отмечу, что проекты, подобные тому, что сделали «Яндекс» и «Сбер», должны учитывать несколько целей (не только технологические и рыночные), и структура их оценки может выстраиваться в некоторой аналогии со структурой оценки инвестиционного проекта. Для инвестиционных проектов существует довольно много критериев предварительной оценки, включающих как оценку среды в настоящем времени, так и предположения об экономическом, культурном, геополитическом, социальном климате будущего и возможностях эффективного развития проекта в прогнозируемых условиях. Использование подобных критериев с привлечением гуманитарной, в том числе философской экспертизы в оценке проектов с инвестированием в морально-нравственный климат может помочь таким проектам стать благотворными инструментами влияния.

Список литературы:

1. Чеботарева Е. Э. Проекты Digital Humanities как этап развития гуманитарной науки: попытка метацифрового взгляда // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2023. №2.
2. Manovich, L. "The Science of Culture? Social Somputing, Digital Humanities and Cultural Analytics", *The Datafied society: social research in the age of big data*, 2015. Amsterdam University Press, Amsterdam.

**СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФЫ ПОКОЛЕНИЯ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ: СОТРУДНИКИ И СТУДЕНТЫ
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»**

УДК 398.9

Докучаев И.И.,
доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

**Наука и образование как основа победы во Второй мировой
войне**

Dokuchaev I.I.,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

**Science and Education as the Foundation for Victory in World
War II**

Аннотация. Доклад посвящен проблеме оснований победы СССР во Второй мировой войне. Предлагается следующий перечень оснований: установка на модернизацию, включающая образование и науку как ведущие сферы культуры, наряду с промышленностью; а также социалистическая идеология справедливости и общества равноправных трудящихся.

Abstract. The report examines the foundations of the USSR's victory in World War II. The following list of foundations is proposed: a

commitment to modernization, including education and science as leading cultural spheres, alongside industry; as well as the socialist ideology of justice and a society of equal workers.

Ключевые слова: СССР, Вторая мировая война, образование, наука, модернизация, социализм

Keywords: USSR, World War II, education, science, modernization, socialism.

1. Войны всегда была способом социального взаимодействия людей, начиная с эпохи цивилизации, то есть четвертого – пятого тысячелетия до нашей эры.

2. Войну вели цивилизации, то есть города и государства между собой, а позднее кочевники с оседлыми земледельцами.

3. Войну выигрывали всегда те, чья армия была лучше организована и обладала лучшим оружием.

4. Эпоха средневековья демонстрирует роль ценностей в сплочении армии вокруг идеи победы.

5. В эпоху модернизации важнейшим фактором победы становится образование и наука. Образование оказывается подготовкой к профессиональной научной деятельности, а наука – основой наукоемких технологий изготовления и применения оружия, а также организации армии, включая тактику и стратегию военных действий.

6. Первая и вторая мировые войны стали свидетельством глобализации войны, которая была элементом модернизационной глобализации научно-технического и экономического типа (пришедшей на смену политической глобализации древних империй и религиозной глобализации средневековья).

7. Прогнозы в сфере образования и науки, и основанные на них проблемы экономического роста и промышленного превосходства самым негативным образом повлияли на исход мировых войн. И наоборот – в них победили экономически наиболее развитые страны – Антанта и коалиция союзников,

включавшая Англию (промышленного гегемона девятнадцатого века), США и СССР (двух промышленных гегемонов двадцатого века).

8. СССР благодаря приоритетным направлениям своей политики, направленной на модернизацию промышленности, развитие науки и поддержку образования, высочайший социальный престиж рабочих профессий, ученых и учителей, социалистических ценностей справедливости и прогресса, вошел в число стран победителей.

9. Выводы из изложенного только что – без самого серьезного внимания и реальной поддержки образования и науки, никаких побед в неизбежных военных столкновениях, а также доминирующего или хотя бы устойчивого положения государства в мире, в условиях двадцать первого не может быть и не будет.

УДК 17.023.3

Игнатъев Д.Ю.,
Кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
Email: denis.ignatyev@spbu.ru

Предельная ситуация и моральный выбор: экзистенциальный опыт философов-фронтовиков ЛГУ

Candidate of Sciences (Philosophy)
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: denis.ignatyev@spbu.ru

Extreme Situation and Moral Choice: The Existential Experience of Leningrad State University's Frontline Philosophers

Аннотация. В докладе анализируется экзистенциальный опыт философов-фронтовиков Ленинградского государственного университета, для которых война стала предельной ситуацией морального выбора. Рассматриваются трансформации философского сознания в условиях войны и их влияние на послевоенное развитие ленинградской школы этики и социальной философии.

Abstract. The report analyzes the existential experience of frontline philosophers from Leningrad State University, for whom the war became a boundary situation of moral choice. It examines the transformation of philosophical consciousness under wartime conditions and its impact on the postwar development of the Leningrad school of ethics and social philosophy.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт, моральный выбор, предельная ситуация, война и философия, ленинградская школа этики.

Keywords: existential experience, moral choice, boundary situation, war and philosophy, Leningrad school of ethics.

Война является трагедией, которая вызывает к жизни философские размышления особенной остроты и проницательности. Каждый опаленный войною человек оказался перед необходимостью осмыслить происходящее, поскольку обнажаемые войной хаос и безумие разрушают привычные представления о разумности жизни и порядке мироздания. Усердие в понимании трагедии войны способно либо привести к отчаянию и разочарованию в возможности разумности мира и торжеству добра в нём, либо опознать зло как своего рода свихнувшееся бытие, которое от «не-сущих», не имеющее источника бытия в себе, но агрессивно проявляющее свою активность в мире, пронизанном смыслом. Это понимание требует от человека переступить через предел привычного опыта смысла с тем, чтобы утвердить постулат бессмысленности человеческой жизни и ценности его созидания в мире. От каждого, даже самого безыскусного в труде философской рефлексии человека, до профессионального философа опыт понимания предполагает и опыт устойчивого нравственного выбора. Особенно уникален в этом отношении опыт философов-фронтовиков Ленинградского государственного университета, погруженных в мир стройных размышлений о фундаментальных принципах и закономерностях мироздания и обнаруживших себя среди запредельной жестокости войны и неразберихи разметанной боевыми действиями жизни. Для философа-фронтовика война стала онтологическим опытом столкновения с ничто, смертью и страданием. В этой пограничной ситуации рутинные ценности и абстрактные схемы теряли смысл, обнажая «подлинное существование». Многие из ушедших на фронт воспитывались в рамках советского марксизма. Однако в окопах диалектика истории обретала конкретное лицо врага и товарища. Категорический императив долга перед Родиной неизбежно трансформировался в личный, экзистенциальный выбор «быть или не быть» здесь и сейчас. Заслуживает особого внимания изучение

взаимосвязи этого опыта с послевоенным интересом к проблемам личности, морали, ценностей, что заметно в работах вернувшихся с войны философов. Философ на войне постоянно сталкивался с ситуациями, не имеющими однозначного решения по учебникам этики: где границы самопожертвования? Возможно ли разумно соотнести эту жертву с общей пользой победы? Как сохранить человечность при необходимой жестокости по отношению к врагу? Возвращение в университетскую среду стало для преподавателей и студентов философского факультета ЛГУ новым вызовом. Как философствовать в студенческой аудитории, имея за плечами опыт, который невозможно вербализовать? Великая Отечественная война стала для ленинградской философской школы не только трагическим испытанием, но и мощным импульсом для ее внутренней трансформации, смещения акцентов в сторону проблем человеческого существования, что в полной мере проявилось в послевоенные годы и оказало влияние на формирование «ленинградской школы» этики и социальной философии.

УДК 398.9

Крюков А.Н.,

к. филос.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: a.kryukov@spbu.ru

Подвиг, награда, признание

Krioukov A. N.,

PhD (Philosophy), Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: a.kryukov@spbu.ru

Heroic Deed, Award, Recognition

Аннотация. В докладе рассматривается феномен награды. Ставятся вопросы: каковы критерии награждения? Кто достоин награды? Каковы мифологические аспекты награды? Каковы критерии подвига?

Abstract. The talk examines the phenomenon of awards. It asks: what are the criteria for awarding them? Who is worthy of an award? What are the mythological aspects of awards? What are the criteria for a heroic deed?

Ключевые слова: подвиг, награда, признание.

Keywords: heroic deed, award, recognition.

Доклад будет посвящен анализу награды как социального феномена. Будет продемонстрирован факт, что награда имеет многозначные функции. Прежде всего награда – это поощрение

за совершенное действие, во-вторых, награда – это признание, в-третьих, награда противостоит преступлению и наказанию.

В докладе будет особо подчеркиваться социальная функция награды – прежде всего, она направлена на то, чтобы легитимизировать должное и правильное поведение в обществе; с другой же стороны награда служит диалектическим полюсом такому феномену, как наказание; в-третьих, укажем на случайный фактор награды («награда нашла бойца»); в четвертых, наоборот, продемонстрируем необходимый мифологический аспект, когда поступок тематизируется как подвиг; в-пятых, награда является одним из социальных столпов морали общества; в-шестых, награда может пониматься и конкретно, как символический носитель (медаль, орден), но в то же время служить символично-семиотическим аспектом «узнавания» своих героев в социуме («Дедушка, а за что тебе дали эту медаль?»).

Доклад будет проиллюстрирован материалами из художественной литературы, а также историческими хрониками, посвященными Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г..

Список литературы

1. Малинкин А. Н. (2013) М., СПб: Центр гуманитарных инициатив.
2. Малинкин А.Н. (2020) Социальная природа награды: исследование по социологии власти. Журнал социологии и социальной антропологии, 23(3): 188–219.
3. Розанов О.Н. (2008) Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии. М.: Памятники исторической мысли.
4. Смыслов О.С. (2005) Загадки советских наград, 1918–1991 годы. М.: Вече.
5. Сорокин П. (1999) Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ

УДК 398.9

Никитин В.Е.,

*кандидат философских наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: v.e.nikitin@spbu.ru*

Вспоминая Д.А. Гущина

Nikitin V.E.

*Candidate of Philosophy, Senior lecturer,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: v.e.nikitin@spbu.ru*

Remembering D.A. Gushchin

Аннотация: Доклад посвящен памяти Дмитрия Александровича Гущина, доцента философского факультета, который встретил Великую Отечественную войну пятнадцатилетним юношей в блокадном Ленинграде, и, освоив профессию авиамеханика, готовил к боевым вылетам самолеты, бомбившие фашистскую Германию. Больше 50 лет он преподавал философию в ЛГУ, а затем в СПбГУ. Он был замечательным преподавателем, которого с благодарностью вспоминают многие поколения студентов и сотрудников нашего университета.

Ключевые слова: Д.А. Гущин, Великая Отечественная война, блокада, армия, авиамеханик, талантливый лектор, организатор.

Abstract: The report is dedicated to the memory of Dmitry Aleksandrovich Gushchin, an associate professor at the Faculty of Philosophy, who met the war as a fifteen-year-old boy in

besieged Leningrad, and, having mastered the profession of an aircraft mechanic, prepared planes for combat missions that bombed Nazi Germany. For more than 50 years, he taught philosophy at Leningrad State University and later at St. Petersburg State University. He was a remarkable teacher, remembered with gratitude by many generations of students and staff at our university.

Keywords: D.A. Gushchin, the Great Patriotic War, the Siege, the Army, an aircraft mechanic, a talented lecturer, an organizer.

В этом небольшом сообщении я хочу рассказать о человеке, личность и жизнь которого произвели на меня очень сильное впечатление. Дмитрий Александрович Гущин, которого уже, к сожалению, нет с нами почти 50 лет преподавал философию в ЛГУ, а затем в СПбГУ. Наши преподавательские пути сошлись в 1997 году на кафедре онтологии и теории познания философского факультета, и не расходились до последнего года его жизни. Он родился в 1926 году, и поэтому, по его собственному выражению, немного опоздал на войну, хотя встретился с нею уже в 1941 году, в окруженном фашистами Ленинграде, где испытал все тяготы первой блокадной зимы, но затем был эвакуирован в далекий Самарканд. Там он сумел закончить школу и оттуда ушел в армию. Как и большинство его сверстников рвался на фронт, но был направлен в учебную часть, где получил профессию авиамеханика, и в дальнейшем служил на авиабазе в окрестностях Полтавы, где ремонтировали американские бомбардировщики, поступавшие на вооружение советской армии по ленд-лизу. Но об этих подробностях жизни старшего коллеги я узнал далеко не сразу. Сам Дмитрий Александрович о войне и блокаде особенно рассказывать не любил. Произошло это, можно

сказать, случайно. Дело в том, что он даже зимой, в трескучие морозы обычно ходил по улице в легком летнем плаще, и не носил шапки и перчаток, чем обращал на себя внимание содрогавшихся от стужи прохожих. Однажды я и полюбопытствовал, как ему это удастся. На что Дмитрий Александрович отвечал, что никаким закаливанием никогда не занимался. Все дело в привычке, выработавшейся со времен войны. Ведь ремонт самолета – дело тонкое, и там в перчатках много не наработаешь. Вот и привыкли руки, а вместе с ними и весь организм к холоду. И еще, отметил он, американские и английские самолеты было сложнее ремонтировать, чем советские. Наши в устройстве проще и в эксплуатации надежнее. Дмитрий Александрович закончил войну в звании сержанта и был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и 13-ю медалями.

Таким образом, вся жизнь философа Гущина была связана не только с философией, но и с техникой в разных ее ипостасях. Уже будучи университетским преподавателем, он проводил свои летние отпуска то со строительными отрядами, то в геологоразведочных экспедициях, как правило, в качестве простого шофера и одновременно автомеханика, так как в тайге или в горах не всегда легко найти авторемонтную мастерскую. Опыт ремонта американских самолетов здесь весьма пригодился.

Основной областью его научных интересов были философские проблемы информатики и кибернетики, которыми он увлекся еще в шестидесятые годы прошлого века, в те времена, когда эти науки только делали свои первые значительные шаги, и когда человечество еще не пользовалось интернетом и не подозревало о перспективе мобильных телефонов. Но Дмитрий Александрович уже тогда предвидел большое будущее информационных технологий и их роль в жизни общества. По этому поводу у нас нередко возникали разговоры, переходящие в жаркие дис-

куссии. Я считал (и продолжаю этого взгляда придерживаться), что основная тема философских дискурсов - это тема человека как духовного существа и его мира. Мой оппонент отчасти соглашался, но весьма последовательно придерживался позиции, согласно которой на жизнь и сознание человека существенное влияние оказывают внешние факторы, и среди них техника, им создаваемая. В этом он, конечно, был прав, и теперь мы, живя в эпоху техногенной цивилизации, на себе испытываем все возрастающее влияние технического прогресса, которое имеет, правда, весьма неоднозначные последствия.

Дмитрий Александрович был также замечательным преподавателем, которого с благодарностью вспоминают многие поколения студентов нашего университета. Он умел найти контакт с любой аудиторией и заинтересовать, увлечь ее своими идеями. Поэтому его нелегко было заменить на занятиях во время командировок (бюллетеней по болезни он никогда в жизни не брал). Дело в том, что у аудитории в этой ситуации уже существовали определенные ожидания, сформированные талантливым лектором, и другому преподавателю (в том числе и мне) было весьма трудно этим ожиданиям соответствовать. Но и этим горизонт талантов Гущина не исчерпывался. Ко всему прочему он также был выдающимся организатором, деятельность которого распространялась не только на область философии, но и на многие с нею связанные направления социально-гуманитарного познания. Более десяти лет (1970-1981) Дмитрий Александрович являлся Ученым секретарем проблемного совета по диалектике (ныне вышедшее из философской моды слово) Минвуза РСФСР, а с 1990 года был заместителем председателя Головного совета «Философия» и членом оргкомитетов многих философских конференций и конгрессов. Он был очень общительным человеком и интересным собеседником. Много в его характе-

ре и способностях закладывалось еще в детстве, в доме отца, профессора искусствоведа, где часто собирались известные ученые и литераторы того времени. Эта традиция сохранилась и в доме самого Дмитрия Александровича, где гостили историк Л.Н. Гумилев, физик Н.А. Толстой, философ М.К. Мамардашвили и многие другие яркие представители российской культуры.

Дмитрий Александрович не жалел своего времени для других людей и дел, и, может быть поэтому у него не всегда хватало времени на завершение собственных жизненных проектов. Проходят годы, уходят люди, но память об этом замечательном человеке сохраняется не только в стенах нашего университета, но и за его пределами.

УДК 398.9

Никоненко С.В.

*Доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: s.nokonenko@spbu.ru*

В.С. Никоненко (1942 – 2013): военное детство

Nikonenko S.V.

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
St-Petersburg State University. St.-Peterburg, Russia
E-mail: s.nokonenko@spbu.ru*

V.S. Nikonenko: Childhood during the War

Аннотация: Доклад посвящен первым годам жизни профессора СПбГУ, заслуженного работника высшей школы Никоненко Виталия Сергеевича (1942 – 2013), который родился и прожил первые два года жизни в оккупированной Полтаве. На основе семейных преданий рассказывается об угнетении местного населения в условиях оккупационного режима и о тяжелых условиях жизни военного времени.

Abstract: The report is devoted to the first years of the life of Vitaly Sergeevich Nikonenko (1942-2013), Professor of St. Petersburg State University, Honored Worker of Higher Education, who was born and lived the first two years of his life in occupied Poltava. Based on family traditions, it tells about the oppression of the local population under the occupation regime and about the difficult living conditions of wartime.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, В.С. Никоненко, русская философия, русский народ, оккупация.

Keywords: The Great Patriotic War, V.S. Nikonenko, Russian philosophy, Russian people, occupation.

Виталий Сергеевич Никоненко (1942 - 2013) родился 04.03.1942 г. в г. Полтаве. Окончил философский факультет Ленинградского университета (1970), аспирантуру там же (1973).

В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблема логико-гносеологического обоснования принципа детерминизма в философии и физике», в 1986 г. – докторскую диссертацию «Материализм Чернышевского, Добролюбова, Писарева». С 1973 г. ассистент и ст. преподаватель кафедры истории философии ЛГУ, с 1979 г. – доцент той же кафедры, с 1988 г. – профессор. С 1990 г. профессор кафедры истории русской философии. В СПбГУ он проработал ровно 40 лет.

Разрабатывал проблемы и темы: русская философия второй половины XVII в. (протопоп Аввакум, Юрий Крижанич, Симеон Полоцкий, религиозное просветительство Юго-Западной Руси); русская философия начала XVIII века, русская материалистическая философия XIX века, философия Ф. Достоевского и В. Соловьева, философия русской поэзии.

Монографии Никоненко В.С.:

- Материализм Н.Г. Чернышевского. Л., Издательство ЛГУ, 1979 (в соавторстве с С.С. Волком).

- Материализм Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Л., Издательство ЛГУ, 1983.

- Николай Александрович Добролюбов. М., Издательство Мысль, 1985.

- Русская философия накануне петровских преобразований. СПб., Издательство СПбГУ, 1996.

- Философская интерпретация художественной литературы. СПб., Издательство СПбГУ, 2009 (в соавторстве с А.И. Бродским).

- Труды по русской философии и литературе. СПб, Издательство РХГА, 2014.

Скажем два слова о родителях Никоненко В.С. Отец: Никоненко Сергей Владимирович (1910 – 1986) в 1941 г. ушел на фронт, где служил танкистом, командиром танкового расчета. Был дважды ранен (в 1942 и 1944 гг.), инвалид. Своего сына он увидел только в 1945 г. Мать: Никоненко Акулина Мефодьевна (1909 – 1986) прожила в Полтаве все дни оккупации (город был захвачен 18 сентября 1941 г. и освобожден 22 сентября 1943 г.).

Когда родился Никоненко В.С., требовалось оформить свидетельство о рождении. В записи имени «Виталий» было отказано; пришлось подобрать ближайшее по созвучию имя «Вильгельм» (в 1946 г. свидетельство было заменено).

Оккупационный режим в Полтаве был суровым, поскольку в городе была расквартирована дивизия СС «Мертвая голова». Немецкие власти поделили местное население на три группы: евреев, русских и украинцев. Русским и украинцам предлагалась работа, в том числе и служба в местных органах власти. К сожалению, несознательные или националистически настроенные граждане пошли на службу к немцам. К примеру, сосед служил в полиции. Однажды он взял и увел велосипед. Никоненко А.М. отправилась в комендатуру и заявила о краже. Соседа вызвали на очную ставку. Состоялся такой разговор:

Комендант: Ты брал велосипед?

Сосед: Да.

Комендант: Почему?

Сосед: Потому что она – жена командира Красной армии.

Комендант: На ней нет такой вины, а ее муж выполняет приказ. Это кража. Прошу вернуть велосипед?

Сосед: Я его продал.

Комендант: Тогда прошу вернуть деньги. Если не вернете, будете осуждены за мародерство.

На следующий день сосед хмуро вернул деньги.

Положение семьи было тяжелым. Немцы оставили комнату и выделили маленькое пособие, но его не хватало. К тому же в первые дни оккупации Никоненко А.М. получила грыжу, перетаскивая во двор тяжелые бревна. Она рассказывала, что от недоедания не было молока. Выручила сестра из деревни. Она дала картошки и меда, которыми выкармливали младенца. На ее руках также был еще шестилетний ребенок Евгений, брат Никоненко В.С. Он дважды чуть не погиб. Первый раз он стал носить по двору портрет Ленина. Второй раз он украл два фартука с капотов военных грузовиков. Спасло только малолетство; второй раз шестилетний ребенок был жестоко избит.

В 1943 г. Никоненко А.М. попала в списки на работы в Германию. Детей обещали «пристроить». Спасла только болезнь; врачи признала ее негодной по причине грыжи.

За два года оккупации фашистами в Полтаве было расстреляно 18200 жителей, среди них 5000 детей. 21000 полтавчан была угнана ими в рабство в Германию.

Трудными были дни освобождения Полтавы. Во время артподготовки снаряды рвались повсюду. Ребенка укладывали в корыто и задвигали под кровать. Оставляя город, немцы ворвались в дом, украли последние вещи, махали пистолетами, что-то кричали, угрожали. Потом в город вошли наши войска, и двухлетний ад оккупации окончился.

Никоненко В.С. – дитя войны. Не принимая в ней сознательного участия, он, тем не менее, разделил все ее тяготы. Благодаря самоотверженным заботам матери, а иногда удачному стечению обстоятельств Никоненко В.С.

сумел выжить. В 1964 г. он приедет в Ленинград и навсегда свяжет свою жизнь с нашим университетом.

Список литературы

1. Никоненко В.С. Труды по истории русской философии и литературы. СПб.: Изд-во РХГА, 2014.
2. Профессора Санкт-Петербургского государственного университета. Биобиблиографический словарь. СПб., 2004.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В 6-ти т., Т. 3, — М: Воениздат, 1961.

УДК 141.32

Сидоров А.М.

*кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: a.sidorov@spbu.ru*

Русские философы об экзистенциальном опыте войны

Sidorov A.M.

*PhD in Philosophy, Assistant Professor.
St-Petersburg State University, St-Petersburg, Russia.
E-mail: a.sidorov@spbu.ru*

Russian philosophers on the existential experience of war

Аннотация. Доклад посвящен экзистенциальному подходу выдающихся русских философов – Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, В.Ф. Эрн, В.В. Розанова, И.А. Ильина – к описанию и анализу опыта войны. В их размышлениях о переживаниях человека на войне речь идет о значении военного опыта для аутентичности личного бытия и для осознания историчности и общей судьбы со-бытия с другими.

Abstract. This report is devoted to the existential approach of prominent Russian philosophers—N.A. Berdyaev, S.L. Frank, V.F. Ern, V.V. Rozanov, I.A. Ilyin—to the description and analysis of wartime experience. Their reflections on human experiences during the war explore the significance of wartime experience for the authenticity of personal existence and for understanding the historicity and shared destiny of co-existence with others.

Ключевые слова: русская философия, война, опыт, экзистенциализм, подлинность, онтология.

Keywords: Russian philosophy, war, experience, existentialism, authenticity, ontology.

Русская философия всегда имела экзистенциальную направленность, если понимать экзистенциальное мышление широко, как, например, П.Тиллих, связывавший его с отрицанием отождествления бытия с мышлением. Все ключевые учения русской философии от славянофилов до Бахтина были направлены на критику «отвлеченных начал» и поиски конкретного жизненного синтеза. Русская мысль была увлечена не чистым разумом и всеобщностью мысли, а уяснением смысла человеческого существования. Русские философы еще до ясперсовского описания пограничных ситуаций раскрыли значение жизненных потрясений для обнажения основ человеческого бытия. Так, С.Л.Франк в сочинении «Смысл жизни», размышляя об опыте исторической катастрофы революции и гражданской войны делает глубокое замечание: «Происшедшее ужасающее потрясение и разрушение всей нашей общественной жизни принесло нам, именно с этой точки зрения, одно ценнейшее, несмотря на всю его горечь, благо: оно обнажило перед нами *жизнь как она есть на самом деле*» [4, с. 494]. С точки зрения обывателя, в ужасных потерях и лишениях этого времени виноваты конкретные люди или события, но с точки зрения философа эти события только сделали явственнее трагизм, присущий человеческому существованию как таковому. «Подобно тому, как через увеличительное стекло впервые видишь (хотя в измененных размерах) то, что всегда есть и было, но что не видно невооруженному глазу, так и то искажение «нормальных» эмпирических условий жизни, которое теперь произошло в России, только раскрывает перед нами скрытую прежде истинную сущность жизни» [4, с. 495]. Прекрасная мета-

фора – «увеличительное стекло», не менее, а может быть и более точная, чем «пограничная ситуация»! Через увеличительное стекло потрясений перед человеком, согласно Франку, впервые предстает сущность жизни в ее быстротечности, хрупкости, кажущейся бессмысленности, и тем острее эти события заставляют почувствовать насущность фундаментального философского вопроса о смысле человеческой жизни.

Одним из таких потрясений, обнажающих основы человеческого существования, безусловно, является война, и русские философы всегда это знали. Н.А.Бердяев писал: «Война – великая проявительница. В ней проецируется на плоскости то, что происходит в глубине» [1, с. 239]. Снова экзистенциалистская мысль о выведении к осознанию глубинной структуры человеческой жизни! И далее: «И в духовной природе войны есть свое добро. Не случайно великие добродетели человечества выковывались в войнах. С войнами связана выработка мужества, храбрости, самопожертвования, героизма, рыцарства... Я знаю, что война обращена не к низшим только, а и к высшим инстинктам человеческой природы, к инстинктам самопожертвования, любви к родине, она требует бесстрашного отношения к смерти... И потому война, при духовно должном отношении к ней, облагораживает и возвышает человеческую душу» [1, с. 240]. И, конечно, нельзя не вспомнить размышления И.А.Ильина: «Да, именно смерть, возможность личной смерти, ставит перед нами война. Ее наступление властно обрывает обеспеченность моей личной жизни, мою безопасность, мое спокойствие за себя... Здесь впервые обнаруживается, что война есть не только потрясение, но духовное испытание и духовный суд» [2, с. 12-13]. Так же как исторические катастрофы у Франка, война у Бердяева и Ильина имеет, по сути, онтологическое значение, выводя на поверхность то, что происходит в бытийной глу-

бине – и зло, и трагизм, но и добро – и, разоблачая неподлинное в жизни («мещанское», «обывательское»), подталкивает к аутентичности самобытия.

Но экзистенциальная структура человеческой жизни включает в себя и со-бытие с другими. Русские философы ярко описали значение опыта войны и как «проявительницы» подлинности бытия «мы». Так, В.Ф.Эрн называл войну «большим экзаменом», выявляющим и болезни и язвы, но и великие достоинства народного организма [5, с. 39]. В.В.Розанов еще проникновеннее описывал экзистенциальное значение опыта войны для коллективного духа. «... Без этих роковых дней войны мы все... сошли бы в могилу менее развитыми, кое-чего вовсе не узнав, не изведав, не постигнув... Качнуло корабль, в котором, в сущности, мы с бесконечной уверенностью и спокойствием жили. Всякий стукнулся головою о его борт и ощутил: "А, это наш борт! За ним враждебная соленая стихия, которая нас сожрет и не поперхнется, если только лопнет этот спасительный борт". Отсюда энтузиазм, патриотизм, жертвы. Все Иваны и Марьи до известной степени обезличились, потеряли индивидуальность свою, частность свою, но зато в каждом из них появился "образ и подобие" всей России; каждое русское "я", может быть впервые с рождения, сказало в себе: "Я -- Россия! Я -- тоже Россия, но только в миниатюре: точная копия огромного и целого". Это счастливое чувство, редкое, исключительное. Не только целое поколение, но иногда ряд поколений рождается и умирает, не испытав во все его и не восприняв в себя соответственного развития, углубления» [3, с. 62-63].

Итак, русская мысль глубоко осмыслила феномен войны, не только ее внешнее, онтическое значение потрясения обыденной жизни, но и ее онтологическую, экзистенциальную роль, выявляющую как фундаментальные

основы человеческого самобытия, так и историчность и общность судьбы бытия народа.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. (2012), Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации.
2. Ильин И.А. (1999), Духовный смысл войны // Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 9-10. М.: Русская книга.
3. Розанов В.В. (2012), Поучительное в войне // Розанов В.В. Народная душа и сила национальности. М.: Институт русской цивилизации.
4. Франк С.Л. (1994), Смысл жизни // Смысл жизни. Антология. М.: Прогресс-Культура.
5. Эрн В.Ф. (1991), Время славянофильствует // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда.

УДК 398.9

Шахнович М.М.,
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет, г.
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: m.shakhnovich@spbu.ru

**М. И. Шахнович (1911-1992) и его сборник «Военные
пословицы русского народа» (1945)**

Shakhnovich M. M.,
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia
E-mail: m.shakhnovich@spbu.ru

**M. I. Shakhnovich (1911-1992) and his collection “Military
Proverbs of the Russian People” (1945)**

Аннотация. Доклад посвящен сборнику «Военные пословицы русского народа», подготовленному М. И. Шахновичем (1911-1992) в годы Великой Отечественной войны. В нем собраны старые военные русские пословицы и новые народные изречения, большинство которых было записано автором из уст раненых бойцов и офицеров в одном из крупнейших эвакогоспиталей Волховского фронта.

Abstract. This report is devoted to the collection "Military Proverbs of the Russian People," compiled by M. I. Shakhnovich (1911-1992) during the Great Patriotic War. It contains old Russian military proverbs and new folk sayings, most of which were recorded by the author from the wounded soldiers and officers in one of the largest evacuation hospitals on the Volkhov Front.

Ключевые слова: русский фольклор, пословицы, крылатые слова, Великая Отечественная война, М. И. Шахнович.

Keywords: Russian folklore, proverbs, catchphrases, the Great Patriotic War, M. I. Shakhnovich.

В воспоминаниях о 1941-1945 гг. профессор философского факультета ЛГУ Михаил Иосифович Шахнович писал, что «23 июня 1941 г. я вступил в действующую Красную Армию как старший лейтенант, политрук, инструктор пропаганды» [1, л.1]. К этому моменту он был уже не только историком общественной и религиозной мысли, автором статей и книг («Социальная сущность Талмуда», 1929; «Русская церковь в борьбе с наукой», 1939; и др.), публицистом и преподавателем в области истории религии и атеизма, но и исследователем фольклора, ответственным секретарем журналов «Советский фольклор» и «Советская этнография». Как фольклорист в 1937 г. М. И. Шахнович получил степень сначала кандидата филологических, а потом и исторических наук.

В 1935-1936 гг. он подготовил большое исследование «Русская паремнография как исторический источник» (30 авт. листов), в котором впервые доказывалось, что пословицы и поговорки представляют бесценный материал для изучения истории русского народа. Первая часть этого труда называлась «История собирания и изучения русских пословиц и поговорок» описывала историю русской паремнологии с XVII в. Вторая часть была посвящена исследованию пословиц как фольклорного жанра. Третья часть «Русская паремнография как источник для изучения истории русского народа» представляла собой собрание двух с половиной тысяч пословиц с комментариями. М. И. Шахнович писал: «Моя работа отнюдь не ставит цель быть сводом русских пословиц и поговорок, осуществить кото-

рый можно только в многотомном коллективном труде. Однако, я обследовал весь доступный мне русский паремнографический материал, как рукописный, так и печатный, и извлек из него пословицы и поговорки, наиболее ценные для истории русского народа» [2, с.100]. Паремнографический материал в книге был собран и систематизирован по 20 разделам. Среди них такие разделы, как «Киевская Русь», «Феодальные княжества XII–XIV вв.», «“Господин великий Новгород”», «Татарское господство в восточной Европе», «Образование Московского государства», «Московский царь и бояре», «Служилые люди – дворяне», «Царский суд и тюрьма», «“Царев кабак”», «Правда и кривда», «Богатый и бедный», «Крепостная Россия XVI–XVII вв.», «Крестьянская война XVI–XVII вв.», «Помещик и крепостной», «Жизнь крепостного крестьянина», «Крестьянские движения в XVIII в.», «Чиновничество и солдатчина», и др.

18 марта 1943 г. М. И. Шахнович писал своему научному руководителю, известному исследователю фольклора, профессору М. К. Азадовскому, находившемуся в эвакуации в Иркутске: «О себе могу сообщить, что после выезда из Ленинграда в августе 1941 г. вместе с нашей частью я находился в Череповце, работаю инструктором пропаганды, то есть читаю лекции и доклады... За 20 мес[яцев], как я на военной работе, много сделать не удалось в области старых научных интересов: напечатал одну брошюрку о фашистах, сдал в печать 3 авт. листа о революцион[ных] демократах 60-х годов и патриотизме в Арханг[ельское] изд-во, но когда это будет издано – неизвестно, для Военизата (Главпуркка) сдал рукопись «Военные пословицы русского народа» – 5 а.л. – обещают в этом году издать» [3, с.170].

Сборник «Военные пословицы русского народа» был опубликован только спустя два года [4]. В предисло-

вии автор указывал, что нем собраны старые военные пословицы, поговорки и крылатые слова русского народа, а также народные изречения Отечественной войны, большинство которых было записано из уст раненых бойцов и офицеров в одном из крупнейших эвакогоспиталей (имелся ввиду эвакогоспиталь № 1339, воинская часть 223, Волховский фронт, где служил М. И. Шахнович). Он считал, что устная речь, письма и дневники бойцов и офицеров, а также фронтовая печать являются замечательным источником для изучения народного творчества, фольклорные материалы даже такого малого жанра как пословицы и поговорки должны быть бережно записаны и сохранены.

В сборник было включено более 2500 пословиц, отражавших военные традиции нашего народа, отражающих боевой дух, военную доблесть, любовь к отчизне и готовность ее защищать. Все изречения были сгруппированы по тематическим разделам и рубрикам, как принято согласно одной из традиций расположения народных изречений в их собраниях: «Любовь к Родине»; «Народный героизм»; «Искусство побеждать»; «Слава предков»; «Заветы полководцев»; «Наше дело правое»; «Смерть немецким захватчикам»; «Красная армия – армия побед»; «Самоотверженный труд» и т.д.

Составитель сборника отмечал широкое распространение известных пословиц и поговорок таких, как: «Будет и на нашей улице праздник», «Не так страшен черт, как его малюют», «Молодец против овец, а против молодца – сам овца», благодаря использованию их в речах политических деятелей. Популярности новых изречений «За Волгой для нас земли нет», «У наших музыкантов и труба стреляет», «На Москву хох, а от Москвы – ох» и т.д. также способствовало их тиражирование в печати. М. И. Шахнович обращал внимание на разнообразное происхождение военных пословиц: одни возникали как афоризмы – крат-

кие суждения о явлении и предмете военного быта, сделанные на основе опыта, некоторые возникли путем выделения метких законченных фраз из разных жанров народного творчества (сказок, текстов народных картинок-лубков, афористических выражений знаменитых полководцев и т.д.). Он выделял и источники новых народных изречений, порожденных практикой фронтовой жизни. По его мнению, удачные и меткие строчки песен, стихотворений, частушек, раешников, плакатных надписей воспринимались народной речью, как ходовые крылатые слова, кроме того, часть т. н. новых пословиц возникла из переосмысления старых.

Список литературы

1. Научно-исторический архив ГМИР. Фонд М.И. Шахновича. Б/н. Шахнович М. И. Музей истории религии АН СССР в последний год войны (май 1944-май 1945 г.)
2. Шахнович, М. И. (2018), Русские пословицы и поговорки как исторический источник. Из архива. Труды по мифологии и фольклору (1934-1937 гг.), сост., подгот., предисл. и примеч. М. М. Шахнович, Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
3. Шахнович, М. М. (2011), О фольклористике, этнографии и истории религии (письма к М. И. Шахновичу), *Религиоведение*, № 4, с. 170-177.
4. Военные пословицы русского народа. Сборник пословиц и крылатых слов, (1945), Составил М. Шахнович. Ленинград: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство.

**МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ
КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В
СОВРЕМЕННОСТИ»**

УДК 141.32

Николаев А.С.,
студент

*Национальный исследовательский Томский
государственный университет, г. Томск, Россия
E-mail: dartur166@gmail.com*

**Экзистенциальный разлом памяти: Великая
Отечественная война между подлинным свидетель-
ством и симулякром в цифровую эпоху**

Nikolaev A.S.,
student
*Tomsk State University, Tomsk, Russia
E-mail: dartur166@gmail.com*

**The Existential Rift of Memory: The Great Patriotic
War between Authentic Testimony and Simulacrum in the
Digital Age**

Аннотация. В докладе исследуется трансформация культурной памяти о ВОВ через призму философии экзистенциализма. Анализируется конфликт между «подлинным» экзистенциальным опытом свидетелей и «неподлинными» симулякрами памяти в цифровом пространстве.

Abstract. The report examines the transformation of cultural memory of the Great Patriotic War through the prism of the philosophy of existentialism. The conflict between the "authen-

tic" existential experience of witnesses and the "inauthentic" simulacra of memory in the digital space is analyzed.

Ключевые слова: культурная память, Великая Отечественная война, экзистенциализм, подлинность, симулякр, свидетельство, цифровая культура, М. Хайдеггер, Ж. Бодрийяр.

Keywords: cultural memory, the Great Patriotic War, existentialism, authenticity, simulacrum, testimony, digital culture, M. Heidegger, J. Baudrillard.

Культурная память о Великой Отечественной войне (ВОВ) в современном российском обществе переживает глубокую трансформацию. Этот процесс обусловлен как естественной сменой поколений, так и мощным влиянием цифровых технологий, медиа и актуального политического дискурса. Если для поколения «детей войны» память была живым, экзистенциально переживаемым опытом, передаваемым через семейные истории и непосредственное общение с ветеранами, то для поколения «цифровых аборигенов» она все чаще становится набором медийных образов, ритуальных практик и идеологических конструкторов. В данном докладе предлагается проанализировать эту трансформацию через категориальный аппарат экзистенциалистской философии, в частности, через оппозицию «подлинного» и «неподлинного» существования и концепцию «симулякра». Утверждается, что ключевой проблемой современной культурной памяти о войне является нарастающий разрыв между экзистенциальным опытом-свидетельством и его симуляцией в публичном пространстве. Философия экзистенциализма, сформулированная в период между двумя мировыми войнами, сама по себе является ответом на экзистенциальный кризис европейского

человечества. Ее центральные категории – «тревога», «заброшенность», «пограничная ситуация», «свобода», «ответственность» – как нельзя лучше описывают опыт солдата на фронте или человека в оккупации.

Обратимся к концепции Мартина Хайдеггера. Война в его терминах – это тотальная «пограничная ситуация», которая обнажает «бытие-к-смерти» (*Dasein zum Tode*). Перед лицом неминуемой гибели исчезают повседневные условности и «неподлинность» обыденной жизни. Индивид оказывается перед необходимостью сделать подлинный выбор, взять на себя ответственность за свои поступки. Этот экзистенциальный опыт зафиксирован в подлинных документах эпохи – фронтовых письмах, дневниках, воспоминаниях.

Например, в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина мы видим не героизированную картинку, а экзистенциальную реальность: голод, холод, постоянное присутствие смерти, которые ставят человека перед последним, сущностным выбором – разделить последнюю крошку хлеба или украсть ее у умирающего. Эта память – травматическая, неудобная, лишенная пафоса, но именно в своей «неприкрытости» она является подлинной. Она не дает готовых ответов, а лишь задает экзистенциальные вопросы о пределах человеческого, о добре и зле, о смысле жизни в бессмысленности войны.

С уходом поколения прямых носителей экзистенциального опыта происходит неизбежная трансформация «живой» памяти в «культурную». Этот процесс сопровождается несколькими тенденциями, ведущими к «неподлинности».

Память о войне превращается в систему ритуалов (парады, возложение цветов, акции, например, «Бессмертный полк»), которые, безусловно, важны для консолида-

ции общества, но зачастую приобретают формальный, повторяющийся характер.

Содержание – индивидуальная трагедия и экзистенциальный выбор – вытесняется формой. Воспоминание становится не глубоко личностным актом, а публичной демонстрацией лояльности. Здесь работает хайдеггеровское понятие «Man», где ответственность индивидуального «Я» растворяется в коллективном действии.

Симуляция в цифровой среде. Наиболее радикальную трансформацию производит цифровая среда. Жан Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» утверждает, что в постмодернистском обществе реальность замещается знаками, отсылающими не к оригиналу, а друг к другу – симулякрами. Память о ВОВ в интернете – яркий пример этого процесса. Мемы с «можем повторить», отредактированные колоризованные фотографии, упрощенные исторические нарративы в компьютерных играх, тик-ток ролики под песни «День Победы» – все это симулякры, которые не несут в себе экзистенциального груза подлинного переживания. Они создают комфортную, легко усваиваемую версию прошлого, лишенную травмы, ужаса и экзистенциальной сложности. Война становится зрелищем, потребляемым контентом.

Возникающий экзистенциальный разлом – это конфликт между безличной, ритуализированной, симулятивной памятью массовой культуры и подлинным, травматичным, вопрошающим опытом отдельного человека.

Опасность этого разлома в том, что память, лишенная экзистенциального измерения, перестает выполнять свою главную функцию – быть нравственным уроком, заставляющим рефлексировать о природе человека, войны и мира. Она становится инструментом идеологии или развлечением.

Возможным путем преодоления этого разлома является возвращение к первичным свидетельствам, к «экзистенциалам» военного опыта. Это требует целенаправленной работы:

1. Архивная и образовательная работа. Публикация неотредактированных дневников, писем, аудиозаписей интервью с ветеранами, где звучат не только истории подвигов, но и голоса отчаяния, страха, сомнений.

2. Акцент на индивидуальной истории. Проекты, подобные «Бессмертному полку» в его изначальной, семейной версии, ценны именно попыткой сохранить личную, а не абстрактную память.

3. Рефлексивное использование медиа. Создание цифровых продуктов (документальных фильмов, онлайн-архивов, интерактивных проектов), которые не симулируют, а проблематизируют прошлое, ставят пользователя перед экзистенциальным выбором, заставляют его сопереживать не абстрактному «герою», а конкретному человеку в его экзистенциальной ситуации.

Таким образом, трансформация образа Великой Отечественной войны в современности представляет собой сложный процесс движения от подлинного экзистенциального опыта, описанного в категориях Хайдеггера, к неподлинным, ритуализированным и симулятивным формам памяти в духе Бодрийяра. Ключевой вызов для общества – не дать симулякрам окончательно вытеснить свидетельство. Сохранение «подлинной» памяти о войне – это не только долг перед прошлым, но и экзистенциальная необходимость для настоящего, позволяющая каждому новому поколению заново осмысливать вопросы жизни, смерти, сво-

боды и ответственности, которые так остро поставила перед человечеством Великая Отечественная война.

Список литературы:

1. Адамович, А., Гранин, Д. (1982), *Блокадная книга*. М.: Советский писатель.
2. Бодрийяр, Ж. (2015), *Симулякры и симуляция* / Пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ.
3. Хайдеггер, М. (2015), *Бытие и время* / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект.
4. Ассман, Я. (2004), *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры.
5. Нора, П. (1999), Проблематика мест памяти // *Франция-память* / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та. С. 17–50.
6. Утехин, И. (2015), Практики памяти о Великой Отечественной войне в современном российском медийном пространстве // *Неприкосновенный запас*. № 2(100). С. 91–110.

УДК 1(091)

Филиппова М.А.,

студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

E-mail: mariminn@ya.ru

Герменевтика события Гадамера и трансформация образа Великой Отечественной войны

Filipova M.A.,

student

Tomsk State University, Tomsk, Russia

E-mail: mariminn@ya.ru

Gadamer's Hermeneutics of the Event and the Transformation of the Image of the Great Patriotic War

Аннотация. Доклад исследует трансформацию образа Великой Отечественной войны через герменевтику Х.-Г. Гадамера. Событие войны переосмысливается в диалоге прошлого и настоящего, отражая слияние горизонтов. Анализируются мемориальные практики, выявляющие роль предпонимания в формировании культурной памяти.

Abstract. The paper explores the transformation of the Great Patriotic War image through Gadamer's hermeneutics, viewing the war as an event reinterpreted via dialogue between past and present. It analyzes memorial practices, highlighting the role of prejudice in shaping cultural memory.

Ключевые слова: Х.-Г. Гадамер, герменевтика, событие, культурная память, Великая Отечественная война, предпонимание, традиция, действенно-историческое сознание.

Keywords: H.G. Gadamer, hermeneutics, event, cultural memory, Great Patriotic War, prejudices, tradition, historically effected consciousness.

Ханс-Георг Гадамер в «Истине и методе» рассматривает событие как герменевтический феномен, в котором бытие прошлого раскрывается через диалог с настоящим. Центральное понятие его философии — герменевтический круг — описывает процесс, где интерпретатор, опираясь на свои предрассудки, или предпонимания, вступает во взаимодействие с традицией, воплощенной в текстах, артефактах и культурных практиках [1, с. 27]. Предпонимания, по Гадамеру, не являются препятствием, а продуктивным условием, позволяющим историческому событию оставаться живым в горизонте настоящего [1, с. 16]. Горизонт, в гадамеровском смысле, — это поле возможностей интерпретации, ограниченное историческим и культурным контекстом субъекта. Великая Отечественная война, таким образом, не фиксирована как застывший факт, а существует в процессе «слияния горизонтов», где прошлое и настоящее взаимно обогащаются [1, с. 443]. Этот процесс позволяет понять природу искажений привычных дискурсов, когда новые интерпретации, обусловленные политическими, идеологическими и социальными мотивами, переформулируют память о войне, и взглянуть на этот процесс не просто как на «переписывание» истории.

В перспективе философии Гадамера Великая Отечественная война предстает как событие, которое выходит за пределы хронологических рамок 1941–1945 годов, продолжая существовать в культурной памяти через непрерывный процесс осмысления. Гадамер подчеркивает, что традиция — это не статичный набор фактов, а живая структура, в которой событие обретает смысл через взаи-

модействие с настоящим. В советскую эпоху Великая Отечественная война была оформлена как героический нарратив, воплощенный в искусстве и культуре, который задавал горизонт понимания, центрированный на триумфе социалистической идеологии. С распадом СССР этот горизонт трансформировался: в постсоветских странах, таких как Россия, Украина или страны Балтии, возникли альтернативные интерпретации, подчеркивающие национальные или семейные травмы, роль коллаборационизма и советской оккупации. Эти переформулировки, которые можно рассматривать как искажение истории, с точки зрения Гадамера являются частью герменевтического процесса. Понимание Великой Отечественной войны, будучи исторически обусловленным, неизбежно включает различные предпонимания субъектов, которые формируют новые смыслы события. Гадамеровская концепция «действительно-исторического сознания», то есть сознания, понимающего свою обусловленность историей и себя как ее активного участника [1, с. 403], позволяет осмыслить эти изменения как продуктивный диалог, где прошлое не утрачивается, а преобразуется в свете актуальных горизонтов.

Понятие слияния горизонтов раскрывает механизмы трансформации образа Великой Отечественной войны в современных культурных практиках. Например, акция «Бессмертный полк» изначально возникла как инициатива, соединяющая индивидуальные семейные истории с коллективной памятью. Однако ее институционализация привела к доминированию государственного нарратива, акцентирующего патриотизм, и часто рассматривается как поглощение горизонта личной памяти официальным. В кинематографе наблюдается сдвиг к драматизации и зрелищности, отвечающий предпониманиям современной аудитории, ждущей эмоционального вовлечения. Эти интерпретации, иногда упрощающие историческую слож-

ность, иллюстрируют гадамеровский принцип: понимание события всегда обусловлено горизонтом интерпретатора, но открытость к традиции позволяет сохранить связь с прошлым. Мы можем рассматривать такое слияние горизонтов продуктивно, поскольку оно позволяет событию Великой Отечественной войны оставаться актуальным, хотя и требует критической рефлексии, чтобы избежать одностороннего или искусственного навязывания смыслов и сохранить подлинно историческое, то есть естественно возникающее разнообразие перспектив. В то же время в странах Восточной Европы определенные политические события, такие, как, например, демонтаж советских памятников, отражают иной горизонт, где Великая Отечественная война интерпретируется через призму национальных травм. Следуя философии Гадамера, мы можем взглянуть на такие трансформации не только как на искажение истории и реакцию на это искажение, но как на диалог, который поддерживает многогранность события и формирует новое, живое и близкое к настоящему понимание исторических событий.

Гадамер рассматривает диалог как основу герменевтического события, где субъект и традиция взаимно преобразуются. В контексте Великой Отечественной войны этот диалог проявляется в напряженных столкновениях между различными горизонтами: например, между российским акцентом на героизм и восточноевропейскими нарративами, подчеркивающими советскую оккупацию. Эти конфликты, часто критикуемые за переписывание истории, с гадамеровской точки зрения являются выражением действительно-исторического сознания, которое признает историчность всякого понимания. Диалог, по Гадамеру, не стремится к окончательной истине, а поддерживает открытость события к новым интерпретациям. В цифровую эпоху социальные сети и медиаплатформы усиливают этот

диалог, создавая пространство для плюрализма голосов — от личных воспоминаний до государственных нарративов. Однако Гадамер предостерегает, что подлинный диалог требует готовности к самокритике и признания собственных предпониманий. Таким образом, гадамеровская герменевтика позволяет взглянуть на трансформацию памяти о Великой Отечественной войне, — даже если она включает спорные интерпретации, — позитивно, но и не блокирует критического взгляда на то, насколько различные горизонты действительно отражают актуальную историческую потребность, а не являются искусственно созданными.

Список литературы:

1. Гадамер, Х.-Г. (1988), *Истина и метод: основы философской герменевтики*, Москва: Прогресс.

УДК 141.32

Хохлова Ю.И.,

аспирант

*Санкт-Петербургский государственный универси-
тет, г. Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: st900328@spbu.ru

**От «канона» к «фанону» и алгоритму: транс-
формация культурной памяти о Великой Отечествен-
ной войне в цифровую эпоху**

Khokhlova Yu.I.,

postgraduate student

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg,
Russia*

E-mail: st900328@spbu.ru

**From "canon" to "fanon" and algorithm: the trans-
formation of cultural memory about the Great Patriotic
War in the digital era**

Аннотация. В докладе рассматриваются процессы трансформации культурной памяти о Великой Отечественной войне в цифровую эпоху. Анализируются причины смещения акцентов от «живой памяти» к медиапамяти, феномен политической инструментализации Победы, влияние кино, сериалов, видеоигр и социальных сетей на формирование «фанона» – упрощённого и алгоритмически подкрепляемого образа прошлого. Особое внимание уделено изменению механизмов трансляции памяти под воздействием цифровых технологий и постсекулярного контекста. Сделан вывод о необходимости выработки новых этико-методологических подходов к сохранению памяти, учиты-

вающих специфику современного информационного общества.

Abstract. The report examines the processes of transformation of cultural memory about the Great Patriotic War in the digital era. It analyzes the reasons for shifting the focus from “living memory” to media memory, the phenomenon of political instrumentalization of Victory, and the influence of cinema, TV series, video games, and social networks on the formation of “fanon,” a simplified and algorithmically reinforced image of the past. Special attention is given to the changes in the mechanisms of memory transmission under the influence of digital technologies and the post-secular context. The author concludes that it is necessary to develop new ethical and methodological approaches to preserving memory that take into account the specifics of the modern information society.

Ключевые слова: культурная память, Великая Отечественная война, цифровая эпоха, медиа, фанон, постсекулярность, социальные сети.

Keywords: cultural memory, the Great Patriotic War, the digital era, media, fanon, post-secularism, and social networks.

Проблема сохранения и трансляции памяти о Великой Отечественной войне сегодня приобретает особую остроту. С течением времени живых источников памяти становится все меньше, реальные свидетельства уступают место интерпретациям, «живая память» заменяется на медиаобразы – реконструированные, символические и в значительной степени мифологизированные. В цифровую эпоху память о войне перестает храниться исключительно в воспоминаниях очевидцев и сохранившихся архивах, она транслируется в пространстве социальных сетей и кинема-

тографа, где вместо фактической достоверности и точности на передний план выходят наглядность и эмоциональная насыщенность.

Смена поколений переводит память о войне в режим медиапамяти. Социальные сети становятся пространством, в котором каждый участник процесса конструирования памяти имеет возможность предложить собственную версию прошлого, зачастую формируя устойчивые сообщества вокруг альтернативных, не всегда достоверных нарративов. При этом алгоритмы социальных сетей координируют и усиливают циркуляцию коротких, визуально ярких сюжетов, которые лучше всего «работают» в логике клипового мышления.

Таким образом, историческая реконструкция всё чаще подменяется визуально эффектными «символическими образами». Это не только снижает уровень достоверности, но и открывает путь к фальсификациям и намеренной инструментализации памяти.

Культурная память, как своего рода зона семиотического культа, демонстрирует своего рода раздвоение: с одной стороны существует официальный канон, закреплённый в государственных практиках и образовательных программах, с другой не теряют своей силы так называемые «народные культы», формирующиеся зачастую в отрыве от официальной парадигмы и апеллирующие к эффекту и «локальной памяти».

Примеры последних лет показывают, что инициативы гражданских сообществ (поисковые движения, неформальные мемориалы, локальные акции памяти) способны приобретать самостоятельную символическую силу и конкурировать с официальными нарративами. Это создает условия для конфликта интерпретаций, но также открывает возможности для диалога и совместного конструирования «со-памяти».

Торжественные ритуалы, памятные даты, массовые шествия, основанные на официальном нарративе, становятся не просто «данью памяти», но и элементами государственной идентичности. Подобная инструментализация усиливает патриотическую мобилизацию, но одновременно может привести к формированию скептицизма, основанного на избыточной ритуализированности и не отвечающего медиальной социализации, характерной для цифрового общества.

Большую роль в преодолении этого скептицизма играют продукты современной культуры. Современные кино- и телепроекты, компьютерные игры и короткие видео в TikTok формируют особую форму памяти, «фанон». Это популярные и эмоционально насыщенные образы, закреплённые массивированной репродукцией и алгоритмической поддержкой. В «фаноне» акцентируется героизация, визуальная привлекательность и упрощение исторического конфликта до схемы «свой–чужой».

По аналогии с новыми религиозными движениями, для которых социальные сети становятся площадкой проповеди, экранные нарративы создают новую массовую веру в «военный миф», вытесняющий архивное знание.

В цифровом обществе особую актуальность приобретает вопрос разграничения документальной реконструкции, художественной интерпретации и семиотической мифологии. Одним из решений может стать введение системы маркировки достоверности (архив / свидетельство / художественный вымысел), а также развитие медиаграмотности как части исторического образования.

Образ Великой Отечественной войны в цифровую эпоху формируется на пересечении трёх контуров: канона, фанона и алгоритма. Канон – институционально закреплённая версия памяти, фанон – массовый и эмоциональный

экранный миф, алгоритм – механизм отбора и распространения этих образов в социальных сетях.

Задача современной гуманитарной науки заключается не в морализаторском запрете, а в формировании конструктивного взаимодействия между архивом, экраном и аудиторией. Только так можно перевести аффект в понимание, а память – в ответственную культуру.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КОННОТАЦИИ ПОБЕДЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

УДК 75.025

Бирюкова М.В.,

доктор культурологии, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: m.biryukova@spbu.ru

**Современная реставрация как «победа над временем»:
восстановление картины Рогира ван дер Вейдена «Св.
Лука, рисующий Мадонну» в Государственном Эрми-
таже**

Biryukova M.V.,

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: m.biryukova@spbu.ru

**Modern Restoration as a "Victory over Time": Restoration
of Rogier van der Weyden's Painting "St. Luke Painting
the Madonna" at the State Hermitage Museum**

Аннотация. В статье, на примере опыта реставрации картины Рогира ван дер Вейдена «Св. Лука, рисующий Мадонну» в собрании Государственного Эрмитажа, рассматриваются аспекты реставрации классической масляной живописи, ставящей музейных специалистов перед выбором между кардинальным раскрытием оригинальной авторской живописи путем удаления позднейших насло-

ний или сохранением патины как «маркера времени». Новейшие технологические методики реставрации позволяют эффективно использовать оба способа, имеющих свои преимущества и ограничения. Успешные примеры реставрации в крупнейших музеях демонстрируют, насколько меняется эстетическое, формальное, историко-культурное восприятие артефактов при утрате поверхностных наслоений, условно именуемых патиной. Значение патины как неотъемлемой составляющей аутентичного облика произведения требует рассмотрения в междисциплинарном контексте эстетики, научной реставрации, музеологии, философии музея.

Abstract. The article, based on the experience of restoring Rogier van der Weyden's painting "St. Luke Painting the Madonna" in the collection of the State Hermitage Museum, examines the aspects of restoring classical oil paintings, which presents museum specialists with a choice between revealing the original author's painting by removing later layers or preserving the patina as a "marker of time." The latest technological methods of restoration allow an effective use of both approaches, each with its own advantages and limitations. Successful examples of restoration in major museums demonstrate how aesthetic, formal, and historical-cultural perception of artifacts changes when the surface layers, conventionally referred to as patina, are lost. The significance of patina as an integral part of the authentic appearance of a work requires consideration in the interdisciplinary context of aesthetics, scientific restoration, museology, and museum philosophy.

Ключевые слова: достижения научной реставрации, живопись Северного Возрождения, Роги́р ван дер Вейден, Эрмитаж, музеология, эстетика.

Keywords: achievements of scientific restoration, Northern Renaissance painting, Rogier van der Weyden, Hermitage Museum, museology, aesthetics.

Выбирая стратегию реставрации масляной живописи, музейные специалисты вынуждены решать непростую проблему: снимать позднейшие наслоения, так называемую патину, расчищая живопись до «первоначального» состояния, или оставить патину, которая, безусловно, обеспечивает артефакт аурой «старины». Стоит ли возвращать классический шедевр к состоянию «как новый, будто только что написанный художником», или патина имеет определённую эстетическую ценность, обладает самостоятельным историко-культурным смыслом? Возможно, «дух времени» в данном случае обозначает именно дух прошедших столетий, свидетельством чему выступают как раз потемневшие, спрессованные наслоения на поверхности последнего живописного слоя или, в случае скульптуры, мрамора. «На плечи ложится пыль – это загар эпох» («Торс» (1972) И. Бродского), но для избавления произведения от «загара эпох» у реставраторов, безусловно, есть обоснованные резоны: в случае очистки живописи краски становятся ярче, чище, на изображении после реставрации отчетливо видны ранее затемненные или даже совсем закрытые наслоениями детали. Рассматривая сравнительно недавний реставрационный опыт в отношении эрмитажной картины нидерландского художника Рогера ван дер Вейдена (ок.1400-1464) «Св. Лука, рисующий Мадонну», возможно в близком приближении оценить достижения и преимущества методов поновления классической живописи, тем более, что результаты проведённых работ были представлены публике в выставочном проекте из цикла «Возрожденные шедевры» в 2017 году в Аполлоновом зале Зимнего дворца, где можно было видеть и саму картину

после реставрации, и материалы, показывающие результаты этапов двухлетнего реставрационного процесса, закончившегося в конце 2015 года. Реставрация картины была компетентно выполнена Валерием Юрьевичем Бровкиным, художником-реставратором Лаборатории научной реставрации станковой живописи Отдела научной реставрации и консервации Государственного Эрмитажа. Куратором выставочного проекта, представившего итог реставрации, выступил Николай Леонидович Зыков, хранитель нидерландской живописи XV-XVI веков Отдела западноевропейского изобразительного искусства.

Картина изначально была разделена на две части и соединена в 1884 году, по аналогии с тремя другими известными авторскими вариантами произведения и работой Яна ван Эйка «Мадонна канцлера Ролена», на которую ван дер Вейден, очевидно, ориентировался в части расположения фигур. Правая половина картины была приобретена для Эрмитажа в 1850 году из коллекции Виллема II, короля Нидерландов, а левая была куплена в 1884 году у парижского антиквара Антуана Бера. В 1867 году реставратор Александр Сидоров перевел правую половину картины Рогера ван дер Вейдена с дерева на холст, а в 1884 году Сидоров перевёл на холст левую половину картины и соединил её с первой частью [8; 10]. Техника перевода живописного слоя на холст с деревянной основы стала популярной у реставраторов XIX века, до сих пор эта технология имеет как своих приверженцев, так и критиков. После совмещения двух частей на картине были сделаны две горизонтальные реставрационные вставки, сверху правой половины и снизу левой. Был отчетливо виден и вертикальный шов между частями изображения. В 2013 году началась работа по реставрации, в том числе инфракрасные и ультрафиолетовые исследования, рентгеноскопия и изучение состава живописи и позднейших наслоений. Был удален

многослойный потемневший лак, старые реставрационные инклюзы, закрывающие оригинальное изображение, тщательно и с соблюдением авторского колорита затонированы утраты.

При первом приближении к обновленной картине, зрителя, без сомнения, поражала утрата патины: привычный серовато-оливковый оттенок старины, объединяющий и гармонизирующий изображение, исчезает. Зато появляются ранее не столь заметные детали. Гораздо отчетливее становятся стоящие на заднем плане у ограждения моста фигуры родителей Марии святых Иоакима и Анны. После реставрации стала видна левая рука святого Иоакима, которая была ранее закрыта позднейшими записями. Отчетливо виден городской пейзаж, вдалеке поднимается по ступенькам женщина с ведрами воды, мужчина стоит у входа в лавку. В целом, пейзаж более всего выиграл от реставрации, краски стали чище, ярче, мелкие детали более не теряются в темной дымке. Более четкими стали и черты Мадонны и Святого Луки, складки одежд, серебряный карандаш в руках Святого Луки, лежащее позади Евангелие. После реставрации рядом с Евангелием стала видна открытая чернильница.

Позже, в 2019 году, в Эрмитаже демонстрировалась после реставрации картина «Флора» Франческо Мельци, ученика Леонардо да Винчи, которая почти до конца XIX века считалась произведением самого Леонардо. Картина поступила в Эрмитаж в 1850 году из собрания Виллема II, и в дальнейшем была перенесена с дерева на холст, как и произведение ван дер Вейдена. Современная реставрация картины была проведена Марией Вячеславовной Шулеповой, художником-реставратором первой категории Лаборатории научной реставрации станковой живописи Отдела научной реставрации и консервации Эрмитажа. Как и в случае с произведением ван дер Вейдена, расчищенная от

наслоений в результате успешной реставрации картина Мельци поначалу поражала зрителя отсутствием патины и выявлением ранее едва различимых деталей, особенно изящных, мелких цветов на заднем плане. После снятия пожелтевшего лака, колорит картины стал намного более холодным.

В целом, современные методы реставрации позволяют эффективно осуществить реальную «победу над временем», приблизить произведение к зрителю, культивируя ощущение, что зритель, как когда-то современники автора, может здесь и сейчас видеть произведение как будто только что вышедшим из-под кисти художника. Но эта же «победа над временем» означает и то, что произведение лишается ауры прошедших после его создания лет. И такая дилемма реставрационной практики вряд ли может быть однозначно и бесспорно разрешима в современной музейной деятельности.

Так нужна ли патина? Стоит вспомнить о так называемом «стекле Лоррена», изобретенном в Англии XVIII века способе смотреть как на реальный пейзаж, так и на не столь идеальные и гармоничные, как у Клода Лоррена, произведения современных художников. Любители классического пейзажа пользовались специальными моноклями с затемненным стеклом, придававшим живописи, при взгляде сквозь него, эффект золотистой классической патины, которая ассоциировалась с произведениями автора идеальных «героических пейзажей» XVII века Клода Желле (Лоррена). Р. Старн в труде «Три века патины живописи» отмечает, что слово «патина» изначально не имела устоявшегося ныне значения: «Выражение, обозначающее возраст артефактов, менялось неравномерно, по крайней мере, со второй половины семнадцатого века. До тех пор патина существовала на кухне, в алтарях и в сапожных мастерских, слово происходит от латинского «тарелка» или

лак, используемый для покрытия обуви. Его переход в искусство, по-видимому, произошел в первую очередь в сленге итальянских художников... иначе они называют это «кожей» (pelle), и именно это универсальное потемнение, как время, накладывает свой отпечаток на картины... Время может создать патины, или художники могут подделать ее. Она входит в мир искусства со смешанными коннотациями возраста, обмана, украшения и очарования» [2, р. 86]. Теперь патина по преимуществу ассоциируется со стариной, возрастом, «классичностью» и «подлинностью» произведения. Как полагает Х. Хиопп, «Несмотря на ее внешнюю сущность, мы привыкли придавать патине значительную духовную ценность; физические изменения материала, из которого изготовлены предметы искусства, считаются носителями нематериального измерения исторических, научных и эмоциональных ценностей. Патина образует своего рода биографию произведения искусства» [1, р. 159]. Хиопп резонно обращается к вопросу возможности имитации патины в современном искусстве, подчеркивая ее существенный историко-культурный компонент.

Так насколько обоснованы преимущества методик по избавлению от патины в случае классических произведений? Стоит ли делать картину «как новую»? Аутентичность патины и ценность патины как свидетельства подлинности артефакта невозможно переоценить. Параллельно с существующими методиками радикальной очистки позднейших наслоений в масляной живописи разрабатываются и методы сохранения патины в процессе реставрации [4].

Подходы западной и отечественной реставрации масляной живописи в части оценки преимуществ и проблем переноса живописного слоя с дерева на холст, очистки поверхности и реставрации утрат достаточно схожи. Но аналитический подход к реставрации позволяет реализовать

накопленный опыт каждого музейного коллектива реставраторов в обобщении методов комплексных экспертных исследований масляной живописи. Определение эффективности существующих методик реставрации живописи имеет значение при выборе оптимальных стратегий проведения первичных или повторных реставраций, устранении дефективных инклюзов, привнесенных в процессе непрофессиональных консервационных и реставрационных вмешательств. Проблема устранения наслоений и инклюзов в составе структуры живописных произведений хорошо отражена в зарубежной и отечественной историографии [3; 5-7; 12; 13], методики реставрации постоянно совершенствуются, и результаты презентуются в научной периодике. Тем не менее, сопоставление этих методик и выявление наиболее эффективных для реставрации соответствующих произведений всегда имеет новаторский компонент, учитывая, что специалисты подкрепляют свои изыскания лабораторными исследованиями для коррекции существующих методов технической реставрации, вводят в научный оборот новые данные технико-технологического характера. Этому способствует и проведение историографического обзора существующих источников по избранной области научной реставрации, осуществлении опытных лабораторных исследований образцов живописи для выявления эффективности различных методик для извлечения инклюзов, исследования по проблемам сохранения произведений масляной живописи после реставрации. Эффективность реставрации связана и с необходимостью совершенствования критериев экспертной оценки и атрибуции произведений классической живописи, проводимой в РФ на базе Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГОСНИИР) и крупнейших музеев. Опыт кураторов и реставраторов позволяет сформулировать и обобщить относительно универсальные методы комплексных экспертных

исследований, в том числе в отношении менее изученных с точки зрения техники и технологии произведений живописи. Введение в научный оборот сведений о технико-технологических особенностях произведений известных и малоизученных художников определенных эпох представляются востребованными в контексте не только реставрации, но и истории искусства, и научной экспертизы, тем более, что работа реставратора сосредоточена не только на технологических особенностях используемых мастерами художественных материалов и фиксации результатов реставрационных исследований, но и на изучении источников, в том числе архивных записей.

Восстановление картины Рогира ван дер Вейдена «Св. Лука, рисующий Мадонну» в Государственном Эрмитаже, как и другие успешные примеры реставрации живописи, ставит перед специалистами сложный вопрос оценки достижений и проблем современной научной реставрации. Современные реставраторы предпочитают при расчистке живописи от наслоений применять вместо традиционных растворителей микро- и наноэмульсии, сочетающие качества водных растворов и растворителей. «При выборе состава для расчистки учитываются следующие условия: 1) избирательность по отношению к удаляемому материалу, 2) низкая токсичность и 3) минимальное воздействие на живописные материалы и основу произведений. Последнее условие наиболее всего выполнимо при использовании «носителя», способного заключать в себя жидкости и высвобождать их с контролируемой скоростью. Постепенное высвобождение состава для расчистки способствует избирательному удалению нежелательных слоев и сохранению исходной поверхности» [9, с. 24].

Но даже самые щадящие и «малотоксичные» методы избирательной расчистки, как свидетельствуют отзывы специалистов, основаны на использовании химических со-

ставов, которые по сути чужды оригинальным авторским материалам классической живописи, по преимуществу натуральным. Не случайно в контексте научной реставрации формируется тезис об использовании экологических методов и материалов, так называемой «зеленой химии» и биоразлагаемых веществ [11]. Ведь даже учитывая значительную способность современных очищающих эмульсий к испарению, некоторое количество химических соединений при очистке задерживается в слоях живописи, и как поведет себя такая инклюза в дальнейшем бытовании картины, можно будет судить лишь по прошествии десятилетий.

Список литературы

1. Hiiop, H. (2008), The possibility of patina in contemporary art or, does the 'new art' have a right to get old, *Place and location. Studies in environmental aesthetics and semiotics*, V.6. p. 153-165.
2. Starn, R. (2012), Three Ages of. "Patina" in Painting, *Representations*, V.78(1), p. 86-115.
3. Алешкина, Е.В. (2018), Гелевые системы как метод работы с поверхностными слоями станковой масляной живописи, *Манускрипт*, №.1(87). с. 106-112.
4. Бобров, Ф.Ю. (2024), Превентивная консервация как основа деятельности реставратора, *Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств*, №.70, с. 30-47.
5. Бобров, Ф.Ю. (2019), Реставрация как синтез науки и ремесла, *Научные труды*, №.50. с. 210-239.
6. Ваняев, В.А. (2012), Историко-культурологический аспект копирования произведений изобразительного искусства, *Преподаватель XXI век*, №3, с. 135-141.

7. Иванова, Е.Ю. (1982), Опыт укрепления произведений масляной живописи конца XVIII—первой половины XIX в. без дублирования, *Художественное наследие*, с. 156-164.
8. Крейцер, А.В. (2014), *Апостол Лука и Петербург, Universum: Вестник Герценовского университета*, №3(4), с. 181-193.
9. Морозова, Е.А., Юровецкая, А.В., Юровецкая, Е.В. (2023), Современные и перспективные методики удаления восковых и воско-смоляных адгезивов, *Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение*, №4, с. 22-39.
10. Опимах, И. (2024), *Художники, шедевры, судьбы*, Litres.
11. Столярова, Е.А. (2024), Методы консервации и реставрации произведений искусства, созданных с использованием экологичных красок: исследование устойчивости и сохранения натуральных пигментов, *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, №. 10(3), с. 181-190.
12. Фирсова, О., Шестопалова, Л. (2008), Спасая шедевры, *Наука в России*, №.1, с. 78-84.
13. Чуракова, М.С., Юровецкая, А.В. (2023), Воск в структуре картины. Проблемы реставрации, *Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение*, №.4. с. 63-75.

УДК 130.2

Бусов С.В.,
кандидат философских наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича, Россия
E-mail: swbusoff@mail.ru

Образ победы и ее идеал: аксиологический аспект

S.V. Busov,
Ph.D., Associate Professor.
St. Petersburg State University
telecommunications named after M.A. Bonch-Bruевич,
Russia
E-mail: swbusoff@mail.ru

Image of victory and its ideal: axiological aspect

Аннотация. Образ победы поддерживается идеологией, ядром которой выступает идеал, требующий для реализации веры и жертвы. Его обслуживание сопровождается ритуалом. Жертвы, принесенные на алтарь Победы в Великой Отечественной войне, неисчислимы, особенно памятливы жертвы блокадного Ленинграда.

Abstract. The image of victory is supported by an ideology, the core of which is an ideal that requires faith and sacrifice to realize. Its service is accompanied by a ritual. The sacrifices made on the altar of Victory in the Great Patriotic War are incalculable, the sacrifices of besieged Leningrad are especially memorable.

Ключевые слова: победа, идеология, идеал, парад, блокада Ленинграда

Keywords: victory, ideology, ideal, parade, blockade of Leningrad

В любом виде деятельности человека обозначены точки начала и конца. В начале происходит выбор возможности или того, что принесет или подарит человеку желаемое им будущее. Но выбор той или иной возможности чреват не только победой, но и поражением. Несмотря на то, что «вызов», с которым сталкивается человек чреват многими угрозами, человек его все же принимает и готов отвечать всем своим существом за принятие этого решения, за свой выбор. Если у социума и представляющих его людей сохранились в их исторической памяти образы как побед, так и поражений (как правило, на поле брани), то в контексте данного вызова в сознании возникают образы желаемой победы, но также и образы поражений, осмысливание которых позволяет обучаться на собственных ошибках.

В образ идеальной победы кладется весь всемирно-исторический опыт человечества - насколько он был усвоен социумом в лице нации, отдельного этноса или конкретным индивидом. Любой идеал создается исподволь как в индивидуальном, так и общественном сознании, опираясь на образ человека, общества или природы, а также вот таких важных исторических событий, как победа, особенно, в деле войны и ее сражений; создается соответствующая идеология и формируется все, что связано с работой по реализации идеала, являющегося ядром и сущностью данной идеологии.

Эффективная реализация идеала требует подбора исполнителей и в первую очередь умного и харизматического лидера, окруженного преданными сторонниками. Любая идеология строится из потребностей разрешения каких-либо насущных проблем, жизненных противоречий,

в условиях кризиса, а то и в предчувствии близящейся катастрофы. Когда чувство опасности охватывает все слои населения, возникает потребность избежать поражения, решить разрастающиеся проблемы, снять казалось бы неразрешимые противоречия. Начинается общая работа по выработке того самого идеального образа победы, когда в идеале все разорешено, потребности удовлетворены, противоречия сняты. Известно, что служение идеалу требует веры и жертвы [1]. Укреплением преданности идеалу служат исторически укоренившиеся символические формы деятельности, выраженные, например, в ритуалах, обрядах, церемониалах, в обслуживании культа, носящие чаще всего религиозный характер. Культ действительно укрепляет веру в идеал за счет того, что как бы имитирует процесс его реализации, создавая иллюзию торжества победы идеала, его полной реализации. Так, чтобы укрепить дух воинов, идущих на битву, проводятся парады. Военные парады возникли уже в Древнем Египте, широко применялись они и в Древнем Риме, как важная составная часть церемонии триумфа с демонстрацией трофеев; шествие начиналось на Марсовом поле Рима и заканчивалось у стен Капитолия.

Два знаменательных парада произошли во времена Великой Отечественной войны: парад 7 ноября 1941 года в Москве на Красной площади, в котором приняли участие около 28 тысяч человек и бойцы прямо с парада двинулись на передовую; 1 Мая 1945 года на Красной площади прошел парад страны-победителя под звуки уже нового гимна СССР, укрепивший уверенность народа в победе и в устранении самой грозной опасности и беды в истории нашей страны. И, наконец, 24 июня 1945 года прошел триумфальный Парад Победы с выступлением представителей всех фронтов под командованием прославленных марша-

лов. Трофейные штандарты немецко-фашистских войск были брошены к подножию мавзолея В.И.Ленина.

Нельзя не вспомнить ряд событий Великой Отечественной войны, когда в залог будущей победы приносились неисчислимые жертвы и что наша общая победа далась тогда громадной ценой. Полное окружение Ленинграда в 1941 году, его блокада, привели к резкому сокращению обмена с остальной страной необходимыми ресурсами, что привело город к катастрофическому дефициту энергетических, вещественных, информационных и человеческих ресурсов. В синергетике есть термин «управляющий параметр», который означает, что любая возникающая разница потенциалов между данной системой и средой может оказывать закономерное, регулирующее, управляющее воздействие на состояние системы. Так, например, разница температур есть управляющий параметр и если в комнате падает температура, то человеческому организму требуется ресурс, чтобы согреться, но по свидетельствам очевидцев, в самую тяжелую пору блокады (осень - зима - весна 1941-1942 гг.) люди хронически не могли согреться, поскольку квартиры блокадного Ленинграда не отапливались; в цехах заводов и на других предприятиях также стоял невыносимый холод. Можно упомянуть и о метаболическом дисбалансе в организмах жителей города (в ноябре 1941 г. суточная норма хлеба для жителей города упала до 125 грамм). Речь о голоде. Многие люди от хронического недоедания заболели дистрофией и потом, к сожалению, нередко умирали.

«Если управляющий параметр увеличивать/уменьшать, то возможен его выход за критические значения: микроявления, характерные для микроуровня, становятся характерными уже для макроуровня. В случае с Ленинградом начала войны система оставалась открытой, однако, изменились характеристики ее обмена со средой

таким образом, что ее устойчивость нарушилась, возникла неравновесность, быстро достигшая максимума» [2, с. 202]. Страх, тревога, неопределенность, сомнения, заботы и надежды – все это аспекты межличностных взаимодействий в контексте общественных отношений, в центре которых экзистенциальный выбор. В трагические дни начала блокады вышла прокламация, одна из многих подобных ей, которая гласила: «Старые рабочие Обуховского завода заверяют: “Выбор сейчас у нас только один: смерть или победа, свобода или рабство! Ни шагу назад... Или победа, или смерть!”» [3]. Разве это похоже на жест отчаяния? Нет. Это готовность жертвовать ради идеала, ради победы. С начала века город и страна прошли тяжелые испытания, связанные с Первой мировой войной, революцией, гражданской войной, разрухой. Неоднократно вводился мобилизационный режим, у людей накопился необычайно богатый опыт, связанный с адаптацией к экстремальным ситуациям. Сформировалась соответствующая ценностная структура приоритетов, поддерживаемая всей мощью культурной столицы, представленной такими людьми, как Д.Д. Шостакович, Ольга Бергольц, Д.С. Лихачев, авторитетными военными, партийными и государственными деятелями. В поступках людей на фронте и в тылу стал проявляться и высвечиваться строй нормативов столь желаемой всеми победы над врагом, идеальной победы: во-первых, победа не бывает легкой, ее надо держать всеми силами, она требует жертв, а в данном случае, больших жертв; во-вторых, победа любит стойких, преданных, бескомпромиссных, порой, безжалостных (прежде всего к себе) людей. Вся мощь Ленинграда, города великой культуры, была обращена к призыву: «Товарищ, положи всего себя, все свои силы, умения, все свои помыслы на алтарь великой победы!» Это сработало. Сработала привычная русскому народу, его характеру, коллективности, непритязательность,

неприхотливость, стойкость. Наши люди выстояли. Победили.

Список литературы

1. Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
2. Бусов С.В., Зобова М.Р. Самоорганизация и управление: дни блокадного Ленинграда / Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне / Ред. кол.: А. Х. Даудов, Г. П. Жиркова, Е. В. Лезик, Н. А. Ломагин, Г. Л. Соболев (отв. ред.), Е. Д. Твердюкова, А. Н. Чистиков, М. В. Ходяков. СПб.: Нестор-История, 2019.
3. Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга // URL: <https://readli.net/blokadnaya-kniga/>

УДК 725.945.1

Двойникова П.А.,

*методист организационно-методического отдела
Санкт-Петербургское государственное бюджетное
учреждение «Подростково-молодежный центр «Лигово»
(СПб ГБУ «ПМЦ «Лигово»), город Санкт-Петербург, Рос-
сия
e-mail: apolioinikova@gmail.com*

**Государственный учет воинских захоронений на терри-
тории Санкт-Петербурга: выявление, исследование и
сохранение**

Dvoinikova P.A.,

*methodologist of the organizational and methodological de-
partment
St. Petersburg State Budgetary Institution «Adolescent and
Youth Center «Ligovo»,
St. Petersburg, Russia
e-mail: apolioinikova@gmail.com*

**State Registration of Military Graves in St. Petersburg:
Identification, Research, and Preservation**

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы патриоти-
ческого воспитания молодежи
в Российской Федерации в контексте государственной по-
литики, а также роль социальных действий по сохранению
памяти в контексте организации государственного учета
воинских захоронений на территории Санкт-Петербурга.

Abstract: The article examines the issues of patriotic educa-
tion of youth in the Russian Federation in the context of state
policy, as well as the role of social actions to preserve memory

in the context of the organization of state accounting of military graves in St. Petersburg.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, молодежная политика, патриотическое воспитание, коммеморация, историческая память, общественные организации.

Keywords: cultural heritage, youth policy, patriotic education, commemoration, historical memory, public organizations.

В настоящее время патриотическое воспитание молодежи является одним из наиболее актуальных и активно развивающихся направлений молодежной политики. Следует отметить, что в соответствии с Законом Санкт-Петербурга «О реализации молодежной политики в Санкт-Петербурге» от 27 июня 2013 № 425-62 (в редакции Закона Санкт-Петербурга от 16 июля 2021 года № 355-79, с изменениями на 01.06.2025 года) патриотическое воспитание является одним из ключевых направлений деятельности в сфере поддержки и развития молодого поколения. Схожие цели обозначены и в «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 года № 2233-р, приоритетом которой является создание комплексной системы для становления и развития патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного поколения граждан.

Работа по патриотическому воспитанию включает в себя целый комплекс как образовательных, так и спортивных, культурных, воспитательных мероприятий, однако, одним из наиболее распространенных направлений в системе культурного и патриотического воспитания молодого поколения является проведение памятных акций,

торжественно-траурных церемоний и иных форм мероприятий, связанных со значимыми датами военной истории, праздниками, посвященными отдельным родам войск, и другими событиями так или иначе, имеющими отношение к вооруженным силам Российской Федерации.

В качестве примера можно привести опыт Красносельского района Санкт-Петербурга, на территории которого, подростково-молодёжным центром «Лигово» ежегодно центром проводятся такие мероприятия, как патриотическая акция «В то самое утро», посвященная Дню памяти и скорби, историко-патриотический праздник «Полежаевский рубеж» в Полежаевском парке, приуроченный к празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне, торжественно-траурная церемония, посвященная Дню Героев Отечества и Дню Неизвестного Солдата, все-российская военно-патриотическая акция «Верни Герою имя» и ряд других проектов, ориентированных на воспитание гражданственности и патриотизма на примере героических страниц в истории нашей страны, а также на формирование внимательного и бережного отношения к воинским захоронениям, монументам и памятным местам, связанным с памятью о защитниках Отечества.

Сохранение исторической памяти о вооруженных конфликтах неотделимо от процесса реализации практик коммеморации – социальных действий, направленных на мобилизацию коллективной памяти о значимых событиях и личностях прошлого. Именно они выступают инструментом социально-культурного воспитания граждан, консолидируют общество, а также вносят вклад в формирование идентичности гражданина своей страны, города, района. На практике подобная деятельность включает в себя широкий перечень мероприятий, направленных на упрочение общественных связей, формирование общей памяти,

ценностей и моделей поведения характерных для определенной группы общества.

Одними из объектов, с которыми связана реализация ряда коммеморативных практик, а также представляющих высокую историко-культурную ценность, являются воинские захоронения, сохранение и формирование общественного внимания к которым служит значимым процессом в области воспитания детей и молодежи.

Согласно определению представленному в законе от 14.01.1993 № 4292-1 (в редакции Федерального закона от 09.11.2024 № 386-ФЗ) «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», воинскими захоронениями являются места погребения военнослужащих, погибших при защите Отечества, с находящимися на них надгробиями, памятниками, стелами, обелисками, элементами ограждения и другими мемориальными сооружениями. Таким образом, вне от зависимости от исторического периода, захоронения, так или иначе связанные с вооруженными конфликтами прошлого, подлежат государственному учету, позволяющему создать условия для сохранения погребения, а также архитектурных и скульптурных элементов, относящихся к нему. Кроме того, согласно Статье 2 данного законодательного акта, установление имен, погибших и пропавших без вести при защите Отечества, занесение их имен и других сведений о них в книги Памяти и соответствующие информационные системы является формой увековечения памяти погибших при защите Отечества.

Из этого следует, что формирование и пополнение баз данных содержащих сведения о погибших в ходе вооруженных конфликтов, может рассматриваться в качестве практики коммеморации, поскольку они способны не только пролить свет на ранее неизвестные исторические факты, но способствуют выявлению и сохранению уни-

кальных исторических захоронений, не обладающих статусом объекта историко-культурного наследия, ранее не известных широкому кругу лиц и, как следствие, не включенных в процесс организации мероприятий, направленных на формирование коллективной памяти.

Сегодня, благодаря развитию таких ресурсов, как информационные системы разработанные Департаментом Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества [1], широкому кругу пользователей стали доступны сведения о бойцах, погибших при защите Родины. Можно сказать, что открытость подобных источников позволяет частично приблизиться к более точным сведениям о масштабах трагедии, которая постигла наш народ в годы Великой Отечественной войны и иных вооруженных конфликтов.

На сегодняшний день в Санкт-Петербурге специалистами Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец» выявлено более 600 воинских захоронений как на территории городских кладбищ, так и вне их пределов [2]. Следует отметить, что данные функции были закреплены за Комитетом по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями только с 2022 года на основании постановления Правительства Санкт-Петербурга «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17.07.2014 № 608, от 19.12.2017 № 1098, от 23.07.2019 № 482». Согласно представленному на сайте актуальному перечню, за три года организованной работы число выявленных воинских захоронений возросло практически в два раза: с 344 до 613 захоронений.

Начальный этап организованного учета воинских захоронений на территории нашей страны пришелся на конец 1980-х — начало 1990-х годов. В связи с рядом при-

чин политического и социального характера, а также по причине отсутствия свободного доступа к ряду сведений о том или ином погребении, ряд воинских захоронений по-прежнему является не выявленным, что препятствует их должному сохранению и благоустройству. Вместе с тем, селективность в освещении исторических военных конфликтов в советские годы, привела к тому, что и сегодня некоторые воинские захоронения погибших при защите Отечества в разные исторические периоды, оказываются исключенными из процесса реализации коммеморативных практик.

Подобная ситуация привела к неполноте поименных списков погребенных и увековеченных на территории воинских мемориальных сооружений. По этой же причине только сведения о десятках, а иногда о сотнях бойцов, героически погибших в ходе боевых действий при защите Ленинграда от вражеских захватчиков, на протяжении десятков лет были неизвестны. Так, в ходе работы, проведенной специалистами СПб ГБУ «Дзержинец», впервые были выявлены и впервые поставлены на государственный учет воинские захоронения времен Гражданской войны (1917–1922), расположенные на территории Сестрорецкого кладбища, а также на территории сквера у Никольского морского собора в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга. Также специалистами проводится регулярная работа по дополнению уже существующих списков воинских захоронений, а также их сверке. Так, например, согласно учетной карточке, относящейся к Невскому воинскому кладбищу от 17.10.2018 № 226, более известному как мемориальный комплекс «Журавли», до 2025 года числилось 86 известных военнослужащих, однако в ходе проведенной историко-архивной работы и анализу сведений по полевым подвижным и эвакуационным госпиталям действовавшим в Ленинграде на данном рубеже обороны

(ЭГ № 1, ЭП № 119, СЭГ № 262, ТППГ № 820) в список были внесены имена 281-го военнослужащего [3]. При проведении данной работы источниками послужили не только архивные документы, но и картографические материалы и исторические фотоснимки. Также в список братского воинского захоронения, расположенного на территории Горского кладбища, на основании госпитальных списков были внесены сведения о 116 военнослужащих, ранее не значившихся увековеченными [4]. Данная работа продолжается и сегодня.

Нельзя не отметить, что значимую роль в этом процессе, помимо государственных структур, играют общественные организации. Подобное явление имеет исторические корни. Так, в деле исследования воинских некрополей, а также их сохранении важную роль еще в начале XX века играли общественные деятели, как, например, Пучков С.В., попечитель Московского Братского кладбища [5], а также публично-правовые организации, такие как Всероссийское общество памяти воинов Русской армии, павших в войну 1914–1915 гг. [6, С. 1–5].

В задачи современных сообществ, выполняющих схожие функции, выходит выявление сведений о местонахождении захоронений военнослужащих, уход за ними, проведение церемоний возложения и отдания воинских почестей. Проведенная представителями общественных движений исследовательская работа может стать основанием для включения обнаруженных воинских захоронений в реестр, если они таковыми являются.

Так, например, на портале Информационно-аналитического центра «Помним всех поименно» регулярно публикуются сведения о военнослужащих, погребенных на кладбищах города, проводится сверка списков бойцов, захороненных и увековеченных на мемориальных сооружениях [7].

Общество ревнителей памяти Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка регулярно осуществляет уход за могилами офицеров данного воинского подразделения [8]. Участниками Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры организуются субботники и экскурсии на территории исторических кладбищ города, на многих из которых располагаются захоронения военнослужащих. Подобная деятельность, безусловно, положительно влияет на процесс сохранения исторических захоронений [9].

Однако зачастую для подобных сообществ характерен избирательный подход к выбору объектов изучения и работы, ориентированный на узкую тематику сообщества. Результаты деятельности по выявлению захоронений, а также дополнению списков общественными организациями нуждаются в дополнительной сверке, поскольку работа с архивными данными предполагает всестороннее знакомство с материалами, а иногда и привлечение дополнительных источников.

Подводя итог, следует отметить, что только благодаря слаженному и целенаправленному взаимодействию государственных и общественных организаций возможно сохранение памяти о защитниках нашей Родины, а также передача достоверных сведений о событиях прошлого последующим поколениям. Привлечение молодежи к данной деятельности возможно не только в качестве участников церемоний возложения и акций памяти, но и как добровольцев по проведению исследовательской работы. На примере поиска информации об участниках Великой Отечественной войне и других вооруженных конфликтах, возможно проведение обучающих программ, формирующих начальные практические навыки работы с архивными документами и базами данных, позволяющими внести свой вклад в изучении новых сведений о том или ином воин-

ском захоронении. Актуальным может быть и возрождение практики шефства образовательными учреждениями за воинскими захоронениями на территории города и кладбищ, в настоящее время осуществляемой только отдельными организациями. Подобная работа, при поддержке квалифицированных специалистов, обладает потенциалом для формирования нравственных ориентиров и мировоззрения молодого поколения, а также для углубления их понимания закономерностей и динамики исторических процессов.

Список литературы:

1. Информационная система «Память народа»
URL: <https://pamyat-naroda.ru>
(дата обращения: 01.10.2025)
2. Увековечение памяти погибших при защите Отечества. URL: <https://gu63.site.gov.spb.ru/uvekovechenie-pamjati-pogibshih-pri-zaschite-otechestva/organizacija-gosudarstvennogo-ucheta-voinskih-zahoronenij/perechen-voinskih-zahoronenij-na-territorii-sankt-peterburga> (дата обращения: 01.10.2025).
3. Паспорт воинского захоронения № 2852420000814. URL: https://gu63.site.gov.spb.ru/media/63/docs/20093/additions/Паспорт_2852420000814.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
4. Паспорт воинского захоронения № 2812440000864. URL: https://gu63.site.gov.spb.ru/media/63/docs/19869/additions/Паспорт_2812440000864.pdf (дата обращения: 01.10.2025).
5. Пучков С. В. (1915) *Московское городское братское кладбище*, Москва, с. 2-5.
6. Устав Всероссийского общества памяти воинов Русской армии, павших в войну 1914- 1915 годов с Германией, Австрией и Турцией, Петроград, (1915), с. 1-5.

7. Некрополь России. Новости. URL: <https://poхoronka.ru/news> (дата обращения: 01.10.2025)

8. День Св. Иерофея в Санкт-Петербурге. — URL: <https://pereklichka.livejournal.com/258297.html?ysclid=m6z8majnab735515893> (дата обращения: 01.10.2025).

9. Волонтёры ВООПИиК помогают сохранять Смоленское лютеранское кладбище. URL: <https://voopik-spb.ru/news/volontery-voopik-pomogayut-sokhranyat-smolenskoe-lyuteranskoe-kladbishche/> (дата обращения: 01.10.2025)

УДК 94(470+571) «1941/1945»

Любезников О.А.,

кандидат исторических наук,

доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: o.lyubeznikov@spbu.ru

Воспоминания ленинградского архитектора

Н.П. Никитина о деятельности в эвакуации в

Ессентуках

Lyubeznikov O.A.,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

E-mail: o.lyubeznikov@spbu.ru

Memories of Leningrad architect N.P. Nikitin

about his activities during the evacuation in Yessentuki

Аннотация. В научный оборот вводится сохранившееся в фондах Ессентукского историко-краеведческого музея имени В.П. Шпаковского письмо ленинградского архитектора-реставратора Н.П. Никитина (1884–1971), содержащее воспоминания о его деятельности в эвакуации в годы Великой Отечественной войны.

Abstract. In the article the letter from Leningrad architect and restorer N.P. Nikitin (1884–1971), preserved in the collections of the Yessentuki Museum of History and Local Lore named after V.P. Shpakovsky, containing recollections of his activities during the evacuation in the period of the Great Patriotic War, is introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: Н.П. Никитин, Эссентуки, трудотерапия, эвакуогоспиталь, реабилитация, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда.

Keywords: N.P. Nikitin, Essentuki, occupational therapy, evacuation hospital, rehabilitation, The Great Patriotic War, the Siege of Leningrad.

Изучение биографий сотрудников музеев в ранне-советские десятилетия осложнено, как правило, недостаточной степенью сохранности первоисточников – делопроизводственных документов, фиксирующих служебный путь; источников личного происхождения, отразивших особенности взаимодействия с коллегами, настроения, оценки происходивших событий. Жизненные и профессиональные траектории музейных сотрудников 1920-х – 1940-х гг. реконструируются с неизбежными лакунами. Особую сложность представляет детализированное описание деятельности музейных специалистов в годы Великой Отечественной войны, оказавшихся на оккупированных территориях в границах РСФСР [1]. Один из ведущих архитекторов-реставраторов довоенного Ленинграда, в 1920-е гг. сотрудник Елагиноостровского дворца-музея, активный участник процесса музеефикации Исаакиевского собора, Николай Петрович Никитин (1884–1971) [2], эвакуированный из осажденного города в 1942 г. и попавший в Эссентуки, пережил немецкую оккупацию Кавказских Минеральных Вод в 1942 – 1943 гг. Хотя деятельность Н.П. Никитина как сотрудника Эссентукского курортного управления после деоккупации уже становилась предметом научного рассмотрения [3], в Эссентукском историко-краеведческом музее имени В.П. Шпаковского, как нам удалось выяснить в 2024 г. при любезном содействии главного хранителя музейных предметов Нины Михайлов-

ны Сергеевой, сохранились публикуемые ниже весьма подробные воспоминания архитектора о работе в Ессентуках в 1943-1944 гг.

В начале июня 1943 г. Н.П. Никитин «по собствен[ной] инициативе и проекту <...> предложил Ессентукскому Курортному управлению организовать кабинет трудтерапии» [4, л. 5]. 11 июня 1943 г. архитектор был назначен начальником созданного кабинета [4, л. 5], основной задачей которого явилась реабилитация раненных в боях военнослужащих, солдат и офицеров Красной армии. Главный врач Ессентукского курорта, начальник эвакогоспиталей Ессентукской группы Анастасия Григорьевна Дорохина (1901 – не ранее 1966) вспоминала, что в кабинете под руководством Н.П. Никитина «помимо проводимых столярных, слесарных работ, токарных по дереву и металлу на станках, изучалось чертежное дело, были сконструированы приборы, при помощи которых раненые с одной рукой выполняли чертежные работы» [5].

Из сохранившегося письма Н.П. Никитина к А.Г. Дорохиной от 16 ноября 1966 г. следует, что, видимо, в начале 1966 г. Анастасия Григорьевна обратилась к проживавшему в Ленинграде архитектору с просьбой поделиться имеющимися у него сведениями (снимками, документами) о работе кабинета, так как предполагала организовать выставку, посвященную событиям в Ессентуках в период Великой Отечественной войны. В ответ Н.П. Никитин в свои 82 года постарался достаточно подробно, хотя и несколько сбивчиво охарактеризовать отрабатываемые в кабинете упражнения для реабилитации раненых, особо – как выпускник Строгановского училища 1904 года, художник по прикладному искусству [6, л. 1] – подчеркнув художественный характер задач, стоявших перед красноармейцами при резьбе по дереву. Дополнительно к собственным воспоминаниям архитектор присовокупил ма-

шинописную копию отзыва старшего лейтенанта Сабаева, разрабатывавшего в кабинете правую руку с 23 августа по 6 сентября 1943 г. и благодарившего сотрудников кабинета «за организацию хорошего лечения» [7, л. 3]. По словам занимавшегося в 1930-е гг. преподавательской работой в ленинградских вузах Н.П. Никитина, он знакомил раненого старшего лейтенанта с базовыми для архитекторов курсами «черчения, обмеров с натуры и начертательной геометрии» [7, л. 2 об.]. Архитектор обращал внимание А.Г. Дорохиной на разработанный в кабинете «особый чертежный прибор для однуруких», высоко оцененный медиками Курортного управления, в том числе Марией Ильиничной Гилут (1907 – не ранее 1966). Дополнил рассказ Н.П. Никитин собственной фотографией «того времени», помещенной на выданном ему в 1946 г. удостоверении заведующего кафедрой в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта [7, л. 1], по-видимому, полагая, что снимок будет использован при создании выставки. И хотя история этой выставки требует дальнейшего изучения, вводимое в научный оборот письмо Н.П. Никитина расширяет представления о профессиональной деятельности в годы Великой Отечественной войны зодчего, сыгравшего значительную роль в процессах музеефикации и реставрации архитектурных памятников в Петрограде-Ленинграде в 1920-е – 1940-е гг., исследователя творчества выдающихся архитекторов императорского Петербурга.

«16» ноября 1966 г.

Многоуважаемая Анастасия Григорьевна!

Вернувшись после полугодового отсутствия к себе домой, я разыскал в своем архиве все, что сохранилось от моей работы в кабинете трудтерапии. К сожалению, тогда,

по экономическим соображениям, мы не могли делать фотосъемки отдельных процессов нашей работы, хотя изготовили много того, что подлежало бы фотофиксации. Это были костыли, корзины, деревянные портсигары с ornamentацией по моим рисункам и проч.

Последняя работа (решицкая) (*так! – О.Л.*) была очень полезна для разработки кисти руки и пальцев. Этому способствовала цель, чисто художественная, к которой стремились ран-больные. Вообще изобразительное искусство и введение художественного элемента много способствовало нашей работе, являясь моей специальностью как прикладника-художника и архитектора. Изобразительное искусство, как и музыка, наиболее доступны массам. Вообще мы делали много предметов из дерева, в которые входят упражнения, наиболее полезные ран-больным. Одной из весьма пригодных профессий для инвалидов с отсутствием или недеятельностью одной верхней конечностью (*так! – О.Л.*) – является профессия чертежника. Идя навстречу этой цели, мы изготовили особый чертежный прибор для одноруких, который остался у Вас. Об этом Вы можете найти в Ваших делах соответствующие отзывы: от 5/9 – 1944 за подписью т. Гилут и от 4/9 – 1944 г. с Вашей подписью.

Кстати, посылаю Вам сохранившийся у меня один из отзывов больного санатории инв. Отечественной войны – старшего лейтенанта Сабаева от 6 сентября 1943 г. С этим больным я прошел часть курса черчения, обмеров с натуры и начертательной геометрии (что успел, т.к. его рано выписали). Также посылаю свою фотокарточку того времени, которую не смог отклеить от удостоверения без опасения испортить и то и другое. По использовании прошу вернуть в целости это удостоверение и фотокарточку в возможно скором времени. По получении этого письма прошу меня уведомить.

Сожалею, что не могу принять участия в Вашей работе по организации выставки, где я мог бы Вам быть полезным. Несколько спустя после моего отъезда из Ессентуков я придумал еще другой чертежный прибор для одноруких, который приобрел у меня (по [неразб.] курсу) Лен. Научно-Исслед. Институт экспертизы трудоспособности и трудоустройства инвалидов. Мне пришлось видеть его в действии в одной из школ одноруких.

Искренно Вас уважающий Н.П. Никитин.

P.S. Жду Вашего ответа.

ГБУК СК «Ессентукский историко-краеведческий музей им. В. П. Шпаковского». Архивное собрание. Д. 463. Никитин Н.П. Л. 2 – 2 об.

Список литературы

1. Щеколдин С.Г. О чем молчат львы. Крым. Алупка. 1941-1944: воспоминания о судьбе Алупкинского дворца-музея в годы Великой Отечественной войны. Симферополь, 2021.
2. Любезников О.А. «Труд большей части моей жизни...»: Исаакиевский собор в судьбе архитектора Н.П. Никитина (к истории музеефикации памятника) // Музей – Памятник – Наследие. 2017. № 1. С. 68–79.
3. Любезников О.А. Из истории Цандеровского института в Ессентуках: архитектор Н.П. Никитин и организация кабинета трудотерапии в 1943 году // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: матер. XXV юбилейной ежегод. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 22 марта 2019 года / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш: В 4 т. Т. 1. СПб., 2019. С. 308–314.

4. Научный архив Российской академии художеств. Ф. 42 (Н.П. Никитин). Оп. 1. Д. 20. Документы в связи с работой Н.П. Никитина в период эвакуации в Ессентуках начальником кабинета трудотерапии.
5. Дорохина Анастасия Григорьевна // ГБУК СК "Ессентукский историко-краеведческий музей им. В. П. Шпаковского". URL: <https://essenmus.ru/item/1781381?ysclid=mg3iyyi22k849174519> (Дата обращения: 28.09.2025).
6. Научный архив Российской академии художеств. Ф. 42 (Н.П. Никитин). Оп. 1. Д. 2. Автобиография, списки научных работ, научно-реставрационных работ и обмеров архитектурных памятников; перечень научных учреждений и вузов СССР, в которых работал Н.П. Никитин.
7. ГБУК СК «Ессентукский историко-краеведческий музей им. В. П. Шпаковского». Архивное собрание. Д. 463. Никитин Н.П.

УДК 331.08

Никонова А.А.,

кандидат философских наук, доцент.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: a.nikonova@spbu.ru

Трансформация коммеморативной практики о блокаде Ленинграда в историко-культурном ландшафте города

Nikonova A.A.,

Candidate of Philosophy, Associate Professor.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: a.nikonova@spbu.ru

Transformation of the Commemorative Practice of the Siege of Leningrad in the Historical and Cultural Landscape of the City

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению форм и практик увековечения памяти и анализу современных общественных проектов, существующих в Петербурге как пример коннотаций национального менталитета. Тема мемориализации событий обороны и блокады Ленинграда остается востребованной в социокультурной практике. Можно выделить не только основные этапы музеефикации мест памяти, методы и формы актуализации данных объектов, но и смысловые и семантические векторы увековечения, что становится сегодня полем борьбы мнений, образов и даже так называемой «войны символов».

Abstract. The article is devoted to the consideration of the forms and practices of perpetuating memory and the analysis of modern social projects that exist in St. Petersburg as an exam-

ple of the connotations of the national mentality. The theme of memorializing the events of the defense and blockade of Leningrad remains relevant in sociocultural practice. It is possible to identify not only the main stages of the museumification of places of memory, the methods and forms of actualization of these objects, but also the semantic and symbolic vectors of perpetuation, which today become a battleground for opinions, images, and even the so-called "war of symbols."

Ключевые слова: культура памяти, блокада Ленинграда, коммеративные практики, памятник, мемориал, постпамять, визуальные технологии.

Keywords: culture of memory, Siege of Leningrad, commemorative practices, monument, memorial, postmemory, visual technologies.

Культурная память о войне детерминирована ее ретроспективным образом и изменяется вместе с ним. Чем больше времени проходит, тем менее личным становится воспоминание и тем больше факторов оказывают влияние на то, что мы помним и какое представление у нас складывается о войне. Одновременно внутри культуры памяти формируются социокультурные практики или культура увековечения, направленные на передачу информации о своей эпохе и о ее отношении к предшествующим событиям и людям. Пересмотру подвергаются привычные представления о том, что ценно в памятниках прошлого, что надо сохранять, а что можно убрать из пространства современного города.

Для осмысления и актуализации культурного наследия Санкт-Петербурга особой темой памяти является блокада Ленинграда. Если рассмотреть бегло основные этапы музеефикации мест памяти, методы и формы актуа-

лизации данных объектов, то можно выделить не только несколько хронологических периодов увековечения событий, связанных с блокадой Ленинграда, но смысловые и семантические векторы каждого из этих периодов. Необходимо признать, что семиотическая особенность памятника как знака обуславливает возможность извлечения из него различных смыслов, что становится сегодня полем борьбы мнений, образов и даже так называемой «войны символов». Памятник — понимаемый как знак намеренной коммеморации обрастает новыми смыслами и собственной историей, в которой отражаются отношения поколений к самому факту, к инициаторам и средствам коммеморации. Это делает его особого рода историческим источником, особым индикатором общественных настроений и политических интересов. Таким образом, внутри культуры памяти выделяется область культуры увековечения, которая включает в себя различные социокультурные практики, сознательно формирующие способы передачи в будущее информации не только о своей эпохе, но и об ее отношении к предшествующим событиям и людям.

Формирование мемориальной среды Ленинграда можно разделить на четыре условных периода. Уже во время блокады архитекторы и художники Советского Союза разрабатывали идеи памятников и мемориалов, а первые объекты создавались из подручных средств, остатков военной техники и обломков укреплений. Началом первого периода увековечения памяти о событиях обороны и блокады Ленинграда можно считать обращение «Ко всем работникам музеев» 15 июля 1941 г., в котором была поставлена задача сбора материалов о Великой Отечественной войне, нашедшая подтверждение в письме от 15 ноября 1941 г. «О сборе материалов Великой Отечественной войны» [1]. Первые монументы на рубежах героической обороны города были установлены в 1944–1945 гг. В 1944 го-

ду, 30 апреля, была открыта и первая масштабная выставка "Героическая оборона Ленинграда" в Соляном городке. В послевоенные годы обе темы – память о подвиге советской армии при обороне и прорыве блокады г. Ленинграда и тяжелое положение горожан в осажденном городе, их стойкость и героизм, были актуализированы. Однако в дальнейшем после закрытия и уничтожения первого музея обороны и блокады Ленинграда тема блокады оказалась под запретом.

Далее наступил этап крупных проектов – это создание в 1965 - 1968 гг. мемориалов «Зеленого пояса славы». Третий этап (1980-2000 гг.) связан с формированием локальных мест памяти. В эти годы в основном применялись традиционные способы сохранения и передачи памяти, которые включают в себя музеи, мемориалы и места памяти. Основываясь на собранных данных, были выявлены и противоречия, которые возникли в ходе возникновения мемориальной среды. Одной из первых статей анализирующей особенности формирования мемориальной среды г. Ленинграда и ее восприятия горожанами стала статья Вадима Басса «Модернистский монумент для классического города» [2]. Современные информационные практики, новые методики и технологии сохранения и передачи памяти характеризует четвертый период. Он связан с «эпохой пост-памяти», о которой пишет в своих работах Алексей Павловский [3]. Он считает, что «начиная с 2010-х (и особенно после юбилея 2014 года) можно различить контуры своеобразного «ренессанса памяти о блокаде», памяти до этого, казалось, «охлажденной», провинциально-полуактуальной. Этот «ренессанс» связан с особой интенсивностью памятования о блокаде и проявляется в широком спектре явлений от медийных скандалов и новых коммеморативных практик до новаций в художественной литературе, кино, театре, современном искусстве и музейном деле» [3, с.30].

Главным является то, что активными участниками памяти о войне становятся сообщества потомков блокадников и других мемориальных акторов. Исследователь пишет: «поворот к постпамяти приводит не к «охлаждению» и забвению памяти, а наоборот – к эмоционализации и поляризации отношения к блокаде у разных групп, предпочитающих вообразать её как пространство героического эпоса или как гуманитарную катастрофу, что приводит к разнообразным конфликтам памяти» [3, с.35]. Одновременно появляются и онлайн-проекты. Создаются новые базы данных и тематические онлайн карты. На портале Культура Петербурга создан ресурс- Память о Блокаде: навигатор по онлайн-проектам [4]. Сегодня мы являемся свидетелями появления новой волны общественных инициатив в рамках постпамяти, которая стремится к визуализации памяти об обороне и блокаде Ленинграда. Общественная инициатива становится маркером многих современных проектов. Среди них следует выделить:

1. Мемориал «Конная, 10» (инициатор Юрий Исаакович Вульф). Он установил на свои средства на стене дома два экрана. На одном из них круглосуточно движутся имена свыше 600 тысяч жертв блокады и звучит аудиозапись публичных чтений имен погибших жителей Ленинграда. По его же инициативе с 2020 года публичное чтение имен проходит в 120 школах Санкт-Петербурга [5].

2. «Комитет 8 сентября». В 2016 году группой петербургской интеллигенции создается «Комитет 8 сентября». Его задача – найти новый способ коммеморации блокады и сделать дату – 8 сентября – «Днем памяти жертв исторической катастрофы». «Праздновать мы умеем, а скорбеть – нет», – сокрушался в 2018 году глава комитета Лев Лурье [6].

3. Проект «Петербург. Дома. Люди» (инициатор проекта Валерий Владимирович Григорчук). Он предлага-

ет установить таблички с QR-кодом—ссылкой на страницу дома, где будет размещен список жителей-жертв блокады. Его проект в чем-то продолжает инициативу Ю.И. Вульфа.[7]

4. Волонтерский проект «Блокада. Найти имя» (инициатор проекта Ольга Харина) направлен на поиск имен ленинградцев - жертв блокады, захороненных на кладбищах города, чьи места погребения не учтены в изданных Книгах памяти [8]. Мемориализация захоронений на кладбищах Петербурга сложная, но решаемая задача. Нужен не только общественный, но, прежде всего, государственный контроль за содержанием блокадных захоронений.

5. Проект «Мемориализация блокадного кладбища на острове Декабристов» (инициаторы Александр Кречмер и Валерий Григорчук) направлен на изучение и сохранение захоронений на о. Декабристов. Это кладбище уникально, там находятся захоронения только блокадников, поэтому основная идея проекта – это придание мемориального статуса каждой бесхозной безымянной могиле [8].

6. Проект «Линия памяти» (координатор сообщества «От Стрелки до Гавани» Дмитрий Михайлович Мантуров). Это уникальный общественный мемориал, созданный жителями Васильевского острова, которые в визуальной и действенной форме сохраняют память о жителях блокадного Ленинграда и участниках Великой Отечественной войны, связанных с Васильевским островом лично или через историю семьи. Ежегодно (с 2021 г.) инициаторы акции во взаимодействии с администрацией Василеостровского района устанавливают стенды с фотографиями в память о рядовых блокадниках у стен ОКН - бывшего особняка Э.Э. Бремме на 12 линии, д.41, где в годы блокады работала «витаминная аптека» (пункт выдачи витаминных пайков, спасавших здоровье и жизни блокадников и

защитников города). Участники акции показывают документы из домашних архивов, старые фото, сканируют письма военных времен, записывают сохранившиеся в семьях воспоминания о блокаде. С 2023 г. к акции присоединились Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), культурный центр ДК Кирова, Центральная районная библиотека им. М. В. Ломоносова, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове и храм Успения Пресвятой Богородицы Санкт-Петербургского подворья Оптиной пустыни [9].

7. Проект «Пространство Университета в годы блокады Ленинграда» (инициаторы Никонова А.А. и Любезников О.А.). Это образовательный проект, в котором основными участниками являются студенты образовательной программы «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Результатом проекта стал анализ воспоминаний студентов и сотрудников ЛГУ и архивных документов о деятельности университета в годы обороны и блокады Ленинграда для выявления топография мест расположения конкретных подразделений в зданиях ЛГУ, и размещение внутри современных зданий СПбГУ Памятного знака «Блокадная память» с QR – кодом, в котором дана ссылка на сайт с информацией об истории каждого памятного места. На первом этапе уже собран материал по двум зданиям: здании Двенадцати коллегий и зданию Новобиржевого гостиного двора и размещены восемь Памятных знаков [10].

Подводя итог нашему исследованию мемориальных практик о событиях блокады Ленинграда следует отметить, что механизмы коммеморации являются сложными и амбивалентными феноменами культуры. В них сочетаются элементы как социальной деструкции, так социальной конструкции. Исследователи считают, что формирование исторического сознания длительный процесс и только на

четвертой ступени он завершается на основе всестороннего осмысления прошлого во всей его противоречивости и сложности как на конкретно-историческом, так и на теоретическом уровнях [11].

В связи с этим возникает важный для культуры увековечения в целом вопрос: должен ли памятник быть самодостаточным с точки зрения информативности (как многие мемориальные доски или монументы с пространственными надписями)? Как быть при отсутствии ясного текста, подробно описывающего не только историческую ситуацию, но мотивацию создания монумента? И как быть, если даже пояснительная надпись фактически имеется, но является собою вкупе с монументом культурный текст, пути и смыслы к пониманию которого (в терминах культурных, а не языковых, конечно, кодов) утеряны или недостает базовых знаний о событиях 1941-1944 гг.? Следовательно, только тогда, когда базовой эрудиции у горожанина достаточно, памятник напоминает, или, даже определенным образом, обогащает знание о предмете увековечения, но в любом случае адекватно воспринимается и тем самым выполняет свою миссию.

Замечательный ученый, физиолог, мыслитель Алексей Алексеевич Ухтомский незадолго до своей кончины в блокадном Ленинграде (август, 1942 г.) так писал в своих записных книжках: «Думали себе, что история есть прошлое, о котором остается писать более или менее успокоительные диссертации и любознательные исследования. А это оказалось – живое будущее, которое требует нас к суду!» [12].

Список литературы

1. Златоустова В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945-1985 гг.) // Музей и

- власть / Отв. ред. С. А. Каспаринская. М.: РИК, 1991. С. 226–298.
2. Басс В.Г. Модернистский монумент для классического города. //Неприкосновенный запас, N. 6 (128) /2019. С.61-84
 3. Павловский А.Ф. Культурная травма и современная историография: «Вторая волна» исследований памяти о блокаде Ленинграда (2016-2021)// Историческая перспектива. №2/2022
<https://www.istorex.org/post/histex-1-2022> (дата доступа 10.09.2025)
 4. Память о блокаде <https://spbcult.ru/articles/istoriya-peterburga/pamyat-o-bloкаде-navigator-po-onlayn-proektam> (дата доступа 10.09.2025)
 5. Дом, который запомнил Вульф Русский мир.
<https://m.rusmir.media/2020/12/05/wulf>
 6. Сара Грушка. Память о блокаде Ленинграда между стагнацией и динамизмом: мемориальные практики. НЛО № 128N36/2019
https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosновенnyy_zapas/128_nz_6_2019/article/21892/ (дата доступа 10.08.2025)
 7. Петербург. Дома. Люди.
<http://www.prisp.ru/images/pdf/blokada.pdf> (дата доступа 15.08.2025)
 8. Лекция о Блокадном мемориальном кладбище на острове Декабристов
<https://turavtospb.orgs.biz/news/908>
<https://spbu.ru/studentam/praktika-po-modeli-kliniki-v-spbgu/prostranstvo-universiteta-v-gody-blokady-leningrada>
 9. Блокадники спасают "витаминную" аптеку. Metro Петербург.
<https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/>

- blokadniki-spasayut-vitaminnyuyu-apteku-1883411/(дата доступа 15.08.2025)
10. Пространство Университета в годы блокады Ленинграда. <https://spbu.ru/studentam/praktika-po-modeli-kliniki-v-spbgu/prostranstvo-universiteta-v-gody-blokady-leningrada> (дата доступа 15.09.2025)
 11. Репинецкая Ю. С. К вопросу о содержании понятий "историческое сознание" и "историческая память". Самарский научный вестник, Том 6. N. 1 (18) /2017: Том 6. N. 1 (18) /2017.
 12. Алексей Ухтомский. Дальнее зрение. Из записных книжек (1896–1941)»: Трактат; Санкт-Петербург, 2017, С.110. <https://kindbook.net/chitat/dalnee-zrenie-iz-zapisnyh-knizhek-1896-1941-uhomskiy> (дата обращения 15.08.2025)

УДК 94(470+571) «1941/1993»

Савельева А.Г.,
*главный хранитель,
Государственный мемориальный музей обороны и блокады
Ленинграда,
г. Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: anna7ismir@yandex.ru*

**Два директора одного музея обороны Ленинграда:
Лев Раков и Людмила Белова**

Savelyeva A.G.,
*Chief Curator,
State Memorial Museum of the Defense and Siege of Lenin-
grad,
St. Petersburg, Russia,
Email: anna7ismir@yandex.ru*

**Two directors of the same museum of the defense of Lenin-
grad:
Lev Rakov and Lyudmila Belova**

Аннотация. Доклад посвящен фигурам легендарных директоров Музея обороны Ленинграда, стремившихся в музейных залах раскрыть историю блокады города в период Великой Отечественной войны. Первым директором музея обороны Ленинграда в 1946 г. стал Л.Л. Раков. В фондах сохраняются его личные документы. Музей с 1951 г. был закрыт. Возрождение началось в 1989 г., Л.Н. Белова была первым директором, благодаря ей начали собирать новые фондовые коллекции.

Abstract. The report is dedicated to the legendary directors of the Leningrad Defense Museum, who sought to reveal the his-

tory of the city's siege during the Great Patriotic War in the museum's halls. L. Rakov became the first director of the Leningrad Defense Museum in 1946. The museum was closed in 1951. It was revived in 1989, with L. Belova as the first director.

Ключевые слова: мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, директор Лев Раков, директор Людмила Белова, блокада Ленинграда, возрождение музея, коллекция.

Keywords: Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad, Director Lev Rakov, Director Lyudmila Belova, Siege of Leningrad, Museum Revival, Collection.

Музей в Соляном городке, посвящённый одной из самых страшных страниц в истории Второй Мировой войны – битве за Ленинград и блокаде города, и сам обладает поистине страшной музейной судьбой: он был разрушен, а после возрождён, но уже не в тех масштабах и лишь на части экспозиционных площадей [1, 3].

У истоков создания музея стоял преподаватель, музейщик, фронтовик Лев Раков, а воссоздать музей выпало на долю блокадницы, три десятилетия трудившейся директором музея истории города Людмилы Беловой.

Еще в декабре 1943 г. по постановлению Военного Совета Ленинградского фронта сотрудниками Дома Красной Армии имени С.М. Кирова велась работа по реорганизации выставки «Великая Отечественная война советского народа» (действовала в осаждённом городе) в выставку «Героическая защита Ленинграда», для чего вёлся сбор, учёт документальных материалов о защитниках и сохранение образцов оружия, в том числе, трофейного, и боевой техники.

В 1944 г. решили открывать выставку в нескольких зданиях в Соляном городке. Это были помещения, в которых ранее размещались Сельскохозяйственный музей, институт усовершенствования учителей, завод № 534 и музей народного образования. Здания сильно пострадали после вражеских артобстрелов и попаданий авиабомб, но предстоящие трудности не пугали художников, музейщиков, переживших самые страшные блокадные зимы, привлечённых для создания уникальной крупномасштабной экспозиции. В процессе работы над выставкой название изменилось и стало «Героическая оборона Ленинграда». К Дому Красной Армии был приписан лектор, начальник агитмашины, добровольцем ушедший на фронт в июле 1941 г. майор Раков, ставший ведущим методистом выставки.

Ракова Льва Львовича (1904-1970) [2] можно смело отнести к лучшим представителям культурной интеллигенции Ленинграда 1930-1960-х гг.

С 1992 г. в рукописно-документальном фонде Музея сохраняются копии документов личного дела Ракова: среди характеристик, справок, встречается и машинописная копия со свидетельства из православного Градо-Якутского Кафедрального собора о рождении и крещении 9 июля (ст.ст.) 1904 г. у дочери действительного статского советника Е.Д. Раковой сына Льва вне брака (ГММОБЛ РДФ, Дело № 237 КПНВ 2661 – Ксерокопия свидетельства о рождении Л.Л. Ракова). В Якутске молодая фельдшерница, получившая образование в Петербурге, оказалась после увлечения революционной деятельностью. В якутской ссылке Елизавета Дмитриевна встретила с профессиональным революционером Львом Всеволодовичем Теслером, который стал отцом Льва Ракова, последний с годовалого возраста проживал в городе на Неве.

После окончания средней школы, в 1929 г. Раков получил историческое образование в Ленинградском госу-

дарственном университете, работал экскурсоводом в Русском музее, преподавал в ВУЗах, с 1931 г. - научный сотрудник (с 1937-ученый секретарь) Государственного Эрмитажа, где за десять лет сформировался его талант администратора, успешно возглавлявшего выставочные проекты. Среди них особенно известные: «Пушкинская выставка», «Военное прошлое русского народа» и «175-летие Эрмитажа»; в эти годы были напечатаны работы по древней истории и по военной истории России XVI-XIX вв., за которые ему без защиты в Университете была присуждена ученая степень кандидата исторических наук (1938 г., и ученое звание доцента).

За годы службы на Ленинградском фронте Раков был награждён медалью «За оборону Ленинграда», орденом Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», демобилизован в 1949 г. в звании подполковника (ЦА МО РФ. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero93942920> (Дата обращения: 28.10.2025)).

Выставка «Героическая оборона Ленинграда» (торжественное открытие состоялось 30 апреля 1944 г.) имела необыкновенную популярность у ленинградцев, защитников города, многочисленных гостей. Ещё велись сражения в Европе, мировая война ещё не была завершена, а в Ленинграде уже бережно сохраняли память о только что пережитых исторических событиях.

«Нелегкая задача стояла перед устроителями выставки: в короткой срок...надо было собрать...вещественные «первоисточники»: самолеты прославленных лётчиков...орудия лучших артиллеристов фронта...личное оружие погибших героев, их документы, ордена, обгагрённые кровью, комсомольские билеты...такие потрясающие документы, как записная книжка ленинградской девочки Тани Савичевой, листки которой

нельзя читать без гнева и боли» [4, с. 399–400], – вспоминал годы спустя Лев Раков.

В 1946 г. выставка переросла в музей обороны Ленинграда, а первым директором стал Л.Л. Раков. Музей был очень известным местом, здесь успели побывать гости из разных стран, из городов и республик страны Советов, но главное – ленинградцы. В ходе политического репрессивного «Ленинградского дела» 31 августа 1951 г. по Постановлению Совета Министров СССР – все помещения музея были переданы Министерству Военно-Морского флота, предписывалось освободить музейные здания. С ноября по март 1953 г. работала ликвидационная комиссия, на долгие годы о музее обороны Ленинграда было забыто.

Раков с 1947 г. работал директором Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека), но в апреле 1950 г. был арестован («в связи с крупными политическими ошибками, допущенными им на руководящей работе в музее обороны Ленинграда» (ГММОБЛ РДФ, Дело № 237 КПНВ 2662 – Характеристика из ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1949 г.)), отбывал заключение во Владимирской тюрьме в одной камере с писателем и философом Д.Л. Андреевым, академиком медицины В.В. Париным. В соавторстве они сочинили вымышленную пародийную биографическую энциклопедию «Новейший Плутарх». В мае 1954 г. дело было прекращено, Раков был реабилитирован, вернулся в Ленинград, с декабря 1954 до выхода на пенсию в 1962 г. возглавлял Научную библиотеку Академии художеств.

В 2024 г. музей обороны и блокады Ленинграда отмечал 80-летие со дня открытия выставки «Героическая оборона Ленинграда», а также 120-летие со дня рождения Льва Ракова. В выставочном зале № 1, в экспозиции об истории музея демонстрируется письменный стол и кресло

первого директора, которые он приобрёл после возвращения в Ленинград, переданные в фонды внучкой, а также на главной лестнице была установлена мемориальная доска.

В прошлом году мы отметили и 35-летие со дня возрождения Государственного музея обороны Ленинграда, а также 100-летие Л.Н. Беловой.

Белова Людмила Николаевна (1924-1993) родилась в Ленинграде, вместе с отцом, матерью и сёстрами пережила первую блокадную зиму, была эвакуирована в с. Бея Бейского района Хакасской автономной области, устроилась воспитателем в детском саду, вернулась в родной город. Высшее историческое образование получила в Ленинградском педагогическом институте им. М.Н. Покровского. Работала в Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры и возглавляла Центральное хранилище музейных фондов пригородных дворцов-музеев, с апреля 1954 г. была назначена директором Государственного музея истории Ленинграда до 1987 г.

При ней музей города сложился в крупный комплекс со множеством филиалов, миллионной коллекцией. В год двадцатилетия полного освобождения Ленинграда от блокады в особняке Румянцева открылась экспозиция «Ленинград в период Великой Отечественной войны», в которой и до наших дней представлены подлинные предметы, собранные для музея обороны в Соляном городке.

В перестроечном 1989 г. Л.Н. Белову пригласили стать директором воссоздаваемого музея по адресу: Соляной переулок, д. 9. Военные отдали помещения своего бывшего спортзала, чтобы была открыта новая экспозиция музея о блокаде.

Здесь же начали работать первые сотрудники, в том числе, Т.В. Лешукова, тогда студентка исторического факультета ЛГУ: «Меня провели в помещение, которое находилось у лестницы на первом этаже...Здесь справа от две-

ри стоял стол, за которым сидела пожилая статная женщина. Тогда я еще ничего не знала про Людмилу Николаевну Белову... Она сидела совершенно потерянная. И было такое ощущение, что она не понимает, что делать в этой пустоте и с чего начинать. Но когда я под села к ней, и она стала задавать мне вопросы, я поняла, что ошиблась... Передо мной сидела уже не уставшая пожилая женщина, а уверенный в себе руководитель, у которого абсолютно точно есть план возрождения музея» [1, с. 216].

Постепенно, преодолевая множество трудностей, часто идя наперекор пренебрежению, недоверию, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда начал развиваться, собирая коллекцию подлинных свидетельств о жизни простых ленинградцев в условиях военной осады, о судьбах защитников, которые отстаивали право на мирную жизнь города с оружием в руках.

И среди коллекции мемориальных бытовых вещей сохраняется сумка женская из семьи Людмилы Беловой, с которой она и её родные ходили по заснеженным улицам любимого города в блокаду, чтобы выкупить пайку хлеба. По семейной легенде, однажды карточки были утеряны, но спустя несколько дней их нашли, что дало возможность семье Беловых выжить.

Бесценный мемориальный предмет поступил в фондовую коллекцию в 2024 г. от дочери первого директора возрождённого музея Н.Л. Беловой.

Сложно найти двух более непохожих друг на друга ленинградцев: историка-античника, с дворянскими корнями, знатока военного обмундирования, фронтовика, безвинно осужденного «политического» Льва Ракова и бывшей блокадницы, работавшей с семнадцати лет, чтобы прокормить семью, которая в 29-ть лет стала директором музея истории города, возглавляла его более тридцати лет,

и сумевшая вновь открыть музей обороны Ленинграда Людмила Беловой.

Однако их роднит не только профессиональный интерес к истории, блестящее знание музейного дела, но и удивительная ленинградская негибкость, уважение к знатокам своего дела, терпимость к человеческой природе и благородная преданность культуре.

Список литературы

1. Городу и людям: К 80-летию Музея обороны Ленинграда / Под ред. Ю.Л. Буяновой. СПб.: Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2024. 300 с.
2. Лев Львович Раков. Творческое наследие. Жизненный путь / Авт.-сост. А.Л. Ракова. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. 464 с.
3. Музей Ленинградской Победы / Под ред. Ю.Л. Буяновой. СПб.: Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2019. 288 с.
4. Художники города-фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников / Ред.-сост. И.А. Бродский. Л.: «Художник РСФСР», 1973. 443 с.

УДК 94(470+571) «1941/1945»

Светлова Е.А.,

*специалист отдела музейных исследований,
Государственный музей-заповедник «Петергоф», г.
Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: katyasvetlova@mail.ru*

**Роль простого человека в восстановлении дворцово-
паркового ансамбля Петродворца
в первые послевоенные годы**

Svetlova E.A.,

*specialist of the museum research department,
State Museum-Reserve "Peterhof", St. Petersburg, Russia,
E-mail: katyasvetlova@mail.ru*

The role of the common man in the restoration of the Peterhof palace and park complex in the early post-war years

Аннотация. Доклад раскрывает социальные аспекты процесса послевоенной реставрации в Петродворце. Автор, обращаясь к периодической печати середины 1940-х годов, попытался реконструировать коллективный портрет советских рабочих, занятых делом восстановления разрушенных в период Великой Отечественной войны памятников дворцово-паркового искусства.

Abstract. The report explores the social aspects of the post-war restoration process at Peterhof. Drawing on periodicals from the mid-1940s, the author attempts to reconstruct a collective portrait of the Soviet workers engaged in restoring palace and park monuments destroyed during the Great Patriotic War.

Ключевые слова: Петродворец, реставрация, рабочие, газета «По Сталинскому пути».

Keywords: Peterhof, restoration, workers, newspaper "On Stalin's Path".

На сегодняшний день история о восстановлении дворцов и парков Петергофа продолжает изучаться различными специалистами. Также исследуются биографии музейных сотрудников и реставраторов, внесших большой вклад в восстановление знаменитого пригорода Ленинграда. Вместе с тем, немалую роль в восстановлении сыграли простые «рядовые» работники: землекопы, трубоукладчики, камнерезы и т.д. Начиная с 1945 г., когда начались работы для открытия фонтанов первой очереди, энтузиазм работников и их невероятная трудоспособность зачастую служили одним из важнейших факторов в возрождении объектов дворцово-паркового ансамбля точно к сроку. О личной роли многих из этих людей сегодня представляется возможным узнать благодаря такому массовому изданию, как газеты. С 1945 г. в Петродворце издавалась местная газета «По Сталинскому пути», в которой подробно освещались этапы восстановления пригорода. Однако для исследования наиболее интересны такие материалы данной газеты, как описание и график продельваемой работы, заметки репортеров о трудовых заслугах и результатах бригад работников, а также персональные интервью и фотографии энтузиастов-восстановителей.

Благодаря этому источнику и ряду архивных документов, в том числе из ГМЗ «Петергоф», представляется возможным осветить вклад этих людей в возрождение Петродворца. Выявленные из вышеобозначенных источников факты и подробности поспособствуют расширению представления о важности роли как индивида, так и целого

коллектива в общем деле возрождения пригорода из руин. Более того, дополнив историческую картину подробностями о ежедневном подвиге конкретных людей, мы, тем самым, отдадим дань простому человеку, который трудился на благо Петродворца и Родины.

Научное издание

Международная конференция «Философия Победы (к 80-летию Победы в Великой отечественной войне)».

Санкт-Петербургский государственный университет,
20-21 ноября 2025 г.
Сборник статей

Ответственные редакторы: д.филос.н., проф. Н.В.Кузнецов, к.полит. н.,
доц. А.Н. Сунами

Редакторы: д.филос.н., проф. А.В. Алейников, д.филос.н., проф. И.И. Докучаев, д.филос.н., проф. А.А. Львов, д.филос.н., проф. А.Е. Радеев, д.филос.н., проф. А.М. Соколов, д.филос.н., проф. Е.Г. Соколов, к.ист. н., доц. О.А. Любезников, к.филос. н., доц. Е.Э. Чеботарева, М.С. Жарова

Издание печатается в авторской редакции.

Автономная некоммерческая организация
дополнительного профессионального образования
«Институт мира и исследования конфликтов»
197022 Санкт-Петербург, Каменноостровский проспект, д. 67,
литера А, пом. 22-Н
Тел./факс: 8(812)418-26-11 e-mail: fond_conflict@mail.ru;
<http://cdfconflict.com/>; <http://conflictology.ru>